

Островский Виктор, Хой Клэр

Моссад: путём обмана

(Разоблачения израильского разведчика)

О книге

Уход бывшего офицера Моссад Виктора Островского сорвал вуаль таинственности с одной из самых таинственных секретных служб мира и разоблачил её сомнительные и жестокие методы. Во время правления Эхуда Барака в Израиле прошла публичная дискуссия о праве Моссад применять во время расследований физическое насилие. Но в прошлом Моссад пользовался насилием безо всякого стеснения, что доказывают многочисленные покушения, описанные Островским. Виктор Островский показывает методы вербовки и обучения сотрудников израильской разведки. Он также поясняет многие обстоятельства деятельности этой секретной службы, в частности, уничтожение в 1981 г. иракского атомного реактора и операции, связанные с освобождением заложников, борьбой с террористами или поддержкой евреев всего мира. Островский доказывает, что в ходе своей истории Моссад стал государством в государстве, для которого жизнь отдельного человека не имеет никакого значения.

Об авторах

Виктор Островский родился в 1949 г. в Канаде, провёл молодость в Израиле. В 18 лет он стал самым молодым офицером израильской армии. В 1982/1983 гг. был принят на службу в Моссад, но после четырёх лет учебы и разведывательной деятельности уволен при сомнительных обстоятельствах. С тех пор жил в Канаде. Его соавтор Клэр Хой, канадец, родился в 1940 г. Один из самых известных канадских журналистов.

Оглавление

Предисловие	2
Пролог. Операция «Сфинкс»	4
Часть первая. Кадет-16	14
Глава 1. Вербовка	14
Глава 2. На школьной скамье	22
Глава 3. Новички	27
Глава 4. «продвинутые»	35
Глава 5. Первая практика	40
Часть вторая. Внутри и снаружи	46
Глава 6. Бельгийский стол	46
Глава 7. Парик	54
Глава 8. Здравствуй и прощай	60
Часть третья. Пути обмана	69
Глава 9. «Стрела»	69
Глава 10. Карлос	76
Глава 11. «Экзосет»	84
Глава 12. Шах и мат	89
Глава 13. Только в Америке	95
Глава 14. Операция «Моисей»	103
Глава 15. Портовое страхование	109
Глава 16. Бейрут	112
Эпилог	119
Охота на книгу. Послесловие к американскому изданию в мягкой обложке 1991 года	121
Приложение. Отчёты Моссад о структуре секретных служб Дании	126
Вопросник военной разведки Израиля АМАН о сирийских вооружённых силах (1984 год)	127
Словарь основных терминов	130

Посвящаю всем, кто добровольно пожертвовал своею жизнью, хотя её следовало бы беречь.

Виктор Островский

Лидии — моему самому личному и тайному источнику вдохновения.

Клэр Хой

Предисловие

Разоблачить факты, ставшие мне известными благодаря моему выгодному служебному положению за время четырехлетней работы в Моссад, было для меня отнюдь не лёгким делом.

В моей строго сионистской семье мне с детства внушили, что израильское государство не способно на позорные поступки. Что мы, как Давид, ведём непрекращающуюся борьбу со всё время усиливающимся Голиафом. Что кроме нас самих нет никого в мире, кто защитил бы нас — чувство, усиливающееся нашими соотечественниками, пережившими холокост.

Нам, новому поколению израильтян, возродившейся нации, которая вернулась на родную землю после двух тысячелетий изгнания, была доверена судьба всего народа.

Командиров в нашей армии называли «чемпионами», а не генералами. Наши вожди были капитанами у руля большого корабля.

Я чувствовал себя действительно избранным, получив привилегию войти в элиту, как я рассматривал Моссад.

Но извращённые идеалы и эгоистичный прагматизм, замеченные мною в Моссад, в переплетении с жадностью и наглостью и полным отсутствием уважения к человеческой жизни, побудили меня рассказать эту историю.

Из любви к свободному и справедливому Израилю я бросил на чашу весов свою жизнь и выступаю сейчас против тех, кто ответственен за превращение сионистской мечты в нынешний кошмар.

Моссад, которому, как секретной службе, было доверено помогать руководителям государства в определении курса страны, злоупотребил этим доверием. Он действует из соображений собственной выгоды, руководствуясь эгоистическими интересами, и именно он направил нацию на курс, ведущий к войне.

Я больше не могу молчать. Я также не могу ставить на карту правдивость этой книги, пряча реальные события за вымышленными именами. (Хотя я и обозначил фамилии некоторых активных «катса» инициалами, чтобы защитить их жизнь.)

Теперь жребий брошен.

Виктор Островский, июль 1990 г.

За более чем 25 лет моей журналистской деятельности я научился никогда не говорить «нет» никому, кто предложил бы свою историю, как бы неправдоподобно не звучало бы это предложение. История Виктора Островского с самого начала звучала куда опаснее, чем всё, что я слышал до неё.

Как и многие другие журналисты, я слышал уже много историй разных людей, умоляющими голосами объясняющих, почему их историю замалчивают из-за зловредных происков межгалактических заговорщиков. С другой стороны, все журналисты хотя бы раз ощущали то приподнятое настроение, когда предложенная история становится бестселлером.

Однажды в апреле 1988 г. я после обеда сидел на моём обычном месте в ложе для прессы канадского парламента в Оттаве, когда мне вдруг позвонил Виктор Островский и сообщил, что может рассказать о международных событиях, которые меня заинтересуют.

Я тогда только что опубликовал вызвавший большие споры бестселлер «Друзья на высоких постах», рассказывавший о трудностях тогдашнего премьер-министра Канады и его правительства. Виктор сказал, что высоко ценит мой подход к проблемам, вызывающим общественный интерес, и именно потому он решил предложить мне свою историю.

Он не вдавался в детали, а предложил встречу в близлежащем кафе, где мне нужно было послушать его всего 15 минут. После трёхчасовой беседы Виктор всё ещё притягивал к себе всё моё внимание. У него на самом деле была интересная история.

Моей первой проблемой было выяснить, действительно ли он тот, за кого себя выдаёт. Частное исследование через разных людей, затем его готовность назвать фамилии и его открытость быстро помогли мне установить, что он действительно бывший «катса» Моссад.

Многие люди будут недовольны тем, что прочитают в этой книге. Это волнующая история — не хроника возвышенных деяний, свойственных природе человека. Многие увидят в Викторе предателя Израиля. Пусть будет так.

Но я вижу в нём человека, глубоко убеждённого в том, что Моссад — хорошая организация, ставшая злом, вижу человека, чей идеализм разбился под ударами реальности, человека, верящего в то, что Моссад — как и любая другая правительственная организация — должен публично отвечать за свои дела. Даже ЦРУ должно отчитываться перед избранной комиссией Конгресса. А Моссад — нет.

1 сентября 1951 года тогдашний премьер-министр Израиля Бен-Гурион издал директиву, согласно которой Моссад является независимой от министерства иностранных дел разведывательной организацией.

До сегодняшнего дня, хотя каждый знает, что он существует — политики иногда даже хвастаются

его успехами, Моссад во всех отношениях остаётся тайной организацией. Например, о нём ничего не говорится в израильском госбюджете. И имя его руководителя не публикуется, пока тот не уходит в отставку.

Оценки этой книги определяются убеждённо-стью Виктора Островского в том, что Моссад вышел из-под контроля, что даже премьер-министр, который должен его контролировать, не получает правдивых сведений об операциях.

Больше того — премьером манипулируют, чтобы он одобрял действия, которые проводятся в интересах верхушки Моссад, но не в интересах израильского государства.

Разведывательная деятельность по своей природе требует секретности, но в демократических странах некоторые области этой деятельности открыты для народа.

В США, например, директор ЦРУ и его заместители вначале назначаются президентом, затем должны представляться избранному Сенатом комитету по разведке и, наконец, утверждаться большинством Сената.

28 февраля 1989 г. в здании Харта в Вашингтоне, где заседает сенатский комитет по разведке, под председательством Дэвида Л. Боурена этот комитет слушал ветерана ЦРУ Ричарда Дж. Керра, выдвинутого на должность заместителя директора ЦРУ.

Ещё до этих слушаний, Керру пришлось заполнить 45-страничную анкету, где были вопросы о его образовании и профессиональной карьере, но также и о его финансовом положении, земельных участках, о зарплате за последние пять лет, ипотечных долгах, об организациях, членом которых он был и о его общих взглядах на государство и на разведку.

При открытии слушаний сенатор Боурен заметил, что комитету предоставляется редкая возможность, провести открытую проверку. «Хотя и другие страны предусматривают своими законами контроль над действиями их специальных служб, всеохватывающая процедура в нашей стране действительно уникальна».

Помимо прочих заданий, комитет ежеквартально проверяет все программы тайных операций, утверждённых президентом, и устраивает особые слушания, если президент приказывает провести новую тайную операцию.

«У нас нет власти, чтобы предотвратить предложенную тайную операцию путём вето, но в прошлом президенты всегда прислушивались к нашим советам и изменяли или даже останавливали определённые операции, которые, по мнению комитета, были плохо спланированы или были слишком рискованны для интересов безопасности Соединённых Штатов», — сказал сенатор Боурен.

В Израиле же сам премьер-министр, официально ответственный за дела разведок, часто ничего не узнает об операциях до их завершения. А общественность вообще ничего о них не знает. О проверке же деятельности Моссад и его персонала каким-либо комитетом вообще не идёт и речь.

Значение политического контроля над развед-

кой подчеркнул сэр Уильям Стивенсон в предисловии к книге «Человек по прозвищу “Неустрашимый”». Он писал, что разведка необходима демократическому государству, чтобы избежать возможности полного разрушения своей страны.

«Во всё более различающемся арсенале во всём мире разведка является очень важным оружием, возможно, даже самым важным» — пишет Стивенсон. «Но оно, именно из-за своей секретности, и самое опасное. Должны быть проведены мероприятия, чтобы предотвратить злоупотребления. И эти мероприятия должны быть проверены и строго соблюдаться. Но, как и во всех других предприятиях, определяющим остаётся характер и ум ответственных людей. На надёжности контролирующего ведомства основывается надежда свободных людей на жизнь в мире и безопасности».

Другой оправданный вопрос, связанный с историей Виктора — как мог такой мелкий функционер Моссад узнать так много? Но ответ удивительно прост.

Прежде всего, Моссад — маленькая организация.

В книге «Игры разведки» англичанин Найджел Вест (псевдоним члена парламента от Консервативной партии Руперта Оллейсона) пишет, что в штаб-квартире ЦРУ в Лэнгли, штат Вирджиния («путь к которому даже указывают дорожные щиты на Джордж-Вашингтон-Парквэй на окраине Вашингтона, округ Колумбия») работают 25 тысяч человек, «большая часть которых и не старается скрывать в тайне характер своей работы».

А в Моссад работают всего 1200 человек, включая секретарш и уборщиц, всем из которых внушено, что на вопрос об их работе следует отвечать, что они-де работают в министерстве обороны.

Вест также пишет, что «по данным советских перебежчиков в Первом Главном управлении КГБ во всём мире служат примерно 15 тысяч офицеров, из которых 3000 в Тёплом Стане, на юго-западной окраине Москвы, сразу за Московской кольцевой автодорогой».

Так было в пятидесятых годах. В начале девяностых общее число сотрудников КГБ составляло во всём мире около 250 тысяч. Даже кубинская разведка ДГИ только в дипломатических миссиях Кубы по всему миру разместила 2000 своих разведчиков.

Моссад использует — невероятно, но факт! — лишь 30-35 «катса», т.е. оперативных офицеров — «групповодов», вступающих в игру во всём мире в любое время.

Основная причина такого малого количества разведчиков состоит в том — и Вы прочтёте об этом в книге — что Израиль, в отличие от других стран, всегда может опираться на значительный и лояльный потенциал поддержки в еврейских общинах по всему миру. Это происходит через уникальную систему «сайаним», добровольных еврейских помощников.

Виктор вёл дневник о своих действиях и о том, что рассказывали ему другие. Он не особенно силён в орфографии, зато у него фотографическая память на таблицы, планы и другую визуальную

информацию, а такая способность очень важна для разведопераций.

А так как Моссад маленькая и тесная организация, то он быстро получил доступ к секретным компьютерным файлам и к устным отчётам, что совершенно исключено для новичка в таких больших структурах, как КГБ или ЦРУ.

Даже будучи курсантом, он и его товарищи уже могли пользоваться центральным компьютером Моссад, проводя бесчисленные часы за изучением малейших деталей десятков актуальных операций Моссад — так новые рекруты учились, как готовятся и проводятся операции, чтобы избежать ошибок.

Кроме того, уникальное исторически обусловленное совместное пребывание в еврейской общине, убеждение, что, несмотря на политические разногласия, все должны держаться вместе, чтобы защититься от врагов, привело к определённой открытости между коллегами, что невозможно представить, к примеру, в ЦРУ или КГБ. Когда находишься среди своих, можно всё обсуждать — детально и открыто.

Я, конечно, должен поблагодарить Виктора за предоставленную мне возможность вынести на суд обществу историю эту удивительную историю.

Я благодарен также моей жене Лидии за её поддержку проекта, прежде всего потому, что особенность истории даже после завершения рукописи принесла нам больше стрессов, чем вся моя нормальная работа политического журналиста.

Парламентская библиотека в Оттаве была во время моей работы так же рада мне помочь, как и всегда.

Клэр Хой, июль 1990 г.

Пролог. Операция «Сфинкс»

Простительно, что Бутрус Ибн Халим заметил эту женщину. В конце концов, она была блондинкой с эротическим флером, в обтягивающих брюках и туго застёгнутой блузке, открывающей ровно столько, сколько нужно мужчине, чтобы почувствовать желание увидеть больше.

Уже неделю она ежедневно появлялась на автобусной остановке в Вильжюиф на южной окраине Парижа. Там останавливались только два автобуса — местный и идущий в центр Парижа, пассажиров было мало, и не заметить её было просто невозможно. Так и было задумано, хотя Халим об этом не знал.

Был август 1978 года. Привычки женщины казались столь же регулярными, как и его собственные. Каждый раз, когда Халим садился в автобус, она была тут. Чуть позже приезжал на красном двухместном «Феррари» светлокожий голубоглазый хорошо одетый мужчина, забирал блондинку и уносился, бог знает куда.

Халим, иракец, чья жена Замира уже не смогла вынести ни его самого, ни их скучную жизнь в Париже, всю дорогу до работы думал об этой женщине. Времени у него было достаточно. Халим не любил разговаривать с кем-то по дороге.

Иракская служба безопасности инструктиро-

вала его ездить до работы окольными путями и часто их менять. Единственными чётко установленными пунктами были автобусная остановка в Вильжюиф близ его квартиры и станция метро «Вокзал Сен-Лазар».

Там Халим садился на поезд в Сарсель, местечко севернее Парижа, где он работал над совершенно секретным проектом — созданием ядерного реактора для Ирака.

Однажды второй автобус приехал раньше «Феррари». Сначала женщина поискала взглядом автомобиль, затем, пожав плечами, села в автобус. Автобус Халима задержался из-за небольшой «аварии» двумя кварталами раньше, когда его подрезал маленький «Пежо», выехавший с парковки.

Мгновением спустя подъехал «Феррари». Водитель огляделся в поисках девушки, а когда Халим заметил это, то крикнул водителю по-французски, что она села в автобус. Человек удивлённо ответил что-то на английском, поэтому Халим повторил всё уже на английском языке.

Мужчина поблагодарил и спросил Халима, куда его подвезти. Халим назвал ему станцию метро «Мадлен», откуда пешком можно было быстро дойти до «Сен-Лазар», и водитель, Ран С., который представился Халиму как англичанин Джек Donovan, сказал, что им по пути и предложил поехать с ним.

Почему бы и нет, подумал Халим, прыгнул в машину и откинулся на спинку сиденья.

Рыбка заглотнула крючок. И по воле случая, это оказалось удачным уловом для Моссад.

Операция «Сфинкс» завершилась сенсационным авианалётом 7 июня 1981 года, когда израильские истребители-бомбардировщики американского производства в ходе смелой операции уничтожили иракский атомный реактор «Таммуз-17» (или «Озирак») близ Тувейты на окраине Багдада.

Но это случилось лишь после того, как Моссад своими многолетними международными интригами, дипломатическими ходами, саботажем и убийствами затянул строительство атомной установки, но ему так и не удалось совсем остановить её создание.

Страх израильтян перед этим проектом был велик с того момента, как Франция после энергетического кризиса 1973 года подписала соглашение с Ираком, вторым по значению поставщиком ей нефти, о поставке Ираку атомного исследовательского центра.

Нефтяной кризис вызвал большой интерес к атомной энергии, как альтернативному источнику, и страны, располагавшие такой техникой, значительно улучшили свои международные продажи. Франция тогда хотела продать Ираку реактор на 700 мегаватт для производства электроэнергии.

Ирак регулярно утверждал, что его атомный исследовательский центр служит исключительно мирным целям, в основном — электроснабжению Багдада. Израиль с большим основанием опасался, что реактор мог бы быть использован и для производства атомной бомбы, которую можно использовать против Израиля.

Французы гарантировали поставку для двух

реакторов своего обогащенного на 93% урана из военного обогатительного завода в Пьерлятте. Франция была готова поставить четыре партии ядерного горючего Ираку — всего 150 фунтов обогащённого урана — достаточно для атомных бомб.

В то время американский президент Джимми Картер сделал нераспространение ядерного оружия краеугольным камнем своей внешней политики, и американские дипломаты потребовали и от французов, и от иракцев изменить свои планы.

Даже сами французы не очень доверяли иракским мирным намерениям, особенно после того, как Ирак отверг их предложение поставлять вместо обогащённого урана менее опасный материал «карамель», вполне пригодный для производства тока, но не для атомных бомб.

Ирак не сдавался. Соглашение есть соглашение. На пресс-конференции в Багдаде в июле 1980 г. иракский диктатор Саддам Хуссейн насмеялся над израильскими подозрениями, сказав, что много лет сионистские круги в Европе высмеивали арабов, как нецивилизованный и отсталый народ, который только и может, что скакать на верблюдах по пустыне.

Сегодня же вдруг оказалось, как, не моргнув глазом, те же круги утверждают, что Ирак собирается производить атомные бомбы.

Тот факт, что Ирак в конце 70-х годов действительно приблизился к этой возможности, дал повод израильской военной разведке АМАН обратиться к Цви Замиру, шефу Моссад, высокому, худому, лысеющему бывшему генералу с меморандумом с «чёрной маркировкой», что означало высшую степень секретности.

АМАН хотел получить точные сведения «изнутри» о состоянии иракского атомного проекта. Потому Давид Биран, шеф «Цомет» — вербовочно-отдела Моссад, был вызван к Замиру.

Биран, круглолицый толстяк и денди встретился после этого со своими начальниками отделов и поручил им найти иракца, занимавшегося проектом непосредственно в Сарселе, где производился французский реактор для Ирака.

Тщательное двухдневное изучение списков персонала не дало результатов, поэтому Биран позвонил резиденту в Париже Дану Арбелю, блондину и полиглоту, карьерному офицеру Моссад и дал ему необходимые инструкции.

Как и все подобные отделения, резидентура в Париже находится в хорошо защищённом подвале израильского посольства. Арбель, как резидент, по своему положению находится даже выше посла.

Персонал Моссад контролирует диппочту и всю входящую и исходящую корреспонденцию. Он заботится также о конспиративных квартирах («*safe houses*»), которые называют также оперативными апартаментами, только лондонская резидентура, например, располагает более чем сотней таких квартир и ещё пятьдесят снимаются дополнительно.

В Париже также есть определенное число «сайанов», еврейских добровольных помощников Моссад из всех слоёв общества, и один из них, под псевдонимом Жак Марсель, работал в отделе кадров атомного центра в Сарселе.

Если бы проблема не стояла так остро, к нему бы не обращались за нужным документом. Обычно он передавал сведения в устной форме или копировал документы. Взять с собой оригинал документа всегда означает риск быть пойманным и подвергнут «сайана» опасности.

Но в этом случае было решено, что нужно получить именно сам документ, ведь арабские имена подчас вызывают путаницу (арабы часто пользуются разными именами в разных ситуациях.) Чтобы быть уверенным, Марселя попросили достать список всех работающих в центре иракцев.

Так как Марселю всё равно в ближайшую неделю нужно было ехать в Париж на конференцию, его проинструктировали взять с собой в багажник машины, наряду с обычными документами для конференции, ещё и список персонала.

Ночью до этого с Марселем встретился «катса» Моссад — оперативный офицер — и получил от него дубликат ключа от багажника. Марсель должен был в определённое время проехать переулком близ Военной академии. Там он увидит красный «Пежо» с особой наклейкой на заднем стекле.

Машину арендуют специально и поставят перед кафе, чтобы получить там надёжное место парковки, что не так-то легко в Париже. Марсель должен был проехать ещё квартал, а затем вернуться. К этому моменту «Пежо» уехал, оставив Марселю свободное место для стоянки. Потом Марсель должен был просто пойти на конференцию, оставив список персонала в багажнике.

Так как служащие в отраслях промышленности, связанных с национальной безопасностью, часто подвергаются негласному наблюдению, за Марселем по дороге на «рандеву» следила «наружка» Моссад.

Когда двое людей Моссад убедились, что слежки за Марселем нет, они извлекли список персонала из багажника и пошли в кафе. Пока один делал заказ, другой пошёл в туалет. Там он вынул фотоаппарат с четырьмя тонкими телескопическими алюминиевыми ножками, называемыми «когтями».

Это приспособление экономит время, потому что фотоаппарат уже правильно настроен и может использовать специально разработанные фотоотделом Моссад плёнки для мгновенной съёмки — 500 кадров в катушке.

Когда фотокамера установлена, фотограф просто быстро протягивает документы под линзой, управляя затвором с помощью резинки, зажатой в его зубах. Когда таким образом были сфотографированы 3 страницы, шпионы вернули список в багажник Марселя и исчезли.

Имена были срочно компьютерной связью переданы в Тель-Авив с использованием обычной двойной системы кодирования. Каждому слогу соответствует число. Например, имя «Абдул» шифруется так: «Аб» заменяется цифрой «семь». А «дул» — цифрой «двадцать один».

Чтобы ещё усложнить дешифровку, каждое число получает и код — букву или другое число — и это «карманное» кодирование меняется каждую неделю.

Но и тогда каждое послание содержит лишь

половину истории: в одном послании стоит код для числа, соответствующего «Аб», а в другом — код для числа, заменяющего слог «дул». Даже если послание перехватят, оно непонятно для того, кто его расшифрует. Этим путём весь список персонала был отправлен в центр Моссад двумя электронными посланиями.

Когда имена и должности в списке были расшифрованы в Тель-Авиве, их переслали в исследовательский центр Моссад и в военную разведку АМАН. Но так как иракский персонал в Сарселе состоял из учёных, в досье Моссад о них было сказано очень мало.

Ответ шефа «Цомет» был таков: «использовать самый подходящий путь», т.е. избрать самую лёгкую цель. И быстро. Так вышли на Бутруса Ибн Халима. Это оказалось большой удачей, но в тот момент его выбрали из-за того, что он был единственным учёным из Ирака, у которого в списке был указан домашний адрес.

Это означало либо то, что другие больше внимания уделяли своей безопасности или проживали в военном городке близ атомного центра. Кроме того, Халим был женат — только половина иракцев были женаты — и у него не было детей. Для 42-летнего иракца необычно не иметь детей — признак ненормальной, несчастливой семьи.

Итак, уже был намечен объект, теперь нужно было подумать об его вербовке, тем более, что указание из Тель-Авива гласило, что задание должно было быть проведено, как «айн эфес», что на иврите означало — «ошибка недопустима». Для выполнения задания требовались две команды.

Первая — «Йарид», бюро, ответственное за безопасность в Европе, должна была изучить привычки Халима и его жены Замиры и определить, не следят ли за ними иракские или французские службы безопасности.

Затем через маклера-сайана нужно было снять квартиру близ жилища Халима («Сайан» был парижским маклером и мог подобрать апартаменты в нужном районе, не вызывая вопросов.)

Вторая команда — «Невиот», отвечала за необходимые проникновения в жилище, чтобы установить там подслушивающие устройства — «дереву»-«жучок», устанавливаемый в столе или в плинтусе, или «стекло»-«жучок» в телефоне.

Группа «Йарид» в управлении безопасности Моссад состоит из трёх команд по 7-9 человек, из которых две работают за границей и одна в Израиле. Если одну из команд вызывают на операцию, обычно начинаются раздоры, поскольку каждая из команд рассматривает свою работу, как самую важную.

Управление «Невиот» тоже состоит из трёх команд экспертов, обученных получению информации от «неживых» объектов: это включает взлом и фотографирование документов, незаметное проникновение и бесследное исчезновение из помещений для монтажа подслушивающих устройств.

В их оснащение входят дубликаты ключей всех больших отелей в Европе, причём, разрабатываются всё новые методы для открытия дверей, оснащённых кодированными карточками, кодовыми

замками и т.п. Некоторые гостиницы, например, оснащены замками, реагирующими на отпечаток пальца постояльца.

После установки «жучков» в квартире Халима, подслушиванием и записью занялся отдел «прослушки» под названием «Шиклут». Плёнка с записями первого дня была отослана в Тель-Авив, где был определён диалект, и в Париж срочно направили специалиста по подслушиванию, очень хорошо понимавшего этот диалект.

Такого «слухача» называют «маратс». Он должен был продолжать электронное прослушивание и мгновенно передавать результаты парижской резидентуре.

В этот момент проведения операции у Моссад были лишь имя и адрес. Не было даже фотографии иракца, не говоря уже о гарантии того, что он может оказаться полезным. Команда «Йарид» начала с наблюдения за его квартирой с улицы, чтобы узнать, как выглядят Халим и его супруга.

Первый настоящий контакт состоялся двумя днями позже, когда в дверь Халима позвонила молодая красивая женщина с короткой стрижкой и представилась как Жаклин. Это была Дина, сотрудница «Йарид», задачей её было просто подробно рассмотреть жену Халима и идентифицировать её для «наружки».

Дина выдала себя за продавщицу парфюмерии и имела при себе большой ассортимент духов. С «дипломатом» и бланком заказа она ходила от двери к двери по трёхэтажному дому и предлагала свой товар, чтобы не вызвать подозрений. Она так подобрала момент, чтобы позвонить в дверь Халима именно тогда, когда его самого дома не было.

Замира, как и большинство женщин в доме, была в восторге от предлагаемых духов. Неудивительно, ведь цены были намного ниже, чем в магазине. Клиенты должны были оплатить половину стоимости при заказе, а вторую половину — при получении — с обещанием «бесплатного подарка», как только заказ будет исполнен.

Замира даже попросила Жаклин войти в дом и излила ей душу, объяснив, как она несчастна, что у её мужа нет никакого честолюбия, что она из очень богатой семьи и ей очень жаль тратить на свою жизнь собственные деньги.

Самое главное, что она сказала — через две недели она уедет в Ирак, где её матери предстоит сложная операция. В Моссад посчитали, что к её мужу ещё легче будет подступиться, когда он останется один.

Жаклин, выдавая себя за студентку из хорошей семьи с юга Франции, продающую духи чтобы подработать карманных денег, проявила большое понимание забот Замиры. Так как её задание состояло лишь в идентификации женщины, её успех превзошёл все ожидания.

При наружном наблюдении каждую мелкую деталь после каждого шага нужно сообщать команде в конспиративной квартире для анализа и планирования следующего шага.

Это означает обычно многочасовые опросы, повторяющуюся проверку каждой детали, в ходе чего частенько кипят страсти, если значение одного

единственного действия или фразы многократно обсуждается с разных точек зрения.

Члены команды курят одну сигарету за другой, непрерывно пьют кофе, и чем дольше это всё длится, тем сильнее накаляется атмосфера.

В этом случае все были согласны, что Дина (Жаклин), вызвав очевидную симпатию у Замиры, может существенно ускорить процесс. Её следующим заданием было дважды выманить женщину из квартиры. Однажды для того, чтобы команда определила лучшее место для установки «жучков», и второй раз — для самой этой установки.

Это означало, что в квартире нужно было сделать фотографии, провести измерения и взять пробы краски, что изготовить абсолютно точную копию предмета, который, с «жучком» внутри, должен быть незаметно оставлен в комнате.

Как во всём прочем, что предпринимает Моссад, основное внимание уделялось избеганию малейшего риска.

При первом посещении Замира пожаловалась на то, что у неё нет хорошего парикмахера, который смог бы несколько изменить её цвет волос. Когда два дня спустя Жаклин вернулась с товаром (в этот раз специально незадолго до момента возвращения Халима с работы — чтобы идентифицировать и его), то рассказала Замире о её модном парикмахере с левого берега Сены.

«Я рассказала Андре о вас, и он ответил, что охотно сделал бы что-то с вашими волосами», — сказала Жаклин. «Нужно только пара сеансов. Я с удовольствием возьму вас с собой».

Замира мгновенно ухватилась за предложение. Ни у неё, ни у её мужа не было настоящих друзей по соседству и почти никаких других знакомств, так что, возможность избавиться от скуки постоянного сиденья дома и провести несколько вечеров в городе была для неё очень приятной.

Особым подарком для Замиры за покупку духов был модный брелок с колечками для каждого ключа. Жаклин объяснила: «Вот, дайте мне ваш ключ, и я покажу, как этот брелок действует».

При передаче ключа Замира не заметила молниеносное движение, которым Жаклин воткнула ключ в маленькую пятисантиметровую коробочку с крышечкой, которая, обмотанная бумагой, была похожа на какой-то другой подарок.

Коробочка была заполнена пластиковой маской, посыпанной тальком, которая не прилипла к ключу. Стоит положить на мгновение ключ в коробочку и закрыть её, как получится прекрасный слепок, подходящий для изготовления дубликата.

Команда «Невиот» могла бы попасть в квартиру и без ключа, но зачем рисковать возможным разоблачением, если можно войти через дверь, как к себе домой?

Стоит им попасть вовнутрь, они всё равно обязательно закроют бы дверь — на всякий случай и даже подпёрли бы её палкой. Поэтому любой, кто, пройдя мимо поста у дома, попытался бы открыть дверь, решил бы, что замок сломан и пошёл бы искать помощь. Тогда у взломщиков хватило бы времени, чтобы незаметно исчезнуть.

После идентификации Халима, «Йарид» применил метод «неподвижного преследования» — тактику определения ежедневного распорядка человека без малейшего риска. Это наблюдение «по участкам», без хождения по пятам.

Вблизи стоит человек из «наружки» и следит, куда идёт объект наблюдения. Через несколько дней на следующей по маршруту улице стоит другой агент и так далее. В случае с Халимом это было тем более просто, что он каждый день шёл на одну и ту же автобусную остановку.

С помощью «прослушки» Моссад точно узнал, когда Замира улетит домой в Ирак. Услышали и то, как Халим сказал, что ей для контроля безопасности нужно будет сначала зайти в иракское посольство.

Так Моссад был предупреждён и начал действовать ещё осторожней. Но всё ещё никак не могли решить, каким образом можно завербовать Халима. Из-за срочности дела не было времени установить, готов ли Халим к сотрудничеству или нет.

Использование «отера» — агента-араба, используемого для контакта с другими арабами, было сочтено службой внешней контрразведки слишком рискованным. А получить должно было в любом случае, ошибки исключались.

Возникшая было в начале операции надежда на то, что Дина-Жаклин выйдет на Халима через его жену, не оправдалась. После второй встречи в парикмахерской Замира не захотела больше видеть Жаклин.

«Я видела, как ты смотрел на девушку», — сказала она Халиму во время их очередной ссоры. «Пусть тебе не взбредут в голову какие-то глупые идеи, лишь только я уеду. Я тебя знаю».

Так возникла идея с девочкой на остановке и с «катса» Раном С. в образе приметного богатого англичанина Джека Донована. Взятый напрокат автомобиль «Феррари» и кажущееся богатство Донована сделают всё остальное.

При первой поездке в «Феррари» Халим ни слова не промолвил о своей работе. Он утверждал, что студент, хотя уже не молодой, подумал Ран. Халим также упомянул, что его жена уехала, и он с удовольствием хорошо пообедал бы, но, как мусульманин, не может пить вино.

Дононан не сказал ничего определённого о своей работе, чтобы сохранить максимальную гибкость, он только заметил, что занимается международной коммерцией. Он предложил Халиму посетить его виллу в деревне или пообедать с ним, пока жена в отъезде. Но Халим так ничего определённого и не сказал.

Следующим утром блондинка снова была на месте и села в машину Донована. Через день приехал Дононан, но девушки не было, и он снова предложил Халиму подвезти его в город. Ещё он пригласил Халима выпить с ним чашечку кофе.

О своей красивой спутнице Дононан сказал так: «О, она просто маленькая шлюшка, которую я подцепил. Она начала предьявлять большие претензии, и я её прогнал. В какой-то степени, жаль — она была хороша — вы понимаете, в каком смысле. Но с этим здесь нет дефицита, старина».

Халим ничего не рассказал Замире о своём новом друге. Он хотел оставить это для себя.

Когда Замира улетела в Ирак, Донован регулярно подвозил Халима в город и вёл себя с ним всё более открыто. Он рассказал, что на десять дней должен по делам улететь в Голландию.

Он дал Халиму свою визитку — конечно, фальшивую, но с настоящим офисом и секретаршей, на тот случай, если бы Халим захотел бы прийти туда — в хорошем обновлённом здании возле Триумфальной Арки.

В это время Ран (Донован) жил на конспиративной квартире, где он после каждой встречи с Халимом встречался с главой парижской резидентуры для планирования следующих шагов, написания отчётов, слушания плёнок с записями и проигрывания всех возможных сценариев.

Ран каждый раз ехал другой дорогой, чтобы определить, нет ли за ним «хвоста». В конспиративной квартире он менял свои документы и оставлял британский паспорт. Каждый раз ему нужно было писать два отчёта. Один — информационный отчёт, включал специфические детали обо всём, что обсуждалось при встрече.

Второй — оперативный отчёт, отвечал на пять главных вопросов: кто, что, когда, где и почему. Он включал всё-всё, что происходило при встрече.

Этот второй отчёт упаковывался в особый конверт и передавался «боделю» — курьеру, который доставлял сообщения из конспиративных квартир в посольскую резидентуру и наоборот.

Оперативный и информационный отчёты раздельно передавались в Израиль, либо компьютерной связью, либо диппочтой. Оперативный отчёт, к тому же, делился на части, чтобы затруднить дешифровку. В первой части могло, например, стоять: «Я встретился с данным лицом в (см. вторую часть)». «А во второй части называлось место встречи.

У каждого лица два агентурных псевдонима, один информационный и один оперативный. Это лицо, конечно же, этих псевдонимов не знает.

Моссад всегда уделяет особое внимание безопасности связи. Так как он знает, что может сделать сам, то исходит из предпосылки, что и другие страны могут то же самое.

После отъезда Замиры, Халим изменил своим привычкам. После работы он оставался в городе, чтобы поесть в ресторане или сходить в кино. Однажды он позвонил своему другу Доновану и оставил для него сообщение.

Через три дня Донован сам позвонил ему. Халим хотел прогуляться. Донован привёз его в дорогое кабаре на ужин и на шоу. Причём, Донован настаивал на том, что сам за всё заплатит.

В этот раз Халим выпил и весь вечер говорил с Донованом о сделке, которую последний проворачивал — продать старые транспортные контейнеры в Африку, чтобы люди там могли в них жить.

— Африканцы во многих районах очень бедны. Они просто прорезают в контейнерах дыры вместо окон и дверей и живут в них, — сказал Донован. — Я могу получить партию в Тулоне, почти

даром. Я поеду туда в этот уик-энд. Почему бы тебе не поехать со мной?

— Да я только буду тебе мешать, — заметил Халим. — И в бизнесе я ничего не понимаю.

— Чепуха. Дорога туда и обратно долгая, мне хотелось бы ехать с попутчиком. Мы останемся там на ночь, а в воскресенье вернёмся. Ну, чтобы ты делал на выходные?

План чуть было не сорвался, потому что «сайан» на месте испугался. Его заменил «катса» в роли коммерсанта, продающего Доновану контейнеры.

Пока оба договаривались о цене, Халим заметил, что один из контейнеров, поднимаемых краном, проржавел снизу (как и все остальные — и расчёт был как раз на то, что Халим это увидит).

Он отвёл Донована в сторону и сказал ему об этом, вследствие чего Донован получил ещё дополнительную скидку на 1200 контейнеров.

Вечером за ужином Донован дал Халиму тысячу долларов наличными.

— Дружище, возьми их, — сказал он. — Я благодаря тебе сэкономил намного больше, потому что ты заметил коррозию. Хотя, в конце концов, совершенно всё равно, ржавые эти штуковины или нет, но осёл, который их продавал, не мог об этом знать.

Впервые Халим заподозрил, что с его новым другом можно не только приятно проводить время, но и подзаработать.

Для Моссад, который прекрасно знает, что за деньги, секс или психологическую мотивацию (по отдельности или вместе) можно купить почти всё, это означало, что человек действительно «попался». Пришло время перейти с Халимом к настоящей сделке или, по-еврейски, «тахлес».

Когда подтвердилось, что Халим полностью доверяет Доновану, тот пригласил иракца в свой роскошный номер «люкс» в отеле «Софитель-Бурбон» на улице Сен-Доминик, 32.

Он пригласил ещё и Мари-Клод Магаль, молодую проститутку. Заказав ужин, Донован сказал своему гостю, что должен срочно уйти по делам и оставил на столе поддельный телекс, который Халим мог прочесть в качестве доказательства.

— Послушай-ка, мне действительно очень жаль, — сказал он. — Но вы можете спокойно наслаждаться, а потом я позвоню.

И Халим вполне наслаждался со шлюхой. Этот эпизод засняли на плёнку, не обязательно в целях шантажа, а просто, чтобы видеть, что происходило, что говорил и делал Халим. Израильский психиатр уже изучал все детали отчётов о Халиме, чтобы определить, как эффективнее всего завербовать иракца.

В операцию был вовлечён и израильский физик-атомщик, на случай, если его знания понадобятся. Они понадобились — и достаточно скоро. Через два дня Донован вернулся и позвонил Халиму. За кофе Халим заметил, что его друг чем-то озабочен.

— У меня есть шанс заключить суперсделку с одним немецким предприятием. Специальные вакуумные контейнеры для перевозки радиоактивных материалов для медицинских целей. Тут очень мно-

го связано с техникой.

Это всё может принести кучу денег, но я во всём этом совсем не разбираюсь. Они связали меня с одним английским учёным, чтобы тот проверил контейнеры. Но проблема в том, что англичанин запросил много денег за услуги, и я не знаю, можно ли ему доверять. Я боюсь, он как-то сам связан с этими немцами.

— Может быть, я смогу помочь, — сказал Халим.

— Спасибо, но ведь мне нужен учёный, который смог бы проверить эти контейнеры.

— А я и есть учёный, — ответил Халим.

Донован удивлённо посмотрел на него и заметил:

— Что ты имеешь в виду? Я думал, ты только учишься?

— Я должен был сказать так вначале. Но на самом деле я учёный, присланный из Ирака для проведения специального проекта. Я уверен, что смог бы тебе помочь.

Ран позднее говорил, что когда, наконец, Халим открыто сказал о своей профессии, то он почувствовал себя так, будто из него высосали всю кровь, наполнили вены льдом, закупирили и закачали затем кипяток. Получилось! Но Ран не мог выказывать своего воодушевления. Он сохранял спокойствие.

— Послушай, я встречаюсь в субботу с этой бандой в Амстердаме. Выехать нужно за день или два, но как насчёт того, чтобы отправить тебя суббота́тним утром туда на нашем самолёте?

Халим согласился.

— Ты не пожалеешь, — сказал Донован. — Можно заработать кучу денег, если здесь нет ничего незаконного.

Реактивный самолёт, на котором срочно нарисовали эмблему фирмы Донована, был «Лирджет», специально для этого прилетевший из Израиля. Бюро в Амстердаме принадлежало богатому поставщику-еврею.

Ран не хотел переезжать границу вместе с Халимом, чтобы тот не заметил его настоящие документы, а не фальшивый британский паспорт. Таким методом всегда стараются пользоваться при пересечении границы — во избежание возможного разоблачения.

Когда Халим приехал в амстердамское бюро на лимузине, забравшем его в аэропорту, все остальные уже были на месте. Оба коммерсанта были Итцик Э., «катса» Моссад, и Бенджамин Гольдштейн, израильский атомщик с немецким паспортом. Он принёс один вакуумный контейнер в качестве образца, чтобы Халим осмотрел его.

После нескольких вступительных слов Ран и Итцик покинули помещение, якобы для урегулирования финансовых вопросов. А оба учёных должны были обсудить техническую сторону дела.

Общие интересы и знания быстро вызвали обоюдную симпатию. Гольдштейн спросил Халима, откуда тот так хорошо разбирается в атомной промышленности. Это был выстрел наугад, но Халим, совсем позабыв об осторожности, рассказал ему о

своей работе.

Позже, когда Гольдштейн доложил Итцику о признании Халима, было решено пригласить ничего неподозревающего иракца на обед. Рану пришлось придумать повод, чтобы на этом обеде не присутствовать.

За обедом оба мужчины рассказали Халиму о плане, над которым они уже давно работают — продавать атомные установки в страны Третьего мира — конечно, в мирных целях.

— Ваш атомный проект был бы для нас превосходным образцом, чтобы продавать нашу технику этим людям, — сказал Итцик. — Если ты нам смог бы дать деталей, пару планов или что-то в этом роде, мы могли бы заработать целое состояние. Но всё должно остаться между нами. Мы не хотим, чтобы Донован узнал об этом, а то потребует своей доли. У нас есть контакты, а у тебя — «ноу-хау». А он нам на самом деле не нужен.

— Ну, я не уверен, — ответил Халим. — Донован всегда был честен со мной. И не, ну, как казать, не опасно ли всё это?

— Нет. Никакой опасности, — сказал Итцик. — У тебя ведь совершенно нормальный доступ к этим вещам. А мы хотим использовать это лишь, как модель, не более того. Мы хорошо тебе заплатим, и никто ничего не узнает. Ну, как? Такие вещи ведь делаются уже давно.

— Я тоже так думаю, — заметил Халим, всё ещё колеблясь, но соблазнённый перспективой хороших денег. — Но что будет с Донованом? Я не хотел бы работать за его спиной.

— Ты думаешь, что знаешь обо всех его делах? Забудь. Он никогда об этом не узнает. Ты можешь оставаться другом Донована и заниматься бизнесом с нами. Мы ему точно ничего не скажем, иначе он захочет тоже получить свою долю.

Теперь Халим действительно был в ловушке. Возможность разбогатеть возбуждала его. Он доверял Гольдштейну, к тому же, не было похоже на то, что он поможет этим людям смастерить атомную бомбу. А Доновану действительно не стоило бы об этом знать. Почему бы и нет? — подумал он.

Так Халим был официально завербован. И, как и многие другие завербованные агенты, он этого так и не узнал.

Донован дал Халиму за помощь при экспертизе контейнеров 8000 долларов, а на следующий день, после дорогого обеда и развлечения с проституткой в его комнате, счастливый иракец частным самолётом вернулся в Париж.

В этот момент Доновану следовало бы исчезнуть со сцены, избавив Халима от трудной ситуации, в которой тому приходилось бы что-то скрывать от друга.

Он на некоторое время уехал, оставив Халиму телефон в Лондоне на случай необходимости. Донован сказал, что у него бизнес в Англии, и он не знает, как долго он там задержится.

Через два дня Халим встретился со своими новыми партнёрами в Париже. Итцик, более напористый, нежели Донован, хотел получить план иракского атомного объекта со всеми деталями: ме-

сторасположение, мощности и точный график строительства.

Халим сначала согласился без возражений. Оба израильтянина быстро объяснили ему, как копировать документы методом «бумага-бумага» — с помощью специальной бумаги. Её кладут на документ и прижимают книгой или чем-то подобным на несколько часов.

Изображение с документа переходит на бумагу. Бумага внешне остаётся совершенно белой, но при проявлении показывает зеркальное отражение документа.

Когда Итцик потребовал от Халима очередной порции информации, после того, как он каждый раз хорошо эту информацию оплачивал, иракец выказал, так называемую, «реакцию шпиона».

Его бросало то в жар, то в холод, повысилась температура, бессонница и беспокойство — реальные физические симптомы вследствие страха разоблачения. Чем больше делаешь, тем сильнее боишься последствий.

Что делать? Единственное, что взбрело Халиму в голову — позвонить Доновану, своему старому другу. Он точно посоветовал бы что-нибудь. Он ведь знает людей на высоких и таинственных постах.

— Ты должен мне помочь, — взмолился Халим. — У меня проблема, но я не могу рассказать о ней по телефону. Мне тяжело. Мне нужна твоя помощь.

— Для того ведь и нужны друзья, — успокоил его Донован и сообщил, что через два дня прилетит из Лондона и встретится с ним в «люксе» «Софителя».

— Меня обвели вокруг пальца, — скулил Халим и сознался в «тайной» сделке, заключённой им с немецким предприятием в Амстердаме. — Мне очень жаль. Ты был таким хорошим другом. Но деньги соблазнили меня. Моя жена всегда требовала, чтобы я приносил больше денег, чтобы я делал карьеру. Я просто увидел в этом свой шанс. Я был так эгоистичен и так глуп. Прости меня, пожалуйста. Мне нужна твоя помощь.

Донован великодушно всё простил и ответил Халиму: «Так часто бывает в бизнесе». Но выразил подозрение, что немцы на самом деле могут быть агентами ЦРУ. Халима как будто ударило громом.

— Я дал им всё, что было у меня, — сказал он, к большой радости Рана. — Но они требуют ещё и ещё.

— Дай подумать, — сказал Донован. — Я знаю там нескольких человек. Ты не первый тип, ослеплённый деньгами. Пока мы включимся в это дело. Пусть это пойдёт и нам на пользу. Часто такие штуки оказываются не такими страшными, как на первый взгляд.

Этой ночью Донован и Халим поехали в город поесть и выпить. Затем Донован снова снял для него проститутку. «Она успокоит твои нервы».

Так и вышло. Прошло лишь пять месяцев с начала операции. Очень высокий темп для таких дел. Но так как на карту было поставлено слишком много, такой темп считался необходимым. А сейчас

нужна была осторожность. С Халимом следовало обращаться бережно, потому что он был напряжён и испуган.

После жарких дебатов на конспиративной квартире было принято решение о новой встрече Рана с Халимом. Ран должен был сказать ему, что всё это — операция ЦРУ.

— Они меня повесят, — кричал Халим. — Они меня повесят.

— Нет, не повесят. Ты же не на израильтян работал. Всё не так уж плохо. И вообще, кто об этом узнает? У меня с ними договор. Им нужна ещё только одна информация, и они оставят тебя в покое.

— Что? Что я должен ещё им дать?

— Ну, я ничего в этом не понимаю, в отличие от тебя, — сказал Донован и вытащил из кармана бумагу. — Вот, смотри. Они хотят узнать, как отреагирует Ирак, если французы вместо обогащённого ядерного топлива дадут им замену, как там она называется, а, «карамель». Скажи им, и они не будут больше к тебе приставать. Они не заинтересованы, чтобы с тобой что-то случилось. Им только нужны сведения.

Халим ответил, что Ирак хочет получить обогащённый уран, но, как бы то ни было: через несколько дней приезжает Яхья эль Мешад, родившийся в Египте физик, для проверки проекта. Он будет решать такие вопросы для Ирака.

— Ты встретишься с ним? — спросил Донован.

— Да, он будет встречаться со всеми, кто задействован в проекте.

— Здорово. Тогда ты, возможно, получишь эту информацию, и все твои страхи будут позади.

Халим выглядел несколько облегчённо и внезапно заторопился покинуть Донована. Теперь у него были деньги, и он сам снял для себя проститутку, подружку Мари-Клод Магаль.

Эта женщина думала, что передает свои сведения местной полиции, а на самом деле получала лёгкие деньги от Моссад. Когда Халим сказал Магаль, что хотел бы стать её постоянным клиентом, та, по предложению Донована, предложила вместо себя свою подругу.

Теперь Донован настоял на том, чтобы Халим для иракского гостя Мешада устроил обед в ресторане, куда «случайно» пришёл бы и сам Донован.

В назначенный вечер Халим, изобразив притворное удивление, представил египтянину своего друга Донована. Осторожный Мешад, однако, просто поздоровался и предложил Халиму вернуться за их столик, как только Халим окончит беседу со своим другом.

Халим слишком нервничал, чтобы даже поверхностно затронуть с Мешадом тему «карамельи». А учёный не проявлял никакого интереса к объяснениям Халима, что-де его друг Донован может купить почти всё, что его заинтересует.

Поздно вечером Халим позвонил Доновану и сообщил, что ему не удалось вытянуть хоть что-то из Мешада. Следующим вечером, при встрече с Донованом в его «люксе», тот успокоил Халима, за-

явив, что ЦРУ было бы довольно и тем, если бы он сообщил им дату отправки материала из Сарселя в Ирак. А потом его оставят в покое.

В это время Моссад уже узнал от «белого» агента, работавшего в министерстве финансов Франции, что Ирак не согласен с заменой урана в качестве топлива иным материалом. Но Мешад, как ответственный за весь атомный проект Ирака, мог бы стать полезным агентом. Лишь бы была возможность выйти на него...

Замира вернулась из Ирака и увидела, как изменился Халим. Он утверждал, что его повысили и подняли зарплату. Он стал более романтичным и начал приглашать её в рестораны. Они даже собрались купить машину.

Хотя Халим был блестящим учёным, он не был умён с точки зрения здравого смысла. Однажды ночью, вскоре после её возвращения, он рассказал жене о своем друге Доноване и своих проблемах с ЦРУ. Она рассердилась. Больше того — просто впад в ярость, она дважды прокричала, что, может быть, за всем этим стоит не ЦРУ, а израильская разведка.

— Зачем это нужно американцам? — рыдала она. — Кто, кроме израильтян и проклятой дочери моей матери начал бы с тобой разговаривать?

Собственно, она вовсе не была глупа.

Водители обоих грузовиков, которые 5 апреля 1979 года рано утром везли реактивные двигатели для истребителей «Мираж» с завода фирмы «Дассо-Бреге» в ангар в Сейн-сюр-Мер, городе на французской Ривьере близ Тулона, не заподозрили ничего, когда к ним по дороге присоединился третий грузовик.

В современном варианте Троянского коня израильтяне разместили команду из пяти агентов «Невиот» и одного атомного физика, все в обычной дорожной одежде, в большом металлическом контейнере и присоединились к конвою в качестве третьей машины. Их информация базировалась на данных Халима.

Они знали, что охрана всегда более бдительна при вывозе, чем при поставке. Возможно, конвой пропустят вообще без проверки. По крайней мере, израильтяне рассчитывали на это.

Физик специально прилетел из Израиля, чтобы посмотреть, где именно нужно установить взрывчатку на сердечнике реактора, хранящихся на складе, над которыми работали три года подряд, чтобы вызвать наибольшие разрушения.

Один из охранников был новичком, лишь два дня на новой работе, но у него были такие дипломы и рекомендации, что никто не заподозрил бы его в краже ключа, открывающего часть склада, где ожидало своего скорого вывоза в Ирак атомное оборудование.

Согласно инструкциям физика, израильская диверсионная группа привезла пять порций пластиковой взрывчатки и установила их на самых чувствительных местах реакторного блока.

Внимание охраны у ворот внезапно привлёк к себе случай на улице: очевидно, там молодую красивую пешеходку зацепил автомобиль. Она, вроде бы, серьёзно не пострадала. В любом случае, не пострадала её голосовые связки, ибо на голову обес-

кураженного водителя обрушились страшные ругательства.

Постепенно собралась небольшая кучка людей, среди них — диверсанты Моссад, которые перелезли через ограду и подбежали к переднему входу. Они сначала внимательно рассмотрели толпу, чтобы убедиться, вышли ли все французские охранники из опасной зоны.

Затем с помощью специального устройства они поставили на боевой взвод взрыватели. Взрыв разрушил реакторный блок на 60% и принёс ущерб в 23 миллиона долларов. Иракские планы затянулись на несколько месяцев. Удивительно, но добрая часть оставшегося материала в ангаре совсем не пострадала от взрыва.

Услышав глухой взрыв за спиной, охранники сразу же бросились к наполовину разрушенному складу. За это время тихо испарился замешанный в «аварию» автомобиль, а диверсанты и пострадавшая женщина, хорошо подготовленные в своём деле, так же тихо исчезли в близлежащих переулках.

Миссия увенчалась полным успехом. Планам Ирака был нанесён существенный ущерб, а у Садама Хуссейна возникли большие проблемы.

Организация защитников окружающей среды под названием «Группа французских экологов», ранее совершенно неизвестная, взяла на себя ответственность за взрыв, что, правда, совершенно исключалось французской полицией.

Но так как сама полиция ничего не сообщала о своём расследовании, газеты стали выдвигать самые разнообразные версии. «Франс Суар», например, считала, что полиция подозревает в диверсии «ультралевых», а «Ле Матен» утверждала, что сделали всё это палестинцы по заказу Ливии, зато еженедельник «Ле Пуан» указывал на ФБР.

Некоторые другие газеты обвиняли Моссад, но представитель израильского правительства отверг эти обвинения, как «антисемитские».

Халим и Замира после потрясающего ужина в бистро на левом берегу Сены вернулись домой уже после полуночи. Халим включил радио, чтобы послушать музыку и развеяться перед сном. Но вместо этого он услышал сообщение о взрыве близ Тулона. Его охватила паника.

Он бегал по квартире, разбрасывал по сторонам вещи и кричал какую-то чепуху.

— Что с тобой? — спросила Замира. — Ты сошёл с ума?

— Они взорвали реактор, — прорычал он. — Они его взорвали! Теперь они прикончат меня!

Он набрал номер Донована.

Через час старый друг позвонил ему в ответ.

— Только не делай глупостей, — посоветовал он. — Никто не свяжет взрыв с тобой. Приходи завтра вечером ко мне в номер.

Халим всё ещё тряся, когда направился в гости к Доновану. Он не спал, не брился и выглядел очень плохо.

— Теперь меня повесят иракцы, — простонал он. — Или передадут меня французам, а те положат меня под гильотину.

— Но при чём здесь ты? — ответил Донован.

— Подумай. Ни у кого нет никаких оснований, чтобы в чём-то тебя упрекнуть.

— Это ужасно. Ужасно. Могут ли израильтяне стоять за всем этим? Замира думает, что это именно они. Может так быть?

— Ну, хватит, соберись, наконец. О чём ты говоришь? Люди, с которыми я имею дело, не сделали бы такого. Может, это связано с промышленным шпионажем. В этих отраслях всегда много конкурентов. Ты сам мне так говорил.

Халим ответил, что хочет вернуться в Ирак. Его жена тоже намеревается вернуться, а он достаточно долго проработал в Париже. Он не хотел бы больше попасться на глаза этим людям. В Багдад они точно за ним не последуют.

Донован надеялся развеять подозрения Халима об израильском следе и развивал гипотезу промышленного шпионажа. Потом он сказал Халиму, что если тот хочет начать новую жизнь, он мог бы обратиться к израильтянам.

Сделал он это по двум причинам: во-первых, таким образом, Донован мог ещё больше дистанцироваться от израильтян, а, во-вторых, так можно было бы завербовать Халима напрямую.

— Они заплатят. Достанут тебе новые документы и защитят тебя. Им очень хотелось бы знать об атомном объекте всё то, что знаешь ты.

— Нет, я не могу, — ответил Халим. — Не с ними. Я лучше вернусь домой.

Так он и сделал.

Мешад оставался проблемой. Он был одним из немногих видных арабских учёных в области ядерных исследований и в близком контакте с высшими иракскими военными и чиновниками, потому для Моссад представлял особую ценность.

Его хотели завербовать напрямую. Ведь, несмотря на недоброжелательную помощь Халима, многие ключевые вопросы всё ещё оставались без ответа.

7 июня 1980 года Мешад в очередной раз поехал в Париж, в этот раз, чтобы объявить окончательное решение в связи с соглашением. Посещая фабрику в Сарселе, он заявил французским учёным: «Мы изменим лицо арабской мировой истории».

А именно этого и боялся Израиль. Израильтяне перехватили французские телексы о маршрутах поездок Мешада и о его месте проживания (номер 9041 в «Меридьен-Отель»). Потому им легко удалось установить подслушивающую аппаратуру в гостиничном номере.

Мешад родился 11 января 1932 года в Банхаме, Египет. Он был блестящим серьёзным учёным. Его толстые чёрные волосы уже начинали редеть. В паспорте была указана его профессия — профессор атомной физики Александрийского университета.

Позднее его жена Замуба в интервью египетским газетам сообщила, что она с тремя детьми (две девочки и мальчик) собирались улететь в отпуск в Каир. Она говорила, что её муж даже уже купил авиабилеты, когда ему вдруг позвонил чиновник из Сарселя.

Она услышала: «Почему именно я? Я могу послать эксперта». Она заметила, что Мешад вдруг занервничал и рассердился, и подумала, что во

французском правительстве сидит израильский агент, который готовит ловушку для её мужа.

«Это было опасно. Конечно. Он всегда мне говорил, что продолжит выполнение своего задания — конструирование бомбы, даже с риском для своей жизни».

Официальное сообщение французских властей средством массовой информации гласило, что в лифте к Мешаду обратилась проститутка, когда он грозным днем 13 июня 1980 г. в 19.00 возвращался в свой номер на девятом этаже.

Моссад знал, что Мешад любит экстремальный секс, особенно садомазохистский, и его регулярно обслуживает проститутка по прозвищу Мари Экспресс. Ей поручили прийти в отель примерно в половине девятого вечера.

Настоящее имя её было Мари-Клод Магаль, женщина, которую вначале Ран направлял к Халиму. Хотя она уже довольно долго работала на Моссад, Мари не догадывалась, кем были на самом деле её заказчики. Её это и не интересовало, пока они платили деньги.

Было известно, что Мешад крепкий орешек, не такой податливый, как Халим. А так как он оставался в Париже лишь несколько дней, было принято решение обратиться к нему напрямую. «Если он согласится, он завербован. Если нет, он мёртв», — пояснил резидент Арбель.

Он не согласился.

Йегуда Гил, «катса», знавший арабский язык, подошел к двери Мешада незадолго до появления Магаль. Мешад открыл дверь лишь, чтобы увидеть, кто там, но не снял цепочку. Он прошептал: «Кто Вы? Что Вам нужно?»

— Я здесь по поручению правительства, которое готово заплатить много денег за Ваши ответы, — сказал Гил.

— Убирайся, собака, или я вызову полицию, — воскликнул в ответ Мешад.

И Гил исчез. Он сразу же вылетел в Израиль, таким образом, его никак нельзя было заподозрить в причастности к делу Мешада. Мешада ожидала другая судьба.

Моссад не убивает людей, кроме тех случаев, если у них кровь на руках. А у этого человека на руках могла бы быть кровь израильских детей, если бы он продолжил работу над проектом. Зачем же ждать?

Израильская разведка ждала ровно столько, сколько потребовалось Магаль, чтобы развлечь Мешада и через несколько часов уйти. Он должен умереть тихо и счастливо — таково было объяснение.

Когда Мешад уснул, двое мужчин с помощью дубликата ключа открыли комнату и перерезали ему горло. Его окровавленное тело нашла горничная на следующее утро.

Французская полиция заявила, что убийство совершил профессиональный киллер. Ничего не было украдено. Ни деньги, ни документы. Нашли только испачканное губной помадой полотенце на полу в ванной.

Магаль была шокирована, услышав об убий-

стве. Ведь Мешад был ещё жив, когда она ушла от него. С одной стороны, для самозащиты, а с другой, потому что её саму подозревали, она добровольно пошла в полицию и заявила, что Мешад был разъярён в момент её прихода — из-за каких-то людей, обратившихся к нему с предложением о покупке информации.

Магаль рассказала это и своей подруге, бывшей «подружке» Халима, которая, в свою очередь, ничего не подозревая, сообщила обо всём контактёру Моссад.

Поздним вечером 12 июня 1980 года Магаль работала на бульваре Сен-Жермен, когда на углу остановился чёрный «Мерседес», и человек в нём жестом подозвал её.

В этом не было ничего необычного. Но пока она договаривалась с «клиентом», из-за угла выскочил второй чёрный «Мерседес» и на огромной скорости понёсся вниз по улице.

Как раз в нужный момент водитель первой машины сильно толкнул Магаль, так, что она отлетела прямо под мчащийся автомобиль. Она погибла мгновенно. Обе машины растворились в ночи.

Хотя оба — и Мешад и Магаль — были убиты Моссад, внутренние процессы, предшествующие их смертям, проходили совершенно по-разному.

Сначала Магаль. Сомнения относительно её личности подверглись обсуждению в штабе в Тель-Авиве, когда были дешифрованы и проанализированы различные сообщения из Парижа. Тогда стало совершенно ясно, что она пошла в полицию, а это могло бы привести к весьма серьёзным проблемам.

Эта оценка дальше была направлена по инстанциям вверх, возможно вплоть до стола шефа Моссад, где и было принято решение, «вывести её из игры».

Её убийство попадало под категорию «оперативной необходимости», которая возникает при ситуациях, связанных с проведением операций и требует достаточно быстрого решения.

Приказ же на устранение Мешада основывался на сверхсекретной внутренней системе принятия таких решений. В подобном процессе используется формальный «Список приговорённых к казни лиц», требующий личного одобрения со стороны премьер-министра Израиля.

Число фамилий в списке постоянно и резко меняется, от 1-2 — до сотни, в зависимости от масштаба антиизраильских действий.

Просьба внести кого-либо в «Список приговорённых к казни лиц» исходит от шефа Моссад и направляется премьер-министру. Предположим, был совершён теракт против израильской цели, причём жертвой необязательно был еврей.

Например, взрыв бомбы в бюро авиакомпании «Эль-Аль» в Риме, при котором погиб один итальянец. Но и такой теракт считается нападением на Израиль, ведь его цель — запугать людей, чтобы они не летали на самолётах израильской авиакомпании «Эль-Аль».

Затем предположим, что Моссад точно знает виновного — Ахмед Гибриль приказал и/или осуществил теракт. В этот момент Моссад называет

имя Гибриля премьеру, а тот сообщает о нём особой юридической комиссии. Она настолько секретна, что даже Верховный суд Израиля не имеет о ней ни малейшего понятия.

Это военный трибунал, который судит обвиняемых террористов без их присутствия. Он состоит из разведчиков, военных и чиновников министерства юстиции.

Слушания, похожие на обычные судебные заседания, проходят в разных местах, часто на частных квартирах. Как состав трибунала, так и место проведения заседаний меняется в каждом отдельном случае.

На каждое дело назначаются два адвоката. Один из них представляет интересы государства или обвинения, а другой осуществляет защиту, хотя сам обвиняемый ничего о таком «суде» не знает. На основе доказательств суд решает, виновен ли обвиняемый — в данном случае Ахмед Гибриль.

Если его признают виновным, как обычно и бывает на этой стадии, «трибунал» может принять одно из двух решений: либо тайно вывезти человека в Израиль и судить его обычным судом, либо, если это слишком опасно или невозможно, казнить его за рубежом при первой подвернувшейся возможности.

Но перед ликвидацией премьер-министр должен подписать приказ о казни. На практике разные премьеры поступали по-разному. Многие подписывали документ заранее. Другие пытались разобраться, не приведёт ли покушение в данной ситуации к внешнеполитическим проблемам.

В любом случае, одной из первых обязанностей каждого нового израильского премьер-министра является изучение «Списка приговорённых к казни лиц» и решение по подтверждению или отмене казни каждого конкретного человека в этом списке.

7 июня 1981 года, в 16 часов, в ясное, солнечное воскресенье группа из двух дюжин истребителей американского производства F-15 и F-16 поднялась с авиабазы Беэр-Шева (а не из Эйлата, как позднее писали газеты — Эйлат находится в зоне действия иорданского радара).

Они отправились в опасный 90-минутный, более чем тысячекilометровый полёт над вражеской территорией, по направлению к Тувейте на окраине Багдада, чтобы сравнить с землёй иракский атомный реактор.

Их сопровождал самолёт, выглядевший, как грузовая машина «Аэр-Лингус» (ирландцы часто сдавали в аренду арабам самолёты своей авиакомпании, потому что этот не должен был вызвать подозрений).

На самом деле это был израильский самолет-заправщик на базе «Боинга-707». Истребители шли в сомкнутом боевом порядке чуть выше «Боинга» и прямо над ним, так что, всё это выглядело как один гражданский самолёт, летящий по гражданскому коридору.

Самолёты летели «молча», не ведя радиопереговоров, но получали сообщения от самолёта радиорелейной связи и радиоэлектронной борьбы («Backup-Electronic — Warfare & Communication»), в задачу которого входило также создание помех ра-

дарам противника.

Где-то на половине пути, уже над иракской территорией, «Боинг» провёл дозаправку истребителей. (На обратный полёт без дозаправки топлива бы не хватило, а заправляться после атаки было опасно — вдруг будет погоня!).

После заправки авиатанкер развернулся и в сопровождении двух истребителей перелетел Сирию в северо-западном направлении и приземлился на Кипре, как самый обычный гражданский самолёт.

Оба истребителя сопровождали «Боинг» лишь пока он не покинул вражеское воздушное пространство, а затем вернулись на свою базу в Беэр-Шеве.

За это время оставшиеся истребители-бомбардировщики продолжали полёт. Они были вооружены ракетами «Сайдуиндер», бомбами и 2000-фунтовыми бомбами с лазерным наведением, которые наводятся прямо в цель с помощью лазерного луча.

Благодаря сведениям, которыми в своё время израильтянин снабдил ещё Халим, они знали, куда им нужно бить, чтобы нанести самый большой ущерб. Основная задача заключалась в том, чтобы разрушить купол в центре объекта.

Вблизи атомного центра спрятался с рацией в руках ещё один израильский разведчик. Его радиостанция передавала на определённой частоте сильные сигналы для наведения истребителей на цель.

В основном, существуют две возможности поиска цели. Прежде всего — увидеть её. Но при скорости полета свыше 1400 км/ч для этого нужно очень хорошо знать местность, особенно если цель сравнительно невелика.

Нужно ориентироваться по ландшафту, а для этого территория должна быть очень знакома, чтобы определить ориентиры. Но — неудивительно — у израильтян не было возможности проводить над Багдадом учебные полёты своих военных лётчиков. Хотя они дома потренировались на модели атомного центра, прежде чем лететь на настоящую атаку.

Второй метод нахождения цели заключается в использовании пеленгатора, спрятанного вблизи объекта. У установки припрятали одно такое устройство, но на всякий случай — для полной гарантии — попросили французского техника Дамьена Шаспье спрятать и в самом здании чемоданчик с прибором радионаводки.

По непонятным причинам француз замешкался внутри и оказался единственной жертвой необычного авианалёта.

Влетев в воздушное пространство Ирака в 18.30, самолёты с полёта на низкой высоте (чтобы обмануть локаторы), при котором они могли видеть работающих на полях иракских крестьян, незадолго до цели поднялись на высоту 700 метров.

Набор высоты был таким быстрым, что радар противника упустил цель, а заходящее солнце позади самолётов ослепило иракские расчёты зенитных пушек. Затем истребители так быстро снизились, один за другим, что иракцы успели сделать из своих пушек только несколько безвредных выстрелов.

Но они не запустили ни одной зенитной ракеты, и ни один иракский самолёт-перехватчик не поднялся в небо, когда атакующие самолёты повернули на обратный курс и на большой высоте кратчайшим маршрутом — над Иорданией — вернулись домой.

Они оставили за собой разбитую вдребезги мечту Саддама Хуссейна об Ираке — атомной державе.

Сама реакторная установка была полностью разрушена. Огромная куполообразная крыша сорвалась с фундамента, а усиленные боковые стены развалились. Два других больших строения, важные для работы реактора, были серьёзно повреждены.

Сделанная израильскими лётчиками видеосъёмка, позднее предъявленная комиссии Кнессета, показывала, как развалилось ядро реактора, а его куски упали в охлаждающий бассейн.

Премьер-министр Менахем Бегин планировал вначале налёт на конец апреля, поскольку, по сведениям Моссад, реактор должен был заработать 1 июля.

Но он отложил атаку после того, как в газетах появилось высказывание бывшего министра обороны Эзера Вейцмана о том, что Бегин «готовит авантюрную операцию, чтобы улучшить свои шансы на грядущих выборах».

Другая дата операции, 10 мая, ровно за семь недель до парламентских выборов в Израиле 30 июня, тоже была перенесена, потому что Шимон Перес, лидер Партии труда, послал Бегину «личную» и «строго секретную» записку.

В ней он просил Бегина отказаться от нападения, поскольку сведения Моссад «нереалистичны». Перес предсказывал, что атака изолирует Израиль, «как дерево в пустыне».

Через три часа после взлёта, истребители без потерь вернулись на базу. Два часа подряд премьер-министр Бегин со всем своим кабинетом в своём доме на улице Смоленскина ждал доклада.

Чуть раньше семи часов вечера генерал Рафаэль Эйтан, главнокомандующий израильской армией, позвонил Бегину и сообщил об успехе миссии, (последняя её стадия называлась операцией «Вавилон») и добавил, что все люди в безопасности.

Бегин ответил: «Барух хашем», т. е. «Слава Богу».

Спонтанная реакция Саддама Хуссейна так и не стала известна публике.

Часть первая. Кадет-16

Глава 1. Вербовка

В конце апреля 1979 года (я как раз вернулся в Тель-Авив из двухдневной служебной команди-

ровки на подводную лодку) мой флотский командир вручил мне приказ прибыть на встречу на военную

базу Шалишут на окраине Рамт-Гана, пригорода Тель-Авива.

В то время я был капитаном третьего ранга и руководил отделом испытаний военно-морских вооружений в штабе ВМС в Тель-Авиве.

Я родился 28 ноября 1949 года в канадском Эдмонтоне, провинция Альберта. Родители развелись, когда я был ещё совсем ребёнком. Во время войны мой отец служил в Королевских канадских ВВС и на бомбардировщике «Ланкастер» совершил множество боевых вылетов для бомбардировки Германии.

После войны он добровольцем участвовал в израильской Войне за независимость: он был командиром авиабазы Седе-Дов на северной окраине Тель-Авива.

Моя мать тоже послужила своей стране во время войны. Она была водителем грузовика и доставляла грузы для англичан из Тель-Авива в Каир. Затем принимала участие в израильском движении сопротивления «Хагана».

По профессии учительница, она позднее переехала со мной в канадский город Лондон в провинции Онтарио, затем ненадолго в Монреаль, и, наконец, когда мне исполнилось шесть лет, выехала в Израиль и поселилась в Холоне, городе близ Тель-Авива. А отец переехал из Канады в США.

Мать снова на некоторое время выехала в Канаду, но, когда мне было уже 13 лет, в очередной раз вернулась в Холон. Но там она снова не усидела и возвратилась в Канаду, а я остался в Холоне с её родителями.

Мои бабушка и дедушка по материнской линии Эстер и Хайм Марголины в 1912 году со своим сыном Рафой выехали из России, опасаясь погромов. Их второй сын погиб во время погрома. В Израиле у них родилось ещё двое детей: сын Маза и дочь Мира.

Дедушка и бабушка были настоящими израильскими пионерами. Дедушка был бухгалтером, но пока его дипломы не прислали из России, мыл полы в UJA (Объединенном Еврейском Агентстве). Затем он стал главным ревизором и пользовался всеобщим уважением.

Меня воспитали истинным сионистом. Мой дядя Маза во время Войны за независимость служил в элитном подразделении подпольной армии — «Волки Самсона».

Дедушка и бабушка были идеалистами. Подрастком я представлял себе Израиль страной, где течёт молоко и мёд. Страной, ради которой можно пожертвовать всем. Я верил, что эта страна не может совершить ни одного несправедливого поступка, не причинит никому зла и служит примером всем остальным народам.

Если в стране возникали политические или финансовые трудности, я всегда полагал, что проблемы возникают лишь на нижних этажах правительства — из-за бюрократов, но и они, в конце концов, всё исправят. Я верил, что есть люди, защищающие наши права, великие политики, как Бен-Гурион, которым я просто восхищался.

Бегин был для меня тогда воинственным экстремистом, которого я терпеть не мог. Там, где я

вырос, царила политическая терпимость. Арабы для нас ничем не отличались от других людей. Мы ведь жили раньше в мире с ними и, в конце концов, придём вновь к такому миру. Таким было моё представление об Израиле.

Незадолго до моего восемнадцатилетия я пошёл в армию, где мне предстояло отслужить три года. Через девять месяцев я стал лейтенантом — самым молодым офицером ЦАХАЛ того времени.

Во время моей службы я служил на Суэцком канале и на границе с Иорданией. Я видел, как иорданцы изгнали сторонников Организации Освобождения Палестины, а мы позволили иорданским танкам проехать по нашей территории, чтобы окружить палестинцев. Это было странно. Иорданцы были нашими врагами, но ООП была намного опаснее.

Моя военная служба закончилась в ноябре 1971 года, и я на пять лет уехал в Канаду. В Эдмонтоне я занимался самыми разными делами: от рекламы до работы управляющим обойного отдела в универмаге.

Война Судного дня в 1973 году прошла без меня. Но я знал, что война для меня не закончится, пока я сам не приму в ней участия. В мае 1977 года я вернулся в Израиль и поступил во флот.

Прибыв на встречу на базу Шалишут, я оказался в маленьком бюро, где за столом сидел незнакомый мне человек, разложив перед собой несколько бумаг.

— Мы нашли твоё имя в компьютере, — сказал он. — Ты соответствуешь нашим критериям. Мы знаем, что ты уже служишь нашей стране, но есть возможность послужить ей ещё лучше. Тебе интересно?

— Ну да. Интересно. Так о чём речь?

— Сначала несколько тестов, чтобы мы увидели, подойдёшь ли ты нам. Мы тебе позвоним.

Через два дня в восемь вечера меня пригласили в одну квартиру в Херцлии. Меня удивило, что психиатр с нашей военно-морской базы открыл мне дверь.

Это была их ошибка. Доктор сказал, что делает это для службы безопасности и что я никому не должен рассказывать об этом на базе. Я ответил, что всё в порядке.

Следующие четыре часа меня подвергли самым разным психиатрическим тестам: от теста Роршаха до детальных вопросов обо всём, что только можно придумать.

Через неделю меня пригласили на следующую встречу в северной части Тель-Авива возле Байт-Хахаял. Я уже рассказал об этом жене. Мы чувствовали, что за всем этим кроется Моссад. Кто же ещё это мог быть?

Это была первая из многих встреч с человеком, представившемся мне, как Игаль. За ней последовали долгие посиделки в кафе «Скала» в Тель-Авиве. Игаль всегда повторял, насколько это важно и ободрял меня. Я заполнял сотни формуляров с вопросами:

«Как ты отреагируешь, если тебе придется убить человека ради своей страны? Важна ли для тебя свобода? Есть ли вещи важнее свободы?»

Такие дела. Так как я был почти абсолютно уверен, что за всем этим стоит Моссад, мне было понятно, какие ответы им нужны. А я обязательно хотел вступить в эту организацию.

Подобные встречи проходили каждые три дня. Процесс затянулся на четыре месяца. Однажды на одной военной базе меня подвергли серьёзному медицинскому обследованию. При обычном армейском медосмотре 150 парней одновременно стоят в очереди. Как на фабрике.

А тут было подготовлено 10 помещений для обследований, в каждом сидели врач и медсестра, и все они ждали только одного меня. Каждому доктору понадобилось потратить на меня примерно полчаса. Они провели самые разные обследования. Даже дантист был. Я как-то почувствовал себя чуть ли не важным лицом.

Но и после всего этого у меня не было точной информации о работе, которую они обязательно хотели мне предоставить. Но я, со своей стороны, хотел принять её любой ценой, какой бы она ни была.

В конце концов, Игаль сообщил мне, что тренировка для работы большей частью пройдёт в Израиле, но я не смогу жить дома. Мне будет разрешено встречаться с семьёй каждые 2-3 недели. Затем меня пошлют за границу, потому что я смогу видеть жену и детей только раз в месяц.

Я ответил, что для меня это слишком редко. Мне такое не подходит. Но когда он попросил меня подумать, я всё же согласился. Затем они позвонили моей жене Белле. Следующие восемь месяцев они постоянно нервировали нас по телефону.

Так как я уже служил в армии, у меня не было чувства, что я не сослужил службу своей стране. Это было нечто вроде компенсации. В то время я стоял на довольно правых позициях — в политическом смысле, не в социальном.

В то время я думал, что это две разные вещи, по крайней мере, в Израиле. Всё равно, я хотел эту работу, но не хотел на такое долгое время разлучаться с семьёй.

Тогда мне не сказали точно, для какой работы меня собирались использовать. Но позже, вступив все-таки в Моссад, я узнал, что меня готовили для отдела «Кидон» («Штык»), подразделение профессиональных убийц отдела «Метсада» («Метсада», сейчас называется «Комемиуте», отвечает за боевые подразделения и нелегальную, в том числе силовую разведку).

В 1981 году я ушёл с флота. Как дипломированный художник, я решил открыть своё дело и стал делать росписи на стекле. Я сделал несколько и попытался продать, но вскоре понял, что в Израиле такое искусство не особо популярно, видимо потому, что оно напоминало людям о христианских церквях.

Правда, некоторые заинтересовались процессом их создания, потому что я преобразовал лавку в школу-студию, где учил людей подобным росписям.

В октябре 1982 года я получил телеграмму с номером телефона, по которому я должен был позвонить в следующий четверг между 9 и 19 часами. Я должен был спросить Дебору. Я позвонил.

Мне назвали адрес на первом этаже «Хадар-Дафна-Сентер», офисного центра на бульваре Царя Саула в Тель-Авиве. Позже я узнал, что это штаб-квартира Моссад — одно из тех серых, безыскусных бетонных сооружений, которые так любят строить в Израиле.

Я вошёл в приёмную. Справа стояла скамейка, а слева на стенке висела маленькая неприметная табличка: «Приём на работу. Служба безопасности». Мой прошлый опыт всё ещё преследовал меня. Я на самом деле чувствовал, что тогда я упустил что-то важное.

Я был так взволнован, что пришёл на час раньше. Потому что поднялся в кафетерий на второй этаж, доступный всем посетителям. Сбоку от здания размещены частные магазины, что придаёт всему комплексу вид обычного торгового центра.

Но штаб-квартира Моссад спрятана — здание внутри здания. Я купил себе сэндвич — никогда этого не забуду. Пока я ел, я оглядывался по сторонам и спрашивал себя, пригласили ли ещё кого-то, кроме меня.

Когда пришло время, я спустился по лестнице к комнате с табличкой и оказался в маленьком бюро с большим светлым столом. Другой мебели было мало. Стояла урна с крышкой, телефон, на стене висели зеркало и фотография мужчины, показавшегося мне знакомым. Но я так и не вспомнил, кто он.

Хорошо выглядевший человек за столом открыл тонкую папку, взглянул в неё и сказал: «Мы ищем людей. Наша основная задача — спасение евреев во всём мире. Это трудная работа, и она может быть опасной. Больше я пока ничего не могу сказать, пока ты не пройдёшь кое-какие тесты».

Потом он объяснил, что мне будут звонить по окончании каждой серии тестов. Если я провалюсь хотя бы на одном испытании, то мне придётся всё забыть. Если выдержи, то получу инструкции на следующий тест

— Если ты провалишься или выбудешь, ты не можешь больше выходить на контакт с нами. Пересмотра решения быть не может. Решаем мы, вот и всё. Понятно?

— Да.

— Хорошо. Ровно через две недели приходи сюда в 9.00, чтобы мы начали тесты.

— Означает ли это, что с того момента я редко смогу видеться с семьёй?

— Нет.

— Хорошо, я приду сюда через две недели.

Когда пришёл этот день, меня привели в большое помещение. Там за школьными партами сидели девять человек. Каждому выдали анкету на 30 страницах — с персональными вопросами и разными тестами.

Всё было направлено на выяснение, кто такой этот человек, что и как он думает. Когда мы эти анкеты заполнили и сдали, нам было сказано: «Мы вам позвоним».

Через неделю мне приказали встретиться с человеком, который проверил, насколько хорошо я знаю английский язык, на котором я говорю без всякого израильского акцента.

Он спрашивал у меня значение всевозможных сленговых выражений, но он и сам поотстал в некоторых понятиях, как, например, «fag out» (очень необычно, экстремально). Он спрашивал меня о многих городах в Канаде и в Америке, об американском президенте и тому подобных вещах.

Встречи тянулись более трёх месяцев, но, в отличие от первого раза, все они проходили в бюро в центре города. Меня снова проверяли медики, но в этот раз я не был один.

Дважды меня проверяли на «детекторе лжи». И ещё нам постоянно говорили, чтобы мы ничего не рассказывали другим рекрутам о себе: «Храните всё при себе».

С каждой новой встречей я всё более беспокоился. Человек, интервьюировавший меня, назвался Узи, позднее я познакомился с ним поближе. Это был Узи Накдимон, начальник вербовочного отдела. Перед последним тестом они захотели вдруг поговорить и с Беллой.

Встреча с ней продлилась шесть часов. Узи спрашивал её обо всём, не только обо мне, но и о её политическом прошлом, её родителях, её сильных и слабых сторонах, и очень подробно — о её отношении к государству Израиль и его положению в мире. В качестве молчаливого наблюдателя присутствовал и психиатр.

Затем Узи позвонил мне и приказал прибыть в понедельник в семь часов утра. Мне нужно было взять два чемодана с разной одеждой — от джинсов до костюмов. Это будет мой завершающий трёх-четырёхдневный тест.

Затем он пояснил, что в программу обучения включена двухлетняя тренировка, и что моя зарплата будет повышена по сравнению с моим нынешним воинским званием. Неплохо, подумал я. Сейчас я капитан третьего ранга, а стану полковником.

Я на самом деле был взволнован. Наконец-то! Я чувствовал — происходит что-то особенное, но позже я узнал, что так же расспрашивали тысячи других людей. Они проводят курс примерно каждые три года, когда соберут достаточно людей.

В конце остается 15, иногда проходят все, иногда никто. Заранее определённого результата нет. Они говорят, что для отбора 15 человек тестируют пять тысяч. Они ищут правильных людей, не обязательно лучших. Это большая разница.

Большинство экзаменаторов — люди из внешней службы (field people) и ищут они совершенно специфические таланты. Но не показывают этого. Они просто дают тебе почувствовать, что ты особенный и именно потому избран для тестов.

Незадолго до назначенного дня курьер принёс мне домой письмо, ещё раз подтверждавшее дату и место и напоминавшее о необходимости прихватить с собой одежду на разные случаи жизни. Там было ещё сказано, что я не должен пользоваться своим настоящим именем.

Мне нужно самому выбрать себе псевдоним и написать его на прилагающейся бумажке вместе с короткой биографической историей — «легендой» для создания моей новой личности.

Я назвался Симон Лахав. Симон — имя моего отца, а «лахав» на иврите означает «лезвие». Что-то

похожее на мою настоящую фамилию, в которой на русском или на польском языке тоже присутствует нечто острое.

В качестве профессии я выбрал ремесло свободного художника, я знал это дело и мог воспользоваться своим опытом, подробностей я не называл. Я назвал адрес в Холоне, потому что знал, что там находится лишь пустырь.

Дождливым январским днём 1983 года я прибыл точно в назначенное место в 7 часов утра. В группе я встретил двух женщин и восемь мужчин, и ещё трёх или четырёх инструкторов.

Сначала нам дали конверты с нашими «легендами», а затем на автобусе привезли к знаменитому отелю «Кантри-Клуб» на окраине Тель-Авива по дороге на Хайфу. ОТЕЛЬ этот известен своими самыми лучшими в Израиле возможностями для отдыха.

Нас по парам распределили по двухместным номерам, чтобы мы разместили там свои вещи. Затем мы должны были собраться в Подразделении 1.

На холме выше «Кантри-Клуба» расположена, так называемая, летняя резиденция премьер-министра. На самом деле это «Мидраша», Академия Моссад.

В тот первый день я взглянул вверх на холм. Каждый израильтянин знает, что это место как-то связано с Моссад, и я спросил себя, не попаду ли я, в конце концов, туда, если выдержу испытания здесь внизу.

Мне тогда казалось, что все здесь собрались, чтобы экзаменовать меня. Это походило на паранойю, но ведь паранойя — это «плюс» в нашем деле.

Подразделение 1 занимало большое приёмное помещение с длинным столом посередине, где уже был накрыт прекрасный завтрак. Там был невероятный буфет с таким количеством блюд, какого я себе раньше не мог и представить. Ещё там был метрдотель для исполнения наших особых пожеланий.

Кроме десяти курсантов там завтракали ещё с дюжину человек. В 10.30 мы прошли в соседнюю комнату, где в центре тоже стоял длинный стол. За него уселись курсанты, а остальные разместились за столиками у стены.

Нас никто не торопил. Мы хорошо позавтракали, в конференц-зале можно было выпить кофе, и каждый, как обычно, курил одну сигарету за другой.

Узи Накдимон обратился к группе: «Добро пожаловать на серию тестов. Мы проведём здесь три дня. Не делайте ничего того, что, как вам кажется, от вас ждут. Во всех ситуациях пользуйтесь своей головой. Мы ищем людей, которые нам нужны. Вы уже прошли через многие испытания.

Теперь мы хотим быть совершенно уверены, что вы — правильные люди. У каждого из вас будет свой инструктор. Каждый из вас получил для конспирации имя и профессию. Постарайтесь сохранить эту «легенду», но одновременно вы должны постараться разоблачить любого другого за этим столом».

В то время я ещё этого не знал, но мы были первой тест-группой, в которой были женщины.

Под политическим давлением было решено подготовить в Моссад и женщин-«катса». Тогда решили взять нескольких, просто чтобы проверить, что из этого выйдет.

Понятно, никто не рассчитывал, что эти женщины выдержат тест. Это был лишь политический жест. Конечно, в Моссад есть агенты-женщины, но ни одна из них не стала «катса» — оперативным офицером.

С одной стороны, женщины более уязвимы, но главная причина в другом. Основной целью Моссад являются мужчины. Арабские мужчины. Их, естественно, может водить за нос женщина. Но ни один араб на женщину работать не станет. Потому женщина не сможет завербовать араба.

Мы, десять рекрутов, начали представляться со своими «легендами». Пока один рассказывал, другие задавали ему вопросы. Время от времени что-то спрашивали и руководители тестов, сидевшие за нами.

Моя история была достаточно неопределённой. Я не хотел говорить, что работал-де в такой-то фирме — вдруг эту фирму кто-то знает. Я сказал, что у меня двое детей, но превратил дочерей в мальчиков — пользоваться реальными фактами не разрешалось.

Но я хотел в своей «легенде» быть максимально близко к действительности. Это было просто. Я не чувствовал никакого давления. Скорее это была игра, доставлявшая мне удовольствие.

Упражнение длилось около трёх часов. Однажды, я как раз задавал вопрос, один из экзаменаторов с блокнотом наклонился ко мне: «Простите, как вас зовут?» Мелочи, для проверки бдительности. Расслабляться нельзя.

Когда заседание завершилось, нам приказали вернуться в номера и переодеться в уличную одежду. «Вы пойдёте в город».

Нас разбили на группы по три «студента». Каждая группа с двумя инструкторами села в машину. Приехав в Тель-Авив, мы встретили на углу бульвара Царя Саула и Ибн-Гевироль ещё двух инструкторов. Было примерно 16.30.

Один из инструкторов обратился ко мне: «Видишь балкон на третьем этаже? Постоить здесь и подумай три минуты. Потом я хочу, чтобы ты вошёл в дом, а через шесть минут я хочу увидеть тебя с владельцем или жильцом этой квартиры на вон том балконе со стаканом воды в руке».

Я испугался. У нас не было удостоверений личности, а в Израиле за отсутствие документов грозит наказание. Нам сказали, что мы всегда должны пользоваться псевдонимами, что бы ни произошло.

В Израиле не разрешается даже гулять по улице без документов. А нас инструктировали, что мы должны придерживаться «легенды», даже если возникнет конфликт с полицией.

Так что же делать? Первая проблема — точно узнать, к какой квартире относится указанный балкон. После короткой паузы, показавшейся мне вечностью, я сказал инструктору, что готов.

— Как в принципе ты решишь проблему?

— В принципе, я снимаю фильм, — ответил я.

Хотя инструкторы ожидали от нас быстрых спонтанных действий, они, тем не менее, хотели, чтобы мы действовали по какому-то, пусть грубому плану, а не по арабскому принципу «Ала баб Аллаха», то есть: «Будь что будет, на всё воля Аллаха».

Я быстро вошёл в дом и поднялся по лестнице, считая этажи, чтобы попасть в нужную квартиру. Женщина лет шестидесяти пяти открыла мне дверь.

— Здравствуйте, — сказал я на иврите. — Меня зовут Симон. Я работаю в отделе общественного транспорта. Вы ведь знаете, тут на перекрёстке всегда происходят аварии. Я помолчал, чтобы проверить её реакцию.

— Да, да, я знаю, — ответила она (если вспомнить, как ездят израильтяне, то можно с уверенностью сказать, что на большинстве перекрёстков происходит много аварий, так что моё утверждение не было слишком уж рискованным).

— Мы охотно бы арендовали ваш балкон, если можно.

— Арендовали мой балкон?

— Да. Мы хотим снять на киноплёнку этот перекресток внизу. Наши люди не будут вам мешать. Мы просто поставим камеру на балконе. Можно мне взглянуть, устроит ли нас вид отсюда? Если получится, устроят вас тогда пятьсот фунтов?

— Да, конечно, — ответила женщина и провела меня на балкон.

— О, извините, ещё раз простите за беспокойство, но не дадите ли Вы стакан воды? Сегодня так жарко.

Вскоре мы вдвоём стояли на балконе и смотрели вниз.

Я чувствовал себя превосходно. Я видел, как все наблюдают за нами. Когда женщина отвернулась, я поприветствовал их своим стаканом. Я записал имя и телефон старушки, сказал, что мы проверим ещё несколько точек, и, если её балкон нас устроит, сообщим ей.

Пока я спускался, другой «студент» пошёл выполнять своё задание. Он подошёл к банкомату, где ему нужно было одолжить сумму, соответствующую десяти долларам у любого человека, который пользовался бы этим банкоматом.

Он сказал, что ему нужно такси, чтобы отвезти жену в больницу — она рождает, а у него сейчас нет при себе денег. Ему дали деньги, он записал имя и адрес, чтобы вернуть их.

Третьему «студенту» не повезло. Ему тоже нужно было попасть на балкон одного из домов. Сначала ему удалось проникнуть на крышу под предлогом проверки телевизионной антенны.

Когда же он пришел в нужную квартиру и спросил владельца, может ли он с его балкона взглянуть на антенну, то оказалось, что именно этот человек работает в фирме, устанавливающей антенны.

— О чём это вы, — спросил хозяин. — С антенной всё в порядке. «Студенту» пришлось быстро сбежать — хозяин грозился вызвать полицию.

После этого упражнения мы приехали на

Хаяркон-Стрит, большую улицу вдоль моря, где находятся все большие гостиницы. Меня завели в холл отеля «Шератон» и попросили подождать.

— Видишь гостиницу напротив — «Базель-Отель»? — спросил инструктор. — Я хочу, чтобы ты зашёл туда и принёс мне имя третьего постояльца сверху в их регистрационном списке.

В Израиле регистрационные книги отелей лежат под столиком, а не сверху. Как и многое другое в нашей стране, они считаются документом для служебного пользования, который не показывают всем желающим.

Уже темнело, когда я переходил улицу, без малейшей идеи решения вопроса. Я знал, что у меня есть поддержка. Я знал, что это лишь игра. Но я волновался. Я хотел успеха, хотя, по здравому размышлению, задание было весьма глупым.

Я решил говорить по-английски — тогда с тобой лучше обращаются. Они подумают, что я турист. Входя в приёмную, чтобы спросить, не было ли для меня сообщений, я вспомнил старую шутку.

Человек звонит кому-то по телефону и спрашивает Дэйва. — Дэйва нет, Вы ошиблись, отвечают ему. Но человек звонит снова и снова, пока тот на другом конце провода не впадает в дикую ярость. А затем звонят еще раз: «Алло, здравствуйте. Я Дэйв. Мне тут ничего не передавали?»

Служащий взглянул на меня: «Вы тут проживаете?»

— Нет, не я, — ответил я. — Но я тут жду одного человека.

Служащий ответил, что сообщений для меня нет. Я сел в холл и ждал, постоянно поглядывая на часы. Через полчаса я снова подошёл к нему.

— Может он уже здесь, а я его не заметил?

— А как его зовут? — спросил служащий. Я промычал какое-то имя, похожее на «Камалунке». Тут служащий достал регистрационную книгу и посмотрел в нее.

— Вы могли бы продиктовать по буквам?

— Я не уверен. Начинается с «С», а может — с «К», — ответил я и склонился над столом, якобы чтобы помочь ему найти имя, а на самом деле, чтобы прочесть в списке третье имя сверху.

Затем, будто только что заметил свою ошибку, я сказал: «О, да я же в «Базель-Отеле». А я думал, это «Сити-Отель». Извините, я ошибся».

Я снова чувствовал себя превосходно. Потом я спросил себя: как, чёрт побери, мои инструкторы проверят, правильное ли имя я им назвал. Но в Израиле у них есть доступ ко всему.

За это время холл отеля наполнился людьми, и оба инструктора вышли вместе со мной на улицу. Теперь пришло время последнего теста, сказали они, передавая мне телефонный микрофон с двумя проводами, на котором висела бумажка для идентификации.

Мне нужно было подойти к телефону-автомату в приёмной гостиницы «Таль-Отель», разобрать трубку, вынуть из неё микрофон, поставить тот, который дали мне, и уйти, оставив всё в рабочем состоянии.

Перед телефоном стояла очередь, но я сказал

себе, что я должен справиться с задачей. Когда подошла моя очередь, я бросил монетку, набрал какой-то номер и прижал трубку к щеке. У меня затряслись колени.

За мной было полно людей. Я выкрутил микрофон из трубки, вынул из кармана записную книжку и дико жестикулировал, делая вид, будто хочу что-то записать. Я зажал трубку между подбородком и плечом и говорил в неё на английском.

Какой-то тип стоял так близко за мной, что я почти чувствовал спиной его дыхание. Я положил записную книжку, обернулся к нему и сказал: «Извините». И как только он отступил на шаг, быстро ввернул в трубку новый микрофон.

За это время кто-то принял мой звонок и спросил: «Алло, кто это?» Но тут я завинтил на место пластиковую часть и положил трубку.

Меня трясло, пока я засовывал в сумку микрофон. Я никогда ничего подобного не делал — ни разу в жизни ничего не крал. Я ощущал слабость, подойдя к инструктору и передав ему заменённую деталь.

Вскоре после этого мы впятером вернулись в «Кантри-Клуб». Разговаривали мы мало. После ужина нам приказали написать детальный отчёт обо всём, что произошло за этот день, не упуская ничего, как бы не показались нам маловажными эти детали.

В полночь, мой сосед и я уставшие сидели перед телевизором, в нашу дверь постучал один из инструкторов. Мне сказали надеть джинсы и пойти с ним. Он подвёл меня к какому-то саду и объявил, что здесь некие люди могут организовать встречу. Вдали выли шакалы, непрерывно пели цикады.

— Я покажу тебе, где именно, — сказал он. — Я хочу узнать, сколько людей тут соберутся, и о чём они будут говорить. А через два или три часа я тебя заберу.

— О'кей, — согласился я.

По засыпанной галькой тропинке он провёл меня вниз к «вади» (высохшему руслу речки, наполняющемуся водой только в сезон дождей). Видно было только маленькую струйку воды и бетонную трубу коллектора диаметром где-то в 50 сантиметров, уходящую под улицу.

— Вот тут, — указал он на трубу, хорошее укрытие. Там лежит пара старых газет, расстели их и ложись.

Вот это было для меня серьёзным испытанием. Я склонен к клаустрофобии — они узнали это из психологических тестов. И ещё я терпеть не могу насекомых — тараканов, червей, и крыс. Я не люблю купаться в озёрах из-за всей этой противной живности на дне.

Заглянув в трубу, я не увидел её конца. Это оказались самые длинные три часа моей жизни. Конечно же, никто не пришёл. Не было никакой встречи. Я старался не уснуть, постоянно напоминая себе, где я, и это заставляло меня бодрствовать.

Наконец вернулся один из инструкторов — Мне нужен полный отчёт о встрече, — сказал он.

— Здесь никого не было, — ответил я.

— Ты уверен?

— Да.

— Может быть, ты уснул?

— Нет, я не спал.

— Итак, я проходил здесь, — сказал инструктор.

— Ты проходил не здесь, а где-то в другом месте. Здесь никого не было.

На обратном пути мне приказали никому об этом не рассказывать.

Следующим вечером всей группе приказали легко одеться. Нас повезут в Тель-Авив, и каждый получит по дому, за которым нужно будет следить. Всё увиденное нужно записывать в блокнот. И нам нужно придумать «легенду», чтобы объяснить, что мы тут делаем.

В восемь вечера два человека на маленькой машине вывезли меня в город. Один из них был Шай Каули, ветеран «катса», с именем которого связано много успехов нашей разведки (см. главу 9 «Стрела»).

Меня высадили за квартал до Дицингофф-Стрит, центральной улицы Тель-Авива. Следить нужно было за пятиэтажным домом, записывая любого, кто заходил в него: когда зашёл, когда вышел, как выглядел, какие окна загорались или гасли и в какое время. Они пообещали забрать меня немного позже, просигналив фарами.

Моей первой мыслью было где-то спрятаться. Но где? Мне сказали, что меня должно быть видно. Я не знал, что меня ожидало. Тут мне пришла в голову идея — просто сесть и рисовать здание. Пока я рисовал, я мог делать все заметки на английском языке на обратной стороне листа.

Если бы меня спросили, чего это я рисую ночью, то я сказал бы, что ночью меня меньше отвлекают, а так как я всё равно рисую в чёрно-белых цветах, то много света мне не нужно.

Через полчаса спокойствие и тишина были нарушены автомобилем, с визгом шин остановившемся передо мной. Из него выпрыгнул мужчина.

— Кто вы, — спросил он.

— Симон Лахав.

— Что вы здесь делаете?

— Рисую.

— Поступила жалоба одного из жильцов. Он предполагает, что вы следите за банком (на первом этаже здания действительно размещался банк.)

— Нет, я рисую. Посмотрите. Я показал полицейскому свой рисунок.

— Не хочу и смотреть на это дерьмо. Давай, садись в машину.

В машине без номеров сидели водитель и ещё один человек на переднем сидении. По радио они передали, что поймали кого-то, а тот, кто впихнул меня в машину, сел рядом со мной. Сидевший на переднем сидении спросил моё имя. Я ответил: «Симон».

Он спросил ещё раз, и как только я собрался ответить, парень рядом со мной ударил меня в лицо и прорычал: «Заткнись!». — Он задал мне вопрос, — сказал я. — Он тебя ни о чём не спрашивал, — последовал ответ.

Я был в шоке. Я спросил себя, где же мои коллеги. Тут сидевший со мной спросил, откуда я. Я сказал, что из Холона. Тогда меня ударил по голове полицейский с переднего сидения и сказал: «Я ведь спрашивал, как тебя зовут!»

Тут я ответил, что я Симон из Холона, тогда тот, кто сидел рядом со мной и заорал: «Ты кто? Ясновидящий?» Он согнул мне вниз голову, выкрутил руки за спину и нацепил наручники. Полицейский ругался как сумасшедший, называя меня вонючим жалким наркодилером.

Я сказал, что просто рисовал, но тот хотел узнать, кто я по профессии. Я ответил, что я художник.

Мы уже отъехали, когда сидевший спереди заявил: «Мы вывезем тебя в город. Там мы тебе покажем». Он взял мои рисунки, порвал их и бросил на пол. Потом приказал мне снять обувь — нелёгкое дело для человека в наручниках.

— Где ты спрятал наркотики? — спросил один.

— О чём это ты? У меня нет наркотиков. Я художник.

— Не расскажешь сейчас, так заговоришь потом. В это время они постоянно избивали меня. Один из полицейских так ударил в челюсть, что, как мне показалось, выбил зуб.

Человек с переднего сидения подтащил меня вперёд, орал мне в лицо, угрожал и все время спрашивал, где наркотики, а водитель бесцельно разъезжал по городу.

Я думал, они просто хотят кого-то помучить. Нашли парня на улице и вымещают на нём свою злость. Я о таком читал. Потому я потребовал отвезти меня в полицейский участок, где я мог бы получить адвоката.

Где-то через час они спросили меня о галереях в Тель-Авиве, где выставлены мои работы. Я знал все галереи города — и знал, что в это время они все закрыты, потому назвал просто одну из них. Когда мы подъехали к ней, я, всё ещё в наручниках, кивнул головой в её сторону: «Вон там мои картины».

Моей следующей проблемой было отсутствие удостоверения личности. Я сказал, что забыл его дома. Тогда они сняли с меня брюки, якобы, чтобы найти наркотики.

Я чувствовал себя неуверенно, но вдруг в конце они смягчились, и, кажется, поверили мне. Я сказал, что хочу попасть туда, откуда они меня забрали, но не знал, как попасть туда. Я утверждал, что у меня нет денег, и мой друг заберёт меня оттуда.

Так мы снова вернулись в тот же район и остановились у автобусной остановки. Один полицейский поднял мои разорванные рисунки с пола машины и выбросил их в окно. Они сняли с меня наручники, но не выпустили из машины.

Один из полицейских писал протокол. Затем появился автобус. Парень возле меня вытолкнул меня на дорогу. Затем он выбросил вслед за мной брюки и ботинки и приказал исчезнуть, пока они не вернулись.

Так я лежал голым на дороге, в то время как из автобуса выходили пассажиры. Но я нашёл свои бумаги и тут почувствовал себя как альпинист, покоривший Эверест. Воодушевление после прекрасной сделанной работы!

Через тридцать минут, когда я оделся и занял своё место у дома, вблизи мигнули фары. Я подошёл к машине и вернулся в «Кантри-Клуб» для написания отчёта. Очень много позже я снова встретил этих «полицейских».

Конечно, никакие это были не полицейские. Оказалось, что все участники тестов встретились в эту ночь с такими полицейскими. Это входило в программу испытаний.

Одного из «студентов» арестовали на площади Кикер Хамдина. Говорят, что эта площадь — символ жизни Израйля. Летом там размещается цирк, а зимой там полно непролазной вязкой грязи.

Вот так и весь Израиль. Полгода грязь и полгода цирк. А этот парень оказался идиотом. Он сказал «полицейским», что выполняет спецзадание, он-де завербован Моссад и это его экзамен. Конечно, этот экзамен он провалил.

Из десяти человек, прошедших тест, я позднее встретил только одну из женщин — в должности «спасателя» бассейна в штабе Моссад по уик-эндам, когда туда могут попасть члены семей сотрудников.

На третий день после завтрака нас вернули в Тель-Авив. Моим первым заданием было войти в ресторан, завязать разговор с описанным мне человеком и договориться с ним о встрече на вечер.

Перед тем, как зайти, я осмотрел ресторан и заметил, что официант буквально пляшет перед этим мужчиной, из чего сделал вывод, что он, возможно, управляющий ресторана. Когда я сел за столик рядом с ним, то увидел, что он читает газету о кино.

Я подумал, что раз однажды мне помог фокус с кино проникнуть на балкон, почему бы не воспользоваться чем-то подобным и в этот раз? Я спросил официанта, могу ли я поговорить с менеджером, потому что я тут собрался снимать фильм и ищу для этого подходящее место.

Я даже не закончил фразу, как появился менеджер и сел рядом со мной. Я сказал ему, что мне нужно осмотреть ещё пару мест, и, если получится, то встречу с ним сегодня вечером. Мы пожали друг другу руки, и я ушёл.

Позднее всех десятерых «студентов» привезли в парк близ бульвара Ротшильда. Им сказали, что мимо пройдёт высокий человек в рубашке в чёрно-белую клетку. Нам нужно незаметно проследить за ним.

Трудно было пройти незаметным, нас было десять, и за нами шли ещё двадцать человек. Это длилось два часа. Тут были типы, следившие за нами с балконов и из-за деревьев, повсюду люди. Но наблюдатели хотели только посмотреть, как мы реагируем, как функционирует наш инстинкт.

Когда учения завершились, и наши отчёты были готовы, нас снова разделили. Меня отвезли назад на улицу Ибн Гевироль, но сейчас машина остановилась перед банком «Хапоалим». Мне поручили узнать там имя управляющего, его домашний

адрес и как можно больше другой информации о нём.

Нужно иметь в виду, что в Израиле никто, никогда и никому не доверяет. Я вошёл в банк и спросил служащего, как зовут управляющего. Служащий назвал имя и попросил подняться на второй этаж.

Я поднялся и снова спросил, как найти мне управляющего. Я рассказал, что я долго жил в Соединённых Штатах, теперь хочу вернуться и перевести большую сумму денег на новый счёт. Потому я попросил поговорить с управляющим лично.

Когда я вошёл в бюро, то заметил на его столе наклейку еврейского масонского ордена «Б'най Брит». Поэтому мы немного поговорили об этом, и он, даже раньше, чем я ожидал, пригласил меня к себе домой.

Его тоже собирались перевести в Нью-Йорк на должность заместителя директора тамошнего филиала. Я рассказал, что я тут только проездом и поэтому у меня пока нет телефона, но я смогу сам позвонить ему, если тот даст мне номер. Он даже предложил мне кофе.

Я говорил с ним о 150 тысячах долларов, якобы чтобы остаться здесь. Но как только я увидел бы, что это всё продлится очень долго, я спросил бы его, сколько еще можно перевести денег.

Финансовые вопросы мы решили минут за 15, потом беседа перешла на совсем дружеские рельсы. Через час я знал о человеке почти всё.

После этого теста меня и ещё двух «студентов» вернули в гостиницу «Таль-Отель» и ждали, пока придут другие. Не прошло и десяти минут, как вошли шестеро. Один указал на меня: «Вот он».

— Пойдём с нами, — сказал другой. — Вы же не собираетесь устроить цирк тут в отеле?

— А в чём дело? — удивился я. — Я же ничего не делал.

— Пойдём, пойдём, — ответил один из них и показал свой полицейский жетон.

Нас троих засунули в фургон, завязали глаза и возили взад-вперёд по городу. В конце нас завели в какое-то здание, всё ещё с завязанными глазами, и развели поодиночке. Я мог слышать шаги входивших и выходивших людей. Затем меня привели в маленькую комнатку, похожую на туалет, где я мог сесть.

Через два-три часа меня вывели. Очевидно, я действительно сидел в какой-то ванной комнате на стульчаке унитаза. Происходило это на первом этаже «Мидраши» — Академии Моссад, но я тогда этого и не подозревал.

Меня привели в другую небольшую комнату с замазанным чёрной краской окном. Передо мной сидел здоровенный человек, похожий на быка. В глазу его было какое-то чёрное пятнышко, казалось, что у него два зрачка.

Вначале он расспрашивал меня мягко. Моё имя. Почему я недавно был в гостинице и раскручивал там телефонную трубку? Не планирую ли я теракт? Где я живу?

Как-то он сказал, что отвезёт меня по моему адресу. Я знал, что это пустырь и рассмеялся. Он

спросил, что тут такого смешного, а я представил себе комическую ситуацию. Ну, привезли бы меня туда, что дальше? Мой дом? Куда подевался мой дом? Я никак не мог остановить смех.

— Это какая-то шутка, — сказал я. — Что вы от меня хотите?

Он ответил, что хочет мою куртку. Это была модная спортивная куртка от Пьера Бальмэна. Он взял её, потом снял всю мою одежду. Меня голого снова впихнули в ванную и перед тем, как закрыть дверь, кто-то вылил на меня ведро воды.

20 минут я сидел голый в одиночестве, стуча зубами. Затем они вернули меня в бюро к тому самому крепкому мужику.

— Тебе всё ещё хочется смеяться? — спросил он.

Так меня водили из кабинета в ванную раза четыре или пять. Как только кто-то стучал в дверь кабинета, меня заставляли прятаться под столом. Так было раза три. В конце человек обратился ко мне: «Не обижайтесь. Это оказалось недоразумением».

Он вернул мне вещи и сказал, что меня вернут туда, откуда забрали. Мне снова завязали глаза, впихнули в машину, но как только водитель включил мотор, кто-то закричал: «Стойте! Верните его! Мы проверили его адрес — там ничего нет».

— Я не знаю, о чём вы говорите, — сказал я, но они опять вернули меня в ванную.

Прошло ещё минут двадцать, пока они не привели меня в бюро и заявили: «Простите, это была ошибка». Они завезли меня в «Кантри-Клуб», извинились ещё раз и уехали.

На четвёртое утро этой первой недели нас всех пригласили на беседу в комнату, одного за другим.

Они спросили: «Что ты думаешь? Всё ли тебе удалось?»

Я ответил: «Не знаю. Я ведь не знаю, что вы хотите от меня. Вы сказали, что я должен постараться, и я старался».

Некоторых расспрашивали минут двадцать, а меня 4-5 минут. В заключение они сказали: «Спасибо. Мы позвоним тебе».

Через две недели они позвонили. Мне нужно было явиться в бюро на следующее утро. Мне удалось попасть вовнутрь. Но только теперь начинался настоящий экзамен.

Глава 2. На школьной скамье

В Израиле многие думают, что их стране угрожает постоянная опасность. Сильная армия не гарантирует ещё безопасности, как я тогда считал.

Известно, что существует огромная потребность в безопасности. И известно, что есть организация под названием Моссад. Официально она не существует, но о ней все знают.

Но это только верхушка айсберга. Ты узнаёшь, что это сверхсекретная организация, а когда тебя отбирают для службы в ней, то кажется, что за всем этим стоит действительно какая-то волшебная сила.

Тому, кто вырос в Израиле, это чувство прибивается с детства. Сначала подросток вступает в молодёжные бригады, где его учат стрелять.

Мне исполнилось 14, а я уже был вторым из лучших израильских стрелков. Я пользовался снайперской винтовкой «Штуцер» и выбивал 192 очка из 200, только на четыре пункта отстав от победителя.

Затем я прослужил несколько лет в армии. Итак, я знал — или, по меньшей мере, думал, что знал, на что иду.

Конечно, не каждый израильтянин слепо марширует строем, но вербовщики Моссад, выискивая новых рекрутов, подбирают именно таких людей, в том числе и с помощью психологических тестов. На такой стадии главная предпосылка — найти тех, кто делает всё, что им скажут. Тот, кто задаёт вопросы, может провалить к чертям всю операцию.

Я тогда был членом Партии труда в Херцлии и достаточно активен в этом городе. Я мыслил довольно либерально, так что всё время чувствовал внутренний конфликт между моими убеждениями и служебным долгом.

Вся система стоит на том, чтобы в самом начале выбрать правильных кандидатов, которых затем подвергнут со временем промывке мозгов и сделают из них идеальных служак. Как гласит поговорка — хочешь раздавить помидоры — выбирай зрелые. Можно помять и зелёные, но зачем? Они ведь твёрдые...

За первые шесть недель не происходило ничего. Я работал в бюро в городе, «девочкой на все случаи жизни» и курьером. Но однажды холодным февральским днём 1984 года меня и ещё 14 других посадили в микроавтобус.

Никого из этих людей я раньше не видел. Все мы порядком волновались, когда автобусик поднялся на вершину холма и, проехав через охраняемые ворота, остановился у двухэтажного здания Академии.

Мы, 15 кадетов, вошли в низкий дом, в большом приёмном зале на его первом этаже стоял теннисный стол. На стенках висели аэрофотоснимки Тель-Авива.

Через стеклянную стену виден был сад во внутреннем дворе, окружённом двумя крыльями здания. Лестница вела на второй этаж. Сам дом был из белого кирпича, пол из светлого мрамора, внутренние стены тоже кирпичные.

Я сразу догадался, что тут мне уже однажды пришлось побывать. Когда меня таскали из крохотной ванной на допрос во время предварительного теста, я сквозь повязку увидел эту лестницу.

Затем появился смуглый седой человек и провёл нас через заднюю дверь в одну из четырёх классных комнат.

— Директор сейчас придет, — сказал он.

Этот класс тоже был большим, с окнами по обеим сторонам, спереди классная доска, а в центре Т-образный стол с диапроектором. Наш курс назывался «Кадет-16», потому что он был шестнадцатым по счёту учебным курсом Академии.

Вскоре мы услышали быстрые шаги по посыпанной щебнем парковке, и в комнату вошли трое мужчин.

Первый был невысоким, хорошо одетым смуглым человеком, второй, которого я сразу узнал, выглядел старше и был похож на учёного, а третий — высокий блондин лет пятидесяти, в рубашке с расстёгнутым воротником и в пуловере, в очках с прямоугольной позолоченной оправой. Он решительно подошёл к доске, пока два других уселись зади.

— Меня зовут Аарон Шерф, — представился он. — Я директор Академии. Добро пожаловать в Моссад. Полностью мы называемся «Ха Моссад, ле Модиин ве ле Тафкидим Майюхадим», то есть Институт разведки и специальных операций. Наш девиз: **«Вести войну путём обмана»**.

У меня перехватило дыхание. Мы знали, что это Моссад, но когда тебе, наконец, говорят, что ты прав, о, Боже, мне нужен был воздух. Шерф, более известный под именем Аралех, сокращённо от Аарон, стоял, прислонившись к столу, и раскачивался вперёд и назад. Он производил впечатление сильного и строгого человека.

— Вы команда, — продолжал он. — Вас избрали из тысяч других претендентов. Мы просеяли бесчисленное множество людей, и в результате остались именно вы. У вас есть все возможности стать теми, какими мы хотим вас видеть. Вы сможете послужить своей стране так, как удаётся лишь немногим.

Я должен пояснить вам, что в нашей организации нет никаких квот. Мы будем рады, когда вы все достигнете цели и возьмёте на себя очень важную работу. Но с другой стороны мы не хотим получить ни одного человека, который не квалифицирован на все 100%.

Потому если даже никто из вас не достигнет цели, то так и будет. В прошлом так уже бывало. У нас уникальное учебное заведение. Вы сами внесёте свой вклад в учебный процесс, реформируя его и изменяя сами. Пока вы лишь сырьё для службы безопасности. А, закончив учёбу, станете самыми квалифицированными разведчиками в мире.

На нашем курсе не будет учителей в обычном смысле слова. У нас только практики, люди, занимающиеся разведкой на месте, уделяя часть времени Академии в качестве инструкторов. Потом они возвращаются на своё место службы. И вас они рассматривают не как студентов, а как будущих партнёров и коллег.

Ничто из того, что мы говорим вам, верно всегда и во всех обстоятельствах. Всё проверяется на практике и различается, в зависимости от конкретного лица и его опыта. Но их знания основываются на опыте, и мы хотим передать их вам.

Другими словами, они поделятся с вами коллективным опытом и знаниями Моссад, приобретёнными ими на практике методом проб и ошибок.

Игра, на которую вы решились, опасна. Учиться нужно многому. Но это не просто игра. И жизнь отдельно взятого человека не всегда последняя ставка в нашей игре. Вам всегда придётся иметь в виду, что в нашем деле мы зависим друг от друга,

иначе нас повесят вместе.

Я директор Академии и учебного отдела. Я здесь всегда, моя дверь открыта. Желаю удачи. А сейчас я оставляю вас наедине с вашими инструкторами.

Он покинул комнату.

Лишь позже я понял иронию, скрытую в надписи на табличке, висевшей над дверью Шерфа. Там была написана цитата бывшего президента США Уоррена Хардинга: «Не делай ничего аморального из моральных побуждений» — послание, которое находилось в вопиющем противоречии с тем, чему учат в Академии.

Пока Шерф говорил, в комнату зашёл ещё один человек. После ухода директора этот невысокий мужчина с североафриканским акцентом быстро вышел на середину и представился:

«Меня зовут Эйтен. Я отвечаю за международную безопасность. Здесь я чтобы рассказать вам пару вещей, но я не займу много вашего времени. Если у вас появятся вопросы, спокойно прерывайте меня в любой момент».

Вскоре мы узнали, что такое пожелание высказывал любой преподаватель в Академии.

— Прежде всего, помните, что у стен есть уши. Техника прослушивания постоянно развивается, и достигла таких возможностей, о которых вы ещё услышите. Но есть и совсем новые разработки, с которыми мы и сами не знакомы. Будьте скрытными. Мы знаем, что все вы прошли военное обучение. Но те тайны, с которыми вы столкнётесь здесь, намного важнее. Пожалуйста, всегда помните об этом.

Затем — забудьте само слово «Моссад». Забудьте! Я не хочу его больше слышать. С этого момента говорите не Моссад, а «Бюро». В любой беседе — Бюро. Никогда, слышите — никогда, больше не хочу слышать слово «Моссад».

Вашим друзьям вы можете рассказать, что работаете в министерстве обороны и не можете об этом говорить. Они узнают, что вы работаете не на заводе и не в банке. Придумайте для них ответы, иначе их любопытство сможет вам мешать. А что касается новых знакомств — заводите их только с нашего разрешения. Понятно?

И по телефону говорить о вашей работе тоже нельзя. Если я узнаю, что кто-то о своей работе говорит из дому по телефону, его строго накажут. Не спрашивайте меня, откуда я узнаю, кто и кому звонит по телефону из дому и о чём разговаривает. Я отвечаю за безопасность в бюро, и я знаю всё.

Если есть что-то, о чём я должен знать, я приложу все средства, чтобы узнать это. И знайте, что история о моей работе в контрразведке Шабак — якобы я случайно оторвал одному типу яйца во время допроса — неправда.

Каждые три месяца вашу команду будут проверять на детекторе лжи. А позднее такой тест вам придётся проходить перед каждой поездкой за границу.

У вас есть право отказаться от теста, но это даст мне право вас расстрелять.

В будущем мы будем встречаться чаще, и об-

суждать и другие вопросы. Через несколько дней вам выдадут удостоверения. Фотограф сделает ваши снимки. Затем придётся принести все документы, связанные с вашим пребыванием за рубежом, загранпаспорта ваши, ваших жён и детей и так далее. Так как в ближайшее время вы за границу не поедете, мы будем хранить эти документы у себя.

Затем Эйтен кивнул нам и вышел из комнаты. Каждый из нас был будто оглушён. В нём было что-то грубое, примитивное. Неприятный тип. Месяца через два он уехал, и я больше его никогда не видел.

Затем вперёд вышел смуглый человек и сказал, что зовут его Орен Рифф и он комендант курса: «Ребята, я отвечаю за всех вас. Я сделаю всё возможное, чтобы ваше пребывание здесь было приятным».

Затем он представил нам самого маленького человека в группе как Рана С. (он же «Донован» из операции «Сфинкс») в качестве своего ассистента на этом курсе. Похожий на учёного хорошо одетый мужчина представился как Шаи Каули, заместитель директора Академии, один из моих прошлых экзаменаторов.

Перед лекцией Рифф рассказал нам немного о своей карьере. В Бюро он проработал много лет. Одним из его первых заданий было помочь курдам в их борьбе против Ирака за независимость Курдистана.

Он был ещё офицером связи Бюро у премьер-министра Гольды Меир, «катса» в Париже и офицером связи в разных странах мира.

— В данный момент, — сказал он нам, — есть очень немного мест в Европе, где я чувствовал бы себя в безопасности (см. главу 10 «Карлос»).

Затем Рифф объяснил, что обучение начнётся с двух предметов, которые в основном и будем заниматься следующие 2-3 месяца. Сначала это задачи службы безопасности, о которых вам расскажут инструкторы из Шабак, а затем — НАКА, сокращение от «Единой системы составления письменной документации».

— Это означает, что все документы нужно составлять особым образом и только так. Если вы что-то делаете, но не сообщаете об этом, считайте, что вы ничего не делаете. Но зато, если вы ничего не сделали, но сообщили, что сделали, будет считаться, что вы сделали, — засмеялся он.

— Итак, начнём с изучения системы НАКА.

При передаче донесений не разрешаются никакие отклонения от предписанной формы. Бумага белая, лист квадратный или четырёхугольный. Гриф секретности пишут сверху и подчеркивают специальным образом, чтобы сразу понять, идёт ли речь о секретных, совершенно секретных или не секретных делах.

На правой стороне листа пишут имя получателя и того, кто должен отреагировать на сообщение: это может быть один человек, или два, или три. Но в любом случае каждое имя подчёркивается. Ниже стоят имена всех других получателей, которым отсылается копия лишь для информации, но не для действий. Отправителем обычно значителен отдел, а не конкретное лицо.

Дату пишут слева вместе с указанием срочно-

сти передачи донесения — телекс, срочный телекс, нормальная срочность, не срочно — и с номером письма. Под этой «шапкой» посередине листа одним предложением, как заголовок, кратко поясняется содержание письма. Предложение подчёркивается, в конце его ставится двоеточие.

Потом пишется ссылка, например, «на письмо 3J» и соответствующая дата. Если речь идёт о людях, не получивших документ, на который делается ссылка, то им тоже отсылается копия.

Если речь идёт не об одной, а о нескольких темах, то они перечисляются по пунктам, обозначенным цифрами, обязательно в ясных и чётких выражениях. Каждый раз, когда пишется какое-либо число, оно всегда повторяется.

Например, «Я заказал 35 рулонов туалетной бумаги», надо писать так: «Я заказал 35 X 35 рулонов...» Если компьютер сделает ошибку, то хоть одну цифру из двух можно будет прочесть. В конце всё подписывается личным кодовым псевдонимом.

Мы провели много часов за изучением НАКА, ведь основная задача организации состоит в сборе и передаче информации.

На второй день у нас не было урока на тему безопасности. Вместо этого нам принесли пачки газет, в которых уже были отмечены определённые статьи. Каждому дали тему, и нам нужно было, опираясь на газеты в качестве источника, собрать крупинцы информации и написать сообщение.

Если все сведения были исчерпаны, то на донесении нужно было написать «дальнейшей информации нет», что означало, что донесение исчерпывающе полное. Нас ещё научили писать тематический «заголовок» уже после завершения написания всего донесения.

Мы перешли в другую аудиторию. За это время нам уже выдали пропуска, представлявшие собой просто фотографии со штрих-кодом под ними.

В конце первой недели Рифф пояснил, что теперь мы выучим кое-что из вопросов личной безопасности. Он едва начал лекцию, как в комнату ворвались два парня.

У одного был большой пистолет марки «Игл», а у другого пистолет-пулемёт, оба сразу же открыли стрельбу. Кадеты упали на пол, но Рифф и Ран С. как мешки свалились у стенки, истекая кровью.

Мы не успели издать ни звука, как оба парня выбежали во двор, сели в машину и укатили. Мы были в шоке. Но пока мы не успели отреагировать, Рифф вдруг встал, указал на Джерри С., одного из кадетов, и сказал: «О'кей. Меня только что застрелили. Опиши преступников, скажи, сколько выстрелов они сделали, короче, мне нужна любая информация, благодаря которой мы вышли бы на след убийц».

Пока Джерри описывал, Ран С. записывал всё на доске. Затем он расспросил остальных кадетов. Потом вышел из класса и позвал обоих «киллеров». Они вовсе не походили на людей, описанных нами. Мы их даже не узнали.

На самом деле это были Муса М., шеф учебного отдела оперативной безопасности, сокращённо АПАМ, и его помощник Дов Л. Муса был сильно

похож на Телли Саваласа.

— Мы хотим пояснить, зачем тут устроили этот спектакль, — сказал Муса. — Наши задачи мы решаем в основном в иностранных государствах. Для нас все — либо враг, либо цель. Друзей нет. Я ничего не говорю и я ничего не думаю.

Но мы всё равно не должны стать параноиками. Нельзя всё время думать об опасности, в которой находишься или всё время бояться, что тебя преследуют или за тобой наблюдают.

АПАМ — это инструмент. Это сокращение от «Автахат Пайлут Модинит», то есть «обеспечение оперативных разведывательных действий». Оно существует для создания для вас островков мира и безопасности, чтобы вы могли правильно делать свою работу и не теряли контроля.

В АПАМ нет места для ошибок. У архангела Гавриила вы, может быть, получите свой второй шанс, но ошибки смертельны.

Мы снова и снова будем учить вас, что такое безопасность. Всё равно, насколько вы хороши, всё равно, по какому предмету, насколько вы умны и способны, но если вы не сдадите экзаменов по программе АПАМ, чтобы я был вами доволен, то вылетите отсюда.

Здесь не нужен особый талант, нужно просто уметь учиться. Вы познакомьтесь со страхом и научитесь справляться с ним. Вам нужно будет всегда думать о своей работе.

Система, которой я научу вас за два или три ближайших года, безупречна. Она проверена. Она постоянно развивается и расширяется. Она настолько логична, что даже если ваши враги её знают так же хорошо, как вы, они всё равно вас не поймут.

Муса объяснил, что хотя нашим инструктором будет Дов, но и он сам прочтёт несколько лекций, и поможет нам при выполнении заданий. Затем он взял копию учебного плана, показал на него и сказал: «Видите пространство между последним уроком одного дня и первым уроком следующего? Это время, когда вы принадлежите мне.

Наслаждайтесь вашим последним уик-эндом, как слепые. За следующую неделю мы постепенно начнём открывать вам глаза. Моя дверь всегда для вас открыта. Если у вас возникнут проблемы, заходите ко мне без боязни. Но если уж вы попросите у меня совета, то я потребую, чтобы и вы вели себя соответственно».

Муса (когда я в последний раз услышал о нём, он был начальником отдела безопасности в Европе), как и Эйтен, перешёл в Моссад из Шабак. Некоторое время он служил в Подразделении 504, которое работает за рубежом для военной разведки. Он был грубым и жёстким. Но при этом приятным парнем. Очень идейный и энтузиаст. И всегда любил пошутить.

Перед выходными кадеты познакомились и с Рути Кимхи, секретаршей Академии. Её муж одно время был шефом вербовочного отдела, затем сыграл важную роль в качестве заместителя министра иностранных дел во время израильского вмешательства в конфликт в Ливане. Позднее он был замешан и в скандале «Иран-контрас».

Учебный день обычно разбивался на пять

блоков: с 8 до 10, с 11 до 13, с 14 до 15 и с 15 до 20 часов. У нас были регулярные перемены по 20 минут и обед между 13 и 14 часами в другом здании ниже на холме.

По дороге туда мы проходили мимо киоска, где могли купить по низким ценам продукты, сладости и сигареты. В то время я курил по две-три пачки сигарет в день. Как почти все в Академии.

Занятия проводились по четырём основным темам: НАКА, АПАМ, общее военное дело и конспирация.

На занятиях по военному делу мы учили всё о танках, авиации, флоте, военных базах, соседних странах, их политических, религиозных и социальных структурах. На последние темы нам обычно читали блоки лекций университетские профессора.

Со временем улучшалась наша уверенность в себе, мы рассказывали в классе анекдоты и пребывали в хорошем настроении. Через три недели к нам присоединился новичок, Йоси С., 24 лет. Он был другом другого кадета, Хайма М.

Хайм был уже тридцатипятилетним мужчиной, высоким, лысым с большим носом картошкой. Он говорил по-арабски и всегда стеснительно улыбался. Хайм был женат, у него было двое детей.

Йоси служил с ним вместе в Ливане в боевом Подразделении 504 военной разведки и как раз вернулся из Иерусалима, где окончил шестимесячный курс арабского языка. Он бегло говорил по-арабски, но английский его был ужасен. Он был женат, его жена ждала ребенка.

Йоси был ортодоксальным иудеем, всегда носил вязаную ермолку, но главную известность принесли ему его подвиги на любовном фронте. Он был очень сексапильным. И страстно пользовался этим.

После занятий, если у нас не было других заданий или тренировок, я обычно проводил по дороге домой в Херцлию некоторое время за кофе и пирожными в кафе «Капульски» в Рамат-Хашарон. Потом возникла классная компания, в которую вошли Йоси, Хайм, я и Мишель М.

Мишель был специалистом по связи, родом из Франции. Он переехал в Израиль перед Войной Судного дня и служил в Подразделении 8200 (радиоперехват). Он уже выполнял разные задания для Моссад в Европе. Благодаря своему прекрасному французскому языку он рассматривался, как многообещающий кандидат. Но на курс Мишель попал с чёрного хода.

Во время посиделок в кафе мы строили разные планы и дискутировали о стратегиях. Йоси всегда говорил: «Подождите меня». Затем он заказывал кофе и пирожные и исчезал. Через тридцать минут он возвращался и говорил, что её зовут так-то и так-то.

— Мне нужно ей помочь, — заявлял он. И постоянно оказывал подобную «помощь». Мы предупреждали его, что он допрыгается, но Йоси отвечал: «Я молод, и Бог на моей стороне». Его хобби приняло такие масштабы, что мы часто подначивали его, мол, это твоя вторая работа.

Конспиративную технику и оперативную маскировку нам, в основном, преподавали «катса» Шаи Каули и Ран С. Каули говорил: «Когда вы со-

бираете информацию, то вы не Виктор, Хайм или Йоси, а «катса».

Если мы вербуем, то обычно делаем это скрытно. Вы же не подойдёте к какому-то типу со словами: «Привет, я из израильской разведки и хочу, чтобы ты предоставил мне информацию, за которую я тебе заплачу».

Это делается тайно. То есть, ты не тот, за кого себя выдаешь. «Катса» должен уметь перевоплощаться. Это ключевое слово — умение перевоплощаться. У вас может быть три встречи за день, и на каждой вы будете совсем разными, подчёркиваю, совершенно разными людьми.

Что такое хорошая «легенда»? Её можно объяснить одним словом. То, что даёт вам максимально большое пространство для игры. Если вас спросят, чем вы занимаетесь, и вы скажете: «Я дантист», то это очень хорошая маскировка. Каждый знает, что делает дантист. Но если после этого, кто-то откроет свой рот с просьбой помочь, то вы попались».

Мы потратили очень много времени на практическое изучение конспирации. С помощью обширных библиотечных запасов мы изучали много разных городов и учились рассказывать о каком-то городе так, будто провели в нём всю жизнь.

Мы учились «создавать» личность и привыкать к избранной для маскировки профессии. Это проигрывалось в сотрудничестве с бывальыми «катса», проверявшими наши «легенды», причём, просто по ходу обычной беседы.

Занятия проходили в аудитории, оснащённой телекамерами, чтобы другие кадеты в своих классах могли наблюдать за нами по телевизору.

Сперва нас научили никогда не выкладывать слишком быстро и слишком много информации. Это совершенно неестественно. Этот урок вскоре пришлось усвоить Цви Г., 42-летнему психологу. Он был первым кадетом, которого подвергли проверке по этому предмету.

Цви стоял напротив одного из «катса» и беспрерывно в течение получаса изливал со всем красноречием всё, что знал о городе и о профессии, выбранной им для конспирации. «Катса» не проронил ни слова.

Как только мы вернулись в класс, то чуть не умерли со смеху. Закончив, он вошел и гордо сказал: «Я выдержал экзамен», очень счастливо.

Мы все служили в армии, а она развивает чувство лояльности к своим друзьям. Когда Каули спросил нас, как мы оцениваем беседу, я сказал, что, по моему мнению, Цви хорошо выучил материал и очень хорошо знает город. Другой сказал, что он говорил чётко, и его история была понятна.

Тут встал Ран С. и сказал: «Да прекратите вы! Не хотите ли вы мне сказать, что согласны со всем этим бредом, который выслушали в этой комнате? Что вы не заметили ошибок, которые допустил этот поц? А он ведь психолог. Вы вообще-то думаете головой, ребята? Что вы вынесли из курса? Я хочу знать, что вы думаете. На самом деле думаете. Начнем прямо с Цви Г.»

Цви признал, что он говорил слишком много и слишком оживлённо, что был напуган. Эта самокритика как бы открыла нам рты. Ран сказал, что мы

должны высказывать всё, что думаем, потому что, в конце концов, это коснётся каждого. И может кончиться плохо, если мы не научимся вести себя правильно. Он ещё сказал: «Возможно, это однажды спасёт вам жизнь».

За 90 минут мы опустили Цви до полного нуля. Любая ящерица, случайно забредшая в класс, показала бы нам более умным существом, чем он. Дошло до того, что мы после повторения потребовали видеосъёмку, чтобы доказать его глупое поведение. И это доставляло нам удовольствие.

Так всегда бывает в группе из сильно конкурирующих между собою людей, где все правила цивилизованного поведения выброшены за борт. Многие удивились бы, увидев, как безудержно мы «топим» друг друга. Оглядываясь назад, теперь это кажется шокирующим. Злоупотребления были со всех сторон.

Получилось соревнование, в котором выигрывает тот, кто ударит сильнее, по возможности — в самое незащищенное место. Каждый раз, когда борьба всех против всех постепенно затихала, Ран и Каули снова разжигали огонь, задавая новые и новые вопросы.

Такие упражнения проходили два или три раза в неделю. Это было жестоко, но мы действительно учились, как создают «легенду» и умело ей пользуются.

Уже прошло 11 недель курса. На практических занятиях мы рассматривали даже тему «Вино». По каким признакам определяют хорошее вино, как о нём говорят, откуда оно происходит. В столовой премьер-министра в Академии мы практиковались правильно кушать. Доставлялись меню из больших ресторанов всего мира, чтобы научить нас правильно заказывать блюда и культурно их есть.

В углу зала для настольного тенниса в Академии 24 часа в сутки работал телевизор. Там показывали видео канадских, американских, британских и европейских телеканалов, даже сериалы вроде «Я люблю Люси» и разные мыльные оперы, чтобы познакомить нас с американскими шоу.

Когда, к примеру, мы слышали титульную музыку, мы могли определить из какого она фильма или телепрограммы и об этом поговорить. Это примерно, как с новой канадской монетой в один доллар.

В Канаде такие монеты все называют в обиходе «loonies». Если кто-то заговорит с человеком, выдающим себя за канадца, на эту тему, а тот не знает этого слова, то вся маскировка летит к чёрту.

На курсе АПАМ мы изучали наружное наблюдение, сначала по группам, затем поодиночке. Как смешаться с толпой, как выбрать стратегические точки, как «скрыться с лица земли», чем различаются слежка за человеком в «быстром» районе (оживлённые улицы, где нужно следовать близко за объектом, чтобы не потерять его) и слежка в районе «медленном».

Изучали концепцию «пространства и времени», смысл которой в быстром определении времени, нужного для прохождения определённой дистанции.

Предположим, кто-то свернул за угол, а пока

ты сам дошёл до этого угла, он уже исчез. Нужно быстро оценить, успел ли объект дойти за это время до следующего угла. Если нет, то можно сделать вывод, что он спрятался в одном из зданий, и нужно просто подождать.

Узнав, как правильно следить за другими, мы должны были научиться определять, следят ли другие за нами или нет — с помощью процедуры, названной «проверочный маршрут».

Нас привели в новое помещение в главном здании. Оно было на втором этаже, очень большое, и в нём стояло около двадцати стульев — самолётных сидений со складными столиками и пепельницами в подлокотниках.

Спереди разместился небольшой помост со столом и стулом, за ним висел плексигласовый лист с экраном, на который проецировались карты районов Тель-Авива.

Каждый из нас должен был на карте обозначить «проверочный маршрут», который выбрал после занятия. Маршрут — базис любой работы, без него ничего не сделаешь.

Кадетам указывались определённые пункты, которые они должны были покинуть в определённое время, чтобы пройти определённый путь. После прохождения маршрута им следовало сообщить, был за ними «хвост» или нет.

Если был, то нужно доложить, кого они видели, сколько человек, и как они выглядели. Кадеты, сообщавшие, что за ними никто не следил, должны были, в свою очередь, рассказать, когда и где им стало понятно, что они «чистые», как они это проверили и почему они уверены в отсутствии за ними слежки.

Отчёт кадеты обычно сдавали на следующее утро, а когда все заканчивали, нам сообщали, за кем была слежка, а за кем нет.

Знать, что за тобой не следят, не менее важно, чем знать о наличии слежки. Если разведчик думает, что за ним следят, то он не может продолжать работу, даже если на самом деле слежки нет.

Например, если «катса» в Европе сообщает о «хвосте», идущем за ним, то его резидентура останавливает все операции на один или два месяца, пока проводится проверка. Опасно говорить, что за тобой следят, потому что сразу возникает естественный вопрос, кто следит и почему.

Ещё нам объяснили, что дома, в которых мы живём, «безопасные дома». Каждое утро, выходя из дому, нам следовало убедиться в отсутствии слежки, так же и вечером, при возвращении. Для всех операций и заданий во время обучения Академия играет роль резидентуры, а наши личные жилища становятся конспиративными квартирами.

Маршрут делится на две главные части. Обычно его планируют на карте. Нужно выйти из определённого места и вести себя совершенно естественно.

Следует подыскать на маршруте «стратегические пункты», т.е. места, где можно, не вызывая подозрений, остановиться и спокойно понаблюдать за только что пройденным участком, оставаясь при этом невидимым.

Например, приёмная дантиста находится на третьем этаже какого-то дома. На этом этаже есть окно, из которого прекрасно виден только что пройденный отрезок улицы. Если пройти коротким зигзагообразным курсом, чтобы попасть туда, то теперь можно определить, есть «хвост» или нет. Из окна хорошо видно следящего, как он осматривается, а потом ждёт.

Если за мной, когда я выйду из гостиницы, будет следить целая группа «наружки», то они меня окружают. Тогда мне нужно быстро пробежать минут пять, чтобы прорвать их кольцо. Потом я, петляя, войду в одно из зданий, подыщу себе наблюдательный пункт и пронаблюдаю, как они снова соберутся вместе.

Затем я должен исключить любую случайность. Я сяду на автобус, поеду в другую часть города и повторю это снова. И медленно, чтобы дать им шанс последовать за мной.

Что нельзя делать ни в коем случае, если заметишь слежку? Нельзя потерять преследователя. Если потеряешь, то, как это проверить?

Предположим, они снова появятся, и я буду потому уверен, что за мной следят, тогда я, прежде всего, отменю все запланированные операции. Я могу пойти в кино — но, учитывая состояние нашего обучения на этой стадии, тогда мне конец.

У каждого из нас в кармане лежит маленькая шапочка, которую мы надеваем, если уверены, что за нами «хвост». Затем нужно зайти в телефонную будку и, набрав определённый номер, сказать, что за мной следят — или нет — и идти домой. Часто мы потом встречались в доме одного из кадетов, чтобы обсудить ситуацию.

За всё время учёбы я ошибся лишь один раз. Я однажды сказал, что за мной следили, хотя слежки не было. Это произошло из-за того, что другой кадет скопировал мой маршрут и прошёл по моим стопам спустя пять минут после меня. Я видел команду, следившую за ним, а решил, что следят за мной. Но зато он не заметил, что за ним следят.

Постепенно наш класс разделился на несколько компаний. Во время учёбы ты постоянно уязвим. По тебе всё время наносятся удары, и в аудитории это касалось каждого. Но после занятий мы собирались группами по трое или четверо, давали друг другу советы и даже начали «вербовать» преподавателей в наши клики. Мы практиковали то, чему нас учили, на людях, которые нас готовили.

В это время и инструкторы начали объяснять нам, как пользоваться изученными нами методами.

— Теперь, научившись защищать сами себя, вы начнёте изучать искусство вербовки, — говорили они нам. — Вы пойдёте куда-то, убедитесь, что «чистые» и начнёте вербовку. Затем вы напишете донесение в НАКА, как мы вас учили. И вы знаете, как пользоваться сведениями, выколачивая информацию.

Я вспомнил слова Мусы: «В этот момент, друзья, вы начинаете пробивать яичную скорлупу».

До желтка было рукой подать.

Глава 3. Новички

В ходе обучения кадеты постепенно набрались многих технических знаний, которые пришла пора испытать в настоящей жизни. Это началось с серии упражнений, иногда дважды в день, которые назывались «бутики».

Целью упражнения было научиться правильно организовать агентурную встречу после успешного установления контакта с потенциальным объектом вербовки.

Снова все наблюдали по телевизору появление каждого агента в обособленном помещении. Его старания анализировались очень интенсивно, иногда даже агрессивно. Каждое упражнение длилось около 90 минут, и они были действительно ужасны и противны.

Каждое наше слово подробно разбиралось, анализировалось и критиковалось. Каждое движение, каждый жест. «Ты достаточно ли много выложил наживки? Что ты имел в виду, сказав, что у него красивый костюм. Почему ты задал ему этот вопрос? Именно этот вопрос?»

Ошибка в «бутике», как бы ни была она неприятна, не смертельна. Ошибка в реальном мире борьбы секретных служб может оказаться роковой.

Мы хотели получить как можно больше очков, чтобы скомпенсировать возможные будущие ошибки. Страх провалиться был огромен. Из-за работы в Моссад мы, в какой-то степени, чувствовали себя в ловушке.

Нам казалось, что за стенами бюро нет больше другой жизни. Да и чем можно было бы ещё заняться? Разве после Моссад какое-то другое занятие может так поднять уровень адреналина?

Следующий большой доклад нам читал Ами Йаар, руководитель дальневосточного и африканского подразделения «Тевель» (отдела связи, базирующегося в израильских посольствах за рубежом).

Его история была настолько удивительна, что после его рассказа каждый спрашивал себя: «Сможем ли мы когда-нибудь достичь чего-то подобного?»

Подразделения Йаара разместило в разных пунктах по всему Дальнему Востоку своих людей, которые мало были связаны с разведывательной деятельностью; в большей степени они должны были создать условия для будущего установления дипломатических и экономических отношений.

У них, например, был человек с британским паспортом в Джакарте, работавший под прикрытием. То есть, индонезийское правительство знало, что он из Моссад. Для него был разработан маршрут побега и на всякий случай — помимо других вспомогательных средств — пояс с золотыми монетами.

Его главным заданием было способствовать продаже израильского оружия в регионе. У них были ещё люди: по одному в Японии, в Индии и в Малайзии. Йаар ежегодно проводил встречи со своими сотрудниками на Сейшельских островах. Работа приносила ему наслаждение и мало риска.

В Африке люди Йаара тоже занимались продажами оружия на миллионные суммы. Эти связники делали свою работу в три этапа. Сначала они устанавливали контакты, чтобы узнать, что нужно

стране, чего она боится, кого считает своим противником.

Такие сведения собирались ещё до начала активных действий на месте. За этим стояло намерение установить более тесные взаимоотношения, основываясь на потребностях данной страны, а затем дать понять её правительству, что именно Израиль может поставить ей оружие, проводить обучение военных и т.п.

Последний шаг в этом процессе — после того, как руководство страны уже висело на крючке израильских военных поставок, человек Моссад должен сообщить правительству данной страны, что Израиль может, к примеру, поставлять и сельскохозяйственную технику.

Таким образом, правительство оказывалось в таком положении, что оно просто обязано было расширять отношения с Израилем, вплоть до формального установления дипломатических отношений.

В сущности, этот метод служит именно для установления таких отношений с чёрного хода. Но с другой стороны, сама торговля оружием часто приносила такие прибыли, что занимавшиеся ею люди Моссад иногда и не думали переходить к следующему шагу.

Но в Шри-Ланке они этот шаг сделали. Ами Йаар установил там связь, пообещав снабдить страну важным военным оснащением, включая торпедные катера. Но одновременно Йаар и его товарищи вооружали тамильских сепаратистов для борьбы со шри-ланкийским правительством, продав им даже противокорабельные ракеты.

Израильтяне обучали элитные подразделения обеих конфликтующих сторон, причём другая сторона не имела об этом ни малейшего представления (см. главу 6 «Бельгийский стол»).

Офицеры связи Израиля помогли правительству Шри-Ланки обмануть Мировой банк и других инвесторов на миллионы долларов, подбрасывая им лживые сведения. Деньги эти пошли на оплату оружия.

Правительство Шри-Ланки было обеспокоено крестьянскими волнениями и хотело разрушить крестьянскую солидарность. Крестьян нужно было переселить с одного края острова на другой, а для этого необходимо было приемлемое объяснение.

Тут на сцене и появился Ами Йаар. Он придумал грандиозный «Махавели-проект», гигантское предприятие по изменению русла реки Махавели для орошения засушливых районов на другом конце острова.

Утверждалось, что благодаря использованию гидроэнергии реки, производство электричества в Шри-Ланке удвоится, а мелиорация затронет 300 тысяч гектаров.

Кроме Мирового банка проект решили инвестировать Швеция, Канада, Япония, ФРГ, ЕЭС и США, общая сумма инвестиций составила 2,5 миллиарда долларов.

С самого начала этот проект был слишком амбициозен, но Мировой банк и прочие инвесторы не хотели понять это, а если они в чём-то убеждены, то это будет делаться.

Рассчитанное изначально на 30 лет, в 1977 году осуществление «Махавели-проекта» было внезапно ускорено, как только президент Шри-Ланки Джулиус Джайаварден заметил, что с небольшой помощью Моссад проект может приобрести для него намного большее значение.

Чтобы убедить, прежде всего, Мировой банк, который один только инвестировал 250 миллионов долларов, в возможности осуществления проекта, что одновременно послужило бы хорошим объяснением намерения переселить крестьян, Моссад поручил двум израильским специалистам: одному экономисту из Иерусалимского университета и одному профессору сельскохозяйственных наук подготовить две экспертные оценки, обосновывающие важность проекта и подчёркивающие необходимость больших средств для его осуществления.

Самое большое строительное предприятие в Израиле фирма «Солель Бонах» подписало крупномасштабный договор на осуществление части работ по проекту.

Снова и снова представители Мирового банка проверяли достижения по воплощению в жизнь шри-ланкийского проекта, но власти на местах были хорошо проинструктированы, как водить инспекторов за нос.

Их возили вокруг да около (эти окольные поездки легко объяснялись риском для жизни) и снова возвращали в один и тот же район, где специально для показухи проводились небольшие строительные работы.

Позже, когда я работал в отделе Йаара в штабе Моссад, я однажды получил задание сопроводить невестку президента Джайавардена — женщину, которую все называли Пенни — во время её тайного визита в Израиль. Для неё я был «Симон».

Мы возили её повсюду, куда она хотела. Мы говорили обо всём, но она все время пыталась рассказать мне, как они деньгами, полученными для осуществления проекта, оплачивают оружие. И ещё она жаловалась, что само строительство застопорилось.

Но ирония была в том, что сам проект был выдуман только, чтобы выманить деньги у Мирового банка для покупки оружия.

В то время у Израиля не было дипломатических отношений со Шри-Ланкой. Собственно, Шри-Ланка даже поддерживала антиизраильское эмбарго. Но Пенни рассказала мне о секретных политических встречах.

мешно, но когда газеты все же написали об этих встречах, то они утверждали, что в Шри-Ланку Израиль направил 150 своих разведчиков-«катса». Это чепуха, столько «катса» у нас нет во всём мире. На самом деле у нас туда приезжали только Йаар и его помощник, причём оба на очень короткое время.

Другой совсем новый мир открылся для нас, когда в штаб-квартире Моссад нам прочли лекцию о ПАХА, отделе «Пайлут Хаблани Ойенет», т.е. «диверсионные действия противника», который занимается в основном саботажем со стороны Организации Освобождения Палестины.

Этот отдел ещё иногда называют «ПАХА-заграница». Его сотрудники главным образом рабо-

тают внутри Израиля. У них лучший аналитический отдел во всей организации. Их анализ затрагивает, прежде всего, оперативную работу.

Для нас это было подобно удару грома. Нас провели в зал на шестом этаже. Когда мы уселись, нам сказали, что сюда ежедневно стекается информация о действиях ООП и других террористических организаций.

Инструктор открыл тридцатиметровую сдвижную стену, на которой висела гигантская карта мира — без Северного и Южного полюсов. Под нею разместились разные компьютеры. Стена с картой разделена на крошечные квадратики с лампочками за ними.

Если на клавиатуре нажать клавишу «Арафат», то на карте загорится лампочка, указывающая его место нахождения в данный момент. Если ввести вопрос: «Арафат, три дня», то высветятся все места, где лидер ООП побывал за последние три дня.

Самый актуальный квадратик горит ярче всего, а чем слабее горит лампочка, тем раньше Арафат покинул показываемое ею место.

Карта приносит пользу многим людям. Если, к примеру, нужны данные о действиях десяти ключевых фигур ООП, то нужно ввести их имена, и пребывание каждого будет показано особым цветом. Всегда можно получить и распечатку.

Карта особенно ценна для быстрой перепроверки. Предположим, восемь из десяти этих лиц в один и тот же день появились в Париже. Это может означать, что они что-то замышляют. Потому должны быть проведены соответствующие мероприятия.

В центральный компьютер Моссад введено более полутора миллионов имён. Любой, кто известен Моссад, как член ООП или другой противник, именуется «пах», по имени отдела.

У отдела есть своя компьютерная программа, но она подключена к центральному компьютеру. Моссад использует компьютер фирмы «Бэрроуз», а другие секретные службы и армия пользуется «Ай-Би-Эм».

Компьютерные дисплеи по бокам карты могут показать самые маленькие участки, например, города. Если какая-то резидентура передаёт сообщение с ключевым словом «ООП», то компьютер всё покажет на экране.

Дежурный офицер сможет это прочесть и сделать распечатку. На дисплее видно, что делалась распечатка и в какое время. Каждый шаг ООП во всём мире отмечается на гигантской карте Моссад.

В начале смены каждый дежурный офицер требует от своего предшественника предоставить все передвижения за последние сутки: это даёт ему представление о действиях ООП за последние 24 часа.

Например, если в лагерь ООП на севере Ливана по сообщению агента прибыли два грузовика, эту информацию сообщают дежурному. Следующий шаг — выяснить, что находилось в грузовиках. На связь с таким агентом выходят ежедневно, а иногда и каждый час, в зависимости от места его нахождения и степени опасности для Израиля.

Опыт показывает, что за, казалось бы, безобидными вещами могут последовать крупномасштабные и опасные действия. Однажды, после Ливанской войны, агент сообщил, что в лагерь ООП в Ливане прибыла партия хорошей говядины, в таких лагерях это редкий случай.

Моссад знал, что ООП планирует атаку или теракт, но не имел понятия, где именно. Мясо всё пояснило. Оно было закуплено для праздничного обеда. Исходя из этого, израильские «коммандос» на штурмовых лодках нанесли превентивный удар, перестреляли одиннадцать боевиков ООП, когда те садились в резиновые лодки.

Это только один пример того, насколько важными могут оказаться даже самые незначительные сведения. И как необходимо сообщать обо всём максимально точно.

В начале второго месяца обучения кадеты получили своё личное оружие — «Берету» 22-го калибра, официальный пистолет «катса» Моссад. Правда, при работе «в поле» его носят с собой очень редко. Само ношение оружия может привести к серьёзным проблемам.

В Великобритании закон запрещает ношение оружия, риск быть пойманным с пистолетом слишком велик. Если правильно делать свою работу, пистолет не понадобится. Если нужно убежать или отговориться — тем более.

Но нам всё же внушали, что мы, если уж наш мозг приказывает руке вынуть оружие, должны сразу убивать. Мозг должен приказать, что парень напротив тебя — мертвец. Он или ты.

Но использование оружия требует практики. Как в балете — умения делать правильное движение в нужное время.

Оружие носят в брюках на ремне. Некоторые «катса» пользуются кобурой, но большинство нет. «Беретта» идеальна, потому что она маленькая. Нам показали, как зашить в нижний край пиджака парочку маленьких свинцовых грузиков, благодаря ним полы пиджака легко качнутся вперед, открывая лёгкий доступ к оружию.

Нужно одновременно повернуться и нагнуться, чтобы быть наименьшей целью для противника. Если тебе сначала нужно расстегнуть пиджак, это может стоить тебе жизни.

Если уж стреляешь, выпускай как можно больше пуль. Если цель лежит на полу, подойди, приставь ствол к виску и выстрели ещё раз. Так надёжнее.

«Катса» обычно используют пули с тупым концом или пули «дум-дум», пустые внутри, с тупым или заострённым концом. Разрываясь в теле, такие пули наносят самые страшные ранения.

Наше обучение стрельбе проходило на военной базе близ Петах-Тиква, где израильская армия тренирует спецназ иностранных правительств. Мы часами стреляли по неподвижным целям, а затем обучались в стрелковых галереях, паля на ходу по картонным фигурам, внезапно появившимся в коридоре.

Обучение включало модель гостиничного коридора. Мы шли по нему, поворачивали сначала направо, потом ещё раз направо, с «дипломатом» в

одной руке и «ключом от номера» в другой.

Иногда мы входили в наш «номер» без приключений. Потом внезапно открывалась дверь и появлялась картонная фигура. Нас учили немедленно бросить всё на пол и сразу стрелять.

Мы учились вытаскивать оружие, сидя в ресторане, если возникают проблемы. Тогда нужно либо упасть со стулом назад и стрелять из-под стола, или перевернуть стол — последнее у меня так и не получилось, в отличие от других — и стрелять. Всё — одним движением.

Что случится с невинным зрителем? Нам внушили, что в ситуации, когда дойдёт до перестрелки, таких нет. Зритель станет свидетелем смерти — твоей или твоего противника. Если умрёшь ты, то не всё ли равно тебе, ранят зрителя или нет?

Речь идёт о выживании. Твоём выживании. Нужно забыть о честности. В такой ситуации можно либо убить, либо погибнуть. Твоя обязанность — беречь и защищать имущество Моссад. А это имущество — ты.

Однажды уяснив себе это, ты теряешь стыд выглядеть эгоистом. Эгоизм воспринимается даже, как хорошее качество, от чего трудно избавиться, возвратившись домой после рабочего дня.

Когда после наших долгих занятий по стрельбе мы вернулись в аудиторию, Рифф сказал нам: «Теперь вы умеете обращаться с оружием. Теперь забудьте об этом. Вам оружие не понадобится».

Мы стояли, самые быстрые стрелки на всём Западе, а тут вдруг оказалось, что это всё — ничто, что оружие нам не нужно. Но втайне каждый говорил тогда сам себе: «Ну да, это он просто так сказал, но я знаю, что оно мне пригодится».

Последовали вновь длинные доклады с последующими практическими занятиями в Тель-Авиве, на которых мы оттачивали искусство наружного наблюдения и контрнаблюдения.

Самую скучную лекцию прочёл нам самый старый майор в израильской армии. Тихим монотонным голосом шесть часов подряд он говорил о маскировке и определении больших и маленьких видов вооружений, сопровождая лекцию показом сотен диафильмов.

Он повторял всю лекцию одно единственное движение — менял диафильмы и объяснял: «Вот египетский танк». Затем: «А вот аэрофотосъемка четырёх хорошо замаскированных египетских танков».

На фото ничего не было видно, кроме пустыни, где, возможно, действительно спрятались четыре хорошо замаскированных египетских танка. Мы смотрели на изображения сирийских джипов, американских джипов, египетских джипов, замаскированных и не замаскированных. Это была самая нудная лекция в моей жизни. Позже я узнал, что все прошли через неё.

Следующее занятие было поинтересней. Его вёл Пинхас Адерет, и посвящено оно было документам: паспортам, удостоверениям личности, кредитным карточкам, водительским правам. Самым важным документом для Моссад являются загранпаспорта. Они делятся на четыре категории: первая

категория, вторая категория, паспорта для «работы в поле» и одноразовые паспорта.

Одноразовые паспорта либо найдены, либо украдены и используются лишь в тех обстоятельствах, когда их показывают на короткое время. Их не считают «настоящими» документами. Переклеена фотография, иногда изменено имя, но в принципе такой паспорт стараются изменить как можно меньше.

Но такой документ не выдержит правильной проверки. Офицеры «Невиот» (которые взламывают двери, проникают в квартиры и т.п.) пользуются этими паспортами. Их используют и для тренировки в пределах Израиля или для вербовок в самом Израиле.

К каждому выдаваемому паспорту прилагается листок с именем и адресом, затем фотокопия карты района города с этим адресом. Сам дом отмечен на карте, приложена его фотография и описание домов по соседству. Если случайно встретишься с человеком, знающим это место, то его простой вопрос не поставит тебя в тупик.

Если получаешь на операцию одноразовый паспорт, то тебе объяснят, где этим паспортом пользовались раньше. Например, его нельзя показывать в отеле «Хилтон, потому что там его недавно предъявлял другой человек. Кроме того, на каждый штампель в паспорте нужно подготовить историю.

Паспортом для «работы в поле» пользуются для быстрых операций в чужой стране. Но его не показывают при пересечении границы». Катса редко используют фальшивые документы, переезжая из одной страны в другую, кроме тех случаев, когда путешествуют вместе с агентом, но этого они всегда стараются избегать.

Фальшивый паспорт пересылается диппочтой, запечатанной «бордеро» — специальным восковым штампелем с нитями. Сам его вид показывает, что незаметно вскрыть такой пакет нельзя. Дипломатическая почта применяется для пересылки корреспонденции между посольствами.

Согласно общепринятой практике диппочту при пересечении границы не вскрывают для проверки. Дипкурьер, перевозящий почту, пользуется иммунитетом (конечно, паспорта для «катса» в другой стране могут доставляться и «боделем», т.е. курьером).

Восковые печати сделаны так, что конверты можно легко открыть и снова закрыть, при этом, например, на таможне не возникнет ни малейшего подозрения, ведь восковый штампель внешне не повреждён.

Паспорта второй категории, собственно безупречные паспорта, подбираются в соответствии с «легендой» «катса». Живых людей с указанными в них именами не существует.

А для паспорта первой категории существует как «легенда», так и указанное в нём реальное лицо. Такой паспорт выдержит любую официальную проверку, даже в той стране, которая его выдала.

Паспорта делаются из разной бумаги. Канада, например, никогда не продает другой стране бумагу, из которой изготавливаются канадские паспорта (Моссад очень высоко ценит канадские документы.)

Но фальшивый паспорт не может быть сделан из фальшивой бумаги. Потому в подвале Академии Моссад содержит маленькую фабрику и химическую лабораторию, где производятся разнообразные сорта бумаги. Химики анализируют состав оригинальных документов и создают точную смесь для изготовления необходимых бланков.

Бумага хранится в большом складе при определённой температуре и влажности. На полках лежат паспорта большинства стран мира. Одним из иных занятий этой «фабрики» было производство фальшивых иорданских динаров. Их вполне успешно меняли на настоящие американские доллары и наполняли Иорданию фальшивками, усиливая хроническую инфляцию в этой стране.

Когда я, будучи кадетом, посетил фабрику, то увидел большую стопку чистых формуляров канадских паспортов. Их скорее всего украли. Настоящая большая поставка, более тысячи штук. Я не думаю, что о похищении этой партии когда-либо сообщалось. В прессе точно нет.

Многих иммигрантов после переселения в Израиль просят сдать свои паспорта во имя спасения евреев. Каждый только что переселившийся из Аргентины в Израиль еврей без возражений отдаст свой аргентинский паспорт.

Он попадёт в огромный зал, похожий на библиотеку, где хранятся тысячи паспортов, распределённых по странам, городам, даже районам, с еврейскими и нееврейскими именами, рассортированные по возрастам — и все данные введены в компьютер.

Ещё у Моссад есть большая коллекция паспортных штампелей и подписей, которые он впечатывает в свои собственные паспорта. Все они содержатся в книге образцов.

Многие из этих образцов собраны полицией. Остановив кого-либо, они могут попридержать его паспорт и сфотографировать разнообразные печати.

Чтобы поставить штампель в фальшивый паспорт нужно провести особую процедуру проверки. Если в моём паспорте стоит штампель из Афин за определённый день, то отдел до этого покопался в своих досье и тщательно подобрал печать и подпись пограничного чиновника за этот день, подходящие по времени к моменту полёта.

Если кто-то свяжется с Афинами, чтобы узнать, кто из чиновников дежурил в этот день и в этот час, то в моём паспорте всё будет соответствовать действительности. Люди в этом отделе очень гордятся своей работой, подчёркивая, что ещё ни одна операция не сорвалась из-за плохого документа.

Кроме того, я в вышеприведённом примере кроме паспорта получил бы ещё и досье, которое мне следовало бы выучить наизусть, а потом выбросить. В этом досье содержится общие сведения о дне, когда я якобы пребывал в Афинах: погода, заголовки газет, актуальные темы дня, где я ночевал, чем занимался и т.п.

Для каждого нового задания «катса» получает маленькую памятку о его предыдущей работе. Например: помни, что в такой-то день ты был в та-

ком-то отеле под таким-то именем.

В этом листочке упомянуты и все люди, с которыми «катса» встречался или их видел. Это ещё одна причина для максимально подробного написания отчётов, не упуская ни одной мелочи.

Когда я хочу завербовать кого-нибудь, то компьютер сначала отыщет всех, с кем я в любой форме контактировал. Так же проверят и потенциальный объект моей вербовки.

Если потом я отправлюсь с вербуемым лицом на вечеринку, не буду опасаться столкнуться с другом, которого я уже завербовал под другим именем.

Следующие шесть недель профессор Арнон ежедневно один-два часа читал лекцию на тему ислам в ежедневной жизни: анализ разнообразных сект ислама, их история и нравы, их праздники и обычаи, что разрешено членам этих сект — и что они делают на самом деле, их табу.

В общем, всё возможное, чтобы составить себе образ врага и уяснить его мотивы. В конце мы получили целый день для самостоятельного написания работы о конфликте на Ближнем Востоке.

Нашей новой темой были «Бодлим» (в единственном числе «бодель»). Это люди, работающие курьерами между конспиративными квартирами и посольствами или между несколькими конспиративными квартирами.

Учёба «боделя» состоит обычно из методов АПАМ, т.е. он должен уметь определять слежку. «Бодель» носит всё в конвертах или мешках для дипломатических курьеров обычно пользуются дипломатическим иммунитетом и располагают соответствующим документом.

Их главная функция состоит в том, чтобы доставлять «катса» паспорта и другие документы и забирать от них для передачи в посольства отчёты и донесения. Катса, в зависимости от их задания, далеко не всегда разрешается появляться в израильском посольстве.

«Бодлим» обычно молодые люди, лет за двадцать, делающие эту работу один-два года. Часто это израильские студенты, отслужившие в войсках спецназначения армии и считающиеся надёжными.

Хотя важно научить их распознавать слежку, они вполне могут делать свою работу без отрыва от обычной учёбы. Они относятся к самому низкому уровню в резидентуре, но для студента это вполне приличная работа.

В большинстве резидентур два или три «боделя». В их задачи входит и забота о «безопасных домах» (конспиративных квартирах). «Бодель» одной резидентуры может содержать в жилом составе, скажем, шесть квартир.

Соседи при этом не будут любопытствовать из-за нежилой квартиры, под дверью которой штабелями накапливается почта. Эти «бодели» живут бесплатно в таких квартирах и стараются, чтобы холодильник был полон, чтобы оплачивались все счета и т.д.

Если возникает необходимость в конспиративной квартире, то «бодель — владелец» переезжает в другую, или живёт в гостинице, пока квартира не освободится. Но приводить в «безопасный

дом» друзей или подруг «боделям» запрещено.

Зарплата их составляет от 1000 до 1500 долларов, в зависимости от того, сколько квартир они обслуживают. Так как им не нужно платить за квартиру, еду, питьё и даже за учёбу — все оплачивает Моссад, то этого вполне достаточно.

Затем последовала тема «Мишланим», на разведывательном жаргоне «мёртвые почтовые ящики», т.е. тайники для связи.

Первое правило: у Моссад тайники функционируют только в одном направлении — от нас к ним. Никогда агент не оставляет для нас сообщения в тайнике, потому что так можно легко попасться в ловушку.

Группа людей из отдела Моссад, занимающаяся тайниками так объясняла нам основные принципы этого искусства:

Если ясно, что будет в тайнике, то нужно следовать четырём главным правилам для успешной тайниковой связи: на закладку тайника должно уйти как можно меньше времени; тайник должен быть незаметен и не вызывать подозрений; он должен быть максимально прост; и агент, забирая тайник, тоже не должен вызывать подозрений.

Я смастерил контейнер из пластиковой мыльницы, покрасил его серой краской из спрэя, такой же, какой красят опоры линий электропередач, и нарисовал на нем красную молнию — символ высокого напряжения.

Затем я взял четыре винта и гайки, тоже серых, наклеил их на пластик и прикрепил на дне коробочки магнит. Этим магнитом я прикрепил её с внутренней стороны капота.

Затем я остановился у вышки ЛЭП, изобразил поломку двигателя, осторожно прикрепил коробочку с внутренней стороны опоры и уехал. Такую «закладку» никто не найдёт. А даже если найдёт, то не возьмёт — испугается удара током.

А агент, забрав коробочку, тоже сможет легко прикрепить её в подходящем месте в машине и уехать.

Нас также научили делать «сликс» — особые тайники в квартире или в доме, чтобы к нему был лёгкий доступ, но чтобы постороннему трудно было его обнаружить. Это даже надёжнее сейфа.

Если где-то нужно что-то спрятать, то такой тайник очень легко смастерить, используя самые простые предметы, которые легко купить в скобяной лавке или в универмаге, в отделе, где продают товары для любителей мастерить.

Одним из самых простых тайников может стать дверь из листов ДСП с обеих сторон и с рамой посередине. На верхней планке рамы двери просверливается дырка и вовнутрь — т.е. в пустоту между листами ДСП подвешивается предмет, который нужно спрятать.

Затем вешалка для одежды в шкафу. Внутри неё полно места. Те, кто проводит обыск, скорее всего, перетряхнут всю одежду в шкафу, но вряд ли догадаются заглянуть внутрь вешалки, на которой она висит.

Для секретной перевозки документов или денег через таможенно удобно воспользоваться таким

методом. Нужно купить две одинаковых газеты, из одной вырезают кусок и делают, таким образом, маленький кармашек. Затем вырезают такой же кусок из другой газеты и заклеивают им дыру в первой газете.

Это просто старый фокус. Мы изучали много книг о фокусах. С такой газетой под мышкой можно спокойно пройти таможеню. Можно даже дать её поддержать чиновнику, пока проходишь контроль.

Следующий блок упражнений, под названием «кофе», рассчитан на совместную работу трёх человек. Йоси, Арик Ф., набожный великан за 1,80 м и я пошли с инструктором Шаи Каули на улицу Хаяркон-Стрит с её многочисленными отелями, посидели немного в кафе, затем Каули по одному провёл нас в холл гостиницы.

У каждого из нас был фальшивый паспорт и соответствующая «легенда». Заведя одного из нас в отель, Каули осматривался по сторонам, выбирал кого-то, и мы должны были установить с этим лицом контакт.

Иногда это были агенты, иногда нет. Но мы в любом случае должны были выудить из них как можно больше информации и договориться с ними о встрече.

Я подошёл к человеку, который был репортёром журнала «Afric-Asie», и попросил дать прикурить. Завязалась беседа, и я хорошо выполнил задание. Оказалось, что он «катса», который под «легендой» репортёра принял участие в конгрессе ООП в Тунисе. Для своего журнала он даже написал ряд статей.

Как и всегда, после каждого такого упражнения нам нужно было написать отчёт. Как был установлен контакт, о чём разговаривали, всё, что происходило. На следующий день в классе проходил «разбор полётов». Особенно удивительно было внезапно встретить в аудитории того, с кем вчера устанавливал контакт.

Как и все прочие упражнения, такие тренировки постоянно повторялись. Наш учебный план, уже и без того полный, доходил до спешки. Хотя мы всё ещё учились, мы уже научились связывать одно обстоятельство с другим, вплоть до того, что искали людей, по которым могли бы ударить.

Мы больше не могли вести разговор, не разбрасывая «приманки». Обычно при вербовке выдают себя за обеспеченного человека, но нельзя слишком углубляться в детали. С другой стороны, слишком расплывчато говорить тоже нельзя, а то тебя примут за мошенника.

Наши курсы на самом деле были великой школой жульничества — школой, в которой прививают умение обманывать в интересах твоей страны.

Одной из проблем после учений, на которых я, к примеру, выдавал себя за богатого коммерсанта, было вернуться на почву реальности. В одно мгновение я переставал быть богачом; я становился служащим или чиновником, пусть в интересном отделе, и пришло время писать отчёт.

Первые полчаса каждого дня были отведены упражнению, которое по очереди проделывал каждый кадет. Оно называлось «Д'а», что на иврите означает «нужно знать». Нужно было анализиро-

вать и реферировать самую важную новость данного дня.

Это было дополнительной нагрузкой, но от нас ожидали, чтобы мы всегда следили за актуальной политической обстановкой. Зарывшись в учёбу можно легко потерять представление о меняющемся внешнем мире, а это могло быть смертельным — в буквальном смысле.

Для этого нас учили выступать перед публикой и требовали постоянно читать газеты. Если кто-то затрагивал какую-то тему, мы могли показать, что следим за происходящим, и, если повезёт, доказать, что он неправ.

Вскоре после этого мы занимались, так называемой, «зелёной» тренировкой. Речь шла об отработанной процедуре в сфере связи с иностранными организациями при решении возникающих проблем.

Предположим, стало известно об опасности, угрожающей некоему учреждению в некоей стране, например об угрозе ПАХА (вражеском саботаже). Анализ и оценка такой угрозы требует серьёзных дискуссий.

Если опасность грозит учреждению, не связанному никоим образом с Израилем, и сообщить о ней можно, не подвергая опасности свой источник, то обычно информация об угрозе передают компетентным органам данной страны.

Чаще всего с помощью анонимного телефонного звонка или прямого контакта нашего офицера связи со связником иностранного ведомства.

Итак, если подобным образом можно передать информацию, не раскрывая источник, то можно представить это своим иностранным партнёрам так, что они будут чувствовать себя в долгу перед нами. Это при случае может пригодиться.

Если целью является израильский объект, нужно приложить все усилия во избежание трагедии, даже если придётся раскрыть источник.

Если для защиты израильского объекта в стране-базе нужно «засветить» агента в стране-цели, то так и сделают. Такие жертвы считаются оправданными (любая арабская страна называется в Моссад «страна-цель», а «страна-база» — та, в которой Моссад располагает своей резидентурой).

Если целью вражеских действий не является своя страна, а передача информации может каким-то образом угрожать источнику, то следует просто ничего не делать. Моссад это не касается. В лучшем случае предложат предупреждение самого общего характера, вроде «будьте внимательны, вдруг что-то произойдёт». Конечно, такое предупреждение затеряется в море других (см. главу 16 «Бейрут»).

Такой подход крепко вбивали в наши головы. Мы должны делать то, что хорошо для нас, и обманывать всех остальных, если нам от них нет толку. Чем правее стоят люди в Израиле, тем чаще слышишь такое.

Если в политическом отношении оставаться в Израиле на одном месте, то автоматически «полевешь», потому что вся страна быстро дрейфует вправо. Известно, что израильские часто говорят: «Если они не сожгли нас во Второй мировой войне, то помогли нам, а если они нам не помогли, то проигно-

пировали всё другое».

Я не припоминаю, чтобы в Израиле была хоть какая-то демонстрация протеста против геноцида в Камбодже. Почему мы ждём, что кто-то заступится за нас? Дают ли нам прошлые страдания евреев право готовить боль и несчастье для других?

На тренировке по линии «Цомет» (вербовочная деятельность и поддержка «катса») нам внушали, какие указания следует давать агенту, направляемому в страну-цель. Базовый агент — таких много — называется еще «предупреждающий агент».

Такой агент может, например, работать санитаром в больнице. Его задача сообщать Моссад, если в больнице готовят дополнительные койки, освобождают под них помещение, завозят лекарства и т.д. — всё, что похоже на подготовку к войне.

Есть «предупреждающие агенты» в портах, доносящие об увеличении числа заходящих в порт кораблей, агенты в пожарной охране, информирующие об особах мероприятиях, агенты в библиотеках, сообщающие о внезапном сокращении персонала наполовину, потому что их деятельность не важна во время войны.

Война приводит многое в движение, потому нужно быть очень точным, когда инструктируешь агента для его работы за рубежом. Если сирийский президент угрожает войной — а он делал это уже много раз — но ничего затем не происходит, то не нужно сильно переживать.

А если после его угрозы внезапно происходят важные изменения в области тылового обеспечения войск, тогда нужно считаться с возможностью, что в этот раз у него серьезные намерения.

От Дэвида Даймонда, шефа «Кашет» (позднее переименован в «Невиот» — отдел, занимающийся взломами и т.п.) мы узнали, как нужно анализировать и обрабатывать «мёртвый» объект или здание. Это была чистая теория. Он описывал конкретный случай.

Предположим, ваш человек находится на шестом этаже дома и при нём документ, который мы обязательно должны увидеть. Как подойти к делу?

Он объяснял нам, как следует наблюдать за домом и проверять его, как нужно оценивать движение вблизи дома, перемещения полиции, опасные места (например, нельзя долго стоять возле банка), общественный транспорт, определять все особенности ситуации и спланировать маршрут для бегства.

Затем снова последовали лекции о передаче секретных сообщений, разделённые на обучение их приёму и отправке. Моссад передаёт сообщения агентам по радио, телефону, письмом, через «закладки» в «мёртвые почтовые ящики» или при встрече.

Каждому агенту с радио сообщается определённое время, когда для него передают сообщения. Передатчик Моссад, управляемый компьютером, ведёт передачи для разных агентов круглые сутки, например: «Это для Чарли», затем следует шифрованное сообщение группами по пять цифр.

Сообщение меняется только раз в неделю, чтобы дать агенту полную возможность его принять. У агентов есть радиоприёмник и антенна, обычно дома или на рабочем месте.

Другим особым методом коммуникации является, так называемый, «floater». Это крошечный микрофильм, прикрепленный на внутренней стороне почтового конверта. Агент открывает конверт и кладёт микрофильм в стакан с водой. Затем он приклеивает микрофильм на стенку стакана снаружи и читает текст с помощью лупы.

Агенты, в свою очередь, связываются со своими «катса» по телефону, телексу, обычным письмом или письмом, написанным невидимыми чернилами, на встречах («явках») или с помощью системы импульсной радиопередачи «burst» («Вспышка»).

Эта система позволяет на определённой частоте «выстреливать», подобно вспышкам, мгновенные сигналы с крошечными кусочками информации. Запеленговать такой передатчик очень сложно. К тому же агент, каждый раз выходя на связь, пользуется другим передатчиком и не повторяет частоту. Изменения частот следуют заранее установленному плану.

Основная идея — связь должна быть максимально простой. Но чем дольше находится агент во враждебной стране и чем больше у него информации, тем лучше должно быть его оснащение.

Проблема в том, что такая аппаратура, если агента поймут с ней, представляет для него серьёзную опасность. Агента нужно хорошо обучить пользоваться такой техникой, но чем больше он учится, тем больше нервничает.

Чтобы подстегнуть наши сионистские убеждения, весь класс провёл целый день на экскурсии в «Доме диаспоры» при Тель-Авивском университете. Это музей, в котором показаны модели синагог во всём мире, рассказывающий об истории еврейской нации.

Затем мы прослушали важный доклад женщины по фамилии Ганит об иорданском вопросе, о короле Иордании Хуссейне и о палестинской проблеме. Потом лекция о египетской армии и её десятилетнем плане развития.

Два дня с контрразведчиками из Шабак, рассказавшими нам о методах ПАХА и об операциях в самом Израиле. Первую часть нашей учебной программы завершила двухчасовая лекция Липеана, официального историка Моссад.

Это было в июне 1984 года.

Много времени нашей учебы занимало установление отношений с непричастными, совсем посторонними людьми. Стоит увидеть потенциального рекрута, как говоришь сам себе: «Мне нужно подойти к нему и договориться о встрече. Он может быть полезен».

Так возникало неожиданное чувство уверенности в себе. Внезапно каждого прохожего на улице начинаешь рассматривать, как инструмент. Думаешь, да, этого я смог бы включить.

Мы вдруг привыкли в основном лгать, говорить правду — дело десятое. И в отношении ко всем значение имел лишь такой подход: «Да, это хорошее вспомогательное средство. Как бы его «завести»? И как я смог бы использовать его для себя, я имею в виду, для моей страны».

Я всегда знал, что на самом деле находится на

холме. Мы все это знали. Иногда это действительно летняя резиденция премьер-министра, иногда её используют для пребывания государственных гостей. Голда Меир пользовалась ею часто в этих целях. Но мы знали, что там помимо этого. Каждый выросший в Израиле рано или поздно услышит об этом — что она относится к Моссад.

Израиль — нация солдат, это значит, что прямое столкновение с врагом рассматривается, как самое почётное задание. Потому Моссад стал наивысшим символом израильского статуса. И теперь я стал его частью.

Это придавало мне чувство силы и власти, которое трудно описать. Это стоило того, чтобы выдержать всё, всё, через что я прошёл, чтобы попасть туда. Я знаю, что в Израиле очень мало людей, которые не хотели бы оказаться на моём месте.

Глава 4. «продвинутые»

Кадетам всё время вбивали в голову, что они должны быть гибкими, уметь приспособливаться и использовать все свои способности. Всё, что мы когда-то сделали, может пригодиться; потому нам нужно изучать всё и как можно больше.

Мишель М. и Хайм М., оба члены моей маленькой прочной компании, попали на курс с чёрного хода. Оба любили поболтать. Они знали почти всех преподавателей и любили постоянно расписывать нам, как они однажды станут с лёгкостью вербовать генералов и других высокопоставленных персон.

На курсе я знал английский лучше всех, за исключением Джерри С., и я был лучший по оперативному мышлению, т.е. по умению анализировать обстановку и предугадывать возможные проблемы.

Так как Хайм и Мишель были для меня людьми, лучше знавшими окружающий мир, я отнесся к ним с уважением, и они взяли меня под своё крылышко.

Мы жили недалеко друг от друга и ездили обычно в Академию и домой вместе, обычно с вечерними посиделками в кафе «Капульски», за кофе, пирожными и разговорами. Кстати, только там я ел самый вкусный в моей жизни Шварцвальдский вишнёвый торт.

Мы стали действительно близкими друзьями. Мы вместе рассуждали, строили планы, нападали на предполагаемых противников. Мы всегда старались на тренировках вместе решать задания, потому что могли положиться друг на друга — или, по крайней мере, думали так. И никто нам в этом не препятствовал.

Орен Рифф, наш старший инструктор, работавший раньше для «Тевель», всегда уделял большое внимание теме официальной связи (Liaison).

Изо всей собираемой информации, 60-65% получают из средств массовой информации — радио, газет, телевидения, около 25% — с помощью спутников, контроля над телефонными переговорами и радиоэлектронного перехвата, 5-10% — через офицеров связи (Liaison) и только от 2 до 4% от «Humant», т.е. от собственно агентов, а также через прямое получение сведений для отдела «Цомет»

(позднее переименован в «Мелуха»).

Но этот маленький процент — самый важный из всей получаемой информации.

Занятия во второй части курса включали двухчасовой научный доклад Зейва Алана, знаменитого офицера связи Моссад при ЦРУ. Он рассказывал о Соединённых Штатах и о Латинской Америке.

Алан объяснил, что, имея дело с офицером связи иностранной разведслужбы, он рассматривает его, как звено цепи, и его самого рассматривают, как звено цепи и источник. Ты передаёшь ему информацию, а он тебе. Ты только соединяющее звено. Но так как вы оба люди, всё должно быть в ажуре.

По этой причине люди Liaison, если необходимо, меняются. Если ты в хорошем контакте со своим партнёром, то есть шанс установить личные отношения с другой стороной. Если отношения развиваются хорошо, то у твоего контакта возникает к тебе чувство симпатии.

Он понимает опасности, которым подвергается твоя страна. Цель состоит в том, чтобы поднять чисто разведывательную активность на такой личный уровень, как будто имеешь дело с настоящим другом. Но при этом никогда нельзя упускать из виду, что он и тогда остаётся членом большой организации. И он знает намного больше, чем имеет право тебе рассказать.

Но иногда складывается такая ситуация, когда тебе нужны сведения, которые он даёт тебе «бесплатно», просто, как другу, если знает, что это не нанесёт ему вреда, и ещё знает, что ты будешь держать язык за зубами.

Такие сведения очень ценны, и, когда пишешь донесение, проходят по степени важности «Джамбо». Алан взглянул на нас через очки, как у Джона Леннона, и похвастался, что у него больше опыта с донесениями уровня «Джамбо», чем у любого другого в Моссад.

Но мы сами — офицеры Моссад — не будем снабжать кого-либо чужого информацией «Джамбо». Мы будем готовить «как-бы-Джамбо» — сведения, которые будут передаваться другой стороне в качестве ответной услуги за полученные отсюда благодаря личным контактам сведения. Передача настоящих «Джамбо» рассматривалась бы, как настоящее предательство.

Алан рассказал нам, что у него много друзей в американской разведке.

— Но я всегда думаю о самом важном, — сказал он и сделал эффектную паузу. — Когда я сижу рядом со своим другом, это не значит, что он сидит со своим другом.

С этими словами он нас оставил.

За лекцией Алана последовал доклад о техническом сотрудничестве разведслужб. Тогда мы узнали, что Моссад обладает самым богатым в мире опытом взламывания замков. Различные британские производители ключей и замков направляют свои новые разработки британской Секретной службе для проверки их надёжности, а она пересылает их на анализ в Моссад.

Нашим людям приходится проанализировать замок, выяснить, как его можно открыть и послать назад вместе с «сертификатом», где значится, что его — сообразно случаю — «взломать нельзя».

Однажды после обеда Дов Л. забрал нас на автостоянку, где стояли семь белых машин типа «Форд-Эскорт» (в Израиле автомобили Моссад, Шабак и полиции обычно белого цвета. Только шеф Моссад использовал в те времена темно-вишневый «Линкольн-Таункар»).

Нас следовало научить определять, не следят ли за нами из машины. Эту тренировку тоже пришлось повторять снова и снова. Всё выглядит совсем не так, как рассказывается в фильмах и книгах — внезапно встают волосы на затылке и чувствуешь, что тебя преследуют. Этому учатся на практике и исключительно на практике.

На следующий день Ран С. читал лекцию о «сайаним», важном и уникальном элементе операций Моссад. «Сайаним», т.е. «помощники» это всегда евреи. Они живут за границей и не имеют израильского гражданства. Контакт с ними обычно устанавливается через их родственников в Израиле.

Например, израильщина, у которого родственник проживает в Англии, могут попросить написать ему письмо. В письме будет написано, что человек, передавший это письмо, представляет организацию, основной задачей которой является защита и спасение евреев диаспоры. Не может ли родственник в Великобритании ему каким-то образом оказать содействие?

Во всём мире — тысячи «сайанов». Только в Лондоне их 2000 активных и ещё 5000 в резервном списке. Они решают самые разные задачи.

«Сайан с автомобилем» может сдать в аренду Моссад автомобиль безо всяких документов, «сайан с квартирой» может снять жильё, не вызывая подозрений, «банковский сайан» может достать деньги даже в полночь, «врач-сайан» вылечит огнестрельную рану, не сказав ни слова полиции.

Так создаётся резерв людей, на которых всегда можно опереться в случае необходимости. Это люди, оказывающие услуги и хранящие молчание из чувства лояльности. Им лишь компенсируются их расходы. Часто доверием «сайанов» пользуются «катса», используя их помощь в своих личных целях. «Сайаним» никак не смогут это проконтролировать.

Но в любом случае всегда можно быть уверенным, что еврей или еврейка, узнавшие, что речь идёт о Моссад и не готовые к сотрудничеству, всё равно никого не выдадут. Так создаётся совершенно безопасная система вербовки, охватывающая миллионы евреев за пределами страны.

Намного легче оперировать людьми на месте, и «сайаны» повсюду оказывают неоценимую практическую пользу. Но их никогда не подвергают риску — и никогда не предоставляют им секретных данных.

Предположим, «катса» для маскировки нуждается в складе радиоэлектроники. Достаточно позвонить «сайану», работающему в этой сфере, и он быстро поставит 50 телевизоров, 200 видеомагнитофонов и всё остальное со своего склада. И вот ты

уже «владелец» склада товаров стоимостью в 3-4 миллиона долларов.

Так как большую часть своих действий Моссад проводит в Европе, очень полезно иметь адрес фирмы в Северной Америке. Потому есть «сайаны с адресами» и «сайаны с телефонами».

Если «катса» требуется адрес и номер телефона, он может использовать адрес и номер телефона одного из таких «сайаним». Получив письмо или приняв телефонный звонок, «сайан» сразу знает, что ему делать.

Некоторые «сайаны с фирмой» нанимали на работу до 20 человек, отвечавших на телефонные звонки, печатавших письма, отправлявших факсы, всё для Моссад. Шутка в том, что 60% услуг служб автоответчиков в Европе оказывается для Моссад. Без него эти службы обанкротились бы.

Но проблемой остаётся то, что Моссад совершенно не заботит, какие ужасные последствия для положения евреев по всему миру принесет разоблачение этой системы добровольных помощников. Если спросить об этом, ответ прост: «Ну что, в самом худшем случае, случится с этими евреями? Они тогда все приедут в Израиль. Прекрасно».

«Катса» в некоторых резидентурах должны заботиться о «сайаним». Большинство активных «сайанов» посещается «катса» примерно раз в три месяца, что для данного «катса» означает от двух до четырёх личных бесед с «сайаним» в день и многочисленные телефонные переговоры.

Такая система позволяет Моссад обходиться минимальными кадрами. Например, если в резидентуре КГБ работает 100 человек, то сравнимая резидентура Моссад обходится шестью-семью.

Люди ошибаются, полагая, что Моссад вредит то обстоятельство, что он не располагает резидентурами в однозначно враждебных «странах-целях». У Соединённых Штатов есть резидентура в Москве, у русских — резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке. А у Израиля нет резидентуры в Дамаске.

Но они не понимают, что Моссад рассматривает в качестве цели весь мир за пределами Израиля, включая Европу и США. Большинство арабских стран не располагает заводами по производству вооружений. У большинства их нет и элитных военных академий.

Если нужно завербовать сирийского дипломата, не обязательно делать это в Дамаске. Если нужно получить сведения о ракетах некоего арабского государства, то их следует собирать в Париже, Лондоне или в США, где эти ракеты производятся.

Что есть у саудовцев? «АВАКС». Это «Боинг». А «Боинг» — фирма американская. Зачем тогда нужны саудовцы? Все вербовочные результаты Моссад в Саудовской Аравии ограничивались в период моей службы одним атташе японского посольства. Этого хватало.

А если нужно выйти на высокопоставленных офицеров, то и они учились в Англии или в США. Лётчики обучались в Англии, Франции или в Америке, «коммандос» тренировались во Франции или Италии. Их можно завербовать там. Это просто и в большинстве случаев безопасно.

Ран С. рассказывал на своих занятиях всё о

«белых агентах», людях, которых завербовали тайно или открыто, но они, разве что, за очень малым исключением, не знают, что работают на Израиль. Это всегда не арабы и у них хорошие технические знания.

В Израиле царствует предубеждение, что арабы ничего не понимают в технике. Это выражается в анекдотах, например о человеке, продававшем арабские мозги за 150 долларов, а еврейские только за два доллара. Когда его спросили, почему арабский мозг такой дорогой, он ответил: «Потому что им почти не пользовались». Так в общих чертах израильтяне представляют себе арабов.

Работать с «белыми агентами» обычно менее рискованно, чем с «чёрными» (т.е. арабами). С одной стороны, работающие за границей арабы, вероятно, находятся под постоянным контролем арабских секретных служб — и они, узнав, что ты работаешь с «чёрным агентом», могут попытаться тебя убить.

Самое плохое, что могут сделать во Франции с разоблаченным «катса» Моссад, работавшим там с «белым агентом» — выслать из страны. Но самого «белого агента» ожидает судебный процесс за государственную измену. Его стараются защитить всеми средствами, но основному риску, в конечном счёте, подвергается он. А при работе с арабским агентом опасность угрожает обоим партнёрам.

Одновременно с продолжавшимися занятиями в аудиториях Академии, не останавливались и тренировки с автомобилями на местности. Мы изучали технику, называемую «maulter», это означает незапланированное заранее использование машины для определения слежки или для импровизированного собственного наблюдения.

Если нужно ехать через незнакомый район без заранее запланированного проверочного маршрута, есть порядок, которого нужно придерживаться — свернуть налево, затем направо, проехать, остановиться и т.д., для того чтобы, прежде всего, исключить случайности и удостовериться, что «хвоста» за тобой нет.

Нам постоянно напоминали, что мы не «прикованы» к машине. Если кажется, что за тобой следят, но уверенности нет, возможно, разумнее всего выйти из машины и пройти пешком, чтобы проверить.

На другой лекции, которую читал «катса» по фамилии Рабитц, нам описали израильскую резидентуру, «резидентуру на месте», которая из штаба Моссад ведёт разведку против Кипра, Египта, Греции и Турции.

Её «катса» называют «прыгунами», потому что, работая основное время в штаб-квартире в Тель-Авиве, они на пару дней «прыгают» в эти страны и инспектируют там агентов и «сайанов». Во всех этих странах работать опасно, потому что их правительства ориентированы на ООП.

Работу в израильской резидентуре «катса» не любят. В своей лекции Ран С. достаточно открыто дал это понять. По иронии судьбы позднее именно он стал её руководителем.

Для развлечения мы начали соревноваться с 25 студентами другого курса Академии — курса для

офисных служащих, специалистов по компьютерам, секретарей и другого персонала. Они посещали базовый курс, посвящённый основам работы организации, и были намного более серьёзными учениками, чем мы.

Чтобы не допускать их к желанному теннисному столу, мы постоянно прятали ракетки и мячи, но на баскетбольном поле они сами выступили против нас. Мы, кадеты, играли в баскетбол со всем напряжением сил. У нас был парень, «обслуживающий» табло, и мы всегда выигрывали. Другая команда долго возмущалась этим, тем не менее, мы играли с ними раз в неделю по вторникам с 12.00 до 13.00.

Наш учебный план становился всё плотнее. Научив нас обращаться с человеком в период между первым контактом с ним и его вербовкой, нам стали объяснять основные финансовые правила.

Например, прежде чем договариваться с кем-то, нужно проверить состояние его финансов. Конечно, нельзя внезапно заваливать деньгами бедняка, ведь это сразу же вызовет подозрения.

Предположим, если агент возвращается в свою страну-цель, тогда его нужно обеспечить деньгами. К примеру, у него двухлетний договор и его месячная зарплата в Моссад составляет 4000 долларов.

Если агенту требуется тысяча долларов в месяц без изменения его стиля жизни, то «катса» открывает для него счёт в банке, возможно в Англии, и переводит туда его годовой заработок. Итак, агент получит сразу 12000 долларов, а остальные 36000 ему перечислят на счёт.

На второй год, если он остаётся «в деле» на два года, ему снова дают 12000 долларов, как «предоплату», и ещё 36000 кладут на его счёт. Тогда он не только обеспечен деньгами для ежедневных потребностей, но и будущее его гарантировано. Так бюро крепче привязывает агента к себе. Этим оно защищает свои собственные интересы.

Есть ещё система выплаты бонусов — дополнительно, денежным переводом в письме, например, в зависимости от полученной информации или от положения агента. Размеры таких премий колеблются в среднем от 100 до 1000 долларов, но важный агент, например сирийский министр, может, исходя из качества его донесений, получить и от десяти до двадцати тысяч долларов.

Из 30-35 «катса», которые постоянно используются, каждый ведёт не менее 20 агентов. Каждый из этих приблизительно 600 агентов получает в среднем 3000 долларов плюс 3000 долларов бонус. Многие зарабатывают значительно больше.

Таким образом, бюро только на зарплату агентам выделяет в месяц не менее 15 миллионов долларов. К этой сумме нужно добавить расходы на вербовку, конспиративные квартиры, операции, автомобили и многое другое; всего в месяц набираются сотни миллионов.

«Катса» может без проблем заплатить только за еду и выпивку 200-300 долларов в день, а его общие ежедневные расходы достигают тысячи долларов. Это ещё 30-35 тысяч долларов в день. И это ещё без зарплаты самого «катса», которая составля-

ет от 500 до 1500 долларов в месяц.

Никогда не говорите, что разведка стоит дешево.

Затем Дов учил нас планировать «безопасный маршрут». Это маршрут, безопасность которого кто-то уже обеспечил.

Мы ознакомились с согласованием действий с «Йарид», отделом оперативной безопасности в Европе, и посмотрели длинный фильм на эту тему.

Команды «Йарид» состоят из 5-7 человек. В то время было всего три такие команды. Пока они находились в Европе, их начальником был шеф по безопасности в Европе.

На этой лекции в основном рассказывалось о поддержке, которую «Йарид» оказывает «катса», но и о том, как и сами «катса» могут обеспечить себе безопасный маршрут, если «Йарид» не может помочь.

Изучив это, я стал смотреть на мир другими глазами. Регулярно посещая кафе в Тель-Авиве, я вдруг начал замечать на улице то, чего раньше просто не видел — полицейских, следящих за людьми. Это происходит постоянно, но если тебя этому не научили, то ты ничего не заметишь.

Следующей была лекция Йегуды Гила о тонкостях вербовки. Гил был легендарным «катса», которого Рифф представил, как «мастера» (см. пролог «Операция «Сфинкс», главу 12 «Шах и мат», главу 14 «Операция «Моисей».)

Он начал с высказывания, что для вербовки существует три «приманки»: деньги, чувства — всё равно, мест или политические убеждения, и секс.

— Всегда подходите к делу медленно и осторожно, — объяснял Гил. — Будьте сдержанны. Например, у вас есть член национального меньшинства в стране, с которым поступили плохо.

Его можно завербовать. И если вы даёте ему деньги, и он берёт их, то вы знаете, что он завербован. И он тоже знает, что завербован. Каждый понимает, что деньги просто так не дают, и никто не ожидает получать деньги, не делая ничего взамен.

И потом ещё вопрос секса. Очень полезная штука, но не средство оплаты, ведь большинство людей, которых мы вербуем, мужчины. Есть пословица: «Женщины дают и прощают, мужчины берут и забывают». Поэтому сексом не платят. Вот деньги, этого люди не забывают.

Даже если что-то сработало, говорил Гил, это не значит, что был выбран именно правильный метод. Правильный метод функционирует всегда, неправильный — от случая к случаю.

Он рассказал историю об одном арабском рабочем, «отере» (или «наводчике»), который должен был организовать встречу с лицом, которого хотели завербовать. Гил ждал в машине, пока «отер» привёл этого человека. Гил работал под «легендой» знакомого коммерсанта. «Отер» уже давно работал на Моссад.

Приведя потенциального агента, он представил Гила в автомобиле, как Альберта, а вербуемого, как Ахмеда. Потом он обратился к Ахмеду со словами: «Это тип из израильской разведки, о котором я тебе рассказывал. Альберт, Ахмед готов работать

на вас за 250 долларов в месяц. Он сделает всё, что вы хотите».

«Отер» — всегда араб — используется по той причине, что очень мало «катса» говорят на арабском. И для араба легче установить первый контакт именно с другим арабом». Отер в некотором смысле растапливает лёд. Через какое-то время «катса» выясняет, будет ли толк с этого потенциального арабского рекрута.

В истории Гила сработало прямое обращение. Ахмеда завербовали, но он действовал не по правилам. Гил внушал нам, что нужно плыть по течению жизни и никогда не забывать об этом при вербовке. Всё должно проходить совершенно естественным путём.

Предположим известно, что человек, которого собираются завербовать, определённым вечером будет в одном бистро в Париже. Известно и то, что он говорит по-арабски. Тогда Гил подсядет к нему за стойкой бара, а чуть дальше разместится «отер».

Внезапно «отер» сделает вид, что только что узнал Гила, поздоровается с ним и заведёт с ним беседу на арабском. Пройдёт совсем немного времени, как тип рядом с ними включится в разговор. Конечно, они должны заранее быть проинформированы о его прошлом, чтобы разговор затронул интересные его темы.

Затем Гил скажет «отеру»: «Ты встретишься со своей подружкой?» «Отер» ответит: «Да, но она приведёт с собой подругу, и мы, конечно, не сможем заниматься этим перед её глазами. Почему бы тебе к нам не присоединиться?»

Тогда Гил скажет, что у него нет времени, ему, к сожалению, нужно ещё кое-что сделать. В этот момент с большой долей вероятности можно предположить, что вербуемое лицо заявит, что он-де свободен — и это будет первый шаг к его вербовке.

— Вот так вам следует на это смотреть, — продолжил Гил. — И если с вами в Париже произойдёт что-то подобное при участии людей, говорящих на иврите, вас возможно тоже вербуют. Ведь люди всегда чувствуют близость друг к другу, встретив в чужой стране кого-то, говорящего на их языке.

При установлении первого контакта очень важно, чтобы всё выглядело как можно естественнее, чтобы обрабатываемому лицу ничего не показалось странным или смешным, когда он ещё раз проанализирует то, что с ним произошло. Если так не получилось, то ты его не «завёл».

У него не должно возникнуть и мысли, что он мог быть целью. И перед тем, как подойти к кому-то в баре, следует очень тщательно изучить его досье, выяснить всё о его симпатиях и антипатиях, даже о его планах на эту ночь — всё, что помогло бы исключить риск и случайности.

Следующую большую лекцию читал Итцак Кнафи, который принёс с собой целую пачку таблиц для объяснения инфраструктурной поддержки, в которой нуждается отдел «Цомет» (вербовочная работа и поддержка «катса») во время своих операций. Такая поддержка громадна.

Начинается всё с «сайанов» и включает при-

обретение денег, машин, квартир и т.п. Но основную помощь оказывают документы и бумаги. Катса может выдать себя за владельца предприятия, выпускающего бутылки или начальника отдела в иностранном представительстве «Ай-Би-Эм».

«Ай-Би-Эм» такое предприятие, которым очень легко воспользоваться. Оно настолько большое и разветвлённое, что в нём можно годами прятать «начальника отдела». У нас были склады от «Ай-Би-Эм», сервисные службы и т.д. У нас были «их» рабочие и их офисы, а концерн ничего об этом не знал.

Но создать фирму, пусть даже «поддельную» — дело не простое. Нужны визитки, формуляры писем с соответствующими данными, телефон, телекс и многое другое.

В своих архивах Моссад располагает прекрасно подготовленными законсервированными фирмами, «кирпичиками» для создания полноценных фирм с адресами, регистрационными номерами, которые только и ждут, когда их вызовут к жизни.

В эти предприятия даже вкладывают немного денег, чтобы заполнить налоговые декларации не вызывать подозрений. Во всём мире у бюро сотни таких предприятий.

В штаб-квартире Моссад есть пять залов, полных всем необходимым для «липовых» фирм. Эта документация размещается по алфавиту в выдвижных ящичках — в каждом из пяти помещений по восемь рядов полок, по 60 ящичков на полке.

Информация содержит сведения об истории каждой фирмы, все финансовые и прочие документы, историю всех её регистраций и перерегистраций, в общем, всё, что может понадобиться «катсе» знать о «своей фирме».

* * *

Через шесть месяцев, посередине курса, у нас состоялась общая встреча («Баблат»), на которой мы говорили обо всём. Она продлилась пять часов.

За два дня до неё у нас была тренировка, во время которой мой коллега Арик Ф. и я сидели в кафе на Генриетта-Зольд-Стрит близ Кикер Хамдина. Я спросил Арика, не было ли за ним «хвоста». Он сказал, что пришёл «чистым». Я тоже.

— О'кей, я знаю, что пришёл «чистым», и ты говоришь, что «чистый», но почему тот парень так на нас уставился? Что касается меня, с меня довольно. Я ухожу.

Арик сказал, что мы не можем уйти, нам следует подождать, пока нас заберут. Но я ответил: «Хочешь остаться — оставайся. А я уйду».

Арик утверждал, что я ошибаюсь, но я лишь сказал, что подожду его на Кикер Хамдина.

Я дал ему тридцать минут. После ухода я решил понаблюдать за кафе. У меня хватало времени, так что я разработал проверочный маршрут и проверил, нет ли слежки за мной.

Затем я вернулся, поднялся на крышу дома, с которой можно было легко наблюдать за рестораном. Через десять минут в него вошёл человек, которого мы там ждали, а еще через две минуты ресторан окружили полицейские машины.

Они вытащили обоих из ресторана и избили до полусмерти. Я вызвал «Скорую помощь». Потом я узнал, что всё это было совместным учением Академии Моссад и отдела «наружки» полиции Тель-Авива. Мы были наживкой.

Арику было тогда 28 лет, и он очень походил на похищенного в Ливане пастора англиканской церкви Терри Уэйта. Перед нашим курсом он служил в военной разведке. Он был самым великим лгуном в мире.

Когда он говорил: «Доброе утро!», то для проверки нужно было выглянуть в окно. Арика не так сильно избили полицейские, потому что он постоянно говорил, конечно, лгал, но говорил. Арик знал, что пока ты говоришь, тебя не бьют.

Но Якоб, другой парень, только повторял: «Я не знаю, чего вы хотите». Здоровенный полицейский его ударил так, что он ударился головой о стену. У него был перелом основания черепа, два дня он пролежал без сознания, потом ещё шесть недель в больнице. Он получал ещё целый год зарплату, но с курса ему пришлось уйти.

Когда нас избивали, это было своего рода соревнованием. Эти «копы» хотели доказать, что они лучше нас. Это было хуже, чем быть пойманным на самом деле. Командиры обеих сторон, видимо, сговаривались между собой.

— Я держу пари, что ты не расколешь моих ребят. — Думаешь? Насколько далеко я могу зайти?

На «Баблате» мы пожаловались, что не видим никакого смысла в том, что нас так жестоко избивают. Но нам сказали, что когда нас поймают, нам следует не оказывать сопротивления, а говорить. Пока вы говорите, ничего вам ваши охранники не сделают.

Во время учений всегда есть опасность попасться в руки полиции. На этом мы учились принимать меры предосторожности.

Как-то в нашем учебном плане значилась лекция Марка Хесснера (см. главу 9 «Стрела»). Она посвящалась совместным операциям (речь шла об операции «Бен Бейкер», которую Моссад провёл вместе с французской разведкой).

Мы с друзьями решили подготовиться к занятию заранее, изучив материал по этому делу за ночь до лекции. Потому после занятий мы вернулись в Академию и поднялись в Комнату 6, где под замком хранятся архивные дела.

Был август 1964 года, чудесная пятничная ночь, и мы совсем утратили чувство времени. Лишь после полуночи мы покинули комнату, заперев её за собой. Машину мы запарковали возле столовой и как раз шли туда, как услышали шум, долетавший из бассейна.

— Что там, чёрт побери, происходит? — спросил я Мишеля.

— Давай посмотрим, — сказал он.

— Погоди, погоди, — засуетился Хайм. — Тише, тише.

— Я придумал кое-что получше, — сказал я. — Давайте вернёмся наверх и посмотрим, в чём там дело.

Шум продолжался, пока мы проскользнули

наверх по лестнице через окно в той маленькой ванной комнате, где меня однажды заперли во время вступительных тестов.

То, что я увидел, я не забуду никогда. В бассейне и вокруг него было около 25 человек, и все в чем мать родила. Заместитель шефа Моссад был тут. Хесснер. Много секретарш. Невероятно.

Многие мужчины не производили особо приятного впечатления, но большинство девушек были великолепны. Должен признаться, так они выглядели намного лучше, чем в форме. Многие из этих женщин не старше 18-20 лет были солдатами, прикомандированными к бюро.

Некоторые из участников мероприятия плескались в воде, некоторые танцевали, а другие лежали справа и слева на простынях и трахались старым добрым образом. Ничего подобного я ещё никогда до этого не видел.

— Давайте сделаем список присутствующих, — предложил я.

Хайм выдвинул идею принести фотоаппарат, но Мишель сказал: «Я уйду. Не хочу терять работу». Йоси придерживался того же мнения, и Хайм согласился, что сделать тут снимки — не самая лучшая мысль.

Мы пробыли там около 20 минут. Это все были высокопоставленные шишки, и они обменивались партнёрами. Меня это действительно шокировало, такого ведь не ожидаешь.

В этих людях видишь героев, ими восхищаешься, а потом застагаешь их на сексуальной оргии у бассейна. А Хайм и Мишель, казалось, совсем не удивились.

Мы тихо выскользнули наружу, подошли к машине и вручную подтолкнули её до ворот. Завели мы её, только выехав за ворота и оказавшись у подножия холма.

Позже мы проверили ещё раз и убедились, что такие вечеринки проходят регулярно. Место у этого бассейна самое безопасное во всём Израиле. Попасть туда может только тот, кто служит в Моссад. Что может произойти в наихудшем случае? Кадет увидит? Ну и что? Солгать можно всегда.

На следующий день в классе странно было сидеть и слушать лекцию Хесснера, после всего увиденного прошлой ночью. Я помню, что я что-то у него спросил. Я просто обязан был это сделать.

— Как чувствует себя ваша спина, — спросил я. — А в чём дело? — спросил он. — Вы ходите так, будто вы её перенапрягли, — сказал я. Хайм взглянул на меня, и у него отвисла челюсть.

После длинной и скучной лекции Хесснера мы выслушали ещё одну — о структуре сирийских вооружённых сил. На такой лекции тяжело не уснуть.

Если бы её прочли на Голанских высотах, то это было бы интересно. Но здесь в аудитории рассказы о том, где расположены позиции сирийцев и т.п., навевали скуку. Правда, мы получили общее представление, что, похоже, и было целью занятия.

Следующий блок занятий касался обеспечения безопасности агентурных встреч в стране-базе. Первый час мы просмотрели снятый Моссад фильм

по этой теме. Но фильм нас особо не впечатлил. В нём всё время сидели люди в ресторанах.

Самое важное здесь — научиться подобрать ресторан и провести явку. Перед каждой встречей с агентом нужно проверить, нет ли слежки. Встречаясь с агентом, сначала следует пропустить его и дать ему сесть. Тогда можно проверить, «чист» ли он.

Каждое движение на этой работе подчиняется своим особым правилам. Если ждёшь агента в ресторане — ты неподвижная мишень. Даже если во время встречи он встает и выходит в туалет, лучше ожидать его, не сидя на одном месте.

Так случилось однажды в Бельгии, когда «катса» по имени Цадок Оффир встречался с арабским агентом. Посидев несколько минут, араб вдруг захотел что-то принести. Когда он вернулся, Оффир всё ещё ждал его. Агент вытащил пистолет и разрядил его в разведчика.

Оффир чудом выжил, агента потом убили в Ливане. Оффир охотно рассказывал всем эту историю, чтобы показать, как опасна может быть малейшая ошибка.

Нам регулярно напоминали, насколько важно уметь защитить самого себя. Они всегда говорили: «Сейчас вы учитесь, как ездить на велосипеде, чтобы потом, когда окажетесь «снаружи» вам и в мыслях не понадобится раздумывать об этом».

Правильная вербовка походит на камень, катящийся с горы. Мы пользуемся словом «ледардер», что означает: стать на вершине горы и столкнуть вниз кошачью голову. Так нужно вербовать. Выбрать кого-то и постепенно заставить сделать что-то незаконное или аморальное.

Его, как камешек, сталкивают с горы вниз. Но если он сидит на площадке, то тебе он в этом не поможет. Тогда его нельзя использовать. Цель состоит в использовании людей. Но чтобы суметь ими пользоваться, их нужно изменить.

Если человек не пьёт, не хочет секса, ему не нужны деньги, у него нет политических проблем, и он доволен жизнью, то завербовать такого человека нельзя.

Собственно, мы всегда работаем с предателями. Агент — всегда предатель, как бы он ни пытался объяснить свои действия. Мы работаем с людьми наихудшего сорта. И всегда говорим, что не шантэжируем этих людей. Но нам это и не нужно. Мы просто ими манипулируем.

Никто не может сказать, что это приятное занятие.

Глава 5. Первая практика

В начале марта 1984 года, наконец, пришло время покинуть классы. Нас осталось только 13 кадетов. Нас разделили на три команды и разместили в разных квартирах в Тель-Авиве и в его окрестностях.

Каждая квартира играла роль одновременно и «безопасного дома» и резидентуры. Моя квартира была на четвёртом этаже; с одним балконом на гостиную и кухню, ещё там были две спальни, ванная и отдельно туалет.

Скупое меблированное жилище принадлежало одному «катса», который в это время работал за границей.

За нашу резидентуру или конспиративную квартиру отвечал наш инструктор Шай Каули. Другими практикантами в ней были Цви Г., психолог, Арик Ф., мой приятель Авигдор А. и ещё некий Ами, красавчик-лингвист.

Ами, помимо своих очевидных недостатков, ещё и не переносил табачный дым — и это в окружении, где непрестанное курение чуть ли не было частью ритуала посвящения.

Ами, холостяк из Хайфы, был похож на кинозвезду и страшно боялся, как бы его не побиили. Мы вообще удивлялись, как он выдержал первые тесты.

Мы впятером с чемоданами въехали в квартиру в девять утра. У нас было 300 долларов наличными — куча денег, если учесть, что месячная зарплата у новичка составляет 500 долларов.

Мы были недовольны тем, что Ами в нашей группе, потому что он был очень скучным. Тогда мы начали при нём рассуждать, что делать, если придёт полиция, как лучше всего подготовиться к боли при побоях, всё это только чтобы ещё больше напугать Ами. Хитрые псы, какими мы стали, получали от этого наслаждение.

Когда в дверь постучали, Ами подпрыгнул и не смог скрыть напряжения. Но это был Каули, который принёс каждому по конверту. Ами накинулся на него: «Ну, всё, мне это надоело!» Каули ответил, что он должен подойти к Аралеху Шерфу, шефу Академии.

Ами перевели в группу на Диценгофф-Стрит, но когда однажды в комнату вломилась полиция, он встал и со словами: «Ну, теперь с меня точно хватит», просто вышел и уже не вернулся.

Так нас осталось двенадцать.

В конвертах Каули лежали инструкции для наших заданий. Моей задачей было установить контакт с человеком по имени Майк Харари. Его имя мне тогда ничего не говорило. Затем я должен был собрать сведения о человеке, которого его друзья знали под именем «Майки» — в конце 40-х он был лётчиком-добровольцем в Войне за независимость.

Каули пояснил, что мы должны помогать друг другу при выполнении заданий. Потому мы разработали оперативный план и продумали проверочный маршрут для поддержания безопасности жилища. Ещё Каули дал каждому документы — я снова стал «Симоном» — и бланки отчётов.

Сначала нам нужно было смастерить тайник для документов, затем разработать «легенду» для объяснения нашего нахождения в квартире на случай полицейской облавы. Лучший метод для этого — «цепочка пояснений».

Я скажу, что приехал из Холона в Тель-Авив и встретил в кафе Джека, владельца квартиры. Дальше я объясню, что Джек разрешил мне воспользоваться его жильём, потому что он на два месяца уедет за границу».

Потом я встретил в ресторане Арика. Мы с ним познакомились в армии в Хайфе. Потому он

здесь. А Авигдор — друг Арика, и у них тоже готова история. Всё звучит вполне приемлемо. Каули мы сказали, чтобы он придумал собственную историю.

Из стола в гостиной мы соорудили тайник. Это была рама со стеклянным листом поверх деревянной пластины, на которую мы осторожно положили ещё одну «фальшивую» пластину. Нужно было только снять стеклянный лист и верхнюю деревяшку. Доступ к нему удобен, но никто чужой не догадается туда заглянуть.

Мы договорились о специальном стуке в дверь — сначала стукнуть два раза, потом один раз, два раза и ещё один раз — сигнал, что пришел кто-то из своих. Перед тем, как вернуться в квартиру, мы решили звонить и передавать по телефону кодированное сообщение. Если никого дома не оставалось, то на верёвке на балконе вывешивалось желтое полотенце.

Мы были в ужасном напряжении. Нам казалось, что нам предстоит переход реки вброд, хотя это были собственно лишь учения.

Перед тем, как Каули продолжил, мы уже разработали свои планы подхода к «объектам разработки» и получения от них информации. Так как они жили по постоянным адресам, первым шагом стало наружное наблюдение.

Авигдор решил для меня проследить за домом Харари, а я присматривал за объектом Арика — человеком, владевшим фирмой игрушек «Букис Тойс».

О Харари я знал только имя и адрес. В телефонной книге его имя не значилось. Но в библиотеке я нашел его в справочнике «Кто есть кто». Данные о нём не отличались полнотой.

Там было лишь сказано, что Харари президент страхового общества «Мигдал», одного из крупнейших в стране, его центральное бюро находилось возле района Хакирия. Там находятся многие правительственные здания. Кроме того, было отмечено, что жена Харари работает библиотекарем в Тель-Авивском университете.

Я решил попытаться устроиться на работу в страховую компанию «Мигдал». Меня послали в отдел кадров. Став в очередь, я заметил человека примерно моего возраста, работавшего в бюро по соседству. Я услышал, как кто-то назвал его «Яковом».

Я вошел в его бюро и спросил: «Яков?»

— Да, кто ты?

— Я Симон. Я тебя помню. Мы оба были в Тель-Хашомер (это самая большая база для новобранцев, через неё проходит любой израильтянин.)

— В каком году ты был там? — спросил он.

Вместо того чтобы ответить прямо, я сказал: «Я был двести третьим». Это первые цифры номера серии, но они означают скорее временной интервал для призывников, а не конкретный год или месяц.

— Я тоже 203-й, — сказал Яков.

— Авиация?

— Нет, танки.

— А, понгос, — засмеялся я («Понгос» (искаженное «гриб») — так на иврите в шутку называют

танкистов, потому что в танке всегда жарко, душно и часто влажно).

Я сказал, что немного знаком с Харари и спросил Якова, нет ли в их фирме свободных вакансий.

— О, да, нам нужны представители.

— А Харари всё ещё президент?

— Нет, нет, — ответил Яков и назвал другую фамилию.

— О, а что же теперь он делает?

— Он теперь дипломат, — сказал Яков. — И, кроме того, у него импортно-экспортная фирма в здании «Кур».

Тут у меня в голове щёлкнуло — Ави́гдор рассказывал, что видел перед домом Харари «Мерседес» с белым дипломатическим номером. Меня сбilo с толку, когда я это услышал. Человек с еврейским именем, поддерживающий контакты с иностранными дипломатами, в Израиле всегда под большим подозрением.

В нашей стране всех дипломатов считают шпионами. Потому израильский солдат, путешествуя автостопом, не может садиться в автомобиль с дипломатическими номерами — за это ему «светит» военный трибунал.

Когда Ави́гдор увидел «Мерседес» перед домом Харари, мы ещё не знали, что это его машина. Мы подумали, что к нему кто-то приехал в гости.

Я ещё немного побеседовал с Яковом, пока ко мне не подошла женщина, сказав, что пришла моя очередь. Я не хотел вызывать подозрений, потому последовал за ней в отдел кадров, но при разговоре не проявил ни малейшего желания действительно получить работу.

Теперь я уже знал, где работает жена Харари — в университете Тель-Авива, и что сам Харари дипломат. Но где? И для кого? Конечно, я мог бы последить за его машиной. Но ведь раз Харари дипломат, можно предположить, что он прошёл разведывательную подготовку. А я не хотел провалить своё первое задание.

На второй день я сообщил Каули, что буду решать задания по очереди. Сначала я установлю контакт с Харари, а потом выясню, кто такой Майки.

Каждый раз, выходя из квартиры, мы предполагали, что за нами могут следить. Если так случится, то нужно сообщить другим в квартире, что она уже не безопасна. Конечно, каждый из нас знал, где остальные, ведь мы согласовывали наши отчёты для Каули.

Тогда я помнил методы АПАМ даже во сне. На четвёртый день, двинувшись к зданию «Кур», я заметил за собой «хвост» близ района Хакирия.

Мой обычный безопасный маршрут был таков: сесть на автобус в Гиватайме, доехать до Дерах Петах-Тиква, и выйти на углу Каплан-Стрит, улицы идущей прямо в Хакирию.

В тот день я тоже вышел из автобуса, описал круг, как всегда делал перед тем, как сесть на следующий автобус до Гиватайма, посмотрел направо и ничего не увидел. Но взглянув налево, я засёк нескольких мужчин в припаркованной машине на сто-

янке. Было видно, что они не отсюда. Я подумал, ладно, я с вами поиграю в маленькую игру и оставлю с носом.

Я подошёл к месту, где мост пересекает Петах-Тиква в направлении здания «Калка», было примерно 11.45. Движение на улице было ужасное. Я поднялся к мосту, остановился и увидел, как водитель запаркованной машины ищет меня взглядом, потому что он, очевидно, не предполагал, что я могу наблюдать за ним сверху.

За мной стоял ещё один мужчина, но он не мог незаметно для меня подойти ближе. На другом конце моста стоял ещё один тип, очевидно готовый преследовать меня, если бы я пошёл на север, затем ещё и третий человек на случай, если бы я пошёл на юг. С моего наблюдательного пункта на мосту я держал всё в поле зрения.

Под мостом развернуться машине было нельзя. Вместо того чтобы перейти мост, я устроил маленькое шоу. Я приложил ладонь ко лбу, будто что-то забыл, быстро повернулся и пошёл назад к Каплан-Стрит, медленно, чтобы они могли последовать за мной.

Меня разбирал смех, когда я услышал под мостом гудки, потому что их машина безуспешно пыталась развернуться в плотном потоке автомобилей.

По Каплан-Стрит они все могли идти за мной только гуськом. Я поднялся до половины улицы к армейскому посту перед воротами Виктор-гейт (названными так в честь моего бывшего ротного старшины), перешел улицу через застопорившийся поток машин в направлении киоска, где купил печенье и лимонад.

Стоя там, я увидел, что машина медленно приближается. Тут я заметил, что водителем в ней был Дов Л. Я быстро перекусил, спустился к их машине, совершенно застрявшей в пробке, опёрся на её капот, чтобы проскользнуть перед бампером, и пошёл дальше. За спиной я слышал, как Дов Л. говорил в свою мини-рацию что-то вроде: «О'кей. Один — ноль в твою пользу. Тут ты меня обставил».

Я был на самом деле горд. Это оказалось забавным. Дов потом сказал мне, что его ещё никто так ловко не смог перехитрить, он действительно был сбит мною с толку.

Удостоверившись, что «чист», я взял такси и поехал в совсем другой район Тель-Авива, где ещё раз провёл проверку на маршруте, чтобы быть совершенно уверенным, что всё это не их фокус для того, чтобы я считал себя в безопасности.

Затем я вернулся к зданию «Кур» и сказал на входе, что у меня назначена встреча с господином Харари. Мне сказали подняться на четвёртый этаж, где на маленькой табличке было написано что-то вроде импортно-экспортной экспедиции.

Я решил зайти в обеденный перерыв, потому что в это время высшие менеджеры редко остаются на работе. Сперва я хотел только поговорить с секретаршей и получить номер телефона и немного информации. А если Харари окажется на месте, то придётся импровизировать.

К счастью, на месте была лишь секретарша. Она сказала, что фирма перевозит по морю свои

собственные товары, в основном, в Южную Америку, и очень редко берёт каботажные или попутные грузы у других фирм, лишь чтобы заполнить корабль полностью.

Я сказал ей, что слышал в страховой компании, что Харари работает здесь.

— Нет, нет, — ответила она. — Он партнёр фирмы, но он здесь не работает. Он посол Панамы.

— Простите, — сказал я (плохой ответ, но это оказалось для меня полнейшим сюрпризом), — я думал, что он израильтянин.

— Так и есть. Он почётный посол Панамы.

Выйдя из здания, я проделал проверочный маршрут и написал полный отчёт обо всех моих действиях в этот день.

Когда пришёл Каули, он спросил меня, насколько далеко я продвинулся и как я собираюсь установить контакт.

— Я пойду в панамское посольство.

— Почему? — спросил Каули.

Я уже успел разработать план. У побережья Панамы есть группа маленьких островов, где процветает разведение жемчужин. В Израиле Красное море тоже очень хорошо подходит для разведения жемчужин. Оно спокойное, в нём достаточно соли, а на другой стороне в Персидском заливе полно жемчужных раковин.

Я специально прочёл об этом в библиотеке — особенно о жемчужной индустрии. Я пойду в посольство и представлюсь партнёром богатого американского коммерсанта, который хочет заняться разведением жемчужин в Эйлате.

Ввиду высокого качества панамских жемчужин ему нужно привезти один контейнер жемчужных ракушек из Панамы в Израиль для развития этой индустрии. План должен намекать на то, что у задействованных людей много денег, и что они не ищут быстрой прибыли, ведь первые три года, пока не появятся жемчужины, никаких прибылей ожидать не приходится. Каули согласился с планом.

Теперь мне следовало договориться о встрече с Харари, а не с официальным дипломатическим представителем Панамы. Позвонив в посольство и представившись как Симон Лахав, я сказал, что хотел бы предложить инвестиции в экономику Панамы.

Секретарша посоветовала обратиться к аташе. Но я ответил: «Нет, мне нужен кто-то с опытом в бизнесе». Тогда она сказала: «Возможно, вам следовало бы поговорить с господином Харари» Мы договорились о встрече с ним на следующий день.

Я сказал ей, что меня можно застать в отеле «Шератон», если потребуются дополнительные детали. Я был зарегистрирован там в рамках соглашения Моссад со службами безопасности различных гостиниц. Официерам предоставляется в них комната для приёма сообщений.

В ходе дня мне пришло сообщение, что г-н Харари может принять меня в 18. 00 в посольстве. Это показалось мне странным, потому что посольство закрывалось уже в пять часов вечера.

Посольство Панамы расположено на первом этаже жилого дома на набережной южнее аэропорта

Сед-Дов. Мне потребовался паспорт, потому что я хотел выступать не как израильтянин, а как бизнесмен из Британской Колумбии, Канада.

Я уже связался по телефону с мэром Эйлата Рафи Хохманом, которого знал ещё с тех времён, когда один год прожил Эйлате. Мы вместе ходили в одну гимназию. Я, конечно, не сказал Хохману, кем я стал сейчас, но обсудил с ним проект, на всякий случай, если вдруг Харари захочет что-то перепроверить.

К несчастью Каули не смог получить нужный мне паспорт, потому я пошёл без него, подумал, что если он спросит, скажу, что я канадец, поэтому не привык обычно носить с собой паспорт и оставил его в гостинице.

Я вошёл в посольство и нашёл Харари совсем одного. Мы сели напротив друг друга в шикарном офисе. Харари сидел за большим письменным столом, а я излагал ему свой план.

Его первым вопросом было: «Стоит ли за вами банк или это частные инвестиции?»

Я сказал, что это спекулятивный капитал, считающийся очень рискованным. Харари улыбнулся. Я как раз собирался углубиться в детали разведения жемчужных раковин, как Харари спросил: «О какой сумме идёт речь?»

— Столько, сколько потребуется, до 15 миллионов долларов. Но у нас очень большое поле для игры. Мы рассчитываем, что производственные расходы за три года не превысят 3-5 миллионов.

— Зачем тогда такое большое вложение капитала, при столь небольших расходах? — спросил Харари.

— Потому что потенциальные прибыли очень высоки, а мой партнёр умеет делать деньги.

Тут я снова захотел вернуться к техническим деталям, попытаться вернуть в беседу имя мэра Эйлата. Но Харари прервал меня, нагнулся через стол и сказал: «За хорошую цену вы можете в Панаме получить всё, что захотите».

Тут у меня возникла настоящая проблема. Я вышел на этого типа и хотел спихнуть его с горы, медленно вывалив его в грязь. Я хотел играть роль чистенького парня, но не успел открыть рот, как он уже столкнул с горы вниз меня самого.

Я находился в посольстве и разговаривал с почётным послом. Он меня никогда раньше не видел, но сразу же заговорил о взятках.

— Панамы удивительная страна, — заметил Харари. — Собственно говоря, это даже не страна. Скорее это коммерческое предприятие. Я знаю там нужных людей или, другими словами, владельцев предприятий.

В Панаме одна рука моет другую. Сейчас вы, возможно, хотите договориться о жемчужном бизнесе. Завтра, может быть, мы захотим что-то от вас. Это обычай и нравы бизнеса, и мы охотно работаем с дальним прицелом.

Харари помолчал и вдруг спросил: «Но перед тем, как двинуться дальше, могу я увидеть ваше удостоверение личности?»

— Какое ещё удостоверение?

— Ну, ваш канадский паспорт.

— Я никогда не ношу с собой паспорт.

— В Израиле вы всегда обязаны иметь паспорт при себе. Позвоните мне, когда он будет при вас, и мы продолжим разговор, — сказал он. — Сейчас, как вы видите, посольство уже закрыто.

Он встал и молча проводил меня к двери.

Я неумело отреагировал на вопрос Харари о паспорте. Я медлил, едва ли не заикался. Тут, видимо, насторожился его инстинкт разведчика и он заосторожничал. Внезапно он стал очень опасен.

Я вернулся в квартиру после обычной проверочной процедуры и к десяти вечера закончил свой отчёт. Зашел Каули, чтобы прочесть его.

Каули ушёл, и вскоре после этого вломилась полиция, выбив дверь. Нас всех отвезли в участок в Рамат-Гане и поместили в разные камеры перед допросом.

Это должно было ещё раз напомнить нам, что при работе в резидентуре за границей нашим главным врагом остаётся местная полиция. Если, к примеру, в отчёте пишешь, что за тобой была слежка, нужно уточнять, были это, по твоему мнению, полицейские или нет.

Нас продержали всю ночь. Когда мы вернулись в квартиру, дверь уже почти отремонтировали. Через 10 минут зазвонил телефон. Это был Аралех Шерф, директор Академии. Он сказал: «Виктор? Бросай всё и приезжай сюда. Я хочу тебя видеть. Немедленно».

Я взял такси до угла близ «Кантри-Клаба», потом пошёл пешком к школе. Что-то было не так, я чувствовал это. Возможно, они уже выяснили, что, к примеру, производитель игрушек был раньше человеком Моссад, как у контакта Авигодора, владельца ликероводочного завода.

Шерф сказал: «Скажу тебе прямо. Майк Харари был шефом «Метсады». Единственным тёмным пятном в его карьере был Лиллехаммер, где он руководил операцией. Шай Каули так гордился тобой. Он дал мне твой отчёт».

Но, по твоим данным Харари выглядит не особо хорошо. Вроде мошенника. Потому я позвонил ему прошлой ночью и спросил об его версии. Прочёл ему твой отчёт. Он сказал, что всё, написанное тобой, ложь». Затем Шерф рассказал мне версию Харари.

Согласно ей, я пришёл, прождал 20 минут, пока он освободился, и начал говорить по-английски с ужасным акцентом. Он заявил, что разглядел во мне жулика и прогнал. Он сказал, что ничего не знает ни о каких жемчужинах, и обвинил меня в том, что я полностью выдумал историю.

Шерф добавил: «Харари был моим шефом. Ты хочешь, чтобы я поверил тебе, новичку, а не ему?»

Я почувствовал, как кровь ударила мне в голову. Меня охватила ярость. Пусть у меня не самая лучшая память на имена, однако, мои отчёты всегда были почти безупречны. Но перед тем, как встретиться с Харари, я включил спрятанный в моём «дипломате» диктофон, и теперь смог дать Шерфу плёнку.

— Вот наша беседа. Делайте с ней всё, что

хотите. Потом вы сможете сказать, кому вы верите. Я записал на плёнку каждое слово.

Шерф взял пленку и вышел из кабинета. Через 15 минут он вернулся.

— Хочешь, чтобы тебя отвезли в твою квартиру? — спросил он. — Видимо, тут какое-то недопонимание. Вот в конвертах деньги для вашей команды.

— Можете вы вернуть мне плёнку? — спросил я. — На ней есть ещё материалы с другой операции.

— Какую плёнку?

— Ту, что я вам только что дал.

— Послушай, — сказал Шерф. — Я знаю, у тебя была тяжелая ночь в полицейском участке. Я прошу прощения, что мне пришлось после всего вызывать тебя сюда только чтобы дать денег для твоей группы. Но так иногда получается.

Позднее во время моей беседы с Каули, тот сказал мне, что был очень рад, узнав, что я записал разговор на плёнку. — Иначе, — сказал Каули, — тебе пришлось бы худо, тебя могли даже выгнать с курса.

Я никогда ничего больше не видел и не слышал об этой плёнке, но я усвоил урок. Так в моём представлении о Моссад возникла первая трещина. Ведь это же великий герой. Я много слышал о делах Харари, правда, под его тогдашним кодовым именем «Кобра». Потом я выяснил, кем он был.

Когда Соединённые Штаты сразу после полуночи 20 декабря 1989 года высадились в Панаме, чтобы свергнуть генерала Мануэля Норьегу, в первых сообщениях рассказывалось, что Харари был взят там в плен.

В радионовостях его описывали, как «таинственного бывшего офицера разведки Моссад, ставшего одним из самых влиятельных советников Норьеги». Полицейский чиновник нового поставленного американцами у власти правительства выразил своё удовлетворение и заявил, что Харари был вторым после Норьеги «по важности лицом в Панаме».

Но эта радость оказалась преждевременной. Американцы поймали Норьегу, но Харари исчез. Вскоре после этого он снова вынырнул в Израиле, где ему и место.

Мне нужно было решить ещё вторую задачу — собрать информацию о бывшем летчике «Майки». Мой отец Сид Остен (он изменил свою фамилию на «Островский»), который сейчас живёт в Омахе, штат Небраска, был командиром в израильской авиации.

Поэтому мне были знакомы блистательные операции и подвиги времён Войны за независимость. Это были в основном пилоты американских, британских и канадских ВВС Второй мировой войны, позднее добровольно дравшиеся за Израиль.

Многие из них размещались на авиабазе Седе-Дов, которой командовал мой отец. В архивах я нашёл много имён, но ни малейшего указания на человека по имени Майки.

Моим следующим шагом был звонок Мусе М., начальнику службы безопасности с просьбой о

регистрации в отеле «Хилтон». Затем я добыл много картонки и стойки для вывесок.

Затем я позвонил в бюро связи ВВС и сказал, что я канадский режиссёр и хочу снять документальный фильм о добровольцах, сражавшихся за создание Государства Израиль. Я сказал, что следующие два дня меня можно застать в «Хилтоне» и с удовольствием встретился бы со всеми людьми, с кем только возможно.

Только месяц назад в ВВС прошло торжественное награждение ветеранов орденами, потому что их список адресов был на актуальнейшем уровне. Офицер связи сообщил, что он сам связался с 23 из них, и 15 выразили желание встретиться со мной в отеле. Если мне что-то ещё понадобится, мне следует только позвонить.

Я взял картонку и нарисовал таблички с надписью «Небо в огне. История Войны за независимость», а внизу приписал: «Canadian Documentary Film Board».

В пятницу в десять утра в сопровождении Авиغدора я вошёл в «Хилтон». Авигдор был в американской куртке и нёс таблички.

На мне был дорогой костюм. Авигдор поставил у входа одну табличку, на которой была указана комната, где состоится встреча и ещё одну — в холле. Никто из работников отеля не спросил нас, что мы тут делаем.

Около пяти часов я разговаривал с этими людьми, поставив на стол магнитофон. Один из них, ничего не подозревая, рассказывал мне истории о моём отце.

Однажды, когда несколько ветеранов заговорили одновременно, я сказал: «Майки? Кто такой этот Майки?», хотя это имя никто не упоминал.

— О, это Джейк Коэн, — сказал один из присутствующих. — Он раньше был врачом в Южной Африке.

Затем они довольно долго говорили о Майки, который теперь полгода живёт в Израиле и полгода в США. Вскоре после этого я поблагодарил всех и сказал, что мне пора уходить.

Я никому не давал визитку. Я никому ничего не обещал. Но я получил имена всех. Все они пригласили меня на обед. Они были, как пудинг в миске. Из них можно было слепить всё, что угодно.

Затем я вернулся в квартиру, написал отчёт и сказал Каули: «Если на плёнке есть что-то, чего я не должен писать, скажите это мне прямо сейчас».

Каули засмеялся.

* * *

Когда в марте 1984 года эта часть нашего курса подходила к концу, Аралех Шерф предложил знаменитому израильскому кинопродюсеру Амосу Этингеру нашу добровольную помощь.

Он должен был в концертном зале Музея человека в Тель-Авиве поставить шоу для ежегодного конгресса Моссад, который длится полтора дня. Жена Этингера Тамар Авидар — известная журналистка, которая одно время даже была атташе по культуре в посольстве Израиля в Вашингтоне.

Это событие — один из редчайших случаев,

когда Моссад устраивает что-то открытое для публики. Хотя эта общественность в основном состоит из расширенной «семьи» Моссад — в основном, политиков, военных разведчиков, ветеранов и издателей разных газет.

Нас замучили. Нужно было ещё писать отчёты для Каули, а мы предыдущей ночью почти не спали, потому что репетировали большое шоу.

Тут Йоси предложил пойти к нему домой, потому что нам на всякий случай всё равно приходилось держаться вместе. Тут Йоси вспомнил, что на улице его ждёт женщина, с которой он договорился. Так что поспать ему так и не удалось.

Я упрекал его: «Ты же только что женился. Скоро у тебя будет ребёнок. Зачем тогда ты вообще вступил в брак? Ты никак не можешь успокоиться. Как рыба в воде. По крайней мере, одна часть тебя всё время в плавании».

Он объяснил мне, что родители его жены владели лавкой на площади Кикер Хамдина (что-то вроде шикарной Пятой авеню в Нью-Йорке), потому что деньги не играли роли. К тому же он ортодокс, поэтому его родители так ждали внука. — Я ответил на твой вопрос? — сказал Йоси.

— Конечно, — ответил я. — Ты не любишь свою жену?

— Люблю. Как минимум два раза в неделю.

Единственным человеком, кто мог бы посоветоваться на равных с Йоси в сфере сексуальных авантюр, был Хайм. Парень был просто чудом. Йоси был очень рассудителен, Хайм вовсе нет. Я никак не мог понять, почему Моссад принял на службу такого глуповатого парня, как Хайм.

Он был не лишён некоторого ординарного шарма, но не более того. Всё, что его интересовало — перегнуть Йоси в сексе. При этом даже Джимми Дюранте опередил бы Хайма на конкурсе красоты. Один здоровенный нос чего стоил! Но для него важно было не качество, а количество.

На многих людей производит сильное впечатление информация, что ты работаешь на Моссад. Ты считаешься в их глазах обладающим силой и властью. Такие парни могут только импонировать женщинам, прозрачно намекая на свои связи с Моссад. Это опасно. Это против всех правил. Но это их игра. И они всё время хвастались своими достижениями.

Хайм был женат и часто приходил на наши вечеринки вместе с женой. Его жена рассказывала Белле, моей жене, что у неё нет никаких проблем с Хаймом, потому что он «самый верный муж на Земле». Я был страшно поражён этими словами.

Но больше всего меня шокировала победа Йоси, которую он одержал на 14-м этаже штаб-квартиры в Тель-Авиве, в «тихой комнате», из которой звонят агентам. Телефонная система располагает прибором под условным названием «Vurass», т. е. «обводной канал».

С помощью этой системы обводной перекоммутации «катса» например, может позвонить своему агенту в Ливане, чтобы у всех, кому удастся подслушать этот разговор, возникло впечатление, что звонили из Лондона, Парижа или другой европейской столицы

Когда комната использовалась, на входе загоралась красная лампочка, чтобы никто не мог зайти. Оказалось, что красный свет подходил и для других целей. Йоси брал с собой в комнату секретаршу — ужасное нарушение правил безопасности — и соблазнял её, пока переговаривался со своим агентом в Ливане.

Чтобы доказать, что это действительно ему удалось, он рассказал Хайму, что спрятал трусики женщины под монитором. Потом Хайм вошёл в комнату и действительно нашел трусики. Он принёс их этой женщине и спросил: «Это твои?»

Обескуражено она ответила, что нет, но Хайм бросил их ей на стол и сказал: «Смотри, не пропусти».

Все в доме об этом знали. Так как я человек честный и достаточно прямой, то разрушил некоторые такие связи. Между мужчинами, трахающими всех вокруг, возникали своего рода компашки. Я-то думал, что взойдёт на Олимп Израиля, а оказалось, что очутился в Содоме и Гоморре, и это меня разочаровало.

Это пронизывало всю работу. Каждый был связан с кем-то через секс. Возникла целая система взаимного фаворитизма. Ты — мне, а я — тебе. Ты поможешь мне. Я помогу тебе. Так и продвигались вперёд «катса» вверх через секс. Большинство секретарш в бюро были довольно красивы. Их выбирали по этому признаку.

Но дошло до того, что они стали в чистом виде товаром для потребления: это просто стало частью их работы. Были шпионы, которые по два, три, четыре года не бывали в Израиле.

«Катса» отвечавшие за них в отделе «Метсада» были единственными связующими звеньями между ними и их семьями. Еженедельно эти «катса» контактировали с жёнами шпионов. И через некоторое время эти контакты выходили за рамки разговоров, а в конце они уже спали с чужими жёнами.

Такому человеку ты доверяешь свою жизнь; но жену ему лучше не доверять. Ты работаешь во враждебной арабской стране, а он в это время соблазняет твою супругу. Это было настолько обыч-

ное явления, что на просьбу перейти в отдел «Метсада» задают вопрос: «Зачем, ты что — такой бабник?»

Упомянутое мною выше шоу новичков называлось «Тени». Это была шпионская история, разыгрываемая полностью за тремя огромными простынями в роли экранов. На них так падал свет, что возникала игра теней. Так как мы были будущими «катса», наши лица не должны были быть известны широкой публике.

Спектакль начинался с танца живота и соответствующей турецкой музыки. Человек с «дипломатом» в руке проходил за экраном. Этим обыгрывалась популярная внутри Моссад шутка, что настоящего «катса» легко узнать по трем «С» — чемодану «Самсонайт», дневнику в кожаном переплёте «Север Стар» и часам «Сейко».

Следующая сцена показывала вербовку. За экраном едко намекнули на вскрытие мешка с диппочтой, затем действие переместилось в Лондон. В квартире один человек говорил по телефону, а в соседней комнате (т.е. за соседним экраном) другой в наушниках подслушивал разговор.

Затем показали вечеринку в Лондоне, где возникли тени арабов в их национальных головных уборах. Они напивались и становились, расслабившись, всё более открытыми. За следующим экраном «катса» встречался с арабом, обмениваясь с ним чемоданами «Самсонайт».

В конце все собрались за экранами, и, взявшись за руки, запели на иврите песню «Дождись другого дня», музыкальное выражение старой поговорки «в следующем году в Иерусалиме», традиционного пожелания евреев до основания Израиля.

Через два дня состоялась завершающая вечеринка с барбекю во внутреннем дворе Академии, рядом с залом для настольного тенниса. Наши жёны, наши инструкторы, все, с которыми мы имели дело, были тут.

Наконец-то нам это удалось.

Был март 1984 года. Мы закончили один курс, но нас ожидали ещё два.

Часть вторая. Внутри и снаружи

Глава 6. Бельгийский стол

В апреле 1984 года члены моей группы были уже не кадеты, но ещё не «катса». Собственно они были «младшими катса», или стажёрами, которых ожидала стажировка в штаб-квартире и второй курс обучения, лишь после окончания которого, мы на самом деле могли назвать себя «катса».

Меня направили в «Research» — исследовательский отдел. На следующее утро после нашего прихода туда, Шаи Каули объяснил, что стажёров примерно в течение года каждые пару месяцев переводят из одного отдела в другой, чтобы мы познакомились с работой всей организации и подготовились к обучению на втором курсе.

После долгой дискуссии, прерываемой обычными шутками, перекурами и кофе, Каули заявил, что к нам обратится Аарон Шахар, шеф «Комеми-

уте» (ранее назывался «Метсада»). Переименование всех отделов произошло после потери в июле 1984 года шифровальной книги в лондонской резидентуре.

Шахар выбрал для своего отдела двух человек — психолога Цви Г. и Амирама, спокойного приятного мужчину, переведённого в бюро прямо из армии, где он был подполковником. Оба должны были стать офицерами-контролёрами агентов, работающими из самого Израиля.

«Комемиуте», что на иврите означает «независимость с высоко поднятой головой» функционирует, как Моссад внутри Моссад. Это сверхсекретный отдел, занимающийся разведчиками — настоящими шпионами-нелегалами, т.е. израильянами, которых с безупречными «легендами» засылают в

арабские страны.

Внутри этого отдела есть ещё маленькое подразделение «Кидон» («штык»), состоящее из трёх команд по 12 человек в каждой. Это профессиональные убийцы, дружелюбно названные «длинной рукой израильского правосудия».

Обычно две из трёх бригад тренируются в Израиле, а третья выполняет операцию за рубежом. Бойцы «Кидон» не знают не только ничего о прочих структурах «Моссад», но даже и настоящих имён своих коллег по подразделению.

Шпионы всегда работают парами. Один из них находится в стране-цели, а другой в стране-базе. В дружественных Израилю странах, например в Великобритании, они не шпионят, а ведут нечто вроде совместного бизнеса.

При необходимости шпион для страны-цели отправляется в эту самую страну-цель, используя, например, фирму в качестве прикрытия, а шпион в стране-базе, его партнёр, является его «пуповиной», обеспечивая всяческую помощь и поддержку.

Роль шпионов изменилась со временем, как изменился и сам Израиль. Раньше у Моссад были разведчики, которые долгое время работали в арабских странах. Но часто они пребывали там слишком долго и их разоблачали. Для этого использовали «арабистов», израильтян, которые по разговору и по внешнему виду не отличались от арабов.

В начале существования государства, когда из арабских стран в Израиль переехало множество евреев, недостатка в «арабистах» не было. Но сейчас это уже не так, а тот уровень арабского языка, которому учат в школе, недостаточен для настоящей маскировки.

Поэтому большинство шпионов выступают в роли европейцев. Договора заключаются с ними на четыре года. Для маскировки важно, чтобы они действительно владели профессией, которая позволяла бы им всегда совершать краткосрочные поездки.

Моссад организывает для них вместе с партнёром — шпионом в стране-базе, настоящую фирму. Это не просто «легенда», она действительно работает — в основном, в сфере импорта и экспорта.

Около 70% таких предприятий находятся в Канаде. С бюро шпион может связаться только посредством своего ведущего офицера (оператора). Каждый офицер-оператор ведёт 5-6 шпионов, не больше.

В «Комемиуте» есть подразделение, в котором работают около 20 экспертов по экономике. Они анализируют каждый рынок и каждую фирму и передают сведения офицеру-оператору, который затем даёт советы разведчикам, какие им действия предпринимать со своей фирмой.

Шпионы, о которых здесь идёт речь — израильские граждане. Это люди из всех слоёв общества — врачи, юристы, инженеры, учёные, готовые посвятить четыре года жизни служению своей стране.

Их семьям выплачивается в качестве компенсации их средний заработок, но за свою работу за рубежом шпионы получают на отдельный счёт премию (бонус). По окончании четырёхлетнего срока

на счету каждого лежит уже от 20 до 30 тысяч долларов.

Шпионы не собирают непосредственно секретные материалы, такие, например, как данные конкретного наблюдения за перевозкой оружия или приготовлениями к войне в больнице. Они собирают то, что мы называем фибер-материал, от английского слова «fiber» — волокно, нить, обрывок.

Это сведения, получаемые от слежения за экономическими процессами, из слухов, настроений, дискуссий и т.п. Не подвергаясь большому риску, разведчики могут спокойно наблюдать за подобными процессами.

Они не посылают (по радио и т.п.) свои донесения прямо из страны-цели, но иногда передают и получают что-то (деньги, сообщения) при прямой встрече.

Во многих мостах в арабских странах шпионы ещё при их строительстве заложили взрывчатку в опоры — всех шпионов учат технике саботажа и диверсий. В случае войны израильский шпион может, получив приказ, взорвать все заминированные мосты в стране.

Вернусь к нашему обучению. После того, как Цви и Амирама забрали в «Комемиуте», у Каули для нас было ещё одно сообщение. Оно касалось давно обещанных нам каникул.

— Как вы знаете, — начал он, — каждый план представляет собой лишь базу для его изменения. Я знаю, что вы страстно жадете каникул, но прежде чем отправиться отдыхать, вам придётся сделать ещё кое-что.

Вы будете нашим первым курсом, прошедшим интенсивное обучение работе с компьютерами в бюро. Это продлится не больше трёх недель. Потом отдыхайте всё время, которое остаётся от ваших каникул.

Мы научились всегда считаться с чем-то подобным в Моссад. Бывало так, что нам предстоят каникулы, и нам говорят, что в пятницу после обеда мы можем быть свободны. Но в полдень нам объявляют, что нам придётся остаться, но только на одни следующие сутки. Тогда нам дают 20 минут, чтобы позвонить домой, и все несутся к телефону.

Для настоящих «катса» существует система срочного оповещения, используемая в случае необходимости. Сообщение это должно быть по возможности кратким, например:

«Алло, я звоню из бюро. Ваш муж сегодня не придёт домой, как вы ожидали. Он свяжется с вами, как только сможет. Если у вас возникнут какие-то проблемы, позвоните Якобу».

Этим можно весьма широко пользоваться. Постороннему человеку даже трудно представить, какую роль в жизни «катса» играет секс. Весь риск и небезопасность этой работы означают одновременно и полную свободу.

Если «катса» встречает девушку-солдата и хочет провести с ней уик-энд, ну что же, его жена уже привыкла, что он часто не приходит домой. Такая форма свободы была, очевидно, желанной. Но шутка в том, что нельзя стать «катса», не будучи женатым. Неженатых не пускают за границу.

Они говорят, что неженатому мужчине за границей противник может легко подсунуть девушку. С другой стороны они трахаются со всеми вокруг, что, конечно, позволяет их легче шантажировать, и все об этом знают. Для меня это так и осталось загадкой.

Для компьютерного класса была выделена комната на втором этаже Академии. Там поставили столы формой подковы, и каждый получил компьютер для работы. Инструктор проецировал на стену картинки, чтобы все видели.

Сперва мы научились вводить специфические данные в «морковку» — оранжевый экран с разными вопросами, на которые нужно ответить, чтобы получить доступ к компьютерной системе.

Эти учебные компьютеры функционировали абсолютно правильно, потому что и они были соединены со штаб-квартирой, что давало нам доступ к реальным файлам. Так мы научились работать с программой и запрашивать или вводить необходимые данные.

Интересный эпизод произошёл на этом курсе во время изучения системы под названием «кшарим», т.е. «узлы». Она охватывает все данные о каждом контакте любого индивидуума. Арик Ф. сел за компьютер нашей преподавательницы, когда она отлучилась, и ввел в систему слово «Арафат», а затем «кшарим».

Так как Арафат — лидер ООП, то этот запрос получил в системе полный приоритет. Чем выше приоритет запрашиваемого лица, тем быстрее ищет компьютер ответ на запрос.

Ни у кого нет приоритета выше, чем у Арафата, но проблема состояла в его бесчисленных связях и контактах. Все остальные компьютеры «зависли», пока на дисплее высвечивались нескончаемые списки имён.

Компьютеру нужно было обработать такое количество информации, что он не мог делать ничего другого. Таким образом, Арик заблокировал компьютер Моссад на восемь часов. В то время система не могла ни остановить его, ни дать другую команду.

После компьютерного курса и трёх дней отдыха, оставшихся от каникул, я получил первое задание — провести исследования в саудовском подотделе под руководством женщины по имени Аерна. Этот подотдел располагался рядом с иорданским, которым тоже заведовала женщина по фамилии Ганит.

Оба подотдела не считались важными. В Саудовской Аравии у Моссад тогда был лишь один источник, атташе японского посольства. Все прочие материалы о регионе добывались из газет, журналов и прочих средств массовой информации, а также из радиоперехвата, которым занимается Подразделение 8200.

Аерна как раз занималась сопоставлением сведений о генеалогическом древе саудовской королевской семьи. Ещё она собирала информацию о запланированном втором нефтепроводе, который должен был пересечь всё королевство.

После завершения строительства нефтепроводом хотели пользоваться иракцы. Перегоняя через

него нефть, они собирались финансировать войну, которую вели против Ирана. Ирано-иракский конфликт очень осложнил перевозку нефти из Персидского залива танкерами.

Мы читали очень интересные отчёты о Саудовской Аравии, поступившие от британской разведки. «Сикрет Интеллидженс Сервис» составляла превосходные отчёты, где делала великолепный политический анализ ситуации, но в них не было настоящего секретного материала в общепринятом смысле.

Англичане были очень плохи в том, что касалось передачи либо комбинирования подлинно секретных сведений. В одном из их отчётов говорилось, что саудовцы исходят из перспективы улучшения ситуации на нефтяном рынке в будущем, поэтому и собираются строить нефтепровод.

Но англичане считали, что на рынке нефти предложение сильно превысит спрос, что сильно ударит по саудовской экономике, особенно по финансированию саудовской бесплатной медицины и образования.

Мы серьёзно воспринимали англичан, но все в бюро любили говорить, что их, возможно, вводит в заблуждение их «стерва». Таким титулом в Моссад всегда величали премьер-министра Маргарет Тэтчер. В Тэтчер они видели антисемитку.

На любое событие в мире здесь всегда смотрели через призму одного простого вопроса: **«Хорошо это для евреев или нет?»** Забудьте политику и всё прочее. Этот вопрос — единственное, что имеет значение, и в зависимости от ответа, людей классифицировали, как антисемитов, были ли они ими на самом деле или нет.

Мы постоянно получали длинные бумажные полосы, похожие на белую копирку — распечатки перехваченных телефонных переговоров. Например — уже переведённые — беседы саудовского короля с его родственниками.

Был, к примеру, разговор одного из принцев со своим родственником в Европе. Принц жаловался, что у него кончились наличные деньги, потом к телефону подошёл кто-то другой и начал что-то сочинять.

Он объяснял, что в Амстердам уже идёт корабль с парой миллионов галлонов нефти, и родственник может переписать регистрацию на принца, чтобы деньги за нефть сразу оказались на счету принца в Швейцарии. Невероятно, какими суммами, походя, ворочают саудовцы.

Во время одного интересного разговора королю позвонил Арафат и попросил о помощи, потому что никак не мог пробиться к Асаду в Сирию. Потому саудовский король сам позвонил Асаду, лстиво именуя его «отцом всех арабов» и «сыном святого меча». Асад поговорил с королём, но отказался беседовать с Арафатом.

В это время я встретился с человеком по имени Эфраим (кратко Эффи), который одно время был офицером связи Моссад с ЦРУ, когда служил в резидентуре в Вашингтоне. Эфраим всегда хвастался, что именно он устранил от власти в 1977 году Ицхака Рабина, к тому моменту уже три года премьер-министра.

Моссад не любил Рабина. В 1974 году Рабин вышел в отставку с поста посла Израиля в США, вернулся домой и стал председателем Партии труда. Затем он наследовал Голду Меир на посту премьер-министра.

Рабин хотел получать от разведки необработанные, «сырые» сведения, а не отфильтрованные версии, как обычно. Но из-за этого Моссад стало очень тяжело влиять на политику путем манипулирования информацией.

В декабре 1976 года Рабин ушёл в отставку со всем кабинетом, после того, как уволил из правительства трёх министров от Национал-религиозной партии, потому что они воздержались при голосовании в Кнессете по вопросу доверия правительству.

Потом Рабин остался премьер-министром временного правительства — до общенациональных выборов в Кнессет в мае 1977 года, которые выиграл Менахем Бегин — к большой радости Моссад.

Но на самом деле причиной проигрыша Рабина в большой степени был «скандал», запущенный на публику незадолго до выборов известным израильским журналистом Даном Маргалитом.

Израильским гражданам запрещено иметь банковские счета за границей. У жены Рабина был счёт в Вашингтоне, на котором не набиралось и десяти тысяч долларов.

Она пользовалась им, во время поездки супружеской пары в Америку, хотя, как жена премьер-министра, имела полное право оплачивать все свои расходы за счёт правительства. И так, Моссад знал об этом счёте, и Рабин знал, что Моссад знает, но не придавал этому значения. А следовало бы.

Когда настал нужный момент, Маргалит получил «наводку», что, мол, у Рабина есть счёт за границей. Прилетев в Вашингтон, Маргалит, по словам Эфраима, получил от него все документы, подтверждавшие существование счёта.

Последовавшая публикация и скандал очень помогли Бегину одержать победу над Рабином. Рабин был честным человеком, но Моссад он не нравился. И они его убрали. Эфраим хвастался тем, что именно он был человеком, сделавшим это. И я ни разу не слышал, чтобы ему кто-то возразил.

Во время первого курса кадеты однажды посетили фирму «Израильская авиастроительная компания» (*Israeli Aircraft Industries, IAI*). В саудовском подотделе я узнал, что израильтяне через какую-то третью страну (я не знаю, какую) продавали Саудовской Аравии подвесные топливные баки к самолётам.

Саудовская Аравия ими оснащала свои истребители-бомбардировщики, чтобы они могли нести достаточно топлива для дальних полётов. У Израиля был также договор о поставке этих подвесных топливных баков и в Соединённые Штаты.

Но саудовцы решили, что цены на баки завышены и при этой сделке им приходится переплачивать. Тогда они обратились к американцам с желанием купить такие баки в США. Тут Израиль взвился на дыбы и закричал: «Нет!».

Всё еврейское лобби подняло ужасный шум, якобы благодаря подвесным бакам саудовские са-

молёты смогут атаковать Израиль. Но мы знали, насколько это нечестно, потому что под гражданской оболочкой мы их уже продавали и по значительно более высокой цене, чем запросили бы американцы. Много всего было так продано в Саудовскую Аравию. Это большой рынок.

Исследовательский отдел размещается в подвале и на втором этаже штаб-квартиры. Там расположились начальник отдела и его заместитель, библиотека, компьютерный зал, секретариат и пункт связи с другими исследовательскими отделами.

Большая часть персонала работает в 15 подотделах: Соединённые Штаты, Южная Америка, общий подотдел (сюда входят Западная Европа и Канада), атомный подотдел (в шутку именуемый «Капут»), Египет, Сирия, Иран, Ирак, Иордания, Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты, Ливия, Марокко, Алжир, Тунис (страны Магриба), Африка, Советский Союз и Китай.

Исследовательский отдел ежедневно составляет короткие отчёты, которые все в бюро могут каждое утро прочесть на своих компьютерах. Кроме того, составляется подробный четырёхстраничный еженедельный отчёт на светло-зелёной бумаге, основное внимание уделяющий положению в арабском мире, и ежемесячный отчёт. В нем 15-20 страниц, он достаточно подробный и снабжён таблицами и графиками.

Я составил карту нового запланированного нефтепровода, со всеми деталями и написал информационную записку, где подсчитал риск для танкера с нефтью, идущего из Персидского залива. По моим подсчётам, шансы его безопасного прохождения равнялись 30%.

Согласно нашей стратегии, если Моссад видел, что шансы танкера на успех поднимались до 48%, то информировал одну сторону о местонахождении танкеров другой стороны и наоборот.

В Лондоне сидел наш человек, который звонил в иранское или в иракское посольство, выдавая себя за арабского патриота, и подбрасывал им информацию.

Они хотели встретиться с ним и заплатить гонорар за сведения. Но он всегда отказывался, утверждая, что поступает так из патриотических побуждений, а не из-за денег.

Мы разрешали спокойно пройти определённого количества иракских и иранских судов, но если их число превышало некие рамки, мы старались информировать враждующие стороны, чтобы они обстреливали танкеры друг друга.

Так поддерживался ход этой войны. Ведь пока они боролись друг с другом, они не могли напасть на нас.

После нескольких месяцев в «*Research*» меня перевели в отдел, который показался мне самым интересным: «Кайсарут» или «*Liaison*» (связь). Я был прикомандирован к подотделу «Дардасим» или «Смерфс», который занимался Дальним Востоком и Африкой. Я работал под началом Ами Йаара.

Это своего рода мини-министерство иностранных дел, занимавшееся контактами со странами, которые не имеют официальных дипотношений с Израилем, чем-то походило на вокзал.

Бывшие генералы и самые разнообразные бывшие разведчики постоянно заходили и выходили, сцепляли карточки посетителей и использовали контакты Моссад для получения заказов своим частным предприятиям — в основном по продаже оружия.

Так как эти «советники» не могли, как израильтяне, въезжать в некоторые страны, отдел связи облегчал им работу, обеспечивая фальшивыми паспортами и прочими документами.

Это было против правил, но никто никогда не возражал. Каждый думал о том, что и он когда-то станет «бывшим» и захочет, возможно, заняться подобным бизнесом.

Ами сказал мне, что если у меня потребуют что-то необычное, то я должен не спрашивать «почему?», а просто сразу сообщать ему. Однажды пришёл некий человек и попросил меня подписать договор, санкцию на заключение которого должен был дать сам премьер-министр.

В договоре речь шла о продаже 20-30 американских самолетов-штурмовиков А-4 «Скайхок» Индонезии. Это противоречило соглашению о торговле оружием между Израилем и США. Оно запрещало перепродавать американское оружие такого рода без предварительного согласия американцев.

— Хорошо, — сказал я, — если вы не против, приходите завтра утром или оставьте мне свой телефон. Я позвоню вам, как только вопрос будет решён.

— Нет, я подожду, — ответил он.

Во время моего посещения «ИАИ» я видел около тридцати этих «Скайхоков», выстроившихся в ряд на взлётной полосе, упакованных в яркий жёлтый пластик. Они ждали отправки морем. Когда мы спросили об этом, нам ответили, что самолёты повезут за море, но не сказали куда именно.

Можно быть почти уверенным, что американцы не одобрили бы перепродажу этих штурмовиков Индонезии. Это могло бы изменить политический баланс в регионе. Но это было не моё дело.

Но когда он сказал, что подождёт санкции премьер-министра Шимона Переса, я выдвинул ящик моего стола, заглянул внутрь и спросил: «Шимон, Шимон?» Затем обратился к нему и сказал: «Мне очень жаль, но господина Переса сейчас здесь нет».

Тут этот тип совсем взбесился и потребовал позвать Ами. Я даже не спросил, кто он. Когда я сообщил Ами, тот сильно заволновался: «Где он? Где он?»

— За дверью в приёмной.

— Пусть заходит с договором, — сказал Ами.

Через 20 минут этот человек, выйдя из кабинета Йаара, прошёл мимо меня. Он высоко поднял договор, чтобы я мог его увидеть и самодовольно ухмыльнулся мне: «Видите, г-н Перес всё-таки был здесь».

Перес в это время был в Иерусалиме и, конечно, никогда не узнал о «своей» подписи под такими документами. Используемая в подобных случаях бумага называлась у нас «*ass-cover*» («для при-

крытия задницы») и применялась лишь, как внутренний документ.

Она нужна, чтобы доказать перевозчику или кому-нибудь ещё из задействованных лиц, что ты платёжеспособен и располагаешь достаточными финансами, раз это всё дело одобрил своей подписью сам премьер-министр.

Официально сотрудники Моссад работают, конечно, для главы правительства. Премьер узнаёт кое-что о переводах денег, но ничего не знает о действительно сомнительных сделках. И часто это нужно для его же пользы. Иногда лучше ничего не знать.

Если бы его проинформировали, ему пришлось бы принимать решение. А в этом случае, если бы американцы что-то пронюхали, он мог бы заявить, что ничего не знал. Американцы называют подобные ответы «правдоподобными опровержениями».

Здание «Азия-Билдинг», принадлежавшее богатому израильскому промышленнику Саулу Айзенбергу, расположено рядом со штаб-квартирой. Благодаря своим связям на Дальнем Востоке, Айзенберг стал соединяющим звеном между Моссад и Китаем.

Он и его люди проворачивали огромные оружейные сделки во многих регионах мира. При продаже речь часто шла об излишнем вооружении, например о трофейном русском оружии, захваченном в войне у Сирии и Египта.

Когда у Израиля исчерпались для продажи запасы автоматов Калашникова АК-47, он начал сам их производить, «скрестив» «Калашникова» с американской винтовкой М-16. Гибрид назвали «Галлил», и он успешно продавался по всему миру.

Ситуация в отделе напомнила мне супермаркет для обслуживания этих частных советников. Собственно, всё должно было быть наоборот — им следовало быть нашими «инструментами». Но «инструменты» взяли контроль в свои руки. У них было больше опыта, чем у любого из нас, так что, в реальности это они нас использовали.

В середине июля 1984 года я получил задание сопровождать группу индийских учёных-атомщиков. Эти люди боялись появления бомбы в исламских руках, то есть — пакистанской бомбы.

Они приехали в Израиль с тайной миссией для встречи с израильскими атомными экспертами и обмена информацией. Но оказалось, что Израиль с удовольствием получал информацию от индусов, но не был склонен оказать им такую же услугу.

Через день после их отлёта, я как раз вернулся к обычной офисной работе, меня вызвал Ами, чтобы дать два поручения. Первое состояло в подготовке всего необходимого для группы израильтян, которая отправлялась в Южную Африку для обучения подразделений южноафриканской тайной полиции.

Затем я должен был пойти в посольство одной африканской страны и забрать оттуда человека, который возвращался к себе на родину. Его сначала нужно было подвезти в его квартиру на Херцлия-Питуах, а затем отвезти в аэропорт и провести через контроль.

— Мы встретимся в аэропорту, — сказал Ами. — Там мы встречаем группу из Шри-Ланки для обучения.

Ами уже ждал прибытия делегации Шри-Ланки самолётом из Лондона, когда я подошёл к нему. — Когда эти парни прилетят, — сказал он, — не подавай виду. Вообще ничего не делай.

— Что ты имеешь в виду? — спросил я.

— Ну, эти ребята выглядят, как обезьяны. Они из очень слабо развитой местности. Не так давно слезли с дерева. Так что, не жди от них многого.

Ами и я провели девять шри-ланкийцев «чёрным ходом» через запасной выход аэропорта к маленькому автобусу с кондиционером. Они были первыми из группы, которая в конечном результате достигла почти 50 человек. Затем они разделились на три меньшие группы:

— антитеррористическая группа, которую тренировали на военной базе Кфар-Саркин близ Петах-Тиква. Их учили штурмовать захваченные террористами автобусы и самолеты, освобождать взятых в заложники людей в зданиях, спускаться по канату с вертолета и прочим антитеррористическим хитростям. И конечно они захотели купить «Узи» и другое израильское оружие, включая бронежилеты, специальные гранаты и т.п.

— группа закупок, которая собиралась в больших масштабах закупать израильское вооружение. Например, они купили пять или семь патрульных катеров типа «Двора», которые использовали у своих северных берегов против тамильских повстанцев.

— группа высокопоставленных офицеров, желавших купить радиолокационные установки и прочее оснащение для военно-морских сил, чтобы справиться с тамилами, которые всё ещё проникали на остров из Индии и ставили мины в водах Шри-Ланки.

Два дня мне пришлось сопровождать Пенни, невестку президента Джайавардена (см. главу 3 «Новички») по обычному туристскому маршруту (через два дня ею занялся кто-то другой из бюро). Пенни была приятной женщиной, внешне выглядевшей, как индийская версия Корасон Акино.

Она была буддисткой, потому что её муж был буддист, но в какой-то степени она была и христианкой. Потому она очень хотела осмотреть все христианские святыни. На второй день я свозил её в Веред-Хаглил, «Розу Галилеи», ресторан на конном заводе у подножия горы. Оттуда открывается прекрасный вид, и еда тоже очень хороша. У нас там был постоянный счёт.

Затем меня прикрепили к группе высокопоставленных офицеров, проявлявших интерес к радарам. Мне нужно было отвезти их на фирму «Альта» в Ашдоде, выпускавшую такое оборудование.

Но когда представитель фирмы «Альта» прочитал требуемую спецификацию, он сказал. «Для тебя ведь это просто служебный долг. Они всё равно не будут покупать наши локаторы».

— Почему? — спросил я.

— Спецификации составлены не этими обезьянами, — пояснил представитель фирмы. — Они

принадлежат британскому производителю радаров — фирме «Дека». То есть, эти ребята уже знают, что и где хотят купить. Дай им банан и отправь домой. Ты без толку теряешь время.

— Хорошо, но может у тебя есть какая-то брошюра или что-то в этом роде, чтобы удовлетворить их?

Мы общались на иврите, пока сидели рядом, ели печенье, пили чай и кофе. Представитель «Альты» сказал, что он не против дать им что-то почитать, чтобы у них не возникло впечатление, что их просто «отфутболили». «Но если мы уж так сделаем, то почему бы нам немного не пошутить?»

С этими словами он привёл нас в другую комнату, где висели большие диапозитивы. На них была изображена гигантская вакуумная система — своеобразный огромный «пылесос» для очистки гавани от нефтяных загрязнений. У представителя была целая куча красочных схем и рисунков. Все подписано на иврите.

Он объяснил гостям по-английски, что это «радиолокационная установка высочайшего технического стандарта». Мне с трудом удалось сдерживать смех. Он действительно врал вдохновенно, доказывая, что эта система может засечь плывущего в воде человека и сразу определить его размер обуви, имя, адрес и группу крови.

Когда доклад был закончен, люди из Шри-Ланки поблагодарили его и сказали, что такое достижение технического прогресса было для них большим сюрпризом, но эта установка, к сожалению, не поместится на их кораблях.

Потом уже они начали рассказывать о своих кораблях. Но эти корабли были нам знакомы. Ведь мы их и построили!

Высадив гостей в отеле, я рассказал Ами, что гости из Шри-Ланки не будут покупать наши радары. — Это было нам ясно, — ответил он.

Затем Ами поручил мне съездить в Кфар-Сиркин, где тренировался спецназ из Шри-Ланки, чтобы обеспечить их всем, что они захотят, и привезти их сегодня к вечеру в Тель-Авив. Но он посоветовал мне обязательно обо всём договориться с Йоси, которого на этой неделе тоже перевели в этот отдел.

Йоси тоже курировал группу, проходящую обучение в Израиле. Но его группа ни в коем случае не должна была встретиться с моей. Это были тамилы, заклятые враги моей группы сингалов.

После того, как остров Цейлон в 1948 году получил независимость от Великобритании и стал Республикой Шри-Ланка, тамилы, по вероисповеданию индуисты, подвергаются дискриминации со стороны большинства населения страны — сингалов, что и вызывает их протесты.

Из 16 миллионов жителей Шри-Ланки 74% сингалы и лишь 20% тамилы, проживающие в основном на севере острова.

Приблизительно в 1983 году группа тамильских воинственных сепаратистов, известная, как «Тигры», начала вооружённую борьбу против правительства за создание на севере острова независимого тамильского государства под названием Элам (отсюда полное название сепаратистского движения

— «Тигры освобождения Тамил-Элама»). Борьба эта всё ещё продолжается, унося жизни тысяч людей с обеих сторон.

Тамилы пользуются большой симпатией и поддержкой в южном индийском штате Тамил-Наду: там проживает около 40 миллионов тамилгов. Многие тамилы избежали резни на родине, сбежав из Шри-Ланки в Индию.

Правительство Шри-Ланки обвинило индийцев в том, что они обучают тамилгов и снабжают их оружием. Им стоило бы лучше высказать свои претензии Моссад.

Тамилов тренировали на базе морских «коммандос»: они учили тактику атаки, минирование портов и аэродромов, связь и диверсии против катеров типа «Двора». В каждой группе было примерно по 28 человек. Мы решили, что на ночь Йоси повезёт своих тамилгов в Хайфу, а я своих сингалов — в Тель-Авив, чтобы исключить случайную встречу.

Настоящая проблема возникла через две недели, когда по программе и тамилы и сингалы должны были проходить обучение на базе Кфар-Сиркин, конечно, ничего не зная друг о друге. Это довольно большая база, но, тем не менее, однажды обе группы оказались во время пробежки на расстоянии лишь нескольких метров друг от друга.

После базового обучения в Кфар-Сиркин сингалов перевели на морскую базу, где им объяснили, как бороться с диверсионными приёмами, которым мы только что научили тамилгов. Это была довольно нервная ситуация.

Нам приходилось выдумывать наказания и ночные учения, лишь бы занять их, чтобы обе группы внезапно не встретились где-то в центре Тель-Авива.

Действия только одного человека — Ами — могли бы в этом случае привести к обострению политической ситуации в Израиле. Я уверен, что Перес не сомкнул бы ночью глаз, если бы знал, что происходит. Но он, конечно, ничего не знал.

Когда почти прошли три недели, и сингалы готовились ехать в Атлит, сверхсекретную базу морских «коммандос», Ами сказал мне, что не будет их сопровождать туда. Их обучение возьмёт на себя «Сайерет Маткаль».

Это элитная группа спецназначения военной разведки, прославившаяся освобождением заложников в Энтеббе в 1976 году (морские «коммандос» соответствуют американским «Морским котикам» (SEALS)).

— У нас новая проблема, — сказал Ами. — Мы ожидаем там ещё группу из 27 индийских спецназовцев SWAT (антитеррористическое подразделение).

— Боже мой, — воскликнул я. — Как же так? У нас тут сингалы, тамилы, а теперь индусы. Кто следующий?

Индийцы должны были тренироваться на той же базе, где уже находился Йоси со своими тамилами. Ситуация становилась запутанной и всё более опасной. А кроме всего прочего, мне нужно было заниматься моей обычной работой в бюро и писать ежедневные отчёты.

По вечерам я водил индийскую группу SWAT на ужин. Причём, прежде всего я должен был стараться, чтобы разные группы не оказались в одном и том же месте одновременно. Ежедневно я получал конверт с суммой около 300 долларов в израильской валюте: эти деньги я мог тратить на них.

В те же дни мне нужно было встретить тайваньского авиационного генерала по фамилии Ки. Он был представителем тайваньской разведки в Израиле, работал в японском посольстве и хотел закупить оружие.

Я должен был устроить ему экскурсию, но ничего не продавать, потому что тайваньцы всё, что купят, скопируют за два дня, и будут потом конкурировать с Израилем на рынке. Я привёз его на фабрику «Солтам» в Галиле, где производятся миномёты и мины к ним.

На него это произвело сильное впечатление, но производитель объяснил, что ничего не может ему продать, потому что, во-первых, он из Тайваня, и, во-вторых, всё, что он поставляет, нужно заказывать заранее.

Я сказал тогда ему, что даже не знал, что нам нужно так много миномётов. Но фабрикант ответил: «Нам нет, а вот иранцам нужно очень много». Так делается бизнес.

Однажды было заключено соглашение о направлении целой группы тайваньцев для тренировки в Израиле. Это было плохим компромиссом. Они попросили Моссад направить к ним израильских полицейских. Эту идею отклонили. Вместо этого в Израиле прошла обучение тайваньская группа по методу «Невиот». Её научили получать информацию от «неживых» объектов.

В это же время к нам постоянно приезжали и разные группы африканцев, которым предлагались разнообразные услуги. По особой просьбе Ами я остался в его отделе на два месяца больше — для меня это было комплиментом и полезным замечанием в моём досье.

Я никогда — ни раньше, ни позже — не видел, как такие огромные суммы денег мгновенно переходят из рук в руки и всё это у столь многих людей, как это было в отделе Ами.

Моссад рассматривал все эти договора, как установление связи с разными странами, которые однажды смогут перерасти в дипломатические отношения. А коммерсанты, конечно, смотрели на всё с точки зрения прибыли. Они все получали свои неплохие проценты.

Моим последним заданием у Ами было сопровождать на протяжении четырёх дней мужчину и женщину из коммунистического Китая, которые хотели купить радиоэлектронное оборудование.

Они очень злились из-за того, что им показывали приборы худшего качества, чем те, что у них уже были. Они жаловались: «Что это вы нам пытаетесь продать, носки?»

Это мне показалось смешным, потому что я всегда говорил: если бы мы смогли продавать китайской армии носки, у нашей экономики не было бы никаких проблем. Тогда у нас носки вязали бы все.

Но с этой парой китайцев действительно об-

ращались скверно, и только потому, что Ами полагал, что у них недостаточно высокое положение. Он принимал решения внешнеполитического значения исключительно сам, никого не спрашивая. Это было поразительно.

Всю жизнь Ами работал на правительство и получал свою зарплату чиновника от правительства. Но жил он в настоящем поместье под Тель-Авивом с огромной виллой и собственным маленьким лесом.

Мы иногда останавливались там на выходные, если приходилось поработать, и всегда встречали там бизнесменов, расхаживающих по лужайке, и всегда обильно жарилось мясо на шампурах. Я однажды спросил его: «Откуда у тебя деньги на всё это?» А он ответил: «Упорно работай, экономь и все получится». Так, видимо, оно и было.

Затем меня перевели в подотдел Бенилюкс отдела «Цомет» (вербовочный отдел). Там мне пришлось проверять датские визовые анкеты.

Подотделы «Цомет» служат для обслуживания резидентур, не для инструктирования и управления. В «Цомет» боссом является резидент и по рангу в большинстве случаев он стоит не ниже начальника сектора, которому он организационно подчиняется.

(Это совсем не так, как в «Кайсарут», где я работал до того. Там решения принимаются в подотделах. Потому старший офицер связи резидентуры в Лондоне напрямую подчиняется начальнику английского подотдела в Тель-Авиве и полностью контролируется им).

Сектор «С» «Цомет» состоит из нескольких подотделов. Я уже назвал подотдел Бенилюкс, занимающийся Бельгией, Нидерландами, Люксембургом, а также Скандинавией (с резидентурами в Брюсселе и Копенгагене), ещё есть британский и французский подотделы с резидентурами в Лондоне, Париже и Марселе.

Второй большой сектор «В» включает итальянский подотдел с резидентурами в Риме и Милане, немецкий и австрийский отдел с резидентурой в Гамбурге (позднее переведена в Берлин) и отдел «прыгунов» с резидентурой в самом Израиле, где работают «катса», которые при необходимости выезжают в Грецию, Турцию, Египет и Испанию.

Резидент имеет тот же ранг, что и руководитель сектора и имеет право, в случае необходимости, обращаться прямо к начальнику отдела через его голову.

Эта структура субординации оказалась довольно непрочной, потому что, если и это обращение не увенчалось бы успехом, резидент мог выйти и на шефа управления в Европе в Брюсселе. Как офицер на заграничной службе, он даже был по своему положению выше начальника отдела. Это была постоянная борьба, и при каждом кадровом изменении смеялись и центры власти.

В Моссад нет приказов в обычном смысле слова. Приказы не нравятся, они раздражают. Прежде всего, никого не следует злить, а, во-вторых, никто на самом деле не обязан делать то, что от него требуют.

У большинства людей в Моссад есть в «ко-

нюшне» два «коня» («конём» называют влиятельного человека, оказывающего кому-либо протекцию) — один видимый и один скрытый. Первый помог поступить на службу и сделать карьеру, а второй, секретный, поможет вытащить из дерьма. Потому и происходит постоянная борьба, чтобы выяснить, кто выше кого и почему.

Однажды один наш агент — ассистент военно-воздушного атташе сирийского посольства в Париже по компьютерной связи сообщил, что в Европу приезжает главнокомандующий ВВС Сирии (он же и начальник сирийской военной разведки), чтобы купить себе дорогую мебель. В штаб-квартире Моссад тут же возникла идея подsunуть ему «говорящую» мебель, т.е. оснащённую подслушивающими устройствами.

Компьютер выдал список всех занимающихся мебелью «сайанов» в Европе. Был составлен план по изготовлению для обновлённого бюро в штабе сирийской авиации «говорящего стола». Лондонская резидентура послала одного «катса» в Париж, чтобы всё подготовить, хотя Моссад знал, что генерал собирается купить мебель в Бельгии, а не во Франции (почему — они не знали).

Перед приездом генерала, «катса» зарекомендовал себя в среде торговцев мебелью, как коммерсант, который может достать любую мебель и дешевле, чем у других.

Мы знали, что генерал сам не собирается от покупки мебели получить какую-то личную выгоду. Он был богат, а деньги всё равно получил бы через посольство и заплатил бы наличными. Мы хотели выйти не на него, а на его помощника, который, в конечном счете, должен был осуществить покупку. У нас на всё оставалось меньше трёх недель.

Мы вышли на известного дизайнера мебели, нашего «сайана», и получили фотографии его работ. Через несколько дней мы уже составили каталог для предприятия, поставляющего высококачественную мебель по разумным ценам.

Был разработан план из трёх частей, чтобы выйти на помощника сирийского генерала. Сначала попытаться подойти к нему напрямую, предложить брошюру и посмотреть, клюнет ли он и купит ли мебель у Моссад.

Если это не получится, то мы должны узнать, где он собирается покупать мебель и взять на себя поставку. Следующий шаг, если всё остальное провалится — перехватить мебель.

Мы знали, в каком отеле остановился в Брюсселе генерал. Мы знали, что до своего дальнейшего полёта в Париж он со своими тремя телохранителями проведёт в отеле три дня. Мы ходили за генералом от магазина к магазину и наблюдали за помощником, делавшим заметки.

В этот момент «катса» думал, что дело пошло. А мы не знали, что делать. День прошёл, и генерал вернулся в гостиницу. Наш человек в сирийском посольстве сообщил, что генерал уже на следующий день собирался лететь в Париж, но сдал билет. Мы предполагали, что это был рейс помощника, которому пришлось остаться, чтобы довести покупку мебели до конца.

Так оно и было. На следующее утро слезка

заметила помощника в одном очень шикарном эксклюзивном магазине. Там он долго говорил с продавцами, и «катса» решил, что это наилучший момент, чтобы вмешаться. Он вошёл в магазин и огляделся. Потом подошел «сайан», приблизился к «катса» и очень громко и убедительно поблагодарил его за то, что тот достал для него именно ту мебель, которую он заказал и кроме всего прочего сэкономил ему тысячи долларов.

Когда «сайан» вышел из магазина, помощник генерала с любопытством посмотрел на «катса».

— Вы хотите купить мебель? — спросил его «катса».

— Да.

— Вот, взгляните на это, — сказал он и дал ему специальную брошюру.

— Вы работаете в этом магазине? — спросил его удивленный сириец.

— Нет, нет, я покупаю тут для моих клиентов, — ответил «катса». — Я скупаю оптом большие партии с большими скидками. Я беру на себя поставку и гарантирую лучшие условия оплаты, чем кто-либо другой.

— Что вы имеете в виду?

— У меня повсюду есть клиенты. Они приходят сюда и выискивают то, что им нужно. А я покупаю напрямую у производителя. Потом я привожу им мебель, и они расплачиваются только после получения. Так что им не приходится переживать из-за каких-то повреждений при перевозке. Никакого риска. Вам не нужно думать о том, заменят вам повреждённую мебель или нет.

— А как вы можете быть уверены, что вам действительно заплатят?

— С этим проблем никогда не возникало.

Тут сирийца осенило. Он увидел шанс заработать кучу денег. «Катса» понадобилось около трёх часов, и он получил список всего, что хотел бы купить генерал. Цена только за мебель составляла 180 тысяч долларов, без упаковки и перевозки. «Катса» «продал» её помощнику генерала за 105 тысяч долларов, так что сириец смог положить в свой карман 75 тысяч.

Смешно, но хотя помощник назвал порт Ла-такию, как адрес доставки, он зато назвал и генерала и себя вымышленными именами. Не фальшивым был только адрес, где нужно было забрать груз. Он сказал, что если нам понадобится подтверждение, мы можем позвонить в сирийское посольство в Париже.

Через полчаса после своего ухода из магазина сириец позвонил нашему человеку в посольство и сказал, что если кто-то захочет получить подтверждение имён и адреса, он может это сделать, поскольку это операция наивысшей важности.

Через два дня прекрасно украшенный бельгийский стол отправился в Израиль. Там его разобрали и оборудовали подслушивающими и передающими устройствами стоимостью в 50 тысяч долларов, включая специальную батарею сроком действия на 3-4 года.

Аппаратура была так спрятана, что её никто не смог бы найти, разве что, если бы сняли столеш-

ницу и распилили напополам. Затем стол вернулся в Бельгию и присоединился к остальной поставке мебели в Сирию.

Моссад всё ещё ждёт, что стол «заговорит». В близлежащих зданиях толкутся шпионы с подслушивающими устройствами, но пока они ничего не смогли перехватить. Было бы прекрасно, если бы стол сработал. Но, может быть, он стоит в подземном штабном бункере в Дамаске.

Русские построили там несколько бункеров, защищённых от прослушивания. Но если они нашли аппаратуру, то наверняка воспользовались столом.

А впрочем, моя работа в отделе была довольно монотонной. Я вёл досье, следил за выполнением графиков. Но, прежде всего — я прикрывал боссов, когда им звонили жёны. Я отвечал, что они на спецзадании.

Как и все остальные, я тоже трудился в борделе.

Глава 7. Парик

Наступило 27 октября 1984 года. Мои коллеги и я закончили стажировку «младших катса» в штабквартире. Теперь мы возвращались в Академию для прохождения курса офицеров оперативной разведслужбы.

На этот раз мы работали в большой аудитории на втором этаже Академии. Исходная группа из 15 человек уменьшилась до 12, но затем её дополнили ещё три человека, оставшихся с прошлых курсов. Эти три новых коллеги были Овед Л., Пинхас М. и Йегаль А.

Это были не все перемены. Аралех Шерф ушёл с поста директора Академии, возглавив отдел «Цаффририм» («Утренний бриз»). Его сменил Дан Арбель, бывший руководитель парижской резидентуры, а позднее один из участников печально известной операции в Лиллекхаммере — именно тот человек, который во всём тогда сознался местной норвежской полиции.

Шаи Каули был всё ещё тут, но Орена Риффа перевели в секретариат шефа Моссад. Новым куратором курса стал Итцик Э. (см. пролог «Операция «Сфинкс»).

Итцик тоже не мог бы похвастаться сверхуспешной карьерой. Он был одним из двух разведчиков, разговор которых на иврите подслушали люди «Чёрного сентября», когда те в парижском аэропорту Орли провожали на самолёт до Рима важного израильского агента.

Арбель, невысокий, седой и застенчивый мужчина в очках, не излучал доверия и не нуждался в нём. Итцик напротив производил впечатление способного, опытного в «полевой работе» «катса», который однажды поработал и в Париже на должности второго резидента.

Он прекрасно говорил по-французски, по-английски и по-гречески. У Итцика сразу возникла симпатия к Мишелю М., который родился во Франции. Оба постоянно разговаривали между собой по-французски и вскоре сблизились, что только усилило нашу уже существовавшую антипатию к Мишелю.

Мишель раньше был членом нашей компании, но позднее мы разошлись. В основном из-за того, что он пользовался французским языком, чтобы подлизаться к Итцику, при этом очерняя других и меня.

Так что, Мишеля уже не было в кругу моих друзей, но в нём остались Хайм и Йоси. Мы стали настоящим тайным обществом заговорщиков. Нам казалось, что мы познали все секреты игры.

Теперь мы полагали, что настало время понять суть разведывательного ремесла. Мы считали, что до этого мы познакомились с искусством добытия информации на нижнем уровне, а теперь узнаем последние трюки и тонкости.

Первым занятием был показ экспертами по безопасности Нахаманом Лави и Талем очередного творения киностудии Моссад. Фильм назывался «Лишь один маленький гвоздь».

Он описывал известную во множестве вариациях старую историю об армии, проигравшей войну, потому что в подкове коня главнокомандующего не было гвоздя. Мораль истории: нет маловажных деталей, одна непроверенная мелочь может привести к краху целую операцию.

Фильм входил в четырёхчасовую программу, включавшую, в частности, лекцию об обеспечении безопасности появления на встрече с агентом, об общей безопасности и проверке надёжности.

Затем мы провели один час с Ури Динуром, нашим новым инструктором по НАКА.

За ним последовал большой курс международных коммерческих взаимоотношений: как управляют предприятием, как проходят поставки по почтовым заказам, всё о структурах менеджмента, об отношениях между руководством фирмы и акционерами, об обязанностях председателя наблюдательного совета, о работе биржи, о составлении договоров с иностранными предприятиями, о принятых при транспортировке грузов условиях поставки вроде COD или FOB.

То есть, обо всём, что пригодится нам, чтобы правильно разбираться в деятельности предприятия, которым будем пользоваться в качестве «легенды» в нашей работе. Занятия по этому предмету «Управление предприятием» длились на протяжении всего нашего последнего курса — не менее двух часов в неделю, с многочисленными контрольными и письменными работами.

В то же время Итцик начал проводить новые занятия, на которых мы учились до последней детали правильно инструктировать агента.

На особом занятии нам продемонстрировали, как следует ликвидировать, т.е. убить, агента, который вышел из-под контроля, если мы не можем быть уверены, что в этом вопросе нам поможет «Метсада», выслав группу киллеров подотдела «Кидон».

Нас разделили на три команды по пять человек. Каждой команде был назначен «субъект», о котором ей следовало собрать данные и разработать план по его ликвидации.

Моей команде для сбора информации понадобилось три дня. Единственным регулярным действием нашего «субъекта» было то, что он ежеднев-

но ровно в 17.30 покупал в одной лавке две пачки сигарет, по нему можно было проверять часы. И это было однозначно самое лучшее место, чтобы его перехватить.

У нас был водитель, а я с другим парнем уселся на заднее сидение машины. Когда я позвонил агенту, он узнал своего «катса» и без возражений сел к нам на заднее сидение. Мы вывезли его в одно место за городом, обезвредив с помощью эфирной маски. Конечно, всё это были лишь учения.

Следующей частью урока было научиться выдавать убийство за несчастный случай. Для этого мы спрятали автомобиль в лесу рядом с оврагом, чтобы посадить туда нашего человека без сознания, затем через скрученную в трубку газету влили ему в рот водку (она хорошо горит).

Мы подождали, пока водка попадёт в кровь (на случай экспертизы), посадили за руль, выплеснули остаток водки на сидение, положили рядом с ним зажигалку и окурок. Они должны были сыграть роль «причины» пожара. А затем следовало поджечь машину и столкнуть её в овраг.

Одна из двух других наших групп выяснила, что «её» человек каждый вечер любит посещать один клуб. Они провели операцию самым прямым образом: подошли к нему возле клуба, подождали, пока на улице никого не будет, и «выстрелили» в него пятью патронами. Затем сели в машину и просто уехали.

Мы также научились постоянно совершенствовать нашу маскировку, обращаться с разными паспортами. Может быть так, что мы идём по улице с одним паспортом, нас арестовывают.

На допросе мы совершенно надёжно доказываем нашу «легенду», потом «бодель» снабжает нас новым паспортом. Если после этого нас снова арестуют полицейские, мы должны быть в состоянии точно так же безупречно убедить их в правильности нашей новой «легенды».

Мы также выучили многое о «Цаффририм» и сети, которую в качестве защитной стены строят евреи по всему миру. Но я просто не мог принять концепцию создания групп еврейской «гражданской самообороны».

Я придерживался мнения, что такие группы, в которых даже дети учатся устраивать тайники для хранения оружия, чтобы защищать свои синагоги, могут только повредить, а не помочь евреям в такой, к примеру, стране, как Великобритания.

Я возразил, что группа людей, даже если её дискриминируют и пытаются искоренить (как это происходило с евреями), всё же не имеет права нарушать законы в демократических странах. Я, возможно, ещё мог бы представить что-то подобное в Чили или в Аргентине того времени, или в похожих странах, где людей хватают прямо на улицах, но не в Англии, Франции или Бельгии.

Факт существования антисемитских групп, реальных или воображаемых, всё-таки не может служить оправданием такому противозаконному поведению.

Ведь, если посмотреть на сам Израиль, то мы найдём там немало антипалестинских групп. Разрешим ли мы на этом основании палестинцам

устраивать склады оружия и создавать отряды гражданской самообороны? Или назовём их за это террористами?

Конечно, подобные дискуссии считались в Моссад неуместными, особенно после ссылок на Холокост. Я знал, что Холокост был одним из самых печальных событий в истории евреев: отец Беллы четыре года провел в Освенциме, большая часть её семьи погибла от рук немцев.

Но ведь нельзя забывать, что помимо евреев погибли ещё 50 миллионов человек. Немцы пытались, например, искоренить цыган, различные религиозные группы, русских и поляков.

Холокост мог бы (а я считал, что и должен был бы) послужить для Израиля основанием сблизиться с другими нациями, а не отделяться от них. Но это было лишь моим личным мнением, и то, что я его высказывал, не приносило большой пользы.

Наши еженедельные «спортивные» занятия тоже резко изменились. Появилась новая дисциплина, весьма небезопасная.

Нам приходилось теперь регулярно ездить в одно здание на военном складе близ Херцлии, где мы учились быстро подниматься и спускаться по верёвочным лестницам, ведя при этом огонь боевыми патронами и уворачиваясь от деревянных пуль, которыми нас обстреливала специальная машина.

На близком расстоянии эти деревянные пули наносили серьёзные ранения. Нам нужно было научиться уклоняться от пуль и стрелять, привыкнуть к оружию и одновременно тренировать тело.

Мы учились также спускаться, как альпинисты, по канату, например, по стене дома. Затем тренировались съезжать по канату с зависшего вертолёта, учились технике «прыгай и стреляй», с помощью которой можно пристрелить террориста, захватившего автобус.

Следующий предмет назывался «вербовка агента с помощью дружественной разведслужбы». Это означает вербовку на основе взаимности, например, с ЦРУ. Преподаватель сказал, что это лишь один раз будет темой лекции.

— Как это делается? — спросил он и тут же ответил — Никак. Мы этого не делаем. Мы помогаем им, если у них уже есть объект вербовки и делаем вид, что это происходит на основе взаимности. Но если можем сделать это сами, то сами и делаем.

Затем он объяснил, как перевербовать агента у дружественной разведки. Всё начинается с совместной операции. Затем агента перебрасывают в другую страну, передав ему изменённые инструкции, а потом сообщают дружественной разведке, что связь с общим агентом утеряна.

Простая процедура: я встречаюсь с ним, решаю ему быстро исчезнуть и выплачиваю удвоенный гонорар. Так он становится только нашим агентом, мы называем таких «голубой и белый» — по цветам израильского флага.

Захватывающим моментом учёбы был фильм, который назывался «Президент под прицелом» — детальное расследование убийства президента США Джона Ф. Кеннеди 22 ноября 1963 года. Гипотеза Моссад состояла в том, что убийцы — киллеры мафии, а не Ли Харви Освальд, собственно, метили в

губернатора Техаса Джона Коннолли. Коннолли ехал в одной машине с Кеннеди, но был лишь ранен.

В Освальде видели только жертву всей истории. По этой версии именно Коннолли был целью гангстеров, которые хотели войти в нефтяной бизнес. Моссад считал официальную версию убийства абсолютной чепухой.

Чтобы проверить свою теорию, Моссад была проведена точная имитация движения автоконвоя, дабы удостовериться, смог ли бы отличный снайпер со значительно лучшим оружием, чем у Освальда, поразить движущуюся цель с расстояния в 80 метров. Нет, не смог бы.

Всё было прекрасно продумано. Если бы погиб Коннолли, каждый предположил бы, что пули предназначались Кеннеди. Если бы они попали в Кеннеди, то это посчитали бы вполне возможным.

Единственная пуля прошла через затылок Кеннеди, пробилась сквозь его грудь и ранила Коннолли. В фильме было ясно видно, что эти точки находятся не на одной линии. Если пуля могла летать зигзагами, то именно эта.

У Моссад были все фильмы об убийстве в Далласе, фотографии территории, топография, аэрофотоснимки, всё. С помощью манекенов раз за разом репетировалось движение автоколонны президента. Профессионалы спланировали бы убийство именно так.

Если бы мне пришлось пользоваться крупнокалиберной винтовкой, для стрельбы у меня было бы лишь немного подходящих мест. Идеальным было бы найти точку, откуда я смог бы максимально долго держать цель под прицелом, где я находился бы как можно ближе к ней, но сам оставался бы незамеченным.

Исходя из этого, мы выбрали несколько точек и дали стрелять не одному человеку — одновременно с разных направлений.

У Освальда была купленная по почте магазинная винтовка «Манлихер-Каркано» с ручным заряданием калибра 6,5 мм и с оптическим прицелом с четырёхкратным увеличением. Он заказал её по каталогу за 21,45 долларов. Ещё у него был револьвер «Смит-энд-Вессон» 38-го калибра.

Так и не было окончательно установлено, стрелял ли он два или три раза, но в любом случае, он пользовался обычными армейскими патронами с начальной скоростью 650 м/с.

Во время проигрывания ситуации снайперы Моссад пользовались лучшими и более тяжёлыми винтовками, поставленными на треноги, и стреляли тогда, когда по громкоговорителю звучала команда «Огонь!» Лазерная система поиска цели показывала, куда попали пули.

По результатам нашего расследования винтовку, скорее всего, навели в голову Коннолли, а Кеннеди в неподходящий момент сделал какой-то жест или какое-то движение. А может быть, стрелок на секунду опоздал с выстрелом.

Это была тренировка. Но она показала нам, что невозможно было сделать то, что приписывается Освальду. Он даже не был профессионалом. Следует лишь вспомнить о расстоянии от машины пре-

зидента до шестого этажа здания, где он находился и о его оружии.

Ведь парень только что купил свою винтовку. Каждый знает, что нужно немало времени и умения, чтобы пристрелять новую винтовку, настроить к ней оптический прицел, да и просто к ней привыкнуть. Официальной версии поверить было невозможно.

* * *

Зато мы вполне поверили человеку, который однажды утром появился в аудитории в конце первого месяца заключительного курса обучения. Ростом всего 1,65 м и с квадратной фигурой он начал так:

«Моё имя не играет роли. Я расскажу вам немного о том, чем я занимался вместе с человеком по имени Амикан. В то время я входил в подразделение «Кидон». Заданием моей группы было ликвидировать представителя ООП в Афинах и его ассистента. Я упомянул Амикана, потому что он был строго религиозным человеком, ростом в 1,90 м, сильным, как я. Он был размером с дверь».

Говорившего звали Дан Дрори и событие, о котором он рассказывал, называлось операцией «Пассат» и было одной удачной ликвидацией, проведённой Моссад в Афинах в середине 70-х годов.

Дрори, который очевидно любил свою работу, открыл «дипломат» и сказал: «Вот это я люблю». С этими словами он вытащил «Парабеллум», немецкий пистолет фирмы «Люгер», и положил его на стол.

— Этот я тоже люблю, — продолжил он и положил на стол «Игл», выпускающийся в Израиле «Магнум», — но они не разрешают мне его носить. Но и с этим я управляюсь, — и вытащил «Беретту» 22-го калибра. — Её преимущество в том, что не нужно использовать глушитель.

Он сделал паузу, а затем сказал: «А вот теперь мой фаворит». И вынул стилет, смертельный кинжал с узким лезвием, немного расширившимся к острию, а затем снова сильно сужавшимся.

— Его можно воткнуть и вытянуть, и большого кровотечения не будет. Когда его вытаскиваешь, мясо закрывает рану. Преимущество его и в том, что, ударив им между рёбер, можно разочек повернуть лезвие, так что в грудной клетке всё будет разорвано, а потом просто вытащить.

Наконец он вытащил «коготь», соединённый с перчаткой, на которой параллельно к большому и указательному пальцам были укреплены два очень острых лезвия. Он надел перчатку, присоединил лезвия — одно складывалось как швейцарский армейский ножик, а другое было похоже на нож для разрезания ковра, и укрепил «коготь».

Потом сказал: «Эту штуку Амикан особо любил. Схватит парня за горло и просто сожмет пальцы. Это как ножницы. Перерезают всё. А парень умирает совсем тихо. Смерть неизбежна, но человек не умирает мгновенно, что особенно радует Амикана. Пока подохнет, проходит некоторое время. Но чтобы пользоваться этой штуковиной, нужно быть очень сильным — как Амикан».

Я сразу понял, что не хотел бы встретиться с

этим Амиканом. У него действительно были «длинные руки».

Амикан был очень набожным иудеем и всегда носил свою ермолку. Но так как он делал свою работу тайно и обычно во враждебных странах, то не мог носить этот традиционный еврейский головной убор. Потому он сбрил себе по кругу часть волос на голове и носил ермолку из натурального волоса — маленький парик, своего рода «шапку-невидимку».

Получив приказ прикончить обоих людей ООП, Дрори, Амикан и остальная команда вылетели в Афины. Место, где находятся обе «цели» было уже известно. Оба жили на квартирах в городе и не выделялись открыто на публике, хотя и проводили регулярные встречи.

Моссад в то время всё ещё страдал от последствий нежеланного публичного разглашения неудачи в Лиллехаммере, где был по ошибке убит невиновный человек, потому новый глава Института Ицхак Хофи решил самолично удостовериться, что жертвы именно нужные люди, и на месте дать окончательное «добро». Он хотел увидеть жертвы, перед тем, как их застрелят.

Для простоты я назову главу представительства ООП в Афинах Абдулом, а его помощника Саидом. После анализа ситуации в Моссад пришли к выводу, что сделать работу в квартире Абдула нельзя.

Оба мужчины проводили свои встречи в отеле на достаточно оживлённой улице, обычно по вторникам и четвергам, вместе с несколькими другими членами ООП. За обоими велась слежка два месяца подряд, прежде чем было принято решение.

Обоих многократно фотографировали, их дела проверяли и проверяли, чтобы быть абсолютно уверенными в том, что ошибки не будет. Им удалось даже достать стакан, которым пользовался Абдул в отеле, и сравнить отпечатки пальцев на нём с теми, что хранились в досье. Это действительно был он.

После встречи Абдул всегда ехал из гостиницы в дом одной своей подруги. Саид уходил своей дорогой. На встречу он приезжал в обычной уличной одежде, после двадцатиминутной поездки к своей квартире в более престижном районе города, он одевался на вечер намного элегантнее.

Он жил на втором этаже четырёхквартирного дома. Съезд с улицы вёл к подземному гаражу для четырёх машин сбоку от дома. Он парковался на втором месте с конца, возвращался к въезду и входил в дом с парадной лестницы. Прямо за гаражом стоял фонарный стол, над стоянками тоже были лампы.

Абдул был политиком и не располагал личной охраной. Саид же относился к военному крылу ООП. Потому в его квартире жили ещё три палестинца, из которых, как минимум, двое были его вооружёнными телохранителями. Это было нечто вроде «безопасного дома» ООП.

Улица перед гостиницей имела по две полосы в каждом направлении и осевую линию. Местность была не особо оживлённой, там проходили разве что несколько пешеходов. Сбоку находилась стоянка для посетителей ресторана — там парковали свои

машины и Абдул с Саидом — а затем ещё одна для постояльцев отеля.

Взвесив все обстоятельства, Дрори и Амикан решили убрать обоих палестинцев после их встречи в четверг.

На другой стороне улицы, напротив отеля, стоял телефон-автомат, и ещё один — кварталом ниже на той же улице. Вблизи квартиры Саида тоже был телефон. Так как Саид всегда уходил со встречи раньше Абдула, они задумали сначала убить Абдула возле гостиницы, затем сообщить человеку, который ожидал у телефона возле жилища Саида, что он должен пристрелить Саида, как только тот приедет домой.

Амикан возглавил группу, которая должна была убить Саида. Он получил указание использовать 9-мм пистолет, а его шеф дважды проверил, чтобы Амикан не зарядил его разрывными пулями «дум-дум».

Широко известно, что такими пулями часто пользуется Моссад. А это двойное убийство они хотели «повесить» на одну из враждующих фракций ООП, чтобы не брать за него вину (или славу) на себя.

В условленную ночь напротив отеля остановился маленький фургон. В холле отеля сидел человек. Дрори должен был, выходя со стоянки, подойти к главному входу, Ицхак Хофи следовал прямо за ним. Сначала Дрори и Хофи пришлось сидеть в машине, пока на их мини-рацию не поступил сигнал выходить.

По непонятной причине именно в этот вечер Абдул и Саид вышли из отеля вместе. Так раньше они не делали. Никто не сдвинулся с места. Убийцы лишь пронаблюдали, как оба палестинца сели в машину и исчезли.

На следующий четверг команда снова была на месте. В этот раз Саид покинул место встречи примерно в девять вечера и пошёл к своей машине. Люди Моссад проехали немного вперёд, сделав вид, будто они только что прибыли и хотят поставить машину на стоянку. Саид завёл свой автомобиль и уехал.

Через десять минут они услышали сигнал от своего человека в холле. Абдул направлялся к выходу. Чтобы быть уверенными, что Абдул выйдет именно через вращающуюся дверь, другую предвзительно заперли.

Человек Моссад в холле пошёл вслед за Абдулом к вращающейся двери, вышел наружу и держал дверь, чтобы никто другой не смог выйти. Другой человек ждал в телефонной будке ниже по улице, чтобы проинформировать своего партнёра, ожидавшего Саида возле его квартиры.

Абдул спустился по ступенькам и повернул налево к стоянке. Тут к нему подошел Дрори, за его спиной — Хофи. Хофи спросил: «Абдул?» Стоило палестинцу ответить «да», как Дрори выпустил в него две пули в грудь и одну в голову и оставил лежать на земле.

Хофи уже возвращался к фургону на другой стороне улицы, который начал понемногу разгоняться. Человек в телефонной будке произнес в трубку: «Дело сделано». Этим он сообщил другим,

что теперь начинается операция по ликвидации Саида.

Дрори в свою очередь просто повернулся и пошёл на стоянку со стороны отеля, сел в машину и уехал. Человек, который вёл наблюдение в холле, вернулся через вращающуюся дверь в отель, открыл заднюю дверь и вышел через чёрный ход на улицу, где стояла его машина.

Всё это длилось не больше 10 секунд. Если бы кто-то смотрел на происходящее из холла, то решил бы, что какой-то человек подошёл к вращающейся двери, вспомнил, что что-то забыл и вернулся в гостиницу. Труп Абдула на стоянке нашли только через десять минут.

Когда Саид подъехал к своему гаражу, Амикан уже ждал его в кустах между двумя домами. Он разбил лампу фонаря, но через заднее стекло машины и с помощью освещения над стоянкой Амикан смог увидеть, что к Саиду по пути домой присоединился ещё кто-то.

Теперь его главной проблемой было то, что он не мог определить, кто из двоих в машине — Саид. Но он сказал себе, что друг его врага тоже его враг. Амикан подошёл к их машине сзади и выпустил из увеличенного магазина своего 9-мм пистолета все одиннадцать пуль в головы обоих, по очереди в одного и в другого.

Затем он подошел к машине со стороны водителя, чтобы убедиться, что оба мертвы. Так как он стрелял сзади, у обоих мужчин уже не было лиц.

Стрельба была короткой, но довольно громкой. Хотя Амикан использовал глушитель, осколки стекла и рикошетирующие от стены пули в ночной тиши разбудили телохранителей Саида. Они вышли на балкон на втором этаже, в спину им светило окно квартиры, выглянули в темноту и прокричали имя Саида.

Другой член команды Амикана, стоявший на случай необходимости поддержки у фасада дома, прокричал им по-арабски: «Спускайтесь! Спускайтесь сюда!» Так они и сделали. За это время Амикан перебежал через дорогу, сел в машину, где его уже ждал человек, «висевший» на телефоне, и исчез в ночи.

Лучше всего я запомнил стиль, в котором Дрори описывал операцию. Так рассказывают о хорошем обеде в шикарном ресторане, где чувствуешь себя уютно. Я никогда не забуду, как Дрори описывал сам процесс убийства.

Он выставлял вперед руки, будто держал пистолет и хотел выстрелить. Меня это испугало. В меня уже стреляли, и я многое видел в жизни. Но лицо Дрори в этот момент я не забуду никогда. Он был так возбуждён, что скрежетал зубами.

Во время короткой дискуссии после рассказа, Дрори спросили, как он чувствовал себя, когда убивал кого-либо не в качестве самозащиты и не на поле боя.

— Это ведь самозащита нации, — сказал он. — Пусть он стрелял не в меня, но в переносном смысле он направил оружие на мой народ. Это никак не связано с чувствами. Кстат, чувствовал я себя при этом совсем неплохо.

Затем ему задали вопрос, что чувствовал его

коллега Амикан, пока сидел в засаде в кустах и ждал, пока его добыча вернётся домой. Дрори ответил, что Амикан сам рассказал ему об этом. Он всё время смотрел на часы, потому что было поздно, а он проголодался. Он хотел побыстрее сделать дело, потому что хотел есть — точно так же, как любой человек, кого затянувшаяся работа отвлекает от еды.

После этого вопросов у нас уже не было.

Вскоре мы начали интенсивный курс фотографирования. Мы изучали различные фотоаппараты, проявку плёнки, включая метод, при котором из двух химических таблеток и тёплой воды создаётся раствор, в который пленку кладут всего на 90 секунд, но не проявляют полностью (это можно сделать позже), а лишь проверяют, что нужный кадр на плёнке действительно есть. Мы экспериментировали с разными линзами и фотографировали скрытой камерой, например, спрятанной в сумку.

Пинхас М, один из трёх новеньких, попавших к нам только на заключительном курсе, решил воспользоваться уроками фотодела и для личного заработка.

На побережье севернее Тель-Авива есть местность, которая называется Тель-Барбах, недалеко от отеля «Кантри-Клуб», где проститутки ждут мужчин, которые приезжают на машинах, «снимают» их, ведут за дюны, делают своё дело и едут дальше.

Пинхас взял своё оборудование для ночных съёмок, пристроился на холме возле песчаных дюн и фотографировал мужчин в их машинах вместе с проститутками. Так он собрал коллекцию не вызывающих сомнений чётких фотографий — благодаря превосходной технике и очень сильным объективам.

Нас уже научили к тому времени, как проникнуть в полицейский компьютер — конечно, без разрешения полиции и незаметно для неё. И М. просто проверил по компьютеру номера автомобилей, узнал имена и адреса их владельцев, а затем начал их шантажировать. Он звонил им, говорил, что располагает компрометирующими фотографиями и требовал денег.

Он хвастался, что заработал целую кучу денег. Сколько, он не говорил. Но однажды кто-то пожаловался, и ему объявили выговор. Мы думали, что его выгонят. Но очевидно, руководство увидело в его поступке признак инициативы. Я думаю, если так глубоко зарыться в дерьмо, трудно определить, воняет ли кто-то другой.

Конечно, по представлениям Моссад, создание таких фотографий может иногда сослужить полезную службу при вербовке. Но иногда и нет. Рассказывают историю об одном пожилом саудовском чиновнике, которого сфотографировали в постели с проституткой.

Женщины заранее были даны инструкции, чтобы она так устроилась с ним на кровати, чтобы камеры могли запечатлеть не только их лица, но и сам момент совокупления. Затем Моссад вышел на чиновника и, показав фотографии его сексуальных приключений, попытался его шантажировать: «Не хотите ли сотрудничать с нами?»

Но саудовец, вместо того, чтобы окоченеть от

страха, оказался очень доволен фотографиями.

— Вот эта прекрасна, — сказал он. — Я возьму две эти и три эти. Он объяснил, что с удовольствием покажет их всем своим друзьям. Не стоит и упоминать, что вербовка не состоялась.

Учёба затем коснулась подразделений разведки в различных арабских странах. Стажеры-«катса» проводили много времени за беседами с офицерами служб безопасности гостиниц, знакомясь с особенностями их работы.

Так как в будущем нам придётся часто иметь дело с отелями, нам следовало знать, как избегать ненужного внимания службы безопасности, особенно вникая в мелочи.

Например, если горничная стучит в дверь, заходит в номер, и все в номере внезапно умолкают, у неё может возникнуть подозрение, и она сообщит службе безопасности, что в таком-то номере что-то затевается. Но если продолжать разговор, как ни в чём не бывало, то никто ничего не заподозрит.

Мы прослушали несколько лекций о европейской полиции. Мы изучали полицейские службы разных стран по очереди, анализировали их, учились понимать их сильные и слабые стороны. Мы занимались проблемой исламской атомной бомбы и посетили атомный объект исследовательского центра возле города Димона в пустыне Негев, в 50 км севернее Беэр-Шевы.

Вначале центр маскировали под текстильную фабрику, затем под насосную станцию, пока ЦРУ в 1960 году с помощью самолёта-разведчика U-2 не получило фотографии, доказывающие, что там находится атомный реактор.

Помимо него существует ещё один совсем маленький реактор, под названием КАМГ (сокращение от «Куре Гарни Ле Мачкар», то есть исследовательская атомная установка), в Нахаль-Сорек, чуть южнее Тель-Авива. Я был на обоих атомных объектах.

Когда в 1960 году загадка Димоны была раскрыта, премьер-министр Давид Бен-Гурион официально объявил о существовании израильской «мирной» атомной программы, хотя многое в этой программе мирным никак нельзя было назвать.

В 1986 году израильтянин родом из Марокко по имени Мордехай Вануну, проработавший с 1976 по 1985 годы в Димоне, перед тем, как уехать в Австралию, объявил всему миру, что ему удалось пронести на объект фотоаппарат и сделать 57 снимков сверхсекретной подземной установки, выпускавшей оружейный плутоний, запасов которого хватило бы на создание 150 ядерных и термоядерных зарядов.

Он также подтвердил, что Израиль помог ЮАР провести первый взрыв южно-африканского атомного заряда в сентябре 1979 года над принадлежащими ЮАР необитаемыми островами Принс-Эдвард и Марион в южной части Индийского океана.

В качестве наказания за причинённые им Израилю международные осложнения, Вануну на закрытом процессе в Иерусалиме был приговорён по обвинению в шпионаже к 18 годам тюрьмы.

Моссад взял Вануну, после того, как красивая женщина-агент «окрутила» его и заманила на яхту в

Средиземном море недалеко от Рима.

Лондонская газета «Санди Таймс» подготовила публикацию его истории со всеми фотографиями, но самого Вануну накачали наркотиками, перетащили на борт израильского корабля, быстро осудили и упрятали в тюрьму.

Похищение было грязной работой. Вануну не был профессионалом и не представлял опасности, но о самом факте похищения стало во всех подробностях известно общественности. Хотя Вануну и вернули в Израиль, гордиться Моссад было нечем.

По моим личным наблюдениям на объекте Димона описание Вануну очень точное. Правдивы не только факты, но и его оценки. Он рассказал, что они выпускают бомбы, и, в случае необходимости, используют их. Это верно.

В бюро не было тайной и то, что мы помогали южноафриканцам с их атомной программой. Ещё мы поставляли им большую часть их вооружения. Мы тренировали их спецподразделения. Мы годами работали с ними рука об руку.

И Израиль, и ЮАР — две страны, которые полагают, что им нужно иметь «оружие страшного суда» и быть готовыми им воспользоваться.

Объект в Димоне не только очень тщательно охраняется службой безопасности, его ещё опоясывают батареи зенитных ракет «Хок» и «Чапарэл».

Шутка в том, что когда мы посещали позиции ракет «Хок», все установки уже заржавели. Они ничего уже не смогли бы защитить. Но вместо того, чтобы отправить их на слом, их потом продали Ирану. Над этим мы все долго смеялись.

Стажёрам «катса» рассказывали также о системах международной коммуникации, в особенности о Средиземноморском кабеле, который проходит по дну Средиземного моря, выходит на поверхность в районе Палермо на Сицилии и подключается к станциям спутниковой связи, через которые большей частью и осуществляют свои коммуникации страны арабского мира.

Израиль вклинился в их систему силами Подразделения 8200 и получил доступ почти ко всем передачам арабов.

Регулярной частью нашего курса стал «социальный профиль», который нужно было составлять каждые пару недель. Каждый должен был охарактеризовать всех своих сокурсников, разделив по их качествам на разные категории: операции, доверие, надёжность, дружелюбие, сердечность и т.д.

Мои результаты были неплохи, но честной такую систему взаимных оценок назвать было нельзя. Собственно, результаты нам не сообщали, но мы их все же узнавали.

Если кто-то кому-то не нравился, то, конечно, тот всеми силами старался его очернить. А так как у нас не было настоящего взаимного доверия, то Йоси, Хайм и я контролировали списки друг друга, просто для уверенности.

Теперь мы были готовы к последним, выпускным, учениям. Уже через две недели мы станем настоящими «катса».

За день до начала выпускных трёхнедельных учений мне позвонил мой коллега Джерри С. В тот момент мне и в голову не могло прийти, какие серьёзные последствия принесёт мне этот, казалось бы, совершенно обычный звонок.

Джерри тогда было 32 года. Он был американским гражданином, стройным, с бородкой и седыми волосами. Он работал адвокатом в частной адвокатской конторе Сайруса Вэнса, министра иностранных дел США во времена президента Джимми Картера.

Тогда я дружил с Джерри, хотя до меня и доходили слухи, что он гомосексуалист. Однажды он рассказал всем, что у него есть подруга, которая приехала из Америки и жила с ним, но ей пришлось вернуться, потому что она замужем. Так как никто её никогда не видел, слухи о Джерри не умолкли.

Джерри часто бывал у меня дома, а я у него. За исключением одной маленькой ссоры, отношения у нас были вполне хорошими. Потому я не увидел ничего необычного в том, что он пригласил меня зайти. Он сказал, что просто хочет поговорить со мной и что-то показать. Я сказал: «Ладно, почему бы и нет».

Когда я пришёл, он мешал свой любимый коктейль из водки, льда и клубники. Перед тем, как сесть, он поставил видеокассету.

— Я тут кое-что достал и хочу тебе это показать, — сказал Джерри, — но сперва я скажу тебе, что у меня теперь есть внутренний источник, и я всегда буду знать перед каждым учением, есть ли за нами слежка или нет. Я смогу и тебе сказать, когда и где. Поэтому нам не нужно больше волноваться из-за этого.

— Я честный человек, Джерри, — ответил я, — и мне не мешает, когда за мной наблюдают. Мне это даже нравится. Это возбуждает.

— Послушай, — продолжил он, — я сказал тебе самое Рану Х. (наш товарищ по курсу, у которого были большие проблемы с АПАМ), и он был счастлив.

— Меня это не удивило. Но кому, скажи, пожалуйста, ты окажешь этим услугу?

— Хорошо, но тебе придётся ведь сначала раскусить, как они следят за тобой, — сказал Джерри обиженно.

— Хорошо, Джерри, поступай, как знаешь, — ответил я ему. — Мне всё равно. Если ты думаешь, что тебе это поможет, хорошо. Но я любопытен. Как ты получаешь такую информацию?

— Ну, есть женщина, которую трахает Итцик, — сказал он. — Она знаменитая «номер 4». У меня тоже есть с ней романчик, и она всё мне сообщает.

— Ты что, смеёшься надо мной?

— Я знал, что ты мне не поверишь. Тогда расслабься и посмотри видеоплётку.

Некоторое время назад Джерри проходил мимо дома Итцика и случайно увидел выходящую оттуда женщину. Она была привлекательной, смуглой со светло-коричневыми волосами и прекрасной фигурой.

Джерри проследил, как женщина села в машину. Немного подождав, он поднялся к Итцику.

Глава 8. Здравствуй и прощай

Жены Итцика дома не было. Джерри не сказал ему, что видел эту женщину.

«Йарид», отдел, отвечающий за безопасность в Европе, конечно, использует свои приёмы и в самом Израиле. Одним из лучших приёмов проверить свои способности было наблюдение за стажёрами «катса».

Эти команды используют номера вместо имен, и «катса» не имеют права знать, кто они. Команде «Йарид» за день до учений сообщают, за кем им нужно проследить. Им дают фотографию этого человека, сообщают место и время. Эта женщина или её команда значились под номером «четыре».

Джерри видел её уже во время одного из предыдущих учений и, хотя и не знал, кто она, упомянул о ней в своём отчёте. Уходя тогда из дома Итцика ему нужно было просто сложить два и два. Он пронаблюдал, как она села в машину, записал её номер, а потом через полицейский компьютер узнал её имя и адрес.

Теперь он захотел воспользоваться своим знанием. С одной стороны, он знал, что люди рассказывают о его сексуальных контактах, и хотел, чтобы эти слухи умолкли. С другой стороны, он хотел знать, за кем из нас в конкретный день учений будет вестись слежка, чтобы постоянно не переживать из-за АПАМ.

Этот предмет ему не давался. Но так как он был нужен для учёбы, ему захотелось получить надёжную информацию о планируемых проверках. «Катса» не может выехать за границу, не сдав экзамен по АПАМ.

В его квартире, оборудованной всей мыслимой электроникой, стоял большой гимнастический тренажёр под названием «Солофлекс», со скамейкой и турником. Одно из упражнений, которое можно делать на нём, состоит в том, чтобы резиновыми петлями привязать ноги к перекладине и повиснуть вниз головой.

Так, подымаясь и опускаясь, можно накачать пресс. А другой важной частью его оборудования была маленькая видеокамера для записи и изображения и звука, спрятанная в «дипломате». Такая камера часто использовалась на учениях.

При надобности ее всегда можно было взять напрокат в Академии. «Актёры» в этих фильмах не знали о своих ролях, хотя качество съёмки, благодаря современному оборудованию, было очень высоким.

Фильм начинался с вида комнаты под широким углом. Шторы были задернуты, но комната хорошо освещена. У стены стояли шкаф из натурального дерева и обеденный стол, в середине комнаты — тренажёр.

Сначала Джерри и «номер 4» разговаривали. Затем они начали целовать и гладить друг друга.

— Давай займёмся гимнастикой, — сказал он и привязал к ее ногам резиновые петли, после того, как она сняла свои спортивные брюки. Затем он подвесил ее на перекладину вниз головой.

Я не мог в это поверить. Я думал, Боже мой, такого же не может быть. Но это было.

Пока она так висела, Джерри отошел на шаг

назад, раздвинул руки как для камеры и сказал: «Так, так».

Конечно, рубашку сползла с нее вниз через голову, и грудь свободно болталась. Джерри совсем снял рубашку, наклонился над ней, прижал к себе, и они поцеловались. Затем он засунул руку в её трусы и начал гладить. Через некоторое время разделся и Джерри, а последние минуты фильма показывали, как она, всё ещё привязанная к турнику, брала в рот член Джерри, голым сидевшего на скамейке.

— Джерри, тебя же никто не заставлял снимать этот фильм, чтобы принудить её к сотрудничеству, — сказал я ему, когда фильм закончился.

— Возможно, что нет. Но я сперва подумал, что она не захочет мне помогать. Если бы она отказалась, я показал бы ей фильм, и она бы согласилась. Эта штука возбуждает, правда?

— Да, в определённом смысле, — осторожно сказал я.

— Ты знаешь, что говорят обо мне в бюро?

— Что ты гомик?

— Да.

— Ну, это твоя проблема, а не моя. Я здесь не для того, чтоб обсуждать её.

Внезапно он подсел ко мне. Совсем близко.

— Ну, теперь ты видишь, что я не гомик.

— Джерри, зачем ты мне всё это рассказываешь? — спросил я его и немного занервничал.

— Пойми, я просто люблю и то, и другое, — сказал он. — Я думаю, мы можем доставить друг другу намного больше удовольствия, чем ты можешь себе представить.

— Джерри, я правильно тебя понял?

— Надеюсь, что да.

У меня в голове путались мысли. Мне стало плохо. Я встал с дивана и пошёл к двери. Джерри положил руку на мое плечо, чтобы удержать меня. Тут кровь прилила мне к лицу. Я стряхнул его руку и ударил его. Я ещё никогда в жизни никого с такой силой не бил в живот.

Я выбежал вниз по лестнице, чтобы скорее глотнуть свежего воздуха. Я бежал 40 минут — всю дорогу до Академии, около пяти-шести километров. Я был не в лучшей форме. Я хрипел, кашлял, но продолжал бежать. В Академии я помчался к Итцику.

— Итцик, я должен тебе кое-что рассказать. Это нужно немедленно прекратить.

— Зайди в мой кабинет.

Я рассказал ему всю историю. Не могу быть уверен, что излагал ясно, потому что я заикался. Но история была вполне чёткой. Я сказал ему, что Джерри снял на видео, как он трахает свою подругу, и что он пытался домогаться и меня.

— Успокойся, успокойся, — произнес Итцик. — Я отвезу тебя домой.

Я поблагодарил, но отказался, сказав, что у меня внизу стоит велосипед, и я лучше поеду на нём домой.

— Послушай, — сказал Итцик, — ты рассказывал мне об этом, а теперь всё забудь.

— Что ты имеешь в виду, под «всё забудь»?

— Я имею в виду «всё забудь». Я не хочу больше ни слова об этом слышать.

— Что это у него за «конь» (т.е. чей он протеже)? Троянский конь?

— Забудь это!

Тут мне ничего больше не оставалось. Мне показалось невероятным, что Итцик, даже не перепроверив мою историю, мне прямо сказал, чтобы я всё забыл. А он ещё добавил: «И ещё я не хочу услышать эту историю от кого-то другого. Ты не расскажешь её ни Хайму, ни Йоси, ни кому-либо другому, понятно?»

— Хорошо, я забуду это. Но я передам тебе мою письменную докладную и хочу получить подтверждение регистрации копии дела.

— Ладно, делай так.

Подтверждение копии дела означает, что копия письма, предназначенного только определённого лицу, запечатывается в конверт, который регистрируется в компьютере, но остаётся запечатанным. Но получатель должен обязательно подтвердить, что он прочёл письмо и зафиксировать дату.

Предположим, «катса» сообщил своему шефу, что сирийцы могут совершить нападение на следующей неделе, но его предупреждение проигнорировали. Если сирийцы бы действительно напали, то возник бы вопрос, почему никто не предупреждал. Когда у «катса» есть подтверждение копии дела, он может доказать, что он предупреждал.

На обратном пути я заехал домой к шефу по безопасности Мусе М. и рассказал ему всю историю.

— Ты должен изменить программу и вывести девушку из игры, — сказал я.

— Ты рассказал об этом Итцику?

— Да.

— Ну и что он сказал?

— Сказал, что я должен все забыть.

— Тогда я думаю, что не смогу вывести девушку из команды, — сказал Муса, — потому что Итцик тогда поймёт, что ты мне всё рассказал.

* * *

Первым пунктом в повестке дня на следующий день — это была середина октября 1985 года, и начинались выпускные трёхнедельные учения — был приказ трём командам из пяти человек каждая разместиться по назначенным им квартирам.

Одна команда выехала в Хайфу, другая — в Иерусалим, а моя оказалась на третьем этаже жилого дома возле кинотеатра «Муграби» в районе улиц Алленби и Бен-Йегуда, на юге центральной части Тель-Авива. Довольно сомнительное местечко, где повсюду стоят проститутки.

В мою группу, помимо Джерри, входили ещё Арик, Овед Л. и Мишель. После того, как мы устроили тайник в одежном шкафу и приняли другие меры предосторожности для защиты нашей «конспиративной квартиры» или «резидентуры», нам передали паспорта и отвезли в аэропорт.

Там мы должны были пройти пограничный и таможенный контроль, как люди, только что прилетевшие в Израиль. У меня был канадский паспорт.

Потом я взял такси из аэропорта до нашего дома и изучил местность, чтобы знать, к примеру, есть ли поблизости телефоны. После этого у меня ещё оставалось достаточно времени для инструктажа в 13.00. (Время от времени нам разрешали уходить из «конспиративной квартиры» домой после выполнения задания, но один из нас по очереди всегда должен был оставаться в квартире).

Когда я вернулся в квартиру, то сделал вид, что между мною и Джерри ничего не произошло. Правда, я знал теперь, что не могу его «тронуть» и не смогу защититься от него, потому что у него слишком крутой «конь».

Для первых полевых учений нам нужно было зайти в отель «Гранд-Бич», что на углу улиц Хаяркон и Нордау, напротив бывшей гостиницы «Шератон». Старый отель «Шератон» был передан американцам, которые в ходе реализации Кэмп-Дэвидского соглашения строили аэродромы в пустыне Негев вместо израильских аэродромов на Синайском полуострове, который возвращался Египту.

Я по телефону заказал в «Гранд-Бич» номер, пока Джерри встречался с контактным лицом в холле отеля. У контактного лица в багажнике машины лежал «дипломат» с предназначенными нам документами.

Нам следовало незаметно вытащить «дипломат» из багажника, извлечь документы, перефотографировать их и так же незаметно вернуть вместе с дипломатом на место.

У нас уже был ключ от багажника, а автомобиль должен был стоять на стоянке на шестом по счёту месте от главного входа «Шератона». Мы быстро выяснили, что он стоит лишь на четвёртом месте, и портье в «Шератоне» прекрасно его видит.

Задачей Джерри было заговорить с контактным лицом в верхнем холле гостиницы «Гранд-Бич» и сесть с ним так, чтобы видеть, как я достаю из багажника «дипломат», прохожу через холл и иду к лифту. Сделав фотографии в номере, мне следовало стереть все отпечатки пальцев с чемоданчика и вернуть его в багажник.

Как только «дипломат» очутился в багажнике, я подал бы сигнал Арику, который, в свою очередь, кивнёт Джерри, что тот может дать контактному лицу уйти. Всё, конечно, должно было происходить без ведома самого этого человека.

Единственной проблемой было то, что машина находилась в поле зрения портье. Я сказал Арику, чтобы он вынул из своего кошелька все деньги, оставив лишь пару монет, и подошёл с ним к портье, сказав, что он только что нашёл кошелек и просит сдать его в «Бюро находок». Это на некоторое время отвлечёт портье с его поста, и я смогу забрать чемоданчик.

Когда я возвращался, Арик, узнав за это время имя портье, позвонив с улицы, попросил его срочно подойти к телефону. Пока тот шёл к телефону в отеле, я успел вернуть «дипломат» в багажник.

Через два часа мы все встретились в квартире. Никто ничего не говорил, но, казалось, что никакой проблемы не было. Вскоре подошли Итцик и Шаи Каули. Мы подробно описали им всё, что произошло. Когда все закончили, Джерри вдруг обратился

к Итцику: «Я хочу пожаловаться на поведение Вика».

Меня будто по голове ударили. Я сделал даже больше, чем нужно, а теперь этот жалкий тип собирается наябедничать на меня.

Джерри продолжал: «Когда Виктор работал в «Смерфс» у «Кайсарут», то угощал приезжавших к нам африканцев в этой гостинице. Он подвергал опасности всю нашу операцию, потому что проводил её в том отеле, где о нём могли знать».

— Погодите-ка, — сказал я. — Мы уже тренировались во всех чёртовых гостиницах по всему городу. А по плану учений эта операция вообще проходила в Париже, а уж там меня ни в каком отеле никто не знает.

Это не помогло, Итцик прислушался к Джерри и записал в его книгу: «Очень наблюдательный».

Тут я обратился к Каули: «Шаи...»

— Брось, — ответил Каули, — не впутывай меня в эту историю.

* * *

На следующий день я попросил разрешить сразу же выполнить и второе моё задание. Это позволило бы мне покинуть «безопасный дом» на пару дней. Мне уже было тяжело находиться рядом с Джерри.

Мне следовало установить контакт с одним британским дипломатом, который занимался уходом за могилами британских солдат на военных кладбищах (в основном, времён Первой мировой войны) по всему Израилю.

У него было одно бюро в Рамлахе, городке на восток от Тель-Авива, где находится большое военное кладбище, и второе бюро — при британском посольстве в Тель-Авиве.

Контрразведка Шабак неоднократно фиксировала, как этот человек останавливал машину на улице, фотографировал военные объекты и ехал дальше. Предполагали, что, либо он сам из «Секрет Интеллидженс Сервис», либо работает на кого-то другого. Потому Шабак попросил перепроверить англичанина.

Первым моим действием было найти причину встретиться с ним. Почему бы снова не кино?

Забронировав номер в отеле «Карлтон» напротив «Марина» на улице Хаяркон-Стрит в Тель-Авиве, я поехал к памятнику вблизи того места, где войска генерала Алленби в Первую мировую войну форсировали реку Яркон и тем самым покончили с четырёхвековым правлением турок на Святой Земле.

Я запомнил названия битв и названия бригад, сражавшихся здесь, потом посетил другое большое британское кладбище возле Хайфы, где, проходя вдоль могил, нашёл памятник с именем МакФи, солдата, воевавшего и погибшего здесь.

Я решил выдать себя за канадца из Торонто, конечно, с визитной карточкой, снимающего фильм об одной семье, переехавшей из Лондона в Канаду. Один из родственников этой семьи погиб в Первую мировую войну, сражаясь на Святой Земле.

Сначала я позвонил в его бюро в Рамлахе и

рассказал историю работавшей там арабке-христианке. Она дала мне телефон этого человека в британском посольстве. Я позвонил ему, повторил всю историю, назвал ему имя МакФи (сказав, что не знаю, где он похоронен), объяснил, что я остановился в отеле «Карлтон» и хочу встретиться с ним.

Никаких проблем.

Конечно, британец пришёл ещё с одним человеком, и мы все трое беседовали два с половиной часа. Дипломат по профессии был художником-пейзажистом и очень старался мне помочь. У него уже были подготовлены для меня имя и детальные данные, где искать могилу.

Он, естественно, воспринял мою идею со всей душой и даже спросил меня, не смог бы я использовать его, как художника, чтобы изобразить большие батальные сцены, которые я смог бы снять для фильма.

Я сказал, что скоро уезжаю, но свяжусь с ним в течение месяца. По моим инструкциям мне нужно было провести только первую встречу и прервать после этого связь.

Следующим заданием было сфотографировать мою встречу с одним человеком в Восточном Иерусалиме. Этот человек был владельцем сувенирной лавки на улице Саладдина.

Я разведал местность, сделал несколько кадров скрытой камерой и даже подружился с этим человеком. Он был из ООП, потому о нём стоило узнать больше.

Во время другой тренировки Итцик привёз меня к одному жилому дому в Тель-Авиве и сказал, что на третьем этаже живёт человек, к которому сейчас пришёл гость. У меня есть 20 минут, чтобы завязать разговор с этим гостем.

— Это хамство, — сказал я.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда ты навалишь кучу у кого-то под дверью, потом позвонишь и попросишь у него туалетную бумагу. Это хамство.

Я зашёл в близлежащий магазин и купил две бутылки вина «Мутон Каде». Затем я вошёл в дом и посмотрел на таблички с именами жильцов над звонками. Я выбрал одну из кнопок, позвонил и сказал, что мне нужно передать пакет для одной женщины.

— О, вы, наверное, ищите Дину, — сказал голос.

— А Дина замужем? — спросил я.

— Нет, — ответили мне.

Я позвонил в дверь Дины, но её, к счастью, не было дома. Я пошёл вверх по лестнице. В этом здании, поднимаясь вверх, нужно было проходить мимо каждой квартиры. Когда я поднялся на третий этаж, где жили указанные мне люди, я взял одну из бутылок, поднял её и уронил прямо перед нужной дверью. Затем я постучал в дверь.

— Мне очень жаль, — начал я, когда дверь открыли. — Я был наверху, чтобы встретиться с Диной, но её не оказалось дома. К сожалению, я уронил бутылку. У вас не найдётся тряпки, чтобы вытереть лужу?

И владелец квартиры, и его гость охотно по-

могли мне. Я предложил им разделить со мной вторую бутылку. Я провёл у них два часа и узнал много об этих людях. Миссия моя завершилась успешно.

В это же время группа в Хайфе сконцентрировала свои усилия на миротворческих войсках ООН, особенно на канадцах.

Канадцы были превосходной целью. Они были дружелюбные и, в большинстве своём, приятные люди. Для них Израиль был обычной западной страной. Потому они чувствовали себя здесь уютно — лучше, чем в любой арабской стране.

Было немало канадских «дувшаним» (дословно — «медовых пирогов»), которым канадские миротворческие войска ООН платили за транспортировку посланий и пакетов. Но они контрабандно перевозили через границу туда и обратно пакеты и для Моссад.

Во время двух тренировок мы провели «учебное» проникновение в здания двух полицейских участков — один раз главного управления полиции на Диценгофф-Стрит в Тель-Авиве, другой раз в главном управлении уголовной полиции Иерусалима.

Человек по фамилии Цигель руководил там большим спецотделом по борьбе с мошенничеством. Одно из дел, над которым он как раз работал, называлось «Персиковое досье» (на иврите «Тик Афарсек»).

Когда мы проникли в полицейское управление, то взяли с собой одного гражданского «эксперта», который показал нам, какое дело нам нужно взять.

«Персиковое досье» оказалось расследованием дела, в которое был замешан Иосиф Бург, старейший ортодоксально-религиозный министр правительства и один из самых старых израильских парламентариев.

Я не знаю, что было в досье, и что показало расследование, но я знаю, что «Персиковое досье» было выкрадено нами по указанию из бюро премьер-министра, и в результате этого всё расследование провалилось из-за недостатка улики.

Был ли это Бегин, Перес или Шамир не играет роли. Если у тебя в руке есть инструмент, ты воспользуешься им. И в особенности любит делать это Моссад.

Если «младшим катса» приходилось выполнять только немногие упражнения подобного рода, то тем курсантам, которых тренировали для «Невиот», такие задания поручались постоянно. Если нужно провести тренировку по нелегальному проникновению в защищённое здание, то именно такое здание и подбирают. Например, полицейский участок.

Меня очень возмущала подобная практика, и однажды я спросил, зачем мы делаем это, нарушая законы своей страны. Нам ведь предстоит работать в иностранных государствах, а не у себя дома.

Орен Рифф, которого я считал своим другом, ответил: «Когда ты ищешь что-то, то ищи там, где потерял, а не заглядывай под фонарь, только потому, что там хорошо видно», напомнив известную историю о человеке, который что-то уронил в темноте, но искал это только под уличным фонарем.

Когда его спросили, почему он ищет свою пропажу именно там, а не в том месте, где потерял, тот ответил, что в темноте ничего не видно, а здесь, под фонарём, светло.

— Лучше молчи и делай свою работу, — сказал Рифф, — потому что тебя это не касается.

Затем он добавил: «Теперь послушай меня внимательно. Прекрати скулить и жаловаться. Право жаловаться ты получишь лишь только тогда, когда сам будешь выше тех людей, которых критикуешь».

В ярости я крикнул ему: «Да пошёл ты!» и, хлопнув дверью, выбежал из кабинета. Я считал, что я прав. Когда я говорил с другими парнями в бюро, такими же «мелкими сошками», как и я, они все были со мной согласны.

Но никто не хотел выступать, потому что каждый стремился попасть за границу. Все они думали только об этом. С такой позицией, как у меня, далеко не уедешь. Просто ничего не выйдет.

* * *

Когда в середине ноября 1985 года мы окончили курс и, наконец, стали настоящими «катса» — в общей сложности обучение продлилось три года — настроение наше было настолько плохим, что мы не устроили даже прощальную вечеринку.

Одед не сдал выпускные экзамены, но стал экспертом по связи и коммуникации в бюро в Европе. Авиатор тоже не справился с последними учениями. Через посредничество Майка Харари его в качестве «киллера» передавали «в аренду» неким людям в Латинской Америке.

Мишель отправился в Бельгию, а Агаси Й. стал офицером связи в Каире. Джерри взял к себе Аралех Шерф в отдел «Цафририм». В последний раз я услышал о нём, когда он начал в Йемене операцию по вывозу оттуда в Израиль парочки местных евреев. Хайм, Йоси и я оказались прикрепленными к израильской резидентуре.

Я хорошо закончил курс, но нажил себе нескольких влиятельных врагов. Эфраим Халеви, например, шеф отдела связи (*Liaison*), называл меня «настоящей чумой».

Во всяком случае, со временем меня должны были направить в Бельгию: для новичка это большая честь быть принятым в качестве «катса» в группу «Кидон». Итцика это совсем не устраивало. В конце концов, возможностей было не так уж много. А если я уйду, то на три — четыре года меня вообще отстранят от всех дел.

В это время я работал в группе «прыгунов» под руководством Рана, пока его не направили для проведения вербовок в Египет. Египетское телевидение показало документальный фильм с критикой Моссад под названием «Человек с насмешливыми глазами», в котором было приведено очень много внутренней информации о бюро.

Но вместо того, чтобы вызвать у египтян возмущение, в посольство Израиля рванул поток добровольцев — все они хотели работать на Моссад.

После двух недель моей работы в израильской резидентуре мне поручили передать пакет, который авиакомпания «Эль-Аль» привезла с Дальнего Во-

стока, по адресу в Панаме, который указал Майк Харари.

Я поехал в аэропорт на легковушке «Субару» и был поражён, увидев пакет размером 2х3х1,5 м, полностью обмотанный в пластик, в котором, несомненно, было множество маленьких пакетиков.

Он был слишком велик для моей машины, и я вызвал транспортный фургон, чтобы забрать его, привезти в бюро, переупаковать и затем переслать в Панаму.

Я спросил Ами Йаара, что было в пакетиках.

— Это тебя не касается, — сказал Йаар. — Делай, что тебе сказали.

В аэропорту пакет погрузили не в панамский самолёт, как мне было сказано, а в самолёт израильских ВВС. Я сказал, что это, видимо, недоразумение. Но они ответили: «Нет, нет, самолёт зафрахтован Панамой».

Это был транспортный самолет С-130 «Геркулес». Вернувшись в бюро, я пожаловался. Я знал, что мы отправили туда. Я не был настолько глуп. Мы не перепродавали оружие из стран Дальнего Востока. Это могли быть только наркотики.

Потому я спросил, почему для контрабанды наркотиков был использован израильский военный самолёт? Мне сказали, что тип, который командует панамскими ВВС, и есть Майк Харари. Так в чём же проблема?

Я говорил об этом во время обеда и в бюро и возмущался тем, что мы поддерживаем Харари в таких его действиях. В бюро был почтовый ящик для жалоб, туда можно было направлять свою критику по компьютерной связи. Затем её передавали в отдел внутренней безопасности.

Я послал формальную жалобу. Но проблемой этой системы было то, что отправляемые жалобы попадали на стол высокопоставленным офицерам; таким образом, мою жалобу мог увидеть сам Харари.

Это была соломинка, которая сломала спину верблюду. Мой поступок больно ударил по самому уязвимому месту Харари. Он ведь не мог терпеть меня ещё со времён нашей прошлой встречи.

* * *

В это время разворачивалась операция, в ходе которой меня направили на Кипр. Собственно, ехать должен был не я, но так захотел Итцик. Меня удивило, что послать решили именно меня и волновался.

Моим заданием было выступить посредником в ходе операции, которая уже шла. Я мало знал её подробностей, но мне нужно было встретить одного человека и наладить систему по отправке различных взрывных устройств в Европу. Я даже не знал имени моего контактного лица.

Он был европейцем и связником с ООП на Кипре, а одновременно торговал оружием. Задней мыслью было убить сразу двух зайцев. Этот человек продал бы взрывчатку оружейным дилерам, через него мы вышли бы на них, навели на них полицию, а они подумали бы, что их выдала радикальная фракция ООП.

Я должен был обеспечить, чтобы оба задей-

ствованных лица в назначенное время встретились в Брюсселе для передачи товара.

Сделку проводили именно в Брюсселе, потому что взрывчатка и взрыватели были отправлены из штаб-квартиры Моссад дипломатической почтой в европейскую главную резидентуру Моссад в Брюсселе. Из-за политического значения Брюсселя, в этот город обычно поступает очень много дипломатической почты.

Покупателями были голландские и бельгийские торговцы оружием. Наша задумка состояла в том, чтобы втянуть обоих дилеров в сделку, сообщить о ней полиции этих стран, чтобы те начали расследование, а затем навести полицейских на место сделки и дать им арестовать её участников с личным. Конечно, полиции были нужны доказательства. Их с успехом и анонимно поставлял ей Моссад.

В план входило, что Мишель на своём прекрасном французском время от времени давал бы полицейским «наводку», вплоть до момента передачи товара.

Я жил на Кипре в номере отеля «Сан-Холл» с видом на порт Ларнаку. Груз был уже погружен в машину и доставлен в Бельгию. Мне следовало передать этому человеку на Кипре ключи от машины и от багажника. Затем я должен был сообщить точное время и место, где им передадут машину. Они хотели встретиться со мной на Батерфлай-Хилл, но я настоял на передаче ключей в отеле.

Этих людей бельгийская полиция взяла с личным, стоило им подойти к машине; среди них был и тот человек, которому я передал ключи 2 февраля 1986 года. Власти конфисковали более 100 кг пластиковой взрывчатки и взрыватели.

После этого я начал собираться, чтобы вылететь домой. Но я не знал, что на Кипр меня послали по совершенно другой причине. Это было частью операции, с которой я был немного знаком ещё со времён моей работы на компьютере в бюро.

Новый приказ был таким: никуда не выезжать из гостиницы и ждать звонка от одного из сотрудников отдела «Метсада», который осуществлял наблюдение за аэропортом Триполи в Ливии. Таинственное послание, которое я должен был принять по телефону, звучало так: «Цыплята вылетели из корзины».

Приняв звонок, я должен был включить свой «бипер» — автоматический мини-передатчик, который бы каждые 15 секунд передавал бы один и тот же сигнал: «Цыплята вылетели из корзины».

Сигнал принимался ракетным катером израильского флота и передавался израильским ВВС, чьи истребители уже ждали в воздухе этого сигнала, чтобы принудить к посадке в Израиле ливийский правительственный самолёт «Гольфстрим-11».

«Цыплятами» были несколько самых радикальных и непримиримых, разыскиваемых по всему миру террористов ООП, прежде всего Абу Халид Амиль, Абу Али Мустафа, Абул Фатх Гамен и Абу эль-Аббас из руководства Народного Фронта Освобождения Палестины.

Эль-Аббас руководил захватом итальянского лайнера «Акилле Лауро» и угрожал американскому

полковнику Оливеру Норту, так что тот от страха купил для своего дома одну из самых дорогих систем безопасности в мире.

Ливийский диктатор Муамар аль-Каддафи пригласил их в Триполи на трёхдневную встречу. В ней участвовало т.н. Совместное Руководство Революционных Сил Арабских Народов, состоящее из представителей 22 палестинских и других арабских организаций. Оно прошло в крепости Баб-аль-Азизия.

Это было ответом Каддафи на манёвры американского 6-го флота у ливийских берегов. Делегаты одобрили создание групп террористов-смертников для диверсионных нападений на американские объекты в США и в других странах, если американцы решатся на агрессию против Ливии или другой арабской страны.

Само собой разумеется, что Моссад прослушивал все заседания. Но также естественно палестинцы предполагали, что их подслушивают. Тогда они распространили слух, что вожди ООП собираются ранним утром на небольшом реактивном самолёте вылететь из Триполи и, пройдя вдоль юго-восточного берега Кипра, приземлиться в Дамаске.

Моссад задействовал двух шпионов, которые не знали друг о друге (это совершенно нормально), и оба ждали телефонного звонка. Один наблюдал за аэропортом.

Он должен был увидеть, как люди сели в самолёт и после его взлёта сообщить другому человеку, который уже передал бы информацию о «цыплятах» мне. А я с помощью автоматического одноканального передатчика ретранслировал бы её на ракетный катер.

На Кипр я приехал под именем Джейсона Бёртона. Половину пути туда меня вез израильский патрульный катер, затем в гавани меня пересадили на частную яхту. А, судя по отметкам в моём паспорте, я прибыл на Кипр на самолёте.

Погода была холодной и ветреной, туристов было мало. Но в моей гостинице жило много палестинцев. Когда я выполнил первое задание и остался ждать телефонного звонка, мне нечем было заняться. Я мог выходить из номера, но не из отеля. Мне стоило лишь сообщить администратору, где я нахожусь, и в случае звонка меня легко бы отыскали.

Вечером 3 февраля 1986 года я увидел в холле гостиницы одного человека. Он был очень хорошо одет, носил очки в позолоченной оправе и три больших кольца на правой руке. У него была острая борода и усы. На вид ему было около 45 лет. Его чёрные волосы начали седеть. Он носил дорогие кожаные туфли и специально сшитый костюм из шерсти наилучшего качества.

Он сидел в холле и листал какой-то арабский журнал, но я увидел, что внутри этого журнала лежит «Плэйбой». Я знал, что он араб и знал, что он ведёт себя, как важное лицо. Я решил, чёрт побери, мне всё равно нечего делать, почему бы не установить с ним контакт.

Я реши выйти на него напрямую. Я просто подошёл и сказал по-английски: «Могу я посмотреть центральный листок?»

— Простите? — ответил мужчина. По-английски он говорил с сильным акцентом.

— Ну, вы знаете, «плэймэйт», девчонку в середине.

Он засмеялся и показал её мне. Я представился как британский бизнесмен, который почти всю жизнь провёл в Канаде. Наша беседа была приятна. Через некоторое время мы решили вместе поужинать.

Этот человек был палестинцем, жил в Аммане и, как и я (по «легенде»), занимался импортом и экспортом. Он, очевидно, любил выпить, потому после ужина мы пошли ещё в бар, где он порядочно «набрался».

Я походя выразил большую симпатию палестинскому освободительному движению. Я даже упомянул, что во время Ливанской войны потерял много денег из-за прерванных поставок в Бейрут.

— Эти проклятые израильтяне, — сказал я.

Палестинец рассказывал о своих делах в Ливии, а в конце, заметив мою очевидную симпатию, сказал: «Израильтяне завтра нажрут дерьма».

— Ну и здорово. А как вы это устроите?

— Мы узнали из одного источника, что израильтяне подслушали встречу ООП с Каддафи. Мы сделаем в аэропорту маленький фокус. Израильтяне подумают, что руководители ООП вместе полетят одним самолётом. А они не полетят.

Я постарался сохранить спокойствие. У меня не было санкции на установление контакта, но мне следовало что-то сделать. Наконец, в час ночи, я оставил своего «друга», зашёл в номер и позвонил по номеру дежурного телефона. Я спросил Итцика.

— Его нет. Он занят.

— Я должен поговорить с ним. Это срочно. Я хочу поговорить с шефом «Цомет».

— Мне очень жаль, он тоже очень занят.

Я, уже назвав свой кодовый номер, идентифицировал себя как «катса», но невероятным образом, они не хотели меня соединять. Тогда я позвонил Аралеху Шерфу домой, но его не было. Наконец я позвонил своему другу из военно-морской разведки и попросил его пробиться туда, где находились его шефы, в штаб Подразделения 8200 на авиабазе в Галиле.

И конечно, Итцик подошёл к аппарату: «Зачем ты мне звонишь?»

— Послушай, всё это дело — трюк. Эти типы не полетят в этом самолёте.

— Откуда ты знаешь?

Я рассказал ему всю историю, но Итцик ответил: «Звучит похоже на психологическую войну. Кроме того, тебе не давали разрешения самому устанавливать контакты».

— Это не тебе решать, — сказал я. Постепенно мы уже ругались друг с другом. — Это же смешно!

— Послушай, мы знаем, что делаем. Просто выполни свою работу. Ты ещё помнишь, что должен сделать?

— Да, я помню. Но для отчёта я хочу, чтобы и ты запомнил, что я тебе сказал.

— Хорошо. Делай своё дело.

Я не спал всю ночь. В полдень следующего дня мне, наконец, позвонили: «Цыплята вылетели из корзины».

К несчастью для Моссад, вылетели не они. Но я передал дальше сообщение, быстро покинул отель, пришёл в порт, там сел на частную яхту, с неё пересел на ожидавший меня израильский патрульный катер, который повез меня обратно в Израиль.

* * *

В этот день, 4 февраля, израильские истребители заставили приземлиться на военно-воздушной базе Рамат-Давид близ Хайфы небольшой реактивный самолёт. Но вместо вождей ООП в нём были лишь 9 маловажных ливийских и сирийских чиновников. Достаточно большой международный провал для Моссад. Через четыре часа их отпустили.

Но перед этим эль-Аббас, которого израильтяне, среди прочих, и хотели захватить, провел пресс-конференцию, на которой сказал: «Скажите всему миру, чтобы он не пользовался американскими и израильскими самолетами. С этого дня мы уже не будем щадить гражданских лиц, летающих на таких самолётах».

В Дамаске сирийский министр иностранных дел Фарук аль-Шараа потребовал от Совета Безопасности ООН провести срочное заседание. Оно состоялось на той же неделе, но Соединённые Штаты наложили вето на решение, осуждающее Израиль.

Генерал-майор Хикмат Шехаби, начальник генерального штаба сирийской армии сказал: «Мы ответим на это преступление, преподав тем, кто его совершил, такой урок, который они не забудут. Метод, время и место выберем мы сами».

Кадафи объявил, что отдал приказ своим ВВС перехватывать над Средиземным морем израильские гражданские самолёты, принуждать их к посадке в Ливии для поиска «израильских террористов».

Ливия обвинила американский 6-й флот в том, что и он был замешан в этой операции.

Оказавшийся в замешательстве израильский премьер-министр Шимон Перес заявил комиссии Кнессета по вопросам обороны и иностранных дел, что поступила информация о том, что на борту находился высокопоставленный палестинец, потому «мы решили проверить, был ли он в самолёте. Характер информации давал нам достаточное основание для решения о перехвате машины. Но она оказалась ложной».

Министр обороны Ицхак Рабин сказал: «Мы не нашли то, что надеялись найти».

Во время всех этих событий я всё ещё находился на борту патрульного катера, идущего в Израиль. Вскоре я узнал, что руководство Моссад хочет сделать меня ответственным за срыв операции.

А чтобы меня в этот момент не было в Израиле и, чтобы я не мог защититься, капитану катера, которого я знал лично ещё со времен моей службы на флоте, приказали где-то за 15 км до Хайфы сымитировать поломку двигателя.

Когда катер остановился, я пил кофе. Я спросил капитана, в чём дело.

— Мотор сломался, — ответил он.

Мы стояли два дня. Мне не разрешено было пользоваться радио.

Капитан, собственно, был командиром небольшой флотилии из 11 патрульных катеров, но для этой работы выбрали именно его. Возможно, они думали, что с более молодым капитаном я смогу справиться.

А этого капитана запугать было нелегко. Несколько лет назад он прославился благодаря одному случаю. Однажды туманной ночью он заметил на экране своего радара «вонючку», т.е. неопознанную цель. Казалось, что его радиостанция как-то странно испортилась. Он мог передавать, но не принимать сигналы.

Когда тень приближалась всё ближе, он передал предупреждение: «Остановитесь, или буду стрелять!»

Когда он уже расчехлил свою маленькую кормовую 20-мм пушку и приготовился стрелять, из тумана появился гигантский американский авианосец типа «Нимитц» и навёл на катерок свои прожектора. Один лишь якорь «Нимитца» был больше всего катера. Люди долго смеялись над этим случаем.

Но над провалом с перехватом не смеялся никто, кроме арабов и палестинцев. Когда мне, наконец, разрешили сойти на берег, Орен Рифф встретил меня словами: «Теперь тебе конец».

Я начал объяснять ему, что произошло, но он сказал: «Не хочу ничего об этом слышать».

Я несколько раз пытался поговорить с Нахумом Адмони, шефом Моссад. Тогда начальник отдела кадров Амирам Арнон сказал мне, что они разрешат мне уйти. Он посоветовал мне уволиться со службы. Я сказал, что не хочу уходить, на что Арнон заявил: «Ну, хорошо, тогда мы только тебе выплатим твою зарплату».

Я подошел к Риффу и сказал, что мне нужно обязательно оговорить с Адмони. Рифф ответил: «Он не только не желает говорить с тобой, он даже не хочет, чтобы ты подошёл к нему с вопросами в коридоре или в лифте. А если ты попробуешь встретиться с ним за стенами бюро, он будет рассматривать это, как покушение на его личность».

Это значило, что его телохранители будут в меня стрелять. Я поговорил с Шерфом, и он сказал, что тут и он ничего не может сделать.

— Но это же нечестная игра, — сказал я.

— Это не играет роли, — ответил Шерф. — Тут ты ничего не сможешь изменить.

Тогда я подал в отставку. Это было в последнюю неделю марта 1986 года.

На следующий день мне позвонил мой друг из ВМС и спросил, почему моё личное дело исчезло со специальной полки. На ней хранятся документы сотрудников Моссад, чтобы их не призывали на сборы резервистов (большинство людей в Израиле регулярно призывают на сборы резервистов, которые длятся по 30, 60 или 90 дней. Это касается мужчин в возрасте до 55 лет и незамужних женщин. Чем выше звание, тем дольше длятся сборы.)

Обычно, если человек уходит из Моссад, его досье передаётся в шкаф, где хранятся дела резервистов, с особой пометкой, что этого человека нельзя направлять на передовую. Это потому, что он слишком много знает.

Поэтому мой друг, к счастью, не имея понятия о моих проблемах, спросил, с чего бы это моё дело переместилось в «нормальный» шкаф. Он предположил, что я сам этого захотел, потому что обычно после ухода из Моссад перемещение личного дела затягивается на 5-6 месяцев.

А здесь всё произошло за один день. Ещё хуже — на деле стояла отметка о направлении меня офицером связи в христианскую армию Южного Ливана, что для бывшего офицера Моссад означало верную смерть.

Это было уже слишком. Я обсудил ситуацию с Беллой, собрал вещи и charterным рейсом «Тауэр-Эйр» вылетел в Лондон. Там я пересел на самолет TWA до Нью-Йорка. Побыв там несколько дней, я вылетел в Омаху в гости к отцу.

Через день после моего отъезда из Израиля курьер принес в наш дом в Тель-Авиве повестку о призыве на сборы резервистов. Обычно до вручения повестки проходит 60 дней, а срок призыва устанавливается в 30 дней.

Белла взяла повестку. Но на следующий день зазвонил телефон, и её спросили, почему офицер резерва Островский не явился на службу. Тогда Белла ответила, что меня нет в стране.

— Как так может быть? — спросил чиновник.
— Он же не получил у нас отсрочку от призыва.

Но я получил. Пусть не от армии. Я сам составил себе документ об отсрочке, поставил печать и вылетел из корзины.

Через пару дней я поехал в Вашингтон и попытался установить контакт с офицерами связи Моссад. Но мне это не удалось. Никто не хотел говорить со мной. А я не рассказывал им, кто я. Затем в Вашингтон прилетела Белла, а наших двух маленьких дочерей мы самолётом отправили в Монреаль. В конце концов, мы все вместе переехали в Омаху.

* * *

Я не уверен, что проблема состояла только в моей критике. Они в любом случае хотели бы использовать меня, как козла отпущения. Вот так.

Вы помните палестинца на Кипре, который рассказал мне о трюке с самолётом? Он мне рассказал ещё кое-что, куда более шокирующее. Он сказал, что два его друга, арабы, выросшие в Израиле и говорящие на иврите не хуже израильтян, создают в Европе службу безопасности.

Они работают там «под флагом» Моссад и вербуют в неё израильтян, чтобы помочь написать учебники о создании секретных агентурных сетей. Всё — обман. Им просто нужна информация. Они выдают себя за израильтян, чтобы те другие израильтяне, которых они обрабатывают, говорили с ними открыто, думая, что находятся среди своих.

Когда я рассказал об этом нескольким людям в бюро, они сказали, что я сошёл с ума, что этого не может быть, что это не работает. Потому что, если

это сработает, произойдёт катастрофа. Я спросил, о чём вы говорите. Нам нужно просто предупредить людей, думал я. Но они настаивали на своей точке зрения.

Палестинец был со мной так откровенен потому, что уже был поздний вечер перед самой операцией; мы были в баре гостиницы в Ларнаке. Что уже можно было изменить?

Кстати, разведчик «Метсада» в аэропорту Триполи не ошибся. Он действительно видел, как руководители ООП садились в самолёт. Но он не мог видеть, как за ангаром, где самолёт приостановился перед взлётом, они из него вышли.

Они могли бы с моей помощью провести целую операцию с этим арабом. Очевидно, он о чём-то знал. Но мне не дали шанса.

Так как я был «катса», в нормальном случае после моего звонка никакие личные моменты, связанные с антипатией ко мне, не должны были играть никакой роли. Если бы было так, мы избежали бы международного скандала и даже смогли бы сами вдвойне обмануть противника.

Это ведь можно было предвидеть. Сами подумайте: эти пять человек испытывают огромный страх перед Моссад. А мы решили, что они все впятером вдруг сели в один самолёт. Это ведь люди, привыкшие всегда прятаться. Они умные, опытные, осторожные, подготовленные.

Нам следовало бы догадаться, что всё это было трюком. Так что, Моссад не нуждался в посреднике на Кипре. Он нуждался в козле отпущения. И, в конце концов, им оказался я.

Мои проблемы начались ещё на курсе, когда я был кадетом. Но инструкторы, очевидно, надеялись, что со временем всё устроится, и я приспособлюсь к системе.

Я был хорош в своём деле, а они вложили в меня немало труда. И не все были настроены против меня, потому что прошло некоторое время, пока они пришли к согласию, что от меня больше хлопот, чем пользы.

Мои проблемы с Джерри, вероятно, переполнили их чашу терпения. Похоже, что у него был очень сильный «конь», которым он воспользовался для себя. И против меня.

Моссад однозначно не ценит людей, которые сомневаются в существующей системе и в людях, которые этой системой управляют. Он предпочитает тех, кто всё воспринимают слепо, так, как оно есть, и спокойно пользуются этим в своих личных целях. Пока они не раскачивают лодку, им незачем волноваться.

Но помимо всего прочего, во время моей длительной учёбы и короткой карьеры «катса» я узнал достаточно, чтобы вести дневник и собрать немало сведений о многочисленных операциях Моссад.

Многие лекции и учебные занятия проводились теми разведчиками, которые сами провели различные разведывательные операции. Кадеты изучали эти операции до малейшей детали и проигрывали их, получая объяснение значения каждой детали.

Кроме того, у меня был открытый доступ к

компьютеру Моссад, откуда я смог получить объёмные знания о его организации действиях, о кото-

рых — и во многих случаях впервые — вы сможете прочесть в третьей части этой книги.

Часть третья. Пути обмана

Глава 9. «Стрела»

28 ноября 1971 года четыре террориста убили премьер-министра Иордании Васфи Телля, когда он входил в холл отеля «Шератон» в Каире. Телль, прозападный араб, был готов пойти на переговоры с Израилем и потому оказался первой целью новой группировки палестинских террористов-убийц, назвавшей себя «Чёрный сентябрь» (по-арабски: «Айлуль аль Асвад»).

Это имя они избрали по названию месяца 1970 года, в котором иорданский король Хуссейн разгромил палестинские вооружённые формирования в своей стране.

«Чёрный сентябрь» оказался самой кровавой и экстремистской группой всех «федаин» (так арабы называют боевиков или партизан). За убийством Телля последовало убийство пяти иорданцев, проживавших в Западной Германии, которых заподозрили в шпионаже в пользу Израиля.

Затем они попытались уничтожить иорданского посла в Лондоне, взорвали бомбу на фабрике в Гамбурге, выпускавшей электронные компоненты для Израиля, а потом нефтеперерабатывающий завод в итальянском Триесте, который, по мнению террористов, перерабатывал нефть для «сионистских» элементов в Германии и в Австрии.

8 мая 1972 года группа из двух мужчин и двух женщин захватила самолёт бельгийской авиакомпании «Сабена» с 90 пассажирами и 10 членами экипажа на борту в международном аэропорту Лод в Тель-Авиве. Затем они потребовали освободить 117 «федаин» из израильских тюрем.

На следующий день оба мужчины-террориста были застрелены израильскими «коммандос», женщин арестовали и приговорили к пожизненному заключению.

30 мая трое вооружённых автоматами японских радикалов по поручению «федаин» расстреляли насмерть в аэропорту Лод 26 туристов и ещё 85 ранили.

Затем, 5 сентября 1972 года в самый разгар Олимпийских игр в Мюнхене, боевики «Чёрного сентября» ворвались в «Олимпийскую деревню» и убили 11 израильских спортсменов и тренеров. Последовавшая драматическая стычка террористов с немецкой полицией показывалась по телевидению в прямом эфире по всему миру.

Члены группы ещё до этого действовали в Германии. А за неделю до начала Олимпиады несколько членов «Чёрного сентября» поодиночке съехались в Мюнхен, привезя с собой целый арсенал русских автоматов Калашникова, пистолетов и ручных гранат.

На все эти жестокости Израиль через три дня отреагировал приказом своим 75 бомбардировщикам разбомбить лагерь боевиков — так утверждалось официально — в Сирии и Ливане. Это были самые крупные авианалёты с 1967 года. Результа-

том их были 66 погибших и огромное количество раненых.

Израильские самолёты даже уничтожили над Голанскими высотами три сирийских самолёта, а сирийцы сбили два израильских. Израиль послал в Ливан сухопутные части для борьбы с палестинскими террористами, которые проникали в Израиль для минирования дорог. Сирия стянула свои войска к границе с Ливаном, готовясь к будущей войне.

Израильтяне, и так уже взволнованные враждебными действиями против них, осуществлявшимися из-за границы, были в полном шоке, когда 7 декабря Шин Бет, израильская контрразведка, арестовала 46 человек. Все они либо прямо работали на «Второе бюро» (военную разведку) Сирии, либо знали об этой шпионской сети и молчали.

Но ещё ужаснее был тот факт, что среди арестованных было 4 еврея, а среди этих евреев двое, в том числе руководитель сети, были «сабра», то есть, израильскими аборигенами.

Сразу после мюнхенских событий премьер-министр Голда Меир приказала отомстить. Она, в то время 74-летняя женщина, открыто объявила о походе возмездия, в ходе которого израильтяне будут «с упорством и умением» бороться на «далёком, опасном и важном фронте».

Другими словами, это означало, что Моссад должен ловить и уничтожать террористов по принципу: «Никто не должен уйти от длинной руки израильского правосудия».

Меир подписала смертные приговоры 35 известным террористам «Чёрного сентября», включая его лидера Юсифа Найара, известного, как Абу Юсуф, бывшего высокопоставленного офицера секретной службы палестинской группировки «Аль Фатх», возглавляемой Ясиром Арафатом.

В число этих людей входил и блистательный и жестокий Али Хасан Саламех, известный, как «Красный принц», спланировавший побоище в Мюнхене, а позднее действовавший из Восточной Германии. Судьба настигла его, в конечном счёте, в Бейруте в 1979 году, когда его убили бомбой, заложенной в автомобиль.

Но так как Меир дала Моссад приказ найти и уничтожить убийц «Чёрного сентября», она и сама стала важной целью террористов. Для Моссад это означало, что пора вводит в игру подразделение убийц отдела «Кидон» («Штык»), входящее в «Метсада».

Первый визит после Мюнхенской трагедии «Кидон» нанес представителю ООП в Риме Абделю Вадаль-Звайтеру, 38 лет. Он ждал лифта в своем доме 16 октября 1972 год, когда в него с близкого расстояния выпустили двенадцать пуль.

8 декабря Махмуд Хамшари, 34-летний главный представитель ООП во Франции услышал те-

лефонный звонок в своей парижской квартире.

— Алло.

— Это Хамшари?

— Да.

«Бум!» Команда Моссад установила бомбу в его телефоне. Когда он поднёс трубку к уху и назвал своё имя, бомбу взорвали с помощью дистанционного управления. Хамшари был тяжело ранен и умер через месяц после взрыва.

В конце января 1973 года Хуссейн аль-Башир, 33-летний глава предприятия «Пальмира», путешествовавший с сирийским паспортом, лёг спать в своем номере на третьем этаже отеля «Олимпик» в Никосии на Кипре.

Через несколько секунд взрыв разнёс как номер, так и Башира, представителя «Аль Фатх» на Кипре. Киллер просто подождал в засаде, пока Башир выключит свет в спальне, и дистанционно взорвал бомбу, которую установил под его кроватью.

В траурной речи по погибшему товарищу Ясир Арафат поклялся отомстить, но «не на Кипре, не в Израиле и не на оккупированных территориях». Ясное предупреждение, что террористы планируют эскалацию в международных масштабах. Всего в ходе похода возмездия Голды Меир Моссад ликвидировал дюжину членов «Чёрного сентября».

Чтобы продемонстрировать серьёзность своих намерений Моссад публиковал в местных арабских газетах некрологи по ещё живым подозреваемым террористам. Другие получали анонимные письма, содержащие точные детали их жизни, особенно сексуальные предпочтения, и советующие покинуть город.

Кроме того, многие арабы в Европе и на Ближнем Востоке были ранены бомбами, спрятанными в письмах, которые отправлял им Моссад. Хотя Моссад этого не планировал, поход возмездия принёс немало жертв и среди невиновных.

Но ООП тоже отсылала письма-бомбы (с амстердамскими штемпелями) — израильским чиновникам по всему миру и видным еврейским персонам. 19 сентября 1972 года, открыв письмо, погиб Ами Шахори, 44-летний советник по вопросам сельского хозяйства в израильском посольстве в Лондоне.

Что касается газетных публикаций об убийствах нескольких сотрудников Моссад, то это на самом деле было «белым дымом» — неправдивыми слухами, многие из которых распространял через газеты сам Моссад, чтобы сбить с толку общественное мнение.

Классический пример приключился 26 января 1973 года, когда шпион Моссад Ишаи (которого в более поздних сообщениях уже называли 37-летним «катса» по имени Барух Коэн) на оживлённой мадридской улице Гран-Виа был застрелен террористом «Чёрного сентября», за которым он якобы следил. Конечно, ни за кем он не следил. Просто Моссад хотел, чтобы люди думали так.

Другим примером была смерть 36-летнего сирийского журналиста по имени Ходр Кану в ноябре 1972 года, о котором говорили, что он двойной агент. Его пристрелили у двери его квартиры в Па-

риже, потому что «Чёрный сентябрь» считал, что он передаёт Моссад данные о действиях их группировки.

Но он этого не делал. Просто так представили это убийство средства массовой информации.

Хотя о двойных агентах пишут много, в реальности их очень мало. Настоящие двойные агенты должны вращаться в стабильной сфере, желательно — административно-технической, где смогут спокойно и успешно работать на две стороны.

* * *

Той осенью 1972 года Голда Меир хотела привлечь внимание населения страны от ужасов международного терроризма и от усиливающейся изоляции Израиля после Шестидневной войны.

Израиль уже давно стремился добиться от Папы Римского Павла VI аудиенции для израильского премьер-министра в Риме. Наконец, в ноябре, когда Ватикан выразил своё согласие на её визит, Голда Меир поручила своим чиновникам начать подготовку. Но она сказала им: «Я не отправляюсь в Каноссу»; визит не должен был стать символом подчинения.

Было решено, что Голда Меир вначале посетит Париж, чтобы 13 и 14 января принять участие в неофициальной международной конференцией социалистических партий. Эту конференцию жёстко критиковал французский президент Жорж Помпиду.

Потом 15 января она должна была быть в Ватикане, затем два дня провести переговоры с президентом Берега Слоновой кости Феликсом Уфуэ-Буаьи, и, наконец, вернуться в Израиль.

Через неделю после её поручения, была договорена аудиенция у Папы, но общественности о ней не сообщалось.

Так как около 3% израильского населения составляют арабы-христиане, всего около 100 тысяч человек, у ООП очень хорошие отношения с Ватиканом, даже доступ к внутренним дискуссиям Святого Престола. Так что, Абу Юсуф очень быстро узнал о плане Меир посетить Папу.

Он сразу сообщил об этом Али Хасану Саламеху в Восточную Германию, приписав: «Давайте уничтожим ту, которая проливает нашу кровь по всей Европе» (это послание, как и многое другое, упоминаемое в этой главе, не было известно израильтянам, пока они в ходе Ливанской войны 1982 года не захватили множество документов ООП).

Как и когда точно убить Меир — этим должен был заняться «Красный принц», но общее решение было принято. Кроме очевидного факта, что Голда Меир была заклятым врагом террористов, Юсуф в этом теракте видел прекрасную возможность показать всему миру, что «Чёрный сентябрь» по-прежнему остаётся силой, с которой необходимо считаться.

* * *

В конце ноября 1972 года резидентура Моссад в Лондоне приняла неожиданный звонок от человека по имени Акбар, палестинского студента, который подрабатывал пару фунтов, продавая мелкие сведения Моссад. Но от него уже давно ничего не

поступало.

Даже будучи «спящим агентом», Акбар сохранял связи с ООП. Он сообщил, что хочет встретиться. Так как Акбар уже давно не был активным агентом, он не находился на постоянной связи с каким-либо «катса».

Хотя его можно было легко идентифицировать по имени, он сначала должен был оставить номер телефона, по которому его можно было найти. Его сообщение должно было звучать примерно так: «Скажите Роберту, что ему звонил Исаак».

Затем ему нужно было оставить свой номер телефона и город, потому что могло быть и так, что, работая в Париже, звонить он мог из Лондона.

Сообщение было сразу введено дежурным офицером в компьютер, и компьютер выдал, что Акбар «чёрный агент» (т.е. араб), приехавший в Англию на учёбу в надежде выпутаться из сетей шпионажа.

Заведённое на него досье показывало, когда он в последний раз имел контакт с Моссад. Кроме того, на дисплее высветилась его большая фотография, а снизу ещё три маленькие — в профиль с двух сторон, затем с бородой и без бороды.

Когда имеешь дело с ООП, всё равно насколько «далеко» от неё, всегда принимаются особые меры предосторожности. Потому что в этом случае нужно было следовать очень жёстким правилам ПАХА перед встречей «катса» и Акбара.

Акбар оказался «чистым» и сообщил, что от своего контактного лица в «Чёрном сентябре» он получил указание приехать на встречу в Париж. У него возникло подозрение, что готовится большая операция. Иначе они не вызывали бы такую «мелкую сошку», как он. Но более точных сведений у него не было.

И он хотел денег. Он был наряжен и взволнован. Акбар не хотел больше ни во что ввязываться, но полагал, что ему это не удастся, потому что «Чёрный сентябрь» знал, где он. «Катса» сразу дал Акбару денег и номер телефона, по которому тот смог бы найти его в Париже.

Так как довольно трудно, особенно срочно, привезти в Европу группу из арабских стран (люди там не привыкли к европейской жизни, и их легко узнать среди окружающих их европейцев), «Чёрный сентябрь» решил опереться на арабских студентов и рабочих, проживающих в Европе.

Они могли свободно передвигаться по Европе, не вызывая подозрений и не нуждаясь в «легенде». По этой же причине «Чёрный сентябрь» стал сотрудничать с различными экстремистскими группировками Европы, хотя он их не уважал и не доверял им.

Теперь пришла очередь Акбара. Он вылетел в Париж на встречу на станции метро «Les Pyramides» с другими членами «Чёрного сентября». Парижская резидентура Моссад должна была проследить за Акбаром до места его встречи, но каким-то образом перепутала время.

Когда «наружка» была на месте, ни Акбара, ни других уже не было. Если бы они смогли понаблюдать за встречей и сделать фотографии, им было бы легче распутать ту сеть интриг, которую интен-

сивно плёл «Чёрный сентябрь» ради убийства Голды Меир.

Из соображений безопасности, террористы «Чёрного сентября» после получения инструкций всегда передвигались парами. Но Акбару всё же удалось незаметно набрать парижский номер, пока его партнёр вышел в туалет.

— Цель? — спросил «катса».

— Один из ваших, — ответил Акбар, — сейчас я не могу говорить. И положил трубку.

Всех охватила паника. Все израильские учреждения по всему миру были предупреждены о готовившемся теракте «Чёрного сентября» против израильского объекта. Во всех резидентурах рождались днём и ночью самые дикие предположения, кем может быть цель. О Голде Меир никто не думал, потому что её путешествие должно было начаться лишь через два месяца, к тому же, о нём не сообщали публично.

На следующий день Акбар снова позвонил и сказал, что во второй половине дня он вылетает в Рим. Ему нужны деньги, и он хочет с кем-то встретиться, но у него нет времени — он торопится в аэропорт. Он жил вблизи станции метро «Рузвельт».

Тогда ему сказали, чтобы он сел в поезд метро, следующий до Площади Согласия, там вышел и пошёл пешком в определенном направлении. При этом ему были даны очередные инструкции по соблюдению мер предосторожности.

Они хотели встретиться с ним в номере отеля, но, казалось бы, простейшее намерение — снять комнату, в разведке осуществляется совсем не просто. В первую очередь необходимы два смежных номера и камера, с помощью которой встреча снимается на плёнку.

Затем двое вооружённых людей из отдела безопасности, которые сидят в соседней комнате и всегда готовы вмешаться, если агент захочет напасть на «катса». А «катса» должен заранее иметь ключ от комнаты, чтобы не терять времени у стойки администратора.

Так как Акбар спешил на самолёт в Рим, времени было мало. Потому что от встречи в гостинице отказались, вместо этого ему сказали идти по улице. Когда его спросили, в чём смысл операции, Акбар сообщил лишь, что речь идёт о какой-то технике или каком-то оснащении, которые нужно незаконно ввезти в Италию.

Эти на первый взгляд безобидные кусочки информации оказались ключевым элементом при создании полной мозаики. Так как за операцию отвечала парижская резидентура, было решено направить оттуда одного «катса» в Рим, чтобы поддерживать контакт с Акбаром.

Два человека из отдела безопасности получили задание доставить Акбара в аэропорт. По случаю, они оба были «катса», потому что в тот момент людей в отделе безопасности не хватало.

Одним из них был Итцик, который позднее стал моим учителем в Академии. Но его поведение в тот день никак не может быть для «катса» примером. Скорее наоборот. (См. главу 7 «Парик».)

Направляясь с безопасной встречи и в без-

опасном автомобиле, Итцик и его партнёр были совершенно уверены, что они «чистые». Тем не менее, правила чётко устанавливали, что «катса» не должны болтаться по аэропортам, потому что их могут увидеть и случайно опознать. Тем более им нельзя снимать свою маскировку, пока они не уверены абсолютно в безопасности положения вокруг них.

Приехав в аэропорт Орли, один «катса» направился в кафетерий за кофе, а второй привёл Акбара к окошку регистрации, а потом к стойке для сдачи багажа. Он оставался рядом с ним долго, чтобы удостовериться, что Акбар действительно забронировал билет именно на этот рейс. Возможно, они думали, что Акбар единственный палестинец, отправлявшийся этим рейсом в Рим. Но это было не так.

Много лет спустя Моссад в трофейных документах, захваченных в ходе Ливанской войны, прочитал, что другой человек, член «Чёрного сентября», увидел Акбара в аэропорту и незаметно проследовал за «катса», заметив, как тот встретился со своим партнёром в кафетерии.

Невероятно, но оба, которые по правилам давным-давно должны были уехать из аэропорта, уселись в кафетерии и беседовали на иврите. Обо всём догадавшись, араб побежал к телефону и позвонил в Рим, чтобы сообщить, что Акбар предатель.

Акбару и Моссад пришлось дорого заплатить за халатность Итцика и его коллеги.

* * *

Абу Хасан, прозванный в Моссад «Красный принц» был очень дерзким и авантюрным человеком, женой его была ливанская красавица Джорджина Ризак, «Мисс Вселенная» 1971 года. Одновременно умный и жестокий, он подал идею побоища в Мюнхене.

Теперь он решил использовать русские зенитные ракеты «Стрела», классифицируемые в НАТО, как SA-7 «Grail», чтобы уничтожить самолёт Голды Меир в воздухе перед посадкой в римском аэропорту Фьюмичино.

Ракеты, созданные по образцу американских переносных зенитных ракет «Ред Ай», запускались с плеча из переносной установки весом 10,6 кг. Сама ракета весом 9,2 кг оснащалась трёхступенчатым двигателем, пассивной инфракрасной системой наведения и обладала максимальной дальностью полёта 3,5 км.

Хотя с технической точки зрения ракета не представляла собой последнего слова техники, она могла стать смертельным оружием, стоило бы её головке самонаведения настроиться на горячую струю самолётного двигателя.

При стрельбе по маневренным быстроходным военным истребителям её эффективность невелика. Но если запустить её в такую большую и сравнительно медленную цель, как пассажирский лайнер, уничтожение его неминуемо.

Получить запас «Стрел» не составляло труда. У «Чёрного сентября» они лежали на складе его учебного лагеря в Югославии. Их нужно было лишь контрабандно доставить по Адриатическому морю в

Италию.

В то время у «Чёрного сентября» была скромная яхта со спальными каютами, стоявшая на якоре близ восточного побережья Италии в районе города Бари, точно напротив югославского Дубровника.

Саламех прошёлся по нескольким тёмным барам Гамбурга, пока нашёл одного немца, разбиравшегося в мореходстве и готового за деньги сделать всё. Ещё он подобрал в другом баре двух женщин, которые согласились на его предложение денег, секса, наркотиков и приятного круиза по Адриатике.

Немцы прилетели в Рим, а оттуда в Бари, где сели на борт яхты, загруженной продуктами, выпивкой и наркотиками. Капитан получил простой приказ — подойти к маленькому острову близ Дубровника.

Там им следует подождать, пока несколько человек заташат в трюм пару деревянных ящиков, и вернуться в точку севернее Бари. Там их встретят пара других людей и заплатят им по несколько тысяч долларов. Им было сказано, что они могут развлекаться, три или четыре дня вкушая все земные радости. От такого предложения трудно было отказаться.

Саламех выбрал немцев, потому что, в случае ареста, все решили бы, что они из РАФ («Фракции Красной Армии») или другой террористической организации, и никто не связал бы их с «Чёрным сентябрем».

Экипажу не повезло. Он не догадывался, что Саламех никогда не подвергал риску операцию, в которую были замешаны посторонние люди. Когда немцы вернулись с упакованными ракетами в трюме, люди «Чёрного сентября» подошли к ним на маленьком катере, чтобы забрать груз.

Кроме груза, они забрали с собой и немцев, перерезали им горло, продырявили дно яхты, и затопили её в паре сотен метров от берега.

«Стрелы» перегрузили в фургон «Фиат», который отвёз «Чёрный сентябрь» из Бари в Авелино, оттуда в Террачину, Анцио, Остию и, наконец — в Рим. Ехали они не по автострадам и только днем, чтобы не вызывать подозрений. В конце путешествия ящики с ракетами сгрузили на хранение до момента использования в одной квартире в Риме.

* * *

Вождя «Чёрного сентября» Абу Юсуфа в Бейруте сразу проинформировали, что Акбар — «крот». Но вместо того, чтобы убить его сразу, и тем самым поставить под угрозу всю операцию, Юсуф решил воспользоваться Акбаром для введения израильтян в заблуждение.

Он знал, что израильтянам известно о планируемом нападении, но неизвестно, где и как оно состоится и кто будет его целью, потому что Акбара информировали в очень малом объёме.

— Мы должны сделать что-то, чтобы израильтяне подумали: «Понятно, вот всё и закончилось», — сказал Юсуф своим людям.

Потому 28 декабря 1972 года, за три недели до запланированного на 15 января визита Голды Меир в Рим, «Чёрный сентябрь» совершил неверо-

ятно шумное нападение на израильское посольство в Бангкоке.

Это была, очевидно, очень плохо продуманная акция. Они выбрали день, когда парламент Таиланда назначил принца Ваджиралонгкорна наследником престола. Израильский посол Рехевам Амир вместе с большинством иностранных дипломатов присутствовал на церемонии.

Журнал «Тайм» описывал захват посольства на Сои-Ланг-Суан (по-тайски: «Лужайка за фруктовым садом») так:

«В жаркий тропический полдень двое человек в кожаных куртках перелезли через ограждавшую территорию посольства стену, пока двое других мужчин в тёмных костюмах проскользнули через главный вход. Охрана не успела поднять тревогу, как на неё наставили стволы автоматов. Арабская террористическая группировка «Чёрный сентябрь», устроившая Мюнхенскую резню, нанесла очередной удар».

Да, действительно нанесла. Но это был только отвлекающий маневр. Они захватили посольство и вывесили из окон зелёно-белые палестинские флаги. Охранникам и всем тайландским служащим они разрешили уйти, оставив в качестве заложников шестерых израильтян, среди них Шимона Авимора, посла в Камбодже.

Вскоре после этого посольство окружили 500 тайландских полицейских и солдат. Террористы выбросили из окна записку с требованием к Израилю выпустить из тюрем 36 палестинцев. Если это требование не будет выполнено за 20 часов, то они взорвут посольство вместе со всеми людьми, включая и самих себя.

В конце концов, они разрешили заместителю министра иностранных дел Таиланда Чартичаю Чунхавену и маршалу авиации Дави Чулласапае вместе с египетским послом в Таиланде Мустафой эль-Эссаваем войти в посольство для переговоров.

Израильский посол Амир оставался за стенами посольства и поставил в одном из близлежащих офисов телекный аппарат для прямой связи с Голдой Меир и кабинетом министров в Иерусалиме.

После только часового разговора террористы согласились в обмен на беспрепятственный выезд из страны отпустить заложников. Им подали обед из жареных цыплят и виски — вежливый жест тайландского правительства.

А вечером они вылетели тайландским специальным самолетом до Каира в сопровождении египетского посла Эссава и двух высокопоставленных тайландских посредников.

В статье журнала «Тайм» об этом событии по поводу роли Эссава было сказано: «Это редкий пример арабско-израильского сотрудничества... Ещё более редок тот факт, что террористы оказались восприимчивы к аргументам разума. В этом инциденте «Чёрный сентябрь» впервые пошел на уступки».

Журналисты, естественно, не догадывались, что так и было всё задумано. Не знали об этом и израильтяне, за единственным исключением — Шаи Каули, тогда резидента Моссад в Милане. Израильтяне действительно поверили, что этот захват

посольства и был той операцией, о которой предупреждал Акбар.

Чтобы удостовериться в том, что Израиль попался на удочку дезинформации, Акбару перед акцией в Бангкоке было приказано на некоторое время остаться в Риме. Одновременно ему было сказано, что операция предусмотрена в стране, удалённой от обычных районов террористической активности — Ближнего Востока и Европы.

Акбар, конечно, передал эту информацию Моссад. Штаб-квартира в Тель-Авиве тоже после окончания захвата в Таиланде была уверена, что это и была информация, которую они ждали. Все радовались, что никто из израильтян не пострадал — не было ни убитых, ни раненых.

В Моссад возмущались тем фактом, что хотя и было предупреждение перед этой акцией, но так и не удалось узнать точные место и время нападения. Ещё больше возмущались в службе контрразведки Шабак, которая отвечает за безопасность израильских посольств за границей.

Акбар был действительно уверен, что Бангкок был всей целью операции, потому он попросил «катса» в Риме о второй встрече.

Так как Моссад осуществлял очень тщательное наблюдение в районе встречи, палестинцы не решились проследить за Акбаром, боясь, что израильтяне их увидят, а это предупредит Моссад о том, что их агент «засвечен». Потому они в первую очередь постарались снабдить его лживыми сведениями, которые он мог бы передать Моссад.

Теперь, будучи уверен, что операция завершена, Акбар снова хотел денег. Он собирался лететь назад в Лондон, потому работающий в Лондоне «катса» дал ему указание собрать как можно больше сведений о «безопасном доме» «Чёрного сентября».

Встреча Акбара и «катса» должна была состояться в маленькой деревне к югу от Рима. Но сначала нужно было провести все принятые мероприятия по обеспечению безопасности. Сперва Акбара послали в один из римских трактиров, после чего начались все обычные процедуры АПАМ.

Но необычным был результат встречи. Когда Акбар запрыгнул в машину «катса» и, как обычно, бросил свой «дипломат» на первое сидение, его открыл агент службы безопасности.

Машина тут же взлетела на воздух. Акбар, «катса» и оба офицера безопасности погибли. Водитель выжил, но получил такие серьезные ранения, что его последующее существование вряд ли можно было назвать жизнью.

Три других офицера Моссад сопровождали их в другой машине, и один из них клялся позднее, что по внутренней связи услышал, как Акбар в панике закричал: «Не открывайте!», как будто он знал о взрывчатке в портфеле. Но Моссад так никогда и не пришёл к окончательному выводу, знал ли действительно Акбар о бомбе.

В любом случае, люди во второй машине вызвали другую команду — команду «Скорой помощи» с доктором и медсестрой. Все они были «сайанами». Останки их трёх коллег вместе с тяжело раненым водителем очень быстро убрали с места про-

исшествия. Сильно обгоревший труп Акбара оставили в уничтоженной машине, которую потом нашла итальянская полиция.

Как со временем выяснилось, убрав Акбара до запланированного покушения на Меир, «Чёрный сентябрь» совершил ошибку. Он вполне мог бы подождать, пока Акбар вернётся в Лондон. Если бы Моссад после того и выяснил, кто стоит за его убийством, для террористов это уже не имело бы никакого значения.

В это время Голда Меир уже приехала во Францию, первый пункт её визита на пути в Рим. Моссад забавляло, что Голда Меир не взяла с собой Израиля Галили, министра без портфеля, с которым у неё был давний роман. Оба часто тайно встречались в Академии Моссад, что давало сотрудникам Института постоянный повод для улыбок.

* * *

Марк Хесснер (см. главу 4 «Продвинутые»), шеф резидентуры в Риме полностью поверил бангкокской хитрости «Чёрного сентября». Но Шай Каули в Милане был убеждён, что в сценарии что-то было не так.

Каули был решительным совестливым человеком, пользовался заслуженным уважением и славой дотошного любителя докапываться до всех мелочей. Однажды он вернул на перепечатку срочное донесение, найдя в нём всего одну грамматическую ошибку. Но в основном его точность служила на пользу дела. В нашем случае упорство Каули спасло жизнь Голде Меир.

Он раз за разом перечитывал донесения Акбара и отчеты о действиях «Чёрного сентября». Он не находил смысла в том, что Акбар имел в виду именно захват посольства в Бангкоке.

Какое отношение имела эта акция к контрабанде какого-то технического оборудования в Италию? Зачем им пришлось его убить — разве что, они знали, что он израильский агент? Но если они это знали, то акция в Бангкоке была обманым трюком.

Но в руках у него не было никаких зацепок. Бюро обвинило в трагедии «катса» из Лондона, потому что он просил Акбара принести документы, не проинструктировав, как ему защищаться, если его схватят.

Что касается Хесснера, то его антипатия к Каули стала отрицательным фактором в происходящих событиях. Когда Хесснер был ещё кадетом в Академии, его неоднократно уличали в том, что он давал лживые сведения о точках, в которых он находился во время учений.

В частности, врал он и Каули, его тогдашнему инструктору. Хесснер не умел определять, есть ли у него слежка или нет. Вместо того чтобы выполнять задание, он шёл домой. Когда Каули потребовал от него отчёт, тот дал ему его, но не имеющий ничего общего с реальностью.

Раз его не выгнали, у него, видимо, был очень хороший и сильный «конь» в Моссад. Но он так никогда и не простил Каули то, что тот поймал его на лжи. Каули в свою очередь, никогда не воспринимал Хесснера, как профессионала.

Визит Голды Меир был уже на носу, потому меры безопасности были резко усилены. А Каули всё читал и читал отчёты, пытаясь найти отсутствующие части мозаики.

* * *

Как часто бывает в подобных ситуациях, «просветление» пришло к Каули из совсем неожиданного источника. Одна женщина в Брюсселе, знавшая много языков и обладавшая множеством других талантов, предложила свою квартиру для постоянного проживания бойцам «Чёрного сентября», уставшим от боёв с Израилем. Она была высокооплачиваемая шлюха и изобретательная подруга.

Так как Моссад установил «жучки» и в её телефоне, и в стенах квартиры, эротические протоколы, записанные «прослушкой» на различных стадиях экстаза, стали любимой разрядкой для сотрудников Моссад во всём мире. О ней говорили, что она даже стонать умеет на шести языках.

Всего за несколько дней до приезда Голды Меир в Рим, в этом брюссельском апартаменте кто-то сказал этой женщине (Каули думал, что это Саламех, хотя не был в этом полностью уверен), что должен позвонить в Рим.

По телефону он сказал кому-то в Риме, что тот должен «освободить квартиру и прихватить все 14 пирогов». Обычно такой телефонный звонок не вызвал бы подозрений, но из-за визита Меир и недоверчивости Каули, он оказался именно тем поводом, который был ему нужен, чтобы начать действовать.

Каули родился в Германии, был маленького роста — всего 1,65 м, с резкими чертами лица, седыми волосами и светлой кожей. Он был сдержанным человеком и не пытался произвести впечатление на начальство. Именно потому он оказался в маленькой резидентуре в Милане, а Хесснер — в большой в Риме.

Прослушав запись из Брюсселя, Каули срочно позвонил своему другу, связнику, поддерживающему контакты со своим другом Вито Микеле из итальянской разведки и попросил того узнать у последнего адрес по номеру телефона (так как Каули входил в отдел «Цомет» (вербовка), то он числился атташе в израильском консульстве. Потому он не мог дать опознать себя итальянской разведке, как «катса»). Он никогда не позвонил бы Микеле непосредственно).

Микеле ответил, что не может сделать этого без разрешения своего босса Амбурго Вивани. Офицер связи сказал, что позвонит ему, и действительно позвонил. По каким каналам итальянцы получили эти сведения, Каули не интересовало.

Он только знал, что человеку в Риме приказали исчезнуть на следующий день после звонка. Потому для выяснения адреса и решения, связано ли это каким-то образом с операцией «Чёрного сентября», оставалось совсем мало времени.

Вивани узнал адрес, но удивительным образом офицер связи передал его не Каули в Милан, а в римскую резидентуру, где никто не имел понятия о значении этой информации (и о враждебности между Хесснером и Каули), потому оставили её до следующего дня без движения.

В конце концов, Каули сам нашёл адрес и позвонил в резидентуру в Рим. Он сказал, что им нужно немедленно ехать к этой квартире, потому что там затевается что-то, связанное с визитом Голды Меир. Каули всё ещё путался в догадках, но уже был уверен, что готовится нечто опасное.

Но когда Моссад нашёл квартиру, она уже была пуста. Правда, обыск принес важную улику: разорванный клочок бумаги, с изображением боеголовки ракеты «Стрела» и несколькими русскими словами, очевидно, описывающими её механизм.

Теперь Каули окончательно вышел из себя. Менее чем за два дня до прибытия премьер-министра он узнал, что многочисленные активисты «Чёрного сентября» находятся в Риме, что началась операция «Чёрного сентября», и что у них есть ракеты. Но важнее всего было то, что он знал наверняка — скоро прилетит Голда Меир.

Голду Меир предупредили о грозящей ей опасности, но она так ответила шефу Моссад: «Я буду встречаться с Папой. Ты и твои ребята пусть позаботятся о том, чтобы я спокойно приземлилась».

Вскоре Каули поехал к Хесснеру, чтобы обсудить с ним, нужно ли подключать к делу итальянские спецслужбы. Хесснер и тут захотел показать свою власть. Он поблагодарил Каули за помощь и добавил: «Твоя резидентура в Милане. А здесь Рим». Он сказал Каули, чтобы тот убирался.

Как шеф резидентуры «Цомет» в Риме, Хесснер стоял выше всех и автоматически обладал всей ответственностью. Если кто-то из его шефов в Израиле захотел бы перенять его полномочия на себя, то ему пришлось бы ехать в Рим. Тогда так не происходило. Сегодня, возможно, было бы именно так.

Но Каули больше заботила безопасность премьер-министра, чем спор из-за субординации. Он сказал Хесснеру, чтобы тот оставил свои полномочия за собой, а он всё равно останется в Риме.

Хесснер в ярости позвонил в штаб-квартиру, чтобы пожаловаться на Каули, вносившего путаницу в порядок выполнения приказов. Центр в Тель-Авиве приказал Каули не вмешиваться в это дело и вернуться в Милан.

Но Каули не покинул Рим. Он прихватил с собой из Милана двух «катса» и сказал Хесснеру, что они просто осмотрятся по сторонам, и никому не будут мешать.

Хесснер не особо этому радовался, но он уже успел дать понять Каули, кто здесь главный. Потому он приказал всем своим людям поехать к аэропорту и его окрестностям, и поискать там следы террористов.

Но члены «Чёрного сентября», предполагая, что Моссад знает об их планах больше, чем это было на самом деле, для дополнительной безопасности, решили переночевать в машинах на берегу. Так что, проверка Моссад всех отелей и пансионатов в районе Остии, и всех известных мест явок «Чёрного сентября» в ночь перед прибытием Меир 15 января окончилась ничем.

Но Моссад знал дальность полёта ракеты, поэтому смог бы хоть, как минимум, очертить мест-

ность, в котором могли бы спрятаться террористы, чтобы поразить самолет премьер-министра перед посадкой; она была шириной 6 км и длиной 15 км.

Проблема обострилась из-за глупого решения Хесснера не сообщать о потенциальной опасности местной полиции. «Стрелу» можно запустить и с помощью дистанционного управления. В ракете есть электрический импульс, который активирует головку самонаведения, когда цель попадает в её зону поражения.

Если ракета запущена, она сама находит цель. Террористы узнали бы правильное время прилёта Голды Меир, они от своих агентов в Париже получили бы точные сведения, когда самолёт вылетел из Парижа, и когда он должен прибыть в Рим. И что это будет самолёт «Эль-Аль», единственный кто прибывает в это время.

Римский аэропорт Фьюмичино в то время характеризовался служащими авиакомпании «Алиタリア», как «самый худший аэропорт в мире». Он был переполнен, постоянно царил путаница, самолёты почти всегда опаздывали, иногда на три часа, потому что аэропорт располагал только двумя взлётно-посадочными полосами, хотя в основной сезон он ежедневно принимал и отправлял 500 самолётов.

Естественно, самолёту Голды Меир должны были обеспечить наивысший приоритет при посадке, но постоянная путаница в аэропорту осложняла сотрудникам Моссад поиск группы террористов и их ракет. Они могли быть повсюду: в самом аэропорту, в близлежащих ангарах или на полях по соседству.

Каули, который тоже патрулировал аэропорт, встретил работающего в Риме «катса» и спросил его, где офицеры отдела связи Моссад (в случае необходимости, именно они должны были проинформировать римскую полицию, а не сами «катса»).

— Какие офицеры связи? — спросил «катса».

— Как, ты хочешь сказать, что их вообще здесь нет? — недоверчиво спросил Каули.

— Именно так, — ответил «катса»

Каули немедленно позвонил связнику в Риме и попросил его срочно связаться с Вивани и рассказать ему, что происходит: «Приведи все рычаги в движение. Нам нужно получить поддержку извне».

Но ещё большей была вероятность того, что террористы находятся вне аэропорта, но в любом случае — в зоне досягаемости их ракет, потому что, как вскоре выяснилось, в самом аэропорту было мало подходящих мест для тайников.

Тем не менее, поиск шёл повсюду, и агенты Моссад в своих поисках вскоре получили поддержку от Адальдо Мальти из итальянской секретной службы.

Мальти не знал, что его повсюду окружали офицеры Моссад. Он был здесь, потому что получил «наводку» от римского офицера связи Моссад.

Согласно ей, из надёжных источников стало известно, что «Чёрный сентябрь» хочет нанести вред итальянцам, а именно, сбив самолёт Голды Меир над аэропортом русскими зенитными ракетами (это предупреждение, прежде чем быть переданным итальянцам, сначала было одобрено руко-

водством отдела связи (*Liaison*) в Тель-Авиве).

* * *

Для операции террористы разделились на две группы. Одна, с четырьмя ракетами, двинулась к южному краю аэропорта, а вторая, с восемью ракетами, к северному.

Тот факт, что 2 из 14 «пирогов» после операции исчезли, оказался позднее очень важным. К этому моменту северная группа поставила две свои ракеты на поле возле своего фургона «Фиат».

Прошло совсем немного времени, когда офицер безопасности Моссад, прочёсывая местность, заметил их. Он их позвал. Они сразу открыли огонь. Потом началась дикая неразбериха. Примчалась итальянская полиция, и в шумихе человек Моссад убежал.

Он не рассчитывал на приезд итальянских полицейских, потому что позвонил им Каули; но он и сам не хотел попадаться им на глаза. В хаосе один из террористов попытался убежать, но офицеры Моссад, наблюдавшие за всем происходящим, поймали его, связали, бросили в машину и привезли в один из складских барачков аэропорта.

Они жестоко его избили, и террорист признался в том, что они запланировали убить Голду Меир, и похвастался: «И здесь вы уже ничего больше не сможете изменить».

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мы уже ничего не сможем изменить? Ведь мы тебя взяли! — ответил один из офицеров и снова его ударил.

Каули за это время узнал по своей миссии «уоки-токи», что одного террориста поймали; потому он сразу же помчался к складу. Офицеры объяснили Каули, что у них только один этот, а итальянцы взяли ещё нескольких вместе с девятью или десятью ракетами.

Но Каули вспомнил о плёнке из Брюсселя. Тогда по телефону речь шла о «всех 14 пирогов». До посадки самолёта оставалось только полчаса, а у Моссад всё ещё не было ответа на вопрос: «Где остальные ракеты?»

Пленный уже лежал без сознания. Каули вылил на него ведро воды.

— С тобой всё кончено, — сказал ему Каули. — И у вас ничего не получилось. Она приземлится через четыре минуты. И здесь вы уже ничего больше не можете изменить!

— Ваш премьер мертв, — издевался пленный над своими конвоирами. — Вы взяли не всех нас.

Наихудшие опасения Каули подтвердились. Где-то там снаружи стояла советская ракета с именем Голды Меир на ней.

Тут офицер безопасности ударом еще раз выбил из террориста дух. Когда они его взяли, у него была с собой мина, под названием «*Bouncing Betty*» («прыгающая Бетти»), которую часто используют террористы.

Взрывное устройство устанавливается как обычная противопехотная мина, но соединяется с коротким колышком и натяжной проволокой, подсоединённым к взрывателю. Они устанавливают мину, присоединяют длинный шнур, уходят по-

дальше, дергают за шнур, и жертва взлетает в воздух, оставаясь, как минимум, без ноги.

Напряжение было огромным. Каули по «уоки-токи» вышел на Хесснера и сказал ему, чтобы он по радио попросил пилотов Голды Меир оттянуть посадку. Неизвестно, сделал он это или нет.

Известно лишь, что один офицер службы безопасности Моссад, проезжая на своей машине по улице на краю аэропорта, заметил что-то необычное в закускойной на колёсах. Он проезжал там уже дважды, но лишь на третий раз заметил: на крыше вагончика было три трубы, но лишь из одной шел дым.

Террористы избавились от владельца закускойной, просверлили в крыше два отверстия и вставили в них трубы пусковых установок ракет «Стрела». Стоило бы самолёту приблизиться, сработали бы системы поиска цели, и террористам нужно было лишь нажать на спуск. Через 15 секунд от самолёта ничего бы не осталось.

Не теряя ни секунды, офицер Моссад развернулся на месте и ударил своей машиной прямо по вагончику, который перевернулся и погрёб под собой обоих террористов. Когда он увидел подъезжавшие машины итальянской полиции, он сел в свой автомобиль и помчался по направлению к Риму.

Как только он сообщил своим коллегам о случившемся, все люди Моссад исчезли со сцены, буд-то их никогда и не было.

Итальянская полиция арестовала пятерых членов «Чёрного сентября». Хотя их взяли с полици- ным при попытке убить Голду Меир с использованием ракет, удивительным образом уже через несколько месяцев они были освобождены и улетели в Ливию.

Глава 10. Карлос

21 февраля 1973 года израильтяне направили 2 истребителя F-4 «Фантом» на перехват безоружного «Боинга-727» ливийской авиакомпании *Libyan Arab Airlines*, направлявшегося в Каир, но сбившегося с курса. Истребители сбили его, убив 105 человек из 111 находившихся на борту.

Это произошло спустя 12 часов после дерзкой диверсии израильских «коммандос» в Бейруте, взорвавших там различные объекты ООП и захвативших многие важные документы. Ещё они убили нескольких вожаков ООП и лидера «Чёрного сентября» Абу Юсуфа с его женой.

Уничтожение мирного самолёта было трагической ошибкой. В Израиль поступали угрозы, что гражданский самолет, гружённый бомбами, полетит на Тель-Авив. «Боинг» летел прямо над основными военными объектами на Синайском полуострове. А так как выйти на главнокомандующего ВВС в этот критический момент не удалось, решение на открытие огня принял капитан.

Пройдёт ещё шесть лет, пока Моссад, наконец, достанет «Красного принца»; за это время роль Моссад, благодаря личному походу возмездия Голды Меир против «Чёрного сентября», значительно изменилась.

ООП стала едва ли не самой важной частью работы Моссад — плохая ситуация, потому что из-за этого уделялось значительно меньше внимания другим противникам Израиля, например Египту и Сирии, снова готовящимся к войне.

В Египте Анвар Садат уже объявил о создании по всей стране «военных комитетов». Но Моссад всё больше времени и денег уделял охоте за террористами из «Чёрного сентября».

6 октября 1973 года, спустя всего несколько месяцев после инцидента в Риме, генерал Эли Зейра, руководитель израильской военной разведки, заявил на пресс-конференции в Тель-Авиве: «Войны не будет».

Но уже во время этой самой пресс-конференции в зал, где она проходила, вошел израильский майор и передал генералу телеграмму. Зейра прочёл её и без единого слова вышел из помещения.

Египтяне и сирийцы совершили нападение на Израиль. Так началась Война Судного дня, в которой Израиль лишь за первый день потерял 500 человек убитыми и более 1000 ранеными.

Через пару дней упорное сопротивление израильтян истощило наступательный порыв противника, затем началось израильское контрнаступление. Но эта война навсегда изменила образ Израиля, доселе считавшегося непобедимой державой, — как во внутривосточном, так и во внешнеполитическом аспектах.

Голда Меир, благодаря Моссад, осталась жива, но одним из результатов войны была её отставка с поста премьер-министра 10 апреля 1974 года.

Шаи Каули не забыл, что две ракеты «Стрела» так и не были найдены после неудачной попытки покушения на Меир. Но непосредственная угроза уже миновала. Он снова был в Милане, и мысли о войне заслонили собой все другие проблемы.

Случай в аэропорту сильно обеспокоил итальянскую полицию. Ведь преднамеренная попытка убийства важного иностранного политика случилась прямо у них под носом, а они не сделали ничего, кроме как с опозданием приехали на место преступления и подобрали то, что им оставил Моссад.

Итальянская секретная служба не имела о планах покушения ни малейшего представления. Хотя общественность ничего не узнала об эпизоде, в мире разведок скрыть информацию о нём было невозможно. Поэтому итальянцы попросили израильтян не раскрывать деталей.

По мнению Моссад, если уж он помогает другой стороне что-то утаить, то всегда должен воспользоваться этим к своей выгоде. Потому Моссад всегда готов помочь кому-либо сохранить лицо — при условии, что он знает, что тот, кому помогает, в его глазах выглядит идиотом.

Таким образом, ЛАП («Лохмах Психлогит», отдел психологической войны Моссад) получил задание выдумать «легенду». В этот момент отношения между Израилем и Египтом были напряжены до предела, но Моссад настолько увлёкся погоней за бандой «Чёрного сентября», что не замечал очевидных воинственных приготовлений.

В любом случае, ЛАП сочинила для итальян-

цев пригодную для публики историю, рассказав одновременно англичанам, французам и американцам, что произошло на самом деле. В мире разведок действует «правило третьей стороны» (*«third party rule»*).

Например, если Моссад, успешно сотрудничая с ЦРУ, передаёт ему какую-то информацию, то ЦРУ, в свою очередь, не может передать эту информацию третьей стороне, потому что она исходит от дружественной службы.

Конечно, это правило можно обойти, просто немного изменив информацию до её дальнейшей передачи третьей стороне.

Ко времени инцидента в римском аэропорту и последующего утаивания подробностей, Моссад часто поставлял ЦРУ списки советского вооружения, отправляемого СССР в Сирию и в Египет, вместе с серийными номерами оружия.

Этим Моссад преследовал две цели. В первую очередь, Моссад хотел продемонстрировать свои успехи в добывании информации подобного рода и потребовать дальнейших поставок оружия в Израиль.

А во-вторых, материал должен был создать в США мнение о всё большей угрозе для Израиля и подвинуть американское правительство на предоставление Израилю всё большей поддержки.

ЦРУ не имело права сообщить Конгрессу, откуда оно получило эти сведения, но вполне могло подтвердить аналогичные данные, одновременно поступающие в Конгресс от влиятельных еврейских групп.

В ливийском лидере полковнике Муамаре аль-Каддафи американцы уже в те годы видели опасного психопата, а весь мир в середине 70-х годов, казалось, сошёл с ума. Террористические революционные группы совершали свои акции повсюду.

Во Франции была группировка «Прямое действие» (*«Action Directe»*), в Германии группа Баадер-Майнхоф («РАФ»), в Японии — Японская Красная Армия, в Италии «Красные бригады» (убившие в 1978 году премьер-министра Альдо Моро), в Испании баскские сепаратисты ЭТА (заявившие, что именно они в 1974 году убили премьер-министра Карреро Бланко).

Плюс ещё около 15 различных палестинских организаций. Даже в США были «Везермен» и «*Symbionese Liberation Army*», похитившая и «перевербовавшая» в 1974 году наследницу миллионов Патрицию Херст.

В эти годы многие синагоги и другие еврейские заведения в Европе стали мишенью терактов. Потому Моссад посчитал подходящим обвинить в теракте в римском аэропорту египтян и ливийцев, хотя они были здесь совершённо не при чём.

Моссад получил список ракет «Стрела», конфискованных итальянцами. Их было всё ещё двенадцать, но до двух оставшихся дело дошло много позже.

Серийные номера этих ракет были включены в списки вооружения, передаваемые американцам, в которых якобы перечислялось оружие, поставленное русскими Египту. Хотя Моссад из допросов террористов получил совершенно точную информа-

цию, что именно эти ракеты были из Югославии.

Сфабрикованная ЛАП история для итальянской общественности описывала событие так. Террористы получили оружие из Ливии и выехали в конце декабря 1972 года в Италию из Бейрута, прихватив «Стрелы», сначала на машине, потом на пароме.

Возможно, их целью был не Рим, а Вена, где они собирались атаковать какой-то еврейский объект. Такой объездной путь они выбрали, потому что легче попасть из одной западноевропейской страны в другую, чем, к примеру, проходить таможенный досмотр на границе какой-то коммунистической страны, например, Югославии или ЧССР.

Террористы были «официально» арестованы 26 января 1973 года итальянской полицией, за хранение взрывчатых веществ. После их неудавшегося покушения в аэропорту их держали под замком, пока ЛАП мастерила «легенду». Совершенно невероятным образом итальянская полиция затем выпустила террористов, сначала двоих, потом троих оставшихся.

К этому времени американцы загрузили все полученные от Моссад данные в военную компьютерную систему. Когда итальянцы, наконец, 26 января объявили, что арестовали террористов и конфисковали их оружие, то и они передали в ЦРУ серийные номера «Стрел».

Эти номера ЦРУ передало американской военной разведке. Затем эти номера сравнили со списком номеров оружия, переданного Россией Египту и Ливии. Компьютер тут же показал совпадавшие данные.

Тогда американцы действительно поверили, что русские снабдили ракетами египтян, те, в свою очередь, передали их Каддафи, а он обеспечил ими террористов. Ещё одно подтверждение уже сложившегося в глазах американцев образа вождя Ливийской революции. Правду знал только Моссад.

Казалось, что основной причиной того, что итальянцы отпустили террористов, было их желание избежать открытого расследования дела перед судом. Суд открыл бы всему миру правду: итальянская секретная служба не смогла предотвратить того, что террористы едва не убили видного иностранного политика. Вот был бы скандал!

* * *

Моссад всё ещё волновался из-за двух ненайденных ракет. Но итальянцы радовались, что их провал не стал известен общественности, а американцы поверили, что за терактом стоял Каддафи.

Пока арабы сидели в тюрьме, их допрашивала контрразведка Шабак. Они выяснили, что и тут за покушением стоял Али Хасан Саламех, «Красный принц». Моссад хотел обязательно взять его.

Итальянская полиция разрешила Шабак допрашивать палестинцев в Риме. По всей вероятности происходило это так. Двое контрразведчиков Шабак вошли в комнату, где на стуле сидел арестант, руки прикованы наручниками за спиной.

В первую очередь, Шабак потребовал от итальянцев выйти из комнаты: «Это израильская комната. За арестованного теперь отвечаем мы». Арестованного террориста «Чёрного сентября» немед-

ленно охватил страх. Ведь он именно потому и был в Европу, чтобы не попадаться в руки израильтян.

Закрыв двери, люди Шабак обратились к нему по-арабски: «Мы твои друзья из «Мухбарат» («Мухбарат» или «Мухабарат» — часто используемое арабами обобщающее название любого вида секретной службы. Многие арабские разведки и официально так себя называют).

Им нужно было убедиться, что арестованный точно знает, с кем он имеет дело, и в какой ситуации очутился. Затем они сняли с него наручники и заменили другими, более жёсткими, которые Шабак всегда предпочитает.

Они сделаны из пластика и похожи на пластиковые кольца, которыми прикрепляются к багажу таблички с фамилиями. Но такие оковы намного сильнее и для фиксации располагают острыми лезвиями. Они не дают рукам даже той минимальной свободы движения, которую позволяют обычные наручники. Из-за этого они пережимают вены и причиняют нестерпимую боль.

Сковав, таким образом, ему руки и ноги и не переставая описывать незавидное положение, в котором он оказался, офицеры Шабак надели ему на голову мешок. Следующим шагом они расстегнули ему брюки и вытащили пенис. Так он и сидел, скованный по рукам и ногам, с мешком на голове и с болтающимся членом.

— Теперь ты хорошо себя чувствуешь, правда? — смеялись они над ним. — Теперь мы можем начать беседу.

Обычно не нужно долго ждать, пока прольётся поток красноречия. Но в этом случае, к сожалению. Шабак не знал, что террористов так быстро отпустят на свободу. Иначе они не задавали бы им так много вопросов о Саламехе.

После того, как террористы оказались на свободе, «Красный принц» тут же узнал от них, что он стал для Моссад мишенью номер один.

* * *

В то время «Чёрный сентябрь» был очень активен. Постоянно рассылались письма-убийцы, бомбы и ракеты регулярно взрывались по всей Европе. Так как Моссад обязательно хотел поймать Саламеху, вождя «Чёрного сентября» в Бейруте хотели его любыми силами защитить. Он был их любимым сыном. Потому они потребовали от него на какое-то время исчезнуть.

Руководитель «Чёрного сентября» Абу Юсуф, которого через несколько недель, 20 февраля 1973 года убили израильские «коммандос» при их нападении на штаб-квартиру группировки в Бейруте, решил, что их организации на некоторое время потребуется замена Саламеху, прежде всего для европейских операций.

Тогда они сделали ставку на алжирца Мухаммеда Будию, известную личность в высшем свете Парижа. Он основал собственную ячейку и дал ей своё имя «Ячейка Будии».

Будия планировал создать из всех террористических групп в Европе мощную подпольную ар-

мию. Он послал членов разных групп в Ливан на обучение и буквально за одну ночь создал большую террористическую организацию, своего рода центрального управления для всех фракций.

В теории это была хорошая идея, но главной проблемой было то, что палестинские организации настроены радикально националистически, в то время, как большинство других групп состояло из радикальных марксистов, а эти две идеологии — марксизм и ислам — не сочетаются друг с другом.

Будия использовал специального связника, путешествовавшего между Бейрутом и Парижем, палестинца Мишеля Мукарбеля. Во время налёта израильского спецназа на штаб-квартиру «Чёрного сентября» в Бейруте в руки израильтян попало досье Мукарбеля с фотографией и документами.

Тогда на сцену вышел Орен Рифф. Всё кипело, для нормального осторожного подхода к цели вербовки времени уже не было. Рифф, знавший арабский язык, в июне 1973 года получил поручение провести прямую вербовку Мукарбеля, т.е. просто подойти к нему и предложить сделку.

(Это — многообещающий метод. Иногда таким путём получаешь агента, а если не получается, то несостоявшегося агента можно так напугать, чтобы он прекратил работать на другую сторону. Или можно заставить замолчать навсегда — как египетского физика Мешада (см. пролог, «Операция «Сфинкс»))

Мукарбель жил в шикарном лондонском отеле. За ним следили полтора дня, затем проверили гостиницу. Рифф должен был подойти к двери его номера, как только Мукарбель вернулся бы с прогулки. Его комнату уже тайно обыскали, она была пуста, оружие тоже отсутствовало.

Когда Мукарбель поднимался на лифте, в кабине с ним случайно столкнулся какой-то человек, мгновенно и незаметно для него обыскав Мукарбеля в поисках припрятанного оружия. Так как Мукарбель входил в «Чёрный сентябрь», его считали опасным. После всех мер предосторожности, Рифф подождал, пока Мукарбель вошёл в номер и подошёл к его двери.

Когда Мукарбель открыл ему, Рифф проследил, не вытащил ли тот оружие, и быстро зачитал ему его краткое досье, как члена «Чёрного сентября»: имя, возраст, адрес и т.д.

Затем Рифф продолжил: «Я из израильской разведки. Мы готовы заплатить вам кругленькую сумму, и хотим, чтобы вы на нас работали».

Мукарбель, хорошо выглядевший, умный человек в дорогой одежде взглянул Риффу прямо в глаза, улыбнулся во все лицо и спросил: «Почему же вы так долго ждали?»

Оба мужчины побеседовали пять минут и договорились о следующей встрече, более формальной и защищённой. Для Мукарбеля деньги не играли главной роли, хотя он с удовольствием ими бы воспользовался.

В первую очередь, он хотел защититься с двух сторон: если с одной стороны возникнут проблемы, его защитила бы другая сторона. Это был вопрос собственного выживания, а если обе стороны были готовы за это заплатить, то тем лучше.

Он сразу сообщил Риффу большинство мест, где часто бывает Будия. Будия любил женщин, и у него было немало любовниц в Париже. Он знал, что за ним охотятся, потому использовал квартиры женщин в качестве конспиративных, каждую ночь он проводил в другом жилище.

Но так как Мукарбель должен был находиться с ним на постоянной связи, большинство этих адресов было ему знакомо. Когда Рифф передал эти сведения «Метсада», этот отдел взял на себя слежку за Будией во время его перемещений.

Израильтяне скоро выяснили, что он спешно перевел деньги в качестве оплаты за некую операцию венесуэльцу по имени Ильич Рамирес-Санчес, который происходил из богатой семьи, учился в Лондоне и в Москве, а теперь жил в Париже и оказывал «Чёрному сентябрю» некоторые услуги.

«Метсада» вскоре выяснили, что Будия очень осторожный человек. Первое, на что всегда обращает внимание любая секретная служба — константа, то есть, то, что человек, за которым следят, делает регулярно.

Такую работу нельзя делать спустя рукава, по принципу: «Да вот же он: давайте его убьём!». Так дела не делаются. Всё должно быть спланировано, чтобы избежать осложнений. Единственной константой Будии было то, что он, где бы ни ездил, всегда пользовался одной машиной — синим «Рено-16».

Ещё было место на Рю-де-Фосс-Сен-Бернар, которое он посещал чаще всего.

Кроме того, Будия, перед тем, как сесть в машину, всегда открывал капот, заглядывал под машину и проверял багажник и глушитель — проверял, нет ли мины. Потому люди «Метсада» решили поставить мину под сидение.

Но они хотели, чтобы французы не заподозрили во взрыве Моссад, потому бомбу сделали в виде самодельной, заполненной острыми осколками металла и гайками. Под бомбой поставили тяжёлую металлическую пластину, чтобы взрывная волна была вверх, а не вниз.

28 июня 1973 года Будия вышел из квартиры, проверил, как обычно, машину, затем открыл дверь и сел. Как только он закрыл дверь, машина взлетела на воздух. Он погиб на месте. Сила взрыва была настолько велика, что болты и гайки, прошив тело Будии насквозь, затем пробili даже крышу машины.

Французская полиция, знавшая о его контактах с террористическими группировками, решила, что Будия погиб в результате случайного взрыва мины, которую он сам перевозил. Этот вывод часто делает полиция для публики, ввиду отсутствия других объяснений.

Хотя у «Чёрного сентября» не было прямых доказательств причастности Моссад к смерти Будии, он знал, что это было именно так. В качестве мести, срочно должен был быть убит один израильтянин.

Одному палестинскому студенту в Калифорнийском университете Лос-Анджелеса было приказано взять винтовку и поехать к израильскому посольству в Вашингтоне.

Они считали, что совершенно неизвестному лицу будет легче устроить нападение и уйти незамеченным, чем кому-то, кто уже был связан с террористическими группировками и возможно, находился под наблюдением американских спецслужб.

Таким образом, 1 июля 1973 года неизвестный молодой человек на улице застрелил полковника Йозефа Алону, важнейшего сотрудника военно-воздушного атташе посольства Израиля в Вашингтоне, а затем сбежал. Убийцу так никогда и не поймали.

Моссад узнал о связи этого убийства со смертью Будии намного позже из документов, захваченных израильтянами в ходе Войны Судного дня.

После убийства Будии, Мукарбель сообщил Рифу, что «Чёрный сентябрь» откомандировал в Париж венесуэльца Санчеса для руководства операциями в Европе.

Моссад знал очень мало об этом человеке, но вскоре выяснил, что его любимым псевдонимом был Карлос Рамирез, позднее просто Карлос. Вскоре он стал одним из самых знаменитых и ужасных людей в мире.

* * *

Али Хасан Саламех, вовсе не глупый человек, занимался созданием собственной службы безопасности. Он хотел скрыться от Моссад и одновременно выставить израильтян в неприглядном виде.

Он собрал нескольких добровольцев, которые должны были завербоваться в агенты Моссад через два израильских посольства в двух разных странах. Их задачей было сообщать Моссад даты и места, связанные с деятельностью Саламеха. Конечно, не настоящие, а вымышленные данные.

В конечном результате это привело Моссад в норвежский городок Лиллехаммер, в 110 км к северу от Осло, где официантом в ресторане работал марокканец, который имел несчастье быть очень похожим на «Красного принца».

Шеф «Метсада» Майк Харари был ответственен за операцию по уничтожению Саламеха. Саламех в свою очередь позаботился о том, чтобы один из его людей подошёл к ничего не подозревавшему официанту и поговорил с ним, что было замечено Моссад.

Это ещё сильнее укрепило уверенность Моссад, что это действительно «Красный принц». Но это был не он, и 27 июля 1973 года Моссад убил невиновного официанта. Три человека попали в тюрьму. Один из них, Дан Арбель (см. главу 7 «Парик», главу 14 «Операция «Моисей») говорил слишком много, поэтому «Лиллехаммер» стал одним из крупнейших скандалов в истории Моссад.

В Париже Карлос принялся за дело. Европейские разведки ничего о нём не знали. Он не говорил по-арабски и даже не любил арабов (о палестинцах Карлос говорил так: «Если эти ребята хоть наполовину так хороши, как они о себе говорят, то почему израильтяне всё ещё сидят в Палестине?»).

Но Мукарбель, лишь недавно завербованный Орен Риффом агент Моссад, остался связником и у Карлоса.

С восстановлением парижского отделения

«Чёрного сентября», Карлос получил контроль над всеми его складами оружия в Европе. Среди прочего, он унаследовал и обе «пропавшие» ракеты «Стрела».

Мукарбель был не только связником Карлоса с «Чёрным сентябрём», он делал ту же работу ещё для двух палестинских группировок: Народного Фронта Освобождения Палестины (НФОП) и Палестинской молодёжной организации.

Моссад получал от него впечатляюще обширную информацию. Просмотрев её и использовав всё, что можно, Моссад передавал её разведслужбам стран Западной Европы и ЦРУ, снабжая их таким количеством сведений, что те не знали, что с ними делать.

Среди офицеров других разведок циркулировал шуточный вопрос: «О, мы уже получили сегодняшнюю книгу от Моссад?» А связь Моссад с ЦРУ была в те дни настолько тесной, что американцы шутили об «отделе Моссад в Лэнгли» (городок в штате Вирджиния, где находится штаб-квартира ЦРУ).

Этот поток информации на шпионском рынке был не всегда очень полезен, но, по крайней мере, никто не мог сказать, что он ничего не знал. И это был подход, которым Моссад вполне успешно пользовался и в дальнейшем.

Карлос, конечно, был очень заинтересован в двух оставшихся в Риме ракетах. Очевидно, обе команды при разделе оружия оставили две ракеты в конспиративной квартире, о которой Моссад тогда ничего не знал. Если бы схваченного в аэропорту людьми Моссад террориста не избили до смерти, он, может быть, и рассказал бы о ней.

Хотя Карлос пока ничего не предпринимал против какого-либо еврейского объекта, Моссад со временем стало ясно, насколько он опасен. О ракетах они узнали от Мукарбея, но у них ещё не было возможности добраться до них.

Если бы они ворвались в квартиру, то сразу рассекретили бы Мукарбея, который передавал им весьма полезные сведения по телефону каждые 2-3 дня. Один человек в Моссад по очереди поддерживал связь с ним круглые сутки.

Карлос хотел использовать ракеты против израильского самолёта. Но он не хотел лично участвовать в операции, требовавшей тщательного планирования. Это был его принцип — и одна из причин, почему его так и не поймали. Он планировал операцию, следил, чтобы она была проведена, но сам в ней почти никогда не принимал участия.

Для Моссад ракеты были большой проблемой. Мукарбель, как информатор был, несомненно, слишком важен, чтобы «засветить» его ради этой операции, но если палестинцы с этими ракетами смогут пробраться к аэропорту, то у них будет возможность сбить израильский самолёт.

Орен Рифф, «катса» Мукарбея, взялся за дело. Рифф был прямолинейным, весьма неглупым человеком.

В конце 1975 года он стал одним из одиннадцати знаменитых «катса» Моссад, написавших директору Института письмо, в котором говорилось, что организация находится в состоянии застоя, бес-

толково тратит большие деньги, а её отношение к демократии можно назвать весьма проблематичным.

В Моссад оно было известно просто, как «письмо одиннадцати». Рифф был единственным офицером, кто остался в бюро. Остальных выгнали.

Но и Риффа дважды обходили с повышениями, а когда в 1984 году он потребовал доступа к своему делу, потому что ему в очередной раз отказали в повышении, то получил ответ, что его дело куда-то запропастилось — совершенно невероятная история, потому что в организации работает лишь 1200 человек, включая секретарей и водителей.

Но письмо всё же принесло реформы — были изменены правила НАКА, чтобы в Моссад в будущем никакое письмо не смогли бы подписать более двух человек.

Вернёмся к нашей истории. Рифф позвонил офицеру связи в Риме и сказал, что он должен связаться со своим другом Амбурго Вивани из итальянской разведки и дать ему адрес конспиративной квартиры, где находятся обе ракеты.

— Скажи ему, что ты позвонишь ему, когда все террористы соберутся там, и тогда он должен войти в квартиру только в указанный момент, — сказал Рифф. — Так он сможет взять их всех.

Подразделение «Невиот» уже тщательнейшим образом проверила для Моссад это место, и 5 сентября 1973 года, когда все террористы вошли в здание, они позвонили в итальянскую полицию.

Люди Моссад наблюдали за итальянцами во время операции, но сами не показывались никому на глаза. Итальянцы ворвались в дом и арестовали пять человек из Ливии, Ливана, Алжира, Ирака и Сирии, и конфисковали две ракеты.

Прессе сообщили, что пятеро террористов собирались с крыши своего дома запустить ракеты в гражданский самолёт. Это была жалкая история, потому что самолёты никогда не пролетали над этим домом. Но это не имело значения, люди поверили.

К этому времени верхушка итальянской секретной службы была весьма тесно связана с Моссад. Итальянцы даже ездили в арабские страны со скрытыми камерами, фотографируя там для Моссад военные объекты.

Хотя итальянцы поймали террористов с личным и с двумя ракетами, они двух из них сразу же выпустили под залог. Естественно, они покинули Рим. Остальных трёх депортировали в Ливию, но 1 мая 1974 года, после того, как их отвезли туда, самолёт «Дакота» взорвался в воздухе на обратном пути в Рим, пилот и экипаж погибли. Расследование этого взрыва до сих пор не завершено.

Итальянцы утверждали, что за взрывом стоял Моссад. Но это не так. Возможно, это был «Чёрный сентябрь». Не исключено, что они подумали, что экипаж самолёта видел что-то в Ливии, когда приземлился там, или что он, возможно, опознает террористов при их следующей операции. Если бы взрыв провёл Моссад, то только тогда, когда террористы ещё были в самолёте.

20 декабря 1973 года Карлос прибыл в Париж. Он создал в одном из пригородов склад для боепри-

пасов палестинских террористических группировок. Моссад искал повод сообщить французам адрес, не подвергая опасности своего ценного агента Мукарбеля.

В то утро Карлос в своей типичной манере провёл одну из своих знаменитых операций «Бей и беги». Он вышел из своей квартиры с гранатой, запрыгнул в машину, поехал вдоль улицы и бросил гранату в еврейскую книжную лавку. От взрыва погибла одна женщина, ещё шесть человек были ранены.

Это было достаточным основанием для Моссад, чтобы сообщить французской полиции адрес склада оружия. Но когда французы обыскали склад, они там нашли винтовки, гранаты, динамитные шашки, листовки и ещё около дюжины людей. А Карлоса среди них не было. Он уехал из Франции в тот же день.

На следующий день он позвонил Мукарбелю из Лондона и захотел встретиться с ним. Мукарбель ответил, что не сможет приехать, поскольку его ищет британская полиция. Моссад попытался уговорить его всё же полететь в Лондон, но он не согласился. Так на время был утерян контакт с Карлосом.

22 января 1974 года Карлос снова позвонил Мукарбелю.

— Это Ильич, — сказал он. — Я возвращаюсь в Париж. Только завтра или послезавтра мне нужно устроить здесь одно дело.

Все израильские объекты в Англии немедленно были переведены в состояние повышенной бдительности. Но открытых мер предосторожности нельзя было принимать, потому что звонок Карлоса мог быть и обманным трюком для проверки надёжности Мукарбеля. Они знали, что Карлос всегда немного опережает других.

Через два дня, 24 января, мимо израильского банка в Лондоне проезжала машина. В машине сидел только один человек. Он и бросил в банк ручную гранату. От взрыва одна женщина получила ранения.

На следующий день Карлос встретился с Мукарбелем в Париже. Он сказал ему, что на время оставит в покое израильские цели, потому что это слишком рискованно. Ему нужно ещё отдать кое-какие долги японским и немецким группам, и лишь потом он сможет сделать что-то для палестинцев.

Это сообщение несколько успокоило Моссад и совпало с информацией, которую он получал из других источников. Но с Карлосом никогда нельзя было успокаиваться. 3 августа того же года в Париже взорвались три начинённых взрывчаткой автомобиля: два — перед редакциями газет и одна — (которую нашли прямо перед взрывом) у радиостанции.

Французская полиция думала, что это дело рук «Аксон Директ». Так оно и было, но Карлос помог им изготовить и установить бомбы. После этого он уехал в другой район Парижа, чтобы быть как можно дальше от самой операции.

Затем Моссад узнал, что Карлос получил партию русских противотанковых гранатомётов РПГ-7. РПГ-7 это компактное, легко перевозимое оружие,

которое весит только 10 кг и может поразить неподвижную цель на дальности до 500 м и движущуюся цель — до 300 м. Граната пробивает бронеплиту толщиной в 30 мм.

13 января 1975 года Карлос и его приятель немец Йоханнес Вайнрих (член «Революционных ячеек», «RZ») поехали на машине в аэропорт Орли в поисках цели. Оба увидели ещё с дороги хвост израильского самолета.

Карлос проехал ещё разок, чтобы лучше рассмотреть самолёт, и уронил на улицу маленькую бутылку молока, отметив, таким образом, место, с которого израильский самолёт был виден лучше всего. Вайнрих дал задний ход, а затем двинулся снова вперед со скоростью всего 15 км/ч.

Когда они подъехали к молочному пятну, Карлос поднялся из кабины, опустив тент своего «Ситроена 2 CV», и выстрелил. Он не попал в израильский самолёт, но повредил югославский авиалайнер и здание аэропорта. Немного проехав, они остановились, Карлос уселся рядом с Вайнрихом, который был за рулем, и они уехали.

Вернувшись в квартиру, Карлос рассказал Мукарбелью о том, что сделал. Мукарбель ответил, что уже слышал об этом по радио, в том числе и о том, что израильский самолёт не пострадал.

Карлос заметил: «Да, в него мы промахнулись, но девятнадцатого мы поедем туда и попробуем ещё раз».

Конечно, Мукарбель передал этот лакомый кусочек Орну Риффу. Моссад и в этот раз не хотел подвергать опасности своего ценного агента.

Потому Рифф предписал удвоить меры безопасности, а израильским самолётам было приказано базироваться на северной стороне аэропорта, где по ним можно было попасть только из одной точки, на случай, если Карлос решит осуществить свою угрозу.

Карлос на самом деле появился там в машине с ещё тремя людьми. Французская полиция была проинформирована о возможности теракта. Карлос со своими людьми трижды проехал мимо места, откуда были видны израильские самолёты, затем остановился.

Тут вылетела французская полиция с воем сирен, потому террористы не стали стрелять, а бросили оружие, выскочили из машины и разбежались. Карлос схватил одну прохожую, приставив ей к голове пистолет.

Один из террористов последовал его примеру. Следующие тридцать минут в большом напряжении террористы стояли напротив полиции, пока та вела с ними переговоры.

Не было ни единого выстрела, но они как-то вывернулись. Своё оружие они оставили на месте, а Карлос исчез. Даже Мукарбель не знал, где он.

* * *

Следующие пять месяцев всё было тихо. Мукарбель продолжал поставлять ценную информацию, но о Карлосе он ничего не слышал. Наконец он стал нервничать. Друзья рассказали Мукарбелью, что в Бейруте у некоторых людей возникли подозрения в связи с его действиями, и они хотят пого-

ворить с ним.

К этому моменту Моссад уже решил ликвидировать Карлоса, но Мукарбель хотел только получить новые документы на другое имя и уйти со сцены как можно быстрее. Он стал бояться, что Карлос преследует его.

Штаб Моссад не хотел, чтобы Рифф сам уничтожил Карлоса и не хотел предоставить такую возможность людям «Метсада». Потому было решено передать это дело в руки французской полиции. Моссад должен был лишь помочь ей некоторыми сведениями.

10 июня 1975 года Карлос позвонил Мукарбелью, которого тут же охватила паника, и он сказал Карлосу, что хочет уехать из Парижа. Но Карлос пригласил его в свои апартаменты в доме на Рю-Туллье в Пятом округе Парижа. Это был один из домов, расположенных во дворе другого здания.

Войти в такой дом можно было лишь через дом, стоящий фасадом к улице и сад, либо по нескольким лестницам и через проход. Так как у дома был лишь один вход и, следовательно, лишь один выход, он для Карлоса был не самым безопасным местом.

Благодаря «сайану»-домовладельцу Риффу удалось снять квартиру в переднем доме с видом на двор и квартиру Карлоса. Это было маленькое жилище, вроде тех, которые снимают туристы на неделю. Оно было на верхнем этаже, потому Рифф мог сверху наблюдать за всем происходящим.

Французской полиции сообщили, что в квартире находится один человек, связанный с известным контрабандистом оружия, а второй (Мукарбель) хочет выпутаться из сложной ситуации и готов заговорить. Полиции не сказали ни то, что первый человек — Карлос, ни то, что второй (Мукарбель) — агент.

Рифф проинструктировал Мукарбеля, что тот должен сказать французской полиции, что хочет вступить с ней в контакт. «Ты скажешь им, что хочешь выйти из игры и уехать в Тунис. Мы позаботимся, чтобы они ни в чём не смогли тебя обвинить. Ты знаешь, что не можешь спать спокойно, пока Карлос на свободе».

Они покажут тебе фотографию, где ты рядом с Карлосом, и спросят тебя, кто другой человек. Попробуй выкрутиться, скажи, что это кто-то несущественный. Они всё равно захотят его увидеть, тогда приведёшь их к нему. Они арестуют его для допроса, а потом они сами постараются получить всю информацию о нём. Так что, он навсегда окажется за решёткой, а ты сможешь свободно жить в Тунисе».

В плане были огромные дыры, но если бы он привел к аресту Карлоса, Моссад это не мешало.

Рифф потребовал от штаба в Тель-Авиве разрешения передать французской полиции большую часть досье на Карлоса, чтобы французы знали, с кем имеют дело. Он обосновывал это тем, что Моссад выдаёт французам агента, и если они не будут знать, кто такой Карлос, то агенту, т.е. Мукарбелью, угрожает огромная опасность.

Кроме того, он боялся, что сами французы будут под большой угрозой, если они неправильно

подготовятся к аресту Карлоса. В конечном счёте, они совсем мало знали о нём.

Риффу ответили, что офицеры связи в Париже при необходимости передадут французам информацию, но после того, как Карлос будет арестован, и что есть различные вопросы, по которым с французами ещё предстоит договориться. Другими словами, это означало: если французы чего-то хотят, им следует за это чем-то заплатить.

Такое нежелание рассказать что-то французам о Карлосе объяснялось просто враждой и ревностью между двумя отделами Моссад: «Цомет» (позднее «Мелуха»), управлявшего 35 активными «катса», и «Тевель» (или «Кайсарут»), т.е. отдел связи.

Люди из «Тевель» всегда спорили с людьми «Цомет» о передаче сведений. «Тевель» считал, что щедрая передача информации разведслужбам дружественных стран воздастся сторицей в виде возросшей готовности иностранных разведслужб сотрудничать с Израилем.

Но в «Цомет» постоянно противились таким планам, считая, что нельзя так легко раздавать информацию, а следует всегда и немедленно получать за неё плату.

Когда руководители этих двух отделов встретились в этом случае, чтобы обсудить просьбу Орена Риффа (он тогда был в «Цомет») о передаче досье на Карлоса французам, роли их странным образом поменялись. Теперь «Цомет» хотел передать полную информацию, но этого не хотел «Тевель».

Шеф «Тевель» решил воспользоваться ситуацией для получения очков во внутренней борьбе отделов в бюро и сказал: «Как же так? Вы хотите дать французам информацию? Когда мы хотим передавать информацию, вы нам не даёте. В этот раз мы вам не дадим».

Они могли себе такое позволить, потому что их никто после этого не смог бы проконтролировать. Они сами устанавливали себе законы.

В назначенный день Рифф увидел, как Карлос вошёл в свою квартиру. Офицеры связи уже поговорили с французами и сказали, где они должны забрать Мукарбеля, что те и сделали. В квартире Карлоса находилась целая группа южноамериканцев. Они устроили там вечеринку.

Мукарбель в гражданском автомобиле полиции прибыл туда вместе с полицейскими. Двое из них остались стоять с ним на лестнице, а третий постучал в дверь. Карлос открыл, полицейский в штатском представился, и Карлос впустил его.

Они проговорили около 20 минут. Карлос производил, очевидно, приятное впечатление, никаких проблем. Они никогда его не видели и никогда о нём не слышали. Полицейские думали, что они просто проверят какую-то «наводку». Незначительное дело.

Рифф рассказывал потом, что его так колотило при наблюдении за происходящим, что он готов был всё бросить и побежать предупредить полицию. Но он этого не сделал.

Наконец, полицейский сказал Карлосу, что он привёл с собой человека, которого он, видимо, знает: «Я хотел бы, чтобы вы с ним поговорили. Вы не возражаете выйти на минутку?»

Тут полицейский дал знак своим коллегам на лестнице подняться вместе с Мукарбелем. Когда Карлос увидел его, то решил, что его предали. Но Мукарбель только хотел сказать ему, чтобы он не волновался, потому что у полицейских нет ничего против него. Карлос сказал полицейскому: «Хорошо, я пойду».

Карлос всё ещё держал в руке гитару, на которой играл в тот момент, когда полицейский постучал в дверь. Другие в комнате не подозревали, что происходит, и продолжали веселиться.

Карлос спросил, может ли он оставить гитару и взять куртку. У полицейского не было возражений. За это время к двери подошли ещё три его коллеги.

Карлос зашёл в смежную комнату, бросил гитару, схватил куртку и открыл футляр гитары, где лежал пистолет-пулемет 38-го калибра. Он подошел к двери и мгновенно открыл огонь.

Первый полицейский тут же был тяжело ранен пулей в затылок. Потом он на месте застрелил еще двоих, выпустил Мукарбелю три пули в грудь и одну в голову — последнюю в упор, чтобы быть уверенным, что Мукарбель мёртв.

У Риффа едва не сдали нервы, когда он из своей квартиры наблюдал за этой мясорубкой. У него не было оружия. Беспомощно он увидел, как Карлос пристрелил Мукарбеля и спокойно покинул место преступления.

Одно было ясно Риффу: французская полиция знала, кто он. Они знали, что он, Рифф, привел сюда её людей, а после смерти полицейских это в их глазах было слишком похоже на ловушку. Через два с половиной часа Рифф в форме стюарда вошёл на борт самолёта «Эль-Аль», вылетавшего в Израиль.

Раненому полицейскому помогли оставшиеся в квартире люди, они же вызвали «Скорую помощь». Эти латиноамериканцы понятия не имели, кто такой Карлос. Полицейский выжил и рассказывал позднее, что Карлос, открыв огонь, постоянно кричал: «Я Карлос! Я Карлос!»

В тот день Карлос стал знаменитым.

21 октября 1975 года во время конференции министров нефтяной промышленности стран ОПЕК в Вене в зал заседаний ворвались шестеро пропалестинских боевиков, застрелили трех человек, ещё семерых ранили, а 81 взяли в заложники.

В планировании этой операции обвинили Карлоса. В последующие годы ему приписали множество взрывов и других террористических актов. Только с 1979 по 1980 годы во Франции прогремело 16 взрывов, в которых обвинили «Аксьон Директ», но выполнены они были в стиле Карлоса.

Одной из главных проблем с секретными службами является то, что они делают свои дела за закрытыми дверями, но дела эти затрагивают жизни людей во многих странах. Но так как они действуют скрытно, их трудно заставить отвечать за свои поступки.

Секретная служба без контролирующей инстанции подобна пушке, оставленной без присмотра. Но есть разница: секретная служба — это такая пушка, которая изначально и преднамеренно зла. И из-за внутренней грызни не видит того, что проис-

ходит вокруг.

Люди, убитые Карлосом у дверей его квартиры в Париже, погибли бесцельно и нелепо. Террорист давно уже мог бы сидеть в тюрьме, а не разгуливать на свободе.

Но так как Моссад никому не должен давать отчёта в своих действиях, его подручные вредят не только самому Институту, но и всему Государству Израиль.

Сотрудничество нельзя строить только на базе непосредственного обмена: «ты — мне, а я — тебе». Со временем офицеры связи разведок других стран просто не будут больше доверять Моссад. Он утратит доверие в сообществе секретных служб.

Именно это и происходит сейчас. Израиль мог бы стать самой лучшей страной в мире, но Моссад разрушает его, манипулируя властью не в интересах Израйля, а в своих собственных.

Глава 11. «Экзосет»

21 сентября 1976 года, дождливым утром, сорокачетырёхлетний Орландо Летельер вышел из своей квартиры на элегантной Эмбасси-Роу в Вашингтоне и, как всегда, сел за руль своего голубого автомобиля «Шевель».

Летельера, бывшего министра в правительстве трагически свергнутого марксистского президента Чили Сальвадора Альенде, сопровождал его американский коллега — исследователь Ронни Моффит, 25 лет.

Спустя секунду детонировала дистанционно управляемая бомба, разорвав машину на куски и убив двоих людей на месте.

Как часто бывает в подобных случаях, многие люди сразу обвинили в произошедшем ЦРУ. Кстати, в чилийском путче 1973 года ЦРУ тоже приписали куда большую роль, чем оно сыграло в реальности.

Но уже давно оно стало чем-то вроде «мальчика для битья», которого обвиняли в актах насилия по всему миру. Другие указывали в связи со смертью Летельера на чилийскую тайную полицию ДИНА, которую через год, под некоторым нажимом со стороны США, распустил новый глава чилийского государства генерал Августо Пиночет (через некоторое время она была восстановлена с другим руководством и под другим названием).

Но никто не указывал на Моссад.

Хотя Моссад сам и не проводил эту операцию непосредственно (приказ на её проведение был отдан шефом чилийской ДИНА Мануэлем Контрерасом Сепульведой), он сыграл в ней важную роль. Это стало результатом тайной сделки с Контрерасом, в результате которой Моссад хотел купить французскую ракету класса «поверхность — поверхность» типа «Экзосет».

В эскадроне смерти в момент убийства Летельера не было ни одного человека из Моссад, но чилийцы использовали «ноу-хау» израильской разведки, что и было договорено в рамках сделки с Контрерасом.

В августе 1978 года американское Большое Жюри начало рассмотрение дела по обвинению

Контрераса, а также руководителя оперативного отдела ДИНА Педро Эспинацы Браво, агента ДИНА Армандо Фернандеса Лариоса и четырёх кубинских эмигрантов, членов радикальной антикастровской организации в этом убийстве.

Важнейшим доказательством в 15 страничном обвинительном заключении были показания Майкла Вернона Таунли, который родился в США, в возрасте 15 лет был вывезен родителями в Чили. Там он работал автомехаником и был завербован ДИНА.

Его определяли, как не обвинённого участника сговора, пошедшего на сотрудничество с прокуратурой. Потому он отделался тремя годами и четырьмя месяцами тюрьмы. Режим Пиночета выдал чилийцев американскому правосудию, кубинцы скрылись.

Правда, одного из них арестовали намного позже — 11 апреля 1990 года в Санкт-Петербурге, штат Флорида. Однако Чили так и не выдала Контрераса, кто и приказал совершить убийство Летельера. Хотя Пиночет, чтобы улучшить образ Чили в глазах мирового сообщества и заставил Контрераса в 1977 году покинуть свой пост, он так и не предстал перед судом.

* * *

Раз в год все организации военной разведки Израйля проводят встречу для выработки планов на будущее. Затем проходит ежегодное совещание руководителей всех секретных служб страны, как военных, так и гражданских, которое называется «Цорех Йедиот Хасувот», сокращенно «Циах», что можно перевести как «необходимая информация».

На этом совещании потребители информации, например АМАН, бюро премьер-министра и отделы военной разведки, оценивают качество полученных за прошедший год сведений и определяют, какую информацию нужно будет собрать в следующем году, в порядке важности.

Документ, в котором содержатся результаты встречи, тоже называется «Циах» и представляет собой своего рода каталог для заказов секретных сведений, которые, по мнению клиентов, следует добыть Моссад и другим «поставщикам», например, структурам военной разведки.

Источники информации делятся на три основные части. Первую из них — «Humant» — составляют сведения, получаемые от людей, то есть, от агентов, которыми управляют «катса».

Вторая — «Elint» — это информация, которую собирают с помощью радиоперехвата, этим занимается Подразделение 8200 израильской военной разведки.

И третья — «Sigint» — собирает сведения из обычных средств массовой информации. Занимается этим другое подразделение военной разведки, в котором трудятся сотни людей.

В окончательном протоколе «Циах» клиенты не только определяют, что из разведывательных сведений понадобится им в будущем. Они ещё выставляют оценки агентам за их работу в прошедшем году.

Каждый агент имеет два агентурных псевдонима — оперативный и информационный. Опера-

тивные отчёты, которые собирают «катса», клиенты не могут видеть. Они даже не знают об их существовании. Информационные отчёты, разделённые на разные категории, отсылаются по отдельности.

На основе этих отчётов клиенты — получатели секретной информации — выставляют агентам оценки от «А» до «Е». Агенту никогда не ставят оценку «А», только разведчику. Но оценка «В» — наивысшая для агента, это означает, что он совершенно надёжный источник.

«С» означает надёжность в некоторой степени, к агенту с категорией «D» следует подходить с осторожностью, а «Е» значит — «не сотрудничать с ним».

Каждый «катса» знает оценки своего агента и старается их улучшить. Оценка действует на протяжении года, и в соответствии с ней агенту платят гонорар. Если в позапрошлом году у агента была категория «С», а в прошлом он перешел в категорию «В», ему выплатят премию.

Когда «катса» составляют свои информационные отчёты, в «шапке» листа они заполняют маленький квадратик с двумя полями. Слева в нем ставится оценка агента, а справа номер. Этот номер означает, откуда агент получил свои сведения.

Цифра «1» означает, что агент сам видел или слышал то, о чём сообщает. «2» означает, что агенту об этом рассказал его надёжный источник, но он сам этого не видел и не слышал. «3» значит, что агент услышал информацию из третьих рук, как слух.

Таким образом, если, например, в правом верхнем углу отчета стоит «В-1», то это означает, что «катса» получил от хорошего надёжного агента информацию о чём-то, что он сам лично видел или слышал.

Руководитель военной разведки одновременно является высшим офицером всех отделов военной разведки, при этом каждый вид вооружённых сил имеет свою собственную разведслужбу. Итак, существуют разведка пехоты, разведка бронетанковых войск, разведка ВВС и разведка флота (две первые не так давно были слиты в единую разведку сухопутных войск).

Командующий армией, формально названной ЦАХАЛ («Армия обороны Израиля»), имеет звание генерал-лейтенанта и носит на погонах эмблему в виде меча, скрещённого с веткой оливы и двумя фиговыми листьями внизу.

ЦАХАЛ, в отличие от США с их отдельными видами вооружённых сил, является единой структурой с разными родами войск, например, ВВС и ВМС. Командующие родами войск имеют звание генерал-майора, эмблему в виде меча и оливковой ветви, но только с одним фиговым листком.

Ниже их по рангу стоят бригадные генералы, начальники различных разведывательных управлений и служб. Ещё ниже — полковники. Когда я перешёл в Моссад, меня повысили, и я стал полковником.

Значение разведки для Израиля видно даже из того, что шеф разведывательного корпуса армии имеет то же звание — генерал-майор — что и командующие флотом, ВВС, сухопутными войсками,

бронетанковыми войсками и управлением военной юстиции. Начальник военно-морской разведки стоит по званию на одну ступень ниже.

У шефа АМАН (службы военной разведки) то же звание, что и у руководителей других служб, но на практике его должность выше, чем у всех других офицеров военной разведки, потому что в командной структуре он подчинён и подотчётен непосредственно премьер-министру.

Разница между АМАН и разведывательным корпусом армии состоит в том, что АМАН — получатель секретных сведений, в том числе путём агентурной разведки, а разведывательный корпус занимается сбором тактической информации «в поле».

В конце 1975 года военно-морская разведка на ежегодной встрече представителей военных разведок потребовала достать ракету «Экзосет».

Ракета, которую выпускает французская фирма «Аэроспасьаль», запускается с корабля, взлетает вверх, с помощью головки самонаведения находит цель, затем спускается на высоту лишь чуть выше ватерлинии. Потому такую ракету очень трудно засечь радаром и, следовательно, защититься от неё. Единственный путь, чтобы разработать метод обороны от неё, заключался в тестировании ракеты.

Израиль боялся, что некоторые арабские страны, прежде всего Египет, купят «Экзосет». На этот случай израильский флот должен был быть хорошо подготовлен. Для тестирования даже не нужна была целая ракета, а лишь головная часть, в которой находятся все электронные системы.

Продавец ракет не стал бы давать покупателю всю информацию о ракете. Он не дал бы и протестировать её на предмет её боевых свойств, тем более, для выработки методов защиты от неё. И даже если бы и удалось получить от «Аэроспасьаль» технические детали, они наверняка были бы умышленно завышены — ведь они же намеревались продать ракеты!

Поэтому Израиль хотел сам протестировать ракету. Но открыто купить её у французов было невозможно. Франция наложила эмбарго на поставку оружия Израилю. То же самое было и во многих других странах, потому что они боялись, что Израиль, стоит ему купить у них оружие, сразу же его скопирует.

Задание получить боевую часть ракеты «Экзосет» было поручено шефу Моссад, который в свою очередь, передал это поручение отделу «Гевель», чтобы тот позаботился о просьбе флота.

У Моссад уже было довольно много информации о ракете, частично благодаря помощи «сайана», работавшего в фирме «Аэроспасьаль». Кроме того, была проведена маленькая операция, в ходе которой на завод проникла группа разведчиков вместе со специально прилетевшим из Израиля экспертом.

Его посадили в специальную комнату, где ему показали различные материалы, и он решал, что нужно сфотографировать, а что нет. Команда пробыла около четырёх с половиной часов на территории завода, а затем бесследно исчезла.

Но, несмотря на фотографии ракеты и её полные чертежи, флоту всё равно нужен был полно-

стью функционирующий экземпляр. Ракеты такого типа были и у англичан, но те тоже не были готовы передать одну из них Израилю.

О европейской стране в качестве партнёра в такой нелегальной сделке не могло быть и речи, но Моссад знал, что ракетами «Экзосет» обладают несколько южноамериканских стран.

Обычно хорошим источником могла бы стать Аргентина. Но как раз в это время с Аргентиной осуществлялась очень большая сделка по продаже ей израильских реактивных истребителей. Моссад не хотел подвергать этот серьёзный и выгодный контракт риску.

Лучшей альтернативой оставалась только Чили. По воле случая как раз в этот момент эта страна попросила Израиль помочь ей в обучении внутренней тайной полиции. В этой специфической области особый опыт Израиля очень ценился.

Хотя Израиль редко хвастался этим перед публикой, но он оказал очень существенную помощь разным странам в создании и обучении подобных полицейских и контрразведывательных организаций; среди которых были, например, наводившая ужас тайная полиция шахского Ирана «Савак», органы безопасности Колумбии, Аргентины, Западной Германии, ЮАР и многих африканских государств, в том числе тайная полиция бывшего диктатора Уганды Иди Амина.

Израиль тренировал также тайную полицию сравнительно недавно свергнутого панамского диктатора Мануэля Норьегы (см. главу 5 «Первая практика»). Норьегу даже лично прошёл в Израиле курс подготовки и всегда на правом рукаве своего мундира носил «крылышки» израильских воздушно-десантных войск (в самом Израиле их носят на левом рукаве).

Как Израиль поступал в случае борющихся между собой сторон в Шри-Ланке, уже было описано выше.

Пиночет хотел улучшить уже сложившийся в глазах всего мира плохой имидж чилийской спецслужбы ДИНА и приказал её шефу генералу Мануэлю Контрерасу заняться этим делом.

Так как Контрерас уже сам вышел на Израиль со своей просьбой о переподготовке своих людей, тогдашний руководитель отдела связи (*Liaison*) поручил подотделу МАЛАТ выполнить просьбу флота о получении образца ракеты «Экзосет».

МАЛАТ, маленький подотдел, занимавшийся контактами со странами Латинской Америки, состоял только из его начальника и ещё трёх офицеров. Двое из этих трёх офицеров занимались постоянными разъездами по Южной Америке с целью завязывания экономических отношений между Израилем и странами этого региона.

Один из них по имени Амир как раз был в Боливии, заботясь о строительстве фабрики, которую возводил известный израильский промышленник Саул Айзенберг (см. главу 6 «Бельгийский стол»).

Айзенберг был настолько экономически силен, что израильское правительство специальным решением освободило его от многих высоких налогов, чтобы он смог перевести правление своих фирм в Тель-Авив. Айзенберг специализировался на

строительстве фабрик «под ключ», которые сразу могли производить продукцию.

В 1976 году Айзенберг оказался центральной фигурой политического скандала и полицейского расследования в Канаде. Финансовые службы искали, куда подевались 20 миллионов долларов, которые перевели Айзенбергу за его посреднические услуги в сделках между канадским предприятием атомной промышленности *Atomic Energy of Canada Limited* (АЕСЛ), Аргентиной и Южной Кореей.

Сделки касались запланированной продажи этим странам ядерных реакторов типа «Candu». Президент АЕСЛ Л. Лорн Грей тогда признал, что «никто в Канаде не знает, куда подевались деньги».

Перед тем, как Амир покинул Боливию, для него в израильское посольство в этой стране были переданы все существенные сведения. Они включали всё, что удалось каким-либо образом узнать. С кем ему нужно встретиться, сильные и слабые стороны этих лиц, все, что, по мнению штаб-квартиры, могло быть ему полезным.

Его перелёты, бронирование номера в отеле и все нужные детали были устроены из Тель-Авива. Даже достали бутылку любимого французского вина Контрераса, сорт его уже хранился в компьютере.

Амиру было предписано провести встречу в Сантьяго, но не брать на себя никаких обязательств.

Штаб Моссад в Тель-Авиве на запрос чилийцев о подготовке сотрудников тайной полиции окончательного согласия не дал и ответил так, что они пошлют Амира, чиновника административного отдела, чтобы обсудить проект.

В аэропорту Сантьяго Амира встретил чиновник израильского посольства и отвез в отель. На следующий день ему предстояло встретиться с Контрерасом и несколькими его людьми. На встрече Контрерас пояснил, что хотя они и получают определённую помощь от ЦРУ, но он не думает, что ЦРУ сможет им помочь в решении некоторых необходимых задач.

Самое важное — им нужно подготовить подразделение для обеспечения внутренней безопасности, которое сможет справиться с терроризмом в стране — прежде всего с похищениями людей и взрывами бомб — и обеспечить защиту важных иностранных гостей.

После встречи Амир вылетел в Нью-Йорк, чтобы встретиться там с шефом МАЛАТ в доме, который предоставил им Моссад.

(На самом деле этот дом предоставил в распоряжение МАЛАТ другой отдел Моссад, называемый «Аль», который действует исключительно в США и располагает там конспиративными квартирами. Было надёжнее и безопаснее встретиться в Америке, чем посылать кого-либо на встречу непосредственно в Чили).

Когда Амир рассказал подробно своему боссу о встрече, тот ответил: «Мы хотели бы получить кое-что от этих ребят. Пока мы начнём, а потом выставляем наше требование. Мы дадим им схватиться за конец каната, а потом потащим их за собой».

Было решено, что Амир ещё раз встретиться с Контрерасом, чтобы заключить с ним сделку об

обучении полицейского подразделения. В то время такие курсы проводились лишь в самом Израиле. Впоследствии Израиль часто направлял своих инструкторов за границу, например, в Шри-Ланку и в ЮАР. Но в 1975-1976 годах обычной практикой было приглашать на учёбу в Израиль.

* * *

Обучение всегда проводится на бывшей британской авиабазе Кфар-Сиркин к востоку от Тель-Авива. Израиль одно время использовал эту базу для обучения офицеров, пока не создал на её территории лагерь особого назначения, где, в частности, тренировались подразделения «коммандос» из иностранных государств.

Курсы длятся обычно от шести недель до трёх месяцев, в зависимости от желаемого уровня подготовки. И они очень дороги. В те годы Израиль брал за каждого обучаемого плату в размере от 50 до 75 долларов в день, плюс 100 долларов в день за инструктора (инструкторы, конечно, никогда не видели этих денег. Они получали свое обычное армейское жалование).

Кроме того, за питание взималось от 30 до 40 долларов в день, плюс 50 долларов в день за боеприпасы, оружие и т.д. Таким образом, подразделение из 60 обучаемых стоило по 300 долларов на человека в день, т.е. всего 18000 долларов. Трёхмесячный курс обходился примерно в 1,6 миллиона долларов.

Кроме того, за аренду вертолётa брали от 5 до 6 тысяч долларов в день, а для учений иногда требовалось до 15 вертолётов одновременно. К этому нужно добавить плату за специальные боеприпасы: граната «Базуки» стоила 220, мина для тяжёлого миномета 1000 долларов. Восьмиствольная зенитная пушка за несколько секунд выпускает пару тысяч снарядов, а каждый снаряд стоил от 30 до 40 долларов.

Это чистая прибыль. С такими курсами зарабатывают кучу денег, ещё до того, как дело дойдёт до покупки какого-либо оружия. А так как этих людей учат обращаться именно с израильским оружием, то они, естественно, к нему привыкают. А уезжая домой, хотя сразу же купить именно это оружие и боеприпасы к нему, чтобы взять их с собой.

Амир сказал Контрерасу, что тот должен отобрать 60 лучших своих людей для курсов. Их разделят на три группы: солдаты, сержанты и командиры взводов. Для каждой группы будет особая методика обучения. Три группы по двадцать человек пройдут базовый курс обучения.

Потом из них будут отобраны 20 лучших для обучения на командные должности. Эту группу потом разделят для дальнейшего обучения на сержантов и военнослужащих более высоких рангов.

Когда Амир объяснил Контрерасу весь этот план, Контрерас сказал без обиняков: «Мы согласны». Ещё он хотел купить всё оружие и оснащение, с которым будут обучаться его люди. Затем поинтересовался, сможет ли Израиль построить маленькую фабрику или создать склад с запасами боеприпасов и запчастей на шесть лет.

Решившись на покупку полного «пакета», Контрерас перешел к вопросу о цене и даже, похот-

дя, предложил Амиру взятку в пару тысяч долларов, чтобы скостить цену. Но Амир отказался, и Контрерас, наконец, принял условия.

Незадолго до окончания программы базовой подготовки Амир снова полетел в Сантьяго на встречу с Контрерасом.

— Обучение прошло очень хорошо, — сказал ему Амир. — Мы как раз собираемся отобрать людей для сержантского курса. Они были очень хороши. Только двух придётся убрать.

Контрерас, лично отбиривший людей для курсов, был очень доволен.

Поговорив ещё немного о программе обучения, Амир перешел к основному вопросу: «Послушайте, у вас есть кое-что, что нам очень нужно».

— Что же, — спросил Контрерас.

— Боеголовка ракеты «Экзосет».

— Это не должно быть проблемой, — сказал Контрерас. — Подождите пару дней в своём отеле, пока я проверю, что можно сделать. Потом я позволю вам.

Через два дня они снова встретились.

— Военные не хотят вам её дать, — сказал Контрерас. — Я просил их, но они не согласились.

— Но нам нужна эта штуковина, — сказал Амир. — Мы же оказали вам услугу с обучением ваших людей. Мы вам помогли. Почему бы вам не помочь нам, если нам что-то нужно?

— Послушайте, — ответил Контрерас. — Я лично достану её для вас. Забудем об официальных каналах. Заплатите миллион долларов наличными, и ракета ваша.

— На это я сначала должен получить разрешение, — сказал Амир.

— Давайте. Вы знаете, как меня найти, — ответил Контрерас.

Амир позвонил своему боссу в Нью-Йорк и сообщил о предложении Контрераса. Они были уверены, что генерал сдержит своё обещание, но и шеф Амира не мог сам решить этот вопрос. Потому он позвонил Адмони в Тель-Авив, а затем Моссад спросил военно-морскую разведку, готова ли она заплатить миллион долларов за ракету. Морская разведка согласилась.

— Мы согласны, — сказал Амир Контрерасу.

— Прекрасно. Приведите мне человека, который знает, что вам нужно, и мы вместе поедem на военно-морскую базу. Он точно покажет, что именно нужно. И мы это заберём.

Израильский эксперт по ракетам с фирмы «Бамтам», которая находится в городе Атлит к югу от Хайфы и выпускает ракеты типа «Габриель», прилетел в Сантьяго.

Так как нужна была именно функционирующая ракета, то её взяли прямо с корабля. Так было гарантировано, что им не подsunут учебный макет либо ракету с дефектной боевой частью, которую сначала нужно будет ремонтировать.

По приказу Контрераса ракетную боеголовку сняли с борта корабля и доставили в ангар. Израильтяне уж заранее заплатили один миллион долларов.

— Это то, что вам нужно? — спросил Контрерас.

Когда офицер израильского флота проверил ракету, Амир ответил: «Да, это она».

— Хорошо, — сказал генерал. — Теперь мы упакуем ракету в деревянный ящик, обезопасим её и спрячем на защищённом складе в Сантьяго. Если хотите, можете её охранять сами. Но перед тем, как вы её заберёте, мы хотим ещё кое-что от вас.

— Что? — сказал удивлённо Амир. — Мы же договорились. И мы выполнили свою часть соглашения.

— Я свою часть тоже выполню, — ответил Контрерас. — Но сначала позвоните своему боссу и скажите, что я хочу поговорить с ним.

— Это не обязательно. Я тоже могу вести переговоры, — сказал Амир.

— Нет, скажите вашему боссу, что я хочу встретиться с ним здесь. Я хочу поговорить с ним с глазу на глаз.

У Амира не было выбора. Контрерас понял, что Амир не занимает в Моссад высоких постов и, кроме того, он хотел воспользоваться своим преимуществом. Из своего номера Амир позвонил шефу в Нью-Йорк, который связался затем с Адмони в Тель-Авиве и объяснил ему ситуацию. В тот же день Адмони сел на самолёт до Сантьяго, чтобы встретиться с чилийским генералом.

— Я хочу, чтобы вы помогли мне создать личную службу безопасности, — сказал ему Контрерас.

— Но мы и так это уже делаем, — ответил Адмони. — И ваши люди делают большие успехи.

— Нет, нет. Вы меня не поняли. Я хочу получить подразделение, которое сможет уничтожать наших врагов, где бы они ни находились. Как вы поступаете с ООП. Не все наши враги живут в Чили. Мы хотим быть в состоянии ликвидировать людей, представляющих для нас прямую угрозу. Существуют террористические группы, которые угрожают нам, как и вам. Мы хотим научиться избавляться от них.

Мы знаем, что вы исполняете подобные желания двумя путями. Вы можете согласиться, если где-то возникнет проблема, отправить туда своих людей, чтобы они выполнили работу. Мы знаем, например, что Тайвань просил вас помочь в таком вопросе, но вы отказались. Мы хотели бы использовать своих людей.

Итак, вам следует подготовить группу наших людей справляться с террористической угрозой из-за рубежа. Если вы сделаете это, ракета ваша.

Адмони и Амир были в шоке. Услышав такое требование, Адмони смог только сказать, что перед тем, как дать согласие, ему понадобится разрешение своего начальника.

Адмони вернулся в Тель-Авив и принял участие во встрече на наивысшем уровне в штабе Моссад. Моссад совсем не обрадовалось, что Контрерас совершенно неожиданно выдвинул дополнительное условие в этой сделке.

Они пришли к выводу, что тут требуется не разведывательное, а политическое решение. Помочь

Контрерасу получить то, что он хочет, или провалить весь проект — это должно было решать правительство.

У правительства были большие возражения против вязывания в дела подобного рода. Потому его решение было таким: «Мы ничего не хотим знать о таких делах».

Потому работу должно было выполнить частное лицо. Для неё подобрали руководителя самого большого страхового общества Израиля Майка Харари, который лишь недавно вышел в отставку с поста начальника отдела «Метсада» и был ответственным за фиаско в Лиллехаммере.

В качестве одного из самых влиятельных советников диктатора Мануэля Норьеги Харари оказывал также помощь в создании панамского анти-террористического подразделения К-7.

Кроме тех качеств Харари, которые предопределяли выбор именно его для сделки с чилийским генералом, он был ещё крупным акционером большой транспортной фирмы — превосходная маскировка для тайного вывоза ракеты в Израиль.

Харари был шефом «Метсада», отдела, занимавшегося шпионами-нелегалами, и его подотдела — групп «Кидон». Ему было поручено сказать Контрерасу, что он научит его антитеррористическую группу всему, что знает сам.

Возможно, что он не во всём придерживался своего обещания — ему следовало получить разрешение Моссад на определённый учебный материал, а Моссад лучше оставило бы некоторые секреты своей тактики при себе.

Но, вне всякого сомнения, Харари обучил их достаточно хорошо, чтобы они смогли подготовить и осуществить удар по своим врагам за границей, реальным или вымышленным. Деньги за обучение перечислялись непосредственно Харари из секретного фонда ДИНА.

Это спецподразделение состояло из людей Контрераса. Официально о нём ничего не было известно. Он сам подбирал людей. Он платил им. Они выполняли его задания. Возможно, их методы допроса выходили даже за рамки того, чему их научил Харари.

Но нет сомнения: Контрерас получил свой личный спецназ, а Израиль получил свой «Экзосет». Харари наверняка обучил их различной технике пыток, например, с помощью электрошока, использования болевых точек и «пытки временем».

Главная цель любого допроса — получить информацию. Но чилийцы выбрали свой особый путь. Оказалось, что процесс допроса стал для них самоцелью. Часто они проводили пытки вовсе не ради информации. Им просто нравилось причинять людям боль.

* * *

Тем дождливым сентябрьским днем 1976 года в Вашингтоне, когда Летельер отправился в свою последнюю поездку, никому и в голову не пришло, что киллера тренировал Моссад. Эту связь никто и никогда не установил. Также никто не знал, что у Израиля есть «Экзосет».

Израильтяне протестировали боевую часть

ракеты, укрепив ее под истребителем «Фантом» и подключив все системы к сенсорам, данные с которых считывались в различных условиях.

Они пролетали, имитируя ракетную атаку. Они изучали, как ракету можно засечь радаром, как ее может заметить корабль и как работает ее телеметрия. Тесты длились четыре месяца и проводились с помощью реактивных истребителей, базировавшихся на военно-воздушной базе Хацрим у Беэр-Шевы.

Глава 12. Шах и мат

Магид, который юность свою провёл в Сирии, всегда мечтал однажды стать всемирно известным шахматным гроссмейстером. Он жил ради шахмат, изучал их историю и запоминал партии знаменитых гроссмейстеров.

Магид, мусульманин-суннит, с конца 50-х годов жил в Египте, в то самое знаменательное время, когда Гамаль Абдель Насер поставил себе цель создания союза арабских государств во главе с Египтом, а с 1958 по 1961 годы был руководителем Объединённой Арабской Республики, межгосударственного союза Египта и Сирии.

Было лето 1985 года. Магид только что приехал в Копенгаген, где хотел стать банкиром по частным вкладам. Уже в первый день он увидел в холле отеля хорошо одетого господина, с учебником шахмат в руке сидевшего за шахматной доской.

Магид опаздывал на встречу и не стал останавливаться. Но в следующий день мужчина снова был тут. Доска притягивала Магида, как магнит. Он подошёл к человеку в холле, дотронулся до его плеча и сказал на очень хорошем английском: «Простите...»

— Не сейчас. Не сейчас, — сердито прошипел мужчина.

Магид испуганно отошел на шаг назад, немного молча понаблюдая за игрой, а затем предложил очень разумный защитный ход.

Теперь незнакомец заинтересовался: «Вы умеете хорошо играть в шахматы?»

Оба мужчины разговорились. Магид всегда был готов поговорить о шахматах, и следующие два с половиной часа он и его новый друг, представившийся ему как Марк, канадский предприниматель, родившийся в Ливане христианин, увлечённо беседовали об их любимой игре.

Настоящее имя Марка было Йегуда Гил. Он был «катса», работавший в Брюсселе. У него было задание установить первый контакт с Магидом. Но Моссад хотел выйти не на Магида, а на его брата Джадида, высокопоставленного административного чиновника в военном ведомстве Сирии.

Именно Джадида они и хотели завербовать и даже попробовали однажды сделать это во Франции, но тогда это у них не получилось из-за нехватки времени.

Но, как и в большинстве подобных операций, Джадид даже не заметил этой попытки. И конечно он не подозревал, что Моссад уже присвоил ему кодовое имя «Штопор».

Эта история, собственно, началась 13 июня 1985 года, когда «катса» по имени Ами, работавший в датском подотделе на шестом этаже штаб-квартиры Моссад в Тель-Авиве (в то время в здании Хадар-Дафна на улице Царя Давида), получил рутинное сообщение от офицера связи Моссад в Дании.

Тот пересылал просьбу «Пурпурных — А» («Purple A» — таким кодовым именем называли в Моссад Датскую гражданскую службу безопасности DCSS) проверить список примерно 40 человек с арабскими именами на предмет выдачи им визы для посещения или иммиграции в Данию.

Датская общественность не знает — и только очень немногие датские правительственные чиновники знают об этом — что Моссад регулярно проверяет все такие визовые анкеты для Дании и ставит на копии датского визового бланка особую отметку, подтверждающую, что нет проблем с выдачей визы этому человеку.

Если проблемы есть, то об этом либо информируют датчан, либо, если это может быть полезно для Израиля, удерживают анкету у себя для дальнейшего изучения.

Отношения между Моссад и датской секретной службой настолько близки, что их уже трудно назвать приличными. Но эти отношения компрометируют добродетель не Моссад, а Дании. И происходит это потому, что у датчан возникло неверное представление, что израильтяне благодарны им за то, что Дания во время войны спасла от нацистов множество евреев, и потому они могут доверять Моссад.

Например, человек Моссад, «маратс» (сотрудник, занимающийся «прослушкой»), сидит прямо в штабе датской секретной службы и перехватывает все арабские или связанные с Палестиной сообщения, зафиксированные датской службой радиоперехвата.

Совершенно беспрецедентная уступка иностранной спецслужбе. Как единственный человек, знающий арабский язык, он понимает содержание сообщений, но отправляет плёнки с записями в Израиль для более точного перевода (отправка проходит через связника-агента под кодовым именем «Номбре» («Хомбре») в официальной резидентуре Моссад в Копенгагене).

Полученная информация не всегда в полном объёме сообщается датчанам, поскольку переводы записей перед отправкой в Данию часто подвергаются строгой цензуре. А оригинальные плёнки Моссад оставляет себе.

Понятно, что Моссад не очень уважает датчан. В Моссад их называют «Фертсалах», что на иврите означает что-то вроде «пердуны». Они рассказывают Моссад всё, что делают. Но сам Моссад никому не позволяет заглянуть в свои карты.

Обычно перепроверка 40 имён компьютером Моссад длится около часа. Но по воле случая это был первый раз, когда Ами имел дело с датчанами, потому он запросил информацию о DCSS на свой компьютерный терминал.

На экране высветилось письмо под номером

4647 под грифом «секретно» с точным описанием функций, персонала и некоторых операций датской секретной службы.

Каждые три года чиновники датской службы безопасности летают в Израиль на проводимый Моссад семинар, где дискутируются темы, касающиеся актуальной ситуации с терроризмом и борьбой с ним во всём мире.

В ходе этих контактов Моссад получает полную информацию о палестинской общине в Дании, насчитывающей более 900 человек и может «рассчитывать на полное сотрудничество в танцах (т.е. «наружке»), что при необходимости будет координироваться с «Пурпурными»».

В письме упоминался Хеннинг Фоде, которому тогда было 38 лет, шеф DCSS. На этот пост его назначили в ноябре 1984 года, а осенью 1985 года он собирался посетить Израиль. Заместителем его был Михаэль Люнгбо, который, хотя и не имел опыта работы в разведке, отвечал за советский отдел в организации.

Пауль Моза Хансон был юридическим советником Фоде и контактным лицом (офицером связи) с Моссад. Ему вскоре предстояло уйти в отставку. Хальбурт Винтер Хинагай был начальником отдела по борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью. Он уже принимал участие в семинаре по терроризму в Израиле.

(Моссад проводит много подобных семинаров, на каждый из которых приглашаются представители одной из зарубежных спецслужб. Благодаря этому развиваются полезные контакты, и одновременно усиливается впечатление, что ни одна организация не может бороться с терроризмом лучше Моссад).

Другой документ в компьютере Ами называл полное имя датской головной организации по всем действиям секретных служб — *Politiets Efterretningsjzneste Politistationen* (PEP) и её многочисленных отделов.

Прослушиванием телефонов занимается отдел «S». В одном документе от 25 августа 1982 года датчане сообщили «Хомбре», что они собираются создать новую компьютерную систему и в состоянии передать Моссад 60 «*listenings*» — постов подслушивания (т.е. мест, где для Моссад установлены подслушивающие устройства).

Кроме того, они оснастили различные телефоны-автоматы системами прослушивания по нашему (т.е. Моссад) предложению в кварталах, где наблюдаются подрывные действия.

Руководитель секретной службы имеет ранг, как они его называют, детективного инспектора, что соответствует должности окружного прокурора в Израиле.

В отчёте Моссад высказывалась жалоба, что датское подразделение наружного наблюдения работает не особо хорошо: «Их людей легко заметить. Они не могут хорошо прятаться, возможно, из-за частой смены персонала в этом подразделении... около двух лет, потом их переводят на другую работу».

За вербовку сотрудников разведки отвечает полиция, но именно здесь и были трудности, пото-

му что в разведке очень мало шансов сделать карьеру. 25 июня 1982 года «Hombre» спросил об операции в Дании, проводимой против Северной Кореи, но получил ответ, что её проводили для американцев и потому «не хотели бы получать дальнейших вопросов».

Ами попытался получить ещё больше информации из своего компьютера и вызвал на экран документ под названием «Пурпурные-Б», детально описывающий военную разведку Дании (в Моссад проходит под обозначением «Purple-B», DDIS, податски — *Foemund Enftellassig Tienst*), которая прямо подчинена командующему армией и министру обороны.

Эта служба делится на четыре подразделения: управление, радиоэлектронная разведка, документация и сбор агентурной информации.

В рамках НАТО военная разведка занимается Польшей и тогдашней ГДР, а также передвижениями советских кораблей на Балтийском море. Для этого используются высокоточные электронные приборы, поставленные американцами.

Во внутренней политике служба отвечает за вопросы политической и военной разведки и документации, что означает «позитивный» сбор информации на собственной территории (т.е. прямые сведения о датских подданных), в отличие от «негативного» сбора информации за рубежом.

Служба также занимается международными связями и предоставляет правительству свою оценку актуальной политической ситуации. В то время планировалось создание в рамках военной разведки подразделения, занимавшегося Ближним Востоком (начали они с одного человека, который работал над этими вопросами один день в неделю).

Датская военная разведка славится своими очень точными фотографиями действий Советского Союза в воздухе, на море и на суше. Она была первой разведкой, предоставившей Израилю фотографии советской ракетной системы класса «поверхность — поверхность» SSC-3.

«Пурпурных-Б» с 1976 года возглавляет Могенс Теллинг. В 1980 году он посетил Израиль. Иб Бангсборе был руководителем отдела по наблюдению за людьми, в 1986 году он ушел на пенсию. Моссад располагал в DDIS хорошими источниками, равно, как и в исследовательском управлении министерства обороны Дании (DDRE).

Датская разведка теснее сотрудничает со шведской секретной службой (кодовое имя «Бургундия», *Burgundy*), чем со своим партнёром по НАТО Норвегией. При необходимости *Purple-B* контактирует и с британской секретной службой (кодовое имя «Карусель», *Carousel*), в частности, в некоторых операциях против советской разведки.

Ами загрузил свой компьютер всеми этими данными, чтобы прочесть их, перед тем, как вызвать анкету, с помощью которой в компьютер заносятся наличествующие сведения: имя, номер, и всё прочее, чтобы компьютер начал поиск в своей базе данных.

Если запрашиваемое лицо было бы палестинцем, и на дисплее не было бы показано никакой другой информации, анкету следовало бы переслать

в палестинский подотдел Моссад. Там они могли бы начать дальнейшую проверку или просто внести новое имя в базу данных компьютера.

Все отделы Моссад подключены к гигантскому центральному компьютеру Моссад в штаб-квартире в Тель-Авиве. Ежедневно накопившаяся за день информация копируется на жёсткий диск, который хранится в безопасном месте.

Ами как раз дошел до четвертого с конца имени в проверяемом им списке, как вынырнуло имя Магида. Фамилия эта показалась ему знакомой. Недавно Ами разговаривал с другом из исследовательского отдела и видел там фото человека с этой фамилией, который был снят рядом с сирийским президентом Хафезом аль-Асадом.

Многие арабские имена настолько похожи, что постоянно требуется их перепроверять. О Магиде компьютер не знал ничего, потому Ами позвонил в исследовательский отдел и попросил своего друга в сирийском подотделе взять копию фотографии с собой на обед в столовой, чтобы он смог сравнить человека на ней с Магидом в датской визовой анкете.

После обеда Ами, у которого уже была фотография, искал по компьютеру другие детали, перепроверял, есть ли у Джагида родственники и открыл, что у него есть брат, описание и биография которого полностью соответствуют данным Магида.

Это открыло возможность для того, что называют «lead», т.е. «проводка» — вербовки одного человека, чтобы через него выйти на вербовку другого. Ами написал отчёт и приложил его к ежедневной внутренней почте, туда же отправил и формуляр датской визовой анкеты безо всякой отметки. Датчане в таком случае исходили бы из того, что в деле этого человека проблем никаких нет.

В «Циах», ежегоднике Моссад, где перечисляются сведения, которые нужно добыть, данные о сирийских вооружённых силах уже много лет пользуются особым приоритетом. Потому АМАН — израильская военная разведка — получил от Моссад поручение составить список всего, что они хотели бы узнать о состоянии сирийских вооружённых сил, в порядке срочности.

На одиннадцатистраничной анкете АМАН значились, среди прочего, вопросы о числе боеготовых сирийских батальонов, о состоянии 60-й и 67-й танковых и 87-й моторизованной бригад, о числе бригад, входящих в 14-ю дивизию (спецназ).

Затем последовали многочисленные другие вопросы, связанные с военными проблемами, например, о слухе, что Ахмад Диаб, шеф управления национальной безопасности, вскоре уступит свой пост Фефату Асаду, брату президента Асада.

У Моссад в Сирии уже были некоторые источники на местах — они называли их системой раннего предупреждения — в больницах и на стройках, к примеру, и в других местах, где собирались обрывки информации, которые после анализа могли своевременно предупредить Израиль о сирийских военных приготовлениях.

Сирийцы годами занимали позиции для наступления на Голанские высоты, так что, акту-

альный и надёжный информационный материал об их военных возможностях всегда рассматривался, как жизненно важный. Так что, вербовка высокопоставленного сирийского источника стала бы немаловажным событием.

Моссад рассматривает Сирию, как «страну настроения». Под этим понимается следующее: так как Сирией руководит один человек, то он, Асад, однажды утром вполне может проснуться и сказать: «Я хочу начать войну».

Единственная возможность узнать, случится это или нет — занять источник как можно ближе к верхушке страны. Моссад в то время было известно, что Асад хочет вернуть Сирии Голанские высоты. Но Асад понимал, что хотя он и сможет захватить некоторые участки территории быстрым ударом, ему не удастся долго отражать контрнаступление израильтян.

Потому в 80-х годах он попытался получить гарантию у русских, что они в таком случае, через ООН или другими путями, предпримут все дипломатические меры, чтобы привести такую войну к скорейшему завершению. Русские не пошли на это, потому танки Асада остались на своих местах.

* * *

На фоне всей этой ситуации вербовка брата Магида становилось очень важным делом. Уже через несколько часов Йегуда Гил (а для Магида — Марк) был уже на пути в Копенгаген, чтобы дожидаться там прибытия своего человека. Другой командой поручили установить в номере Магида все необходимые для вербовки его, а затем и его брата подслушивающие и фотографирующие устройства.

Идею использовать шахматы в качестве приманки для первого контакта выдвинул Гил, она основывалась на долгом, напряжённом обсуждении в конспиративной квартире в Копенгагене.

При первой подробной беседе с Марком Магид должен был почувствовать, что нашёл в Марке друга, которому он может доверять. Он рассказал Марку все важные события своей жизни и предложил вместе поужинать. Марк согласился и вернулся в конспиративную квартиру для обсуждения этого ужина со своими коллегами.

Во время ужина Марку следовало узнать, что может предложить Магид, как много он знает. Сам Марк должен был выдавать себя за зажиточного предпринимателя (постоянно любимая «легенда»), занимающегося различными сделками покупки и продажи.

Магид рассказал, что его семья живёт в Египте, и он охотно забрал бы её в Данию, но сперва он хочет тут получше устроиться и начать зарабатывать деньги. Сначала он хотел бы снять себе квартиру, а потом, когда к нему переедет жена, и он упрочит своё материальное благополучие в Дании, он бы её купил.

Марк сразу предложил свою помощь. Он пообещал на следующий день направить к нему маклера в отель. За неделю маклер подобрал Магиду квартиру. Моссад её основательно подготовил. Камеры могли снимать происходящее в квартире даже через крошечные отверстия на потолке.

На следующем заседании в конспиративной квартире было решено, что Марк скажет Магиду, что ему нужно будет вернуться на месяц в Канаду. Так Моссад выигрывал время, чтобы наиболее успешно использовать аппаратуру наблюдения и собрать побольше информации о Магиде.

Они выяснили, что Магид не интересуется наркотиками, но любит нормальный секс, причём в любом количестве. Его роскошная квартира была оборудована новейшими электронными игрушками: видео, магнитофонами и т.д.

Моссад повезло: Магид дважды в неделю звонил своему брату. Вскоре стало ясно, что Джадид тоже не невинный ангел. Он прокручивал на пару с Магидом какие-то тёмные делишки. Например, Джадид купил в Дании множество порнографического материала и с успехом продал его в Сирии, заработав кучу денег. Во время одного разговора он сообщил Магиду, что через шесть недель приедет к нему в Копенгаген.

Снабжённый этой информацией Марк снова встретился с Магидом. В роли высокопоставленного служащего канадской фирмы (никогда — в роли босса, потому что тогда не удастся выкроить время для обсуждения какого-либо предложения с «шефом», а на самом деле — с группой коллег в конспиративной квартире) он начал сильнее насаждать на него в направлении «совместного бизнеса».

— Обычно мы делаем нашим клиентам инвестиционные предложения, — сказал Марк. — Мы советуем им, инвестировать ли в данную страну или нет, поэтому нам приходится собирать информацию об этой стране. Мы почти, как ЦРУ.

Упоминание ЦРУ не произвело на Магида заметного впечатления, момент, который сначала озаботил израильтян. Обычно стоит в разговоре с арабом упомянуть о ЦРУ, как тут же следует сильная отторгающая реакция. Потому Моссад испугался, не завербовал ли уже Магида до них кто-то другой. Но это было не так. Он просто был хладнокровный клиент.

— Конечно, — продолжал Марк, — мы готовы заплатить за сведения, с помощью которых мы можем выяснить, выгодны ли инвестиции, надёжны ли капиталовложения в той или иной стране мира. Мы имеем дело с большими игроками и высокими ставками, потому нам нужна детальная и надёжная информация, не просто та чепуха, которую можно услышать на каждом углу.

В качестве примера Марк назвал Ирак, который всему миру продаёт финики: «Но закажете ли вы финики, пока война между Ираком и Ираном идёт полным ходом? Только если будете точно знать, что судно с вашим заказом в безопасности дойдёт до порта назначения. Тогда есть смысл покупать. Но чтобы узнать это, следует собрать политические и военные сведения и сравнить их с потребностями рынка. Вот это мы и делаем».

Магида это интересовало всё больше и больше.

— Погодите, это, конечно, не то, чем я занимаюсь, — сказал он, — но я знаю человека, который мог бы быть для вас полезен. Я могу связаться с ним. Но какая мне с этого выгода?

— Ах, ну да, мы обычно платим определённую сумму за посредничество, плюс еще некий процент от общей суммы того, что мы получим. Это зависит от ценности информации, от стран, о которых идёт речь. Можно говорить и о паре тысяч долларов и о сотнях тысяч. Смотря по обстоятельствам.

— А какими странами вы интересуетесь? — спросил Магид.

— В данный момент нам нужно побольше узнать об Иордании, Израиле, Кипре и Таиланде.

— А Сирия?

— Возможно. Я должен уточнить. Я вам общу. Но, как сказано, всё зависит от потребностей наших клиентов и от уровня, откуда поступает информация.

— Хорошо, выясните это, — сказал Магид, — но мой тип в Сирии сидит на самом вершине.

Оба мужчины договорились встретиться снова через два дня. Марк, всё ещё разыгрывая хладнокровие, сказал Магиду, что и Сирия небезынтересна.

— Она не на самом вершине в нашем списке, — заявил он арабу, — но может принести прибыль, если информация будет того стоить.

За день до этого Магид уже позвонил своему брату и сказал, что у него есть для Джадида что-то важное, и он должен приехать в Копенгаген пораньше. Джадид охотно согласился.

В день после приезда Джадида, Марк встретился с обоими братьями в квартире Магида. Он не подал виду, что знает о положении Джадида, а только спросил о том, какую информацию сириец может ему предложить.

Марк обосновывал это тем, что он только после этого сможет прикинуть приблизительный размер гонорара. Марк говорил о военных делах, но задавал и множество вопросов о гражданских сооружениях и организациях, чтобы отвлечь внимание от основной цели.

После нескольких этапов переговоров, которые затем анализировались на совещаниях в конспиративной квартире, Марк предложил 30 тысяч долларов за посредничество Магиду, 20 тысяч долларов Джадиду плюс 10% или 2 тысячи долларов ежемесячно Магиду.

Деньги за первые полгода будут авансом перечислены на счёт, который Магид откроет для Джадида в копенгагенском банке. Если Джадид после этого срока снова приедет из Сирии с новыми сведениями, ему заплатят за следующие полгода и так далее.

Следующий шаг состоял в том, что Джадида нужно было научить писать секретные невидимые послания специальным химическим карандашом. Свои сведения он должен был писать на обратной стороне своих писем к Магиду.

Они предложили Джадиду взять материал для работы с собой в Сирию. Джадид отказался. Тогда они договорились, что пришлют его ему в Дамаск.

— Вы работаете прямо, как разведка, — сказал однажды сириец.

— Точно, — ответил Марк. — Мы даже принимаем на работу бывших разведчиков. Разница в

том, что мы хотим делать деньги. Мы передаём наши сведения только тем людям, которые за них платят и используют для инвестиций.

В списке вопросов, которые Марк передал Джадиду, было намешано немало совершенно безобидных тем: цены на землю, изменения в министерствах и др. Вопросы на военные темы не должны были слишком выделяться. После нескольких проб тайнописи с помощью специального карандаша и обещания, что на него выйдут, чтобы забрать заполненную анкету в Дамаске, Джадид, казалось, был всем доволен.

Всё это время Моссад подозревал, что оба брата догадывались, что на самом деле они работают на Моссад, но продолжали игру. Из-за этого подозрения меры безопасности для «катса» были значительно усилены.

Обещание передать Джадиду «инструменты» в Сирии, казалось, легко выполнить, но на самом деле это выполнение потребовало целой серии сложных манёвров, чтобы исключить любую возможность разоблачения.

Для этого Моссад использовал «белого», т.е. не арабского агента. В этом случае им оказался самый любимый в Моссад вид курьера — канадский офицер миротворческих сил ООН, дислоцированный в Нахариин, пляжном курорте на севере Израиля близ нейтральной зоны, разделяющей Израиль и Сирию.

Канадец получил обычные 500 долларов за то, что положил пустой внутри камень с бумагами в определённом месте на обочине шоссе на Дамаск, а именно — ровно в пяти шагах от телеграфного столба с определённым путевым километровым знаком.

Как только канадец снова пересёк нейтральную зону и спокойно вернулся в Израиль, шпион Моссад выпотрошил камень и поехал в свою гостиницу. Там в номере он оторвал одну страницу и вытащил вопросник, невидимый карандаш и чек для Джадида.

На почте он сдал бандероль, засунул вовнутрь чек и полетел в Италию. Оттуда он послал чек срочной почтой в штаб-квартиру Моссад в Тель-Авиве. Там, в свою очередь, чек снова засунули в конверт и послали Магиду, который уже передал его брату.

Таким образом, Джадид получил от своего брата не вызывающее никаких подозрений письмо. Вскоре от Джадида стали поступать многочисленные письма, в которых он добросовестно отвечал на все подробные вопросы и сообщал израильтянам всё, что знал о подготовке и боеготовности сирийских войск.

Пять месяцев подряд эта система функционировала очень хорошо. Моссад считал, что надолго заполучил ничего не подозревающего соучастника на самом высоком посту. Потом вдруг, как это так часто бывает в мире разведок, всё внезапно и резко изменилось.

Хотя сирийцы и не подозревали, что Джадид работает на израильтян, но против него накапливались подозрения, что он замешан в дела с наркотиками и порнографией. Чтобы удостовериться, ему

устроили ловушку.

Джадида должна была арестовать сирийская полиция с грузом героина из Ливана, когда он уезжал из страны в поездку в одну из европейских столиц. Он должен был быть участником группы, занимающейся проверкой книг отчётов о действиях сирийской военной разведки в различных сирийских посольствах.

По иронии судьбы Джадид избежал ареста благодаря жадности другого сирийца по имени Халед. Халед был помощником военного атташе Сирии в Лондоне. Его ещё раньше завербовал Моссад в ходе одной операции, в результате чего он продавал Институту посольские шифровальные книги, которые меняются ежемесячно. Таким образом, Моссад мог читать все сообщения сирийских посольств по всему миру.

В одном из таких сообщений говорилось, что Джадида включают в одну такую ревизионную комиссию. Но в другом, посланном из Дамаска в Бейрут, было сказано, что Джадида нужно будет арестовать при попытке вывоза героина из страны. Эти сообщения имели серьёзные последствия, как для Джадида, так и для Халеда.

Моссад должен был передать Джадиду предупреждение. Так как до запланированной ловушки оставалось лишь три дня, в Сирию отправили шпиона под «легендой» английского туриста.

Из своего номера в отеле он позвонил Джадиду и просто сказал, что возникли трудности, и Джадид не должен ехать на запланированную встречу с наркоторговцами для получения груза. Он получит его, приехав в предусмотренное место в Голландии.

Когда дилеры подъехали к месту встречи, появилась полиция. Арестовали нескольких человек. Теперь за Джадидом охотились наркодилеры: они считали, что он их выдал.

В это время Джадид ещё не знал обо всех этих событиях. Но когда он приехал в Голландию, и никто не вышел с ним на контакт из-за наркотиков, он позвонил в Сирию, чтобы узнать, в чём дело. Тут он и узнал, что оказался под подозрением, как правительственных властей, так и наркодилеров, потому самое лучшее, что он смог бы сделать — не возвращаться.

После того, как Моссад высосал из него досуха всю информацию, которая у него была (а было её ещё немало), он достал для него документы на новое имя и поселил в Дании, где он и живёт до сих пор.

* * *

С Халедом в Лондоне произошла другая история. Как только приезжают ревизоры, посольство оказывается в информационной блокаде, что значит, что до её отмены не должно быть никакой связи с другими посольствами.

Как и в большинстве других посольств, военная его часть отделена от политической. Как второй военный атташе, Халед имел доступ к сейфу в своём отделе. Он воспользовался этим доступом, чтобы «одолжить» себе 15 тысяч долларов для покупки нового автомобиля. Он запланировал отдать «ссуду» за счёт своего ежемесячного гонорара от

Моссад, но не рассчитывал на неожиданную проверку.

К счастью для Халеда, о проверке узнал Моссад. Чтобы обезопасить и его, и себя, «катса» Халеда позвонил по его личному телефону в посольстве и, используя привычные кодовые слова, сообщил ему, что нужно встретиться.

Заранее договоренная кодовая фраза означала, что встреча состоится в определенном ресторане, который регулярно менялся, чтобы не быть разоблаченным, в заранее назначенное время. Халед знал также, что ему нужно будет подождать там 15 минут, и если «катса» не появится, то следует позвонить по определенному номеру.

Если там никто не ответит, это означает, что ему нужно идти в другую заранее определенную точку встречи — почти всегда ресторан. Если за Халедом будет слежка, или возникнет другая причина, по которой нельзя будет воспользоваться ни одним из мест встречи, то «катса» должен будет ответить на его звонок и передать новые инструкции.

В этом случае с первым рестораном не было никаких проблем. «Катса» встретил Халеда, предупредил его, что ревизоры придут на следующий день, и ушел после того, как Халед сказал, что не стоит ни о чем беспокоиться. По крайней мере, так он думал.

Через час, когда «катса» уже сидел в конспиративной квартире и писал отчет, Халед позвонил по особому номеру. Не зная об этом, он набрал номер в израильском посольстве (в каждом посольстве есть несколько «незарегистрированных» номеров).

Его кодовое сообщение могло бы звучать примерно так: «Майкл вызывает Альберта». Когда человек, принявший это сообщение, ввёл его в компьютер, тот расшифровал его как просьбу о срочной встрече.

Халед, у которого было звание полковника, за все три года своего сотрудничества с Моссад никогда ещё не набирал этот номер. По психологическим оценкам он был очень спокойным человеком. Значит, действительно произошло что-то важное.

Так как было известно, что «катса» всё ещё находился в конспиративной квартире, к нему срочно послали «боделя». Проверив, что за ним нет «хвоста», «бодель» набрал номер конспиративной квартиры: «Встречаемся через 15 минут у Джека». «Джеком» могла быть, например, телефонная будка — какая именно, было оговорено заранее.

«Катса» сразу покинул конспиративную квартиру, продумал проверочный маршрут, чтобы удостовериться, что за ним нет слежки, и подошёл к договорённому телефону, чтобы позвонить «боделю». Тот передал ему кодовую фразу, из которой следовало, что Халед хочет встретиться с ним в определенном ресторане.

К тому времени два других дежурных «катса» вышли из посольства, проделали проверочный маршрут и пошли в ресторан, чтобы проверить, «чисто» ли там. Один из них вошел внутрь, а другой — к заранее определенному месту, где его должен был встретить «катса» Халеда и узнать, что происходит.

Так как Халед был сирийцем и Моссад ещё ничего не знал о его проблемах, эта встреча считалась опасной. В конце концов, во время встречи всего час назад всё было ещё в порядке.

После того, как «катса» Халеда поговорил с человеком, стоявшем на посту снаружи, он позвонил в ресторан и попросил позвать к телефону Халеда, назвав его по его кодовому имени. «Катса» сказал Халеду, что хочет встретиться с ним в другом ресторане. «Катса», уже сидевший в ресторане, проверил, не позвонил ли Халед кому-нибудь, перед тем, как двинуться к другому ресторану.

Обычно такую операцию не проводят дежурные «катса», но так как здесь был срочный случай, резидентура послала их в качестве поддержки для проведения этой встречи.

Когда оба мужчины встретились, Халед был бледен и дрожал. Он наделал в штаны от страха.

Что случилось? — спросил «катса». — Мы же только что встречались, и все было в порядке.

— Я не знаю, что мне делать. Я не знаю, что мне делать! — повторял без устали Халед.

— Только спокойно. В чём проблема?

— Они убьют меня. Я мертвец, — сказал он.

— Кто же? И почему?

— Я поставил на карту свою жизнь ради вас. Вы должны мне помочь.

— Мы поможем тебе. Но что произошло?

— Это моя машина. Речь идёт о деньгах за мою машину.

— Ты сошёл с ума? Ты звонишь мне среди ночи, потому что хочешь купить себе машину?

— Нет, нет. У меня уже есть машина.

— Ну, хорошо, и в чём проблема с твоей машиной?

— Не с машиной. Но я взял деньги на машину из сейфа в посольстве. А ты мне сказал, что приезжает проверка. Завтра утром я приду на работу, и они меня убьют.

Вначале Халед не особо волновался. У него был очень богатый друг, который всегда мог помочь ему выпутаться. Халед рассчитывал взять займы деньги у этого друга на пару дней, пока идёт ревизия. Как только ревизоры уехали бы, он снова взял бы сумму из сейфа, вернул бы её другу, а «ссуду» постепенно погасил бы за счёт гонораров от Моссад.

Но тут Халед узнал, что его друга сейчас нет в городе. Теперь он никак не смог бы достать деньги за одну ночь и вернуть их в сейф. Он попросил «катса» об авансе: «Я верну вам его за шесть месяцев. Больше мне ничего не нужно».

— Послушай. Мы решим этот вопрос. Не переживай. Но сперва мне нужно кое с кем поговорить.

«Катса» позвонил своему коллеге, который стоял в телефонной будке и кодированной фразой сообщил ему, что он срочно должен пойти к близлежащему отелю и забронировать номер на заранее установленное имя. Как только Халед появился в отеле, «катса» сначала отправил его в ванну, чтобы тот помылся.

К этому времени из-за этого срочного дела резидентура переключилась на «дневной свет», то есть, на наивысшую степень готовности. «Катса» Халед позвонил резиденту. Он объяснил ему проблему в общих чертах и попросил выделить 15 тысяч долларов наличными.

Согласно общему порядку, для выдачи сумм свыше 10 тысяч долларов нужно было получить разрешение штаба в Тель-Авиве, но в этой исключительной ситуации резидент сам решил этот вопрос. «Катса» было сказано, что с ним встретятся через 90 минут.

— Если этого не произойдет, речь будет идти о твоей голове, — добавили они.

Резидент был знаком с одним «сайаном», владельцем казино, у которого всегда были большие суммы наличных денег (к нему уже часто обращались, возвращая обычно деньги на следующий день). Тот дал ссуду на необходимую сумму, добавив ещё 3000 долларов: «Возможно, они вам понадобятся».

За это время заместитель резидента случайно встретился с Бардой, «катса» из оперативной группы, который был в Лондоне по совсем другому заданию. Барда под «легендой» офицера Скотланд-Ярда завербовал в Лондоне двух охранников сирийского посольства, дежуривших по ночам. Во время той операции речь шла о проникновении в посольство.

Когда деньги были получены, возник вопрос, как незаметно положить их в сейф. Халед, который знал код сейфа и мог объяснить своё пребывание в посольстве ночью, если его там кто-то встретит, сам должен был сделать эту работу.

А Барда со своей стороны договорился сначала с одним охранником, а потом с другим о встрече в разных ресторанах (каждый из них считал, что другой остаётся на посту). Так что, Халед смог незаметно проникнуть в посольство и вернуть деньги.

Затем в номере гостиницы «катса» объяснил Халеду, что эти деньги — не аванс (в Моссад по считали, что если заплатить Халеду аванс, то это ослабит его мотивацию к дальнейшему сотрудничеству). Следующие пятнадцать месяцев из его гонорара будут ежемесячно вычитаться по тысяче долларов.

— Если ты достанешь что-то особенное, мы заплатим тебе премию, тогда ты сможешь быстрее расплатиться, — сказал ему «катса». — Но если ты ещё раз сделаешь что-то незаконное в посольстве, я сам тебя убью.

Очевидно, Халед поверил ему, и это было хорошо. Судя по всему, после этого случая он больше не «одолжил» ни одного цента.

Глава 13. Только в Америке

В конце ноября 1985 года Джонатан Дж. Поллард, 31 года, и его жена Анна Хендерсон-Поллард, 25 лет, безуспешно попытались получить убежище в израильском посольстве в Вашингтоне. Их арестовали, и в ходе последовавших за этим событий, публику очень интересовал весьма неприятный и опасный вопрос: «Действует ли Моссад в Соеди-

нённых Штатах?»

Официально Моссад не устал утверждать: нет, нет и ещё тысячу раз нет. Абсолютно нет. «Катса» Моссад даже запрещено использовать в своей работе фальшивые американские паспорта или американские «легенды», потому что отношения между Израилем и его самым сильным и влиятельным патроном столь чувствительны.

Как же тогда следует объяснить дело Полларда? Очень просто. Поллард работал не на Моссад. С начала 1984 года он ежемесячно получал 2500 долларов от организации под названием «Лишка ле Кишрей Мада» (сокращенно ЛАКАМ), еврейского сокращения слов «Бюро связи по научно-техническим вопросам» при министерстве обороны.

А секретные документы Поллард доставлял в дом Ирита Эрба, секретаря израильского посольства. Шефом Моссад в то время был Рафазль Эйтган, отвергавший публично любую свою связь с Моссад, хотя он был именно бывшим «катса» Моссад и принимал участие в похищении Адольфа Эйхмана в Аргентине в 1960 году.

Поллард, по происхождению еврей, работал в исследовательском отделе центра по разведывательному обеспечению в Сьюитлэнде, штат Мэриленд, близ Вашингтона. Центр этот входил в структуру военно-морской службы расследований (NISC).

В 1984 году его перевели в антитеррористический центр, в отдел анализа возможных угроз. Это было странным, потому что совсем недавно сотрудники службы безопасности сделали ему предупреждение, поскольку предполагали, что он передавал сведения южноафриканскому военному атташе. А новая работа предоставляла ему доступ к огромному объёму секретного материала.

Не нужно было потратить много времени, чтобы установить, что Поллард передавал свою информацию Израилю, и когда ФБР предъявило ему результаты расследования, он выразил готовность сотрудничать с правосудием.

Через него ФБР хотела выйти на его израильских связных. «Федералы» следили за ним днём и ночью, но он запаниковал и рванул в посольство в поисках убежища. Его арестовали вместе с женой, как соучастницей, когда они вышли из посольства.

Естественно, американцы потребовали объяснений. После телефонного разговора между министром иностранных дел США Джорджем Шульцем и израильским премьер-министром Шимоном Пересом 1 декабря в 3.30 утра по иерусалимскому времени, Шимон Перес принёс свои извинения.

Перес, который сам в 1960 году, будучи министром обороны, основал отдел ЛАКАМ, сказал так: «Шпионаж в Соединённых Штатах полностью противоречит нашей политике. Действия, в таком масштабе, в каком они произошли, являются грубым искажением нашей политики, и правительство Израиля приносит за это свои извинения».

Перес продолжил, что если в дело были замешаны правительственные чиновники, «виновные понесут ответственность, а совершившее это подразделение... будет полностью и надолго распущено, и мы предпримем организационные меры, чтобы

подобные действия не повторились» (на самом деле, был изменён лишь почтовый адрес, и ЛАКАМ переподчинили министерству иностранных дел).

Но даже если Перес и не собирался всерьёз выполнять обещанное, его объяснение, казалось, было вполне приемлемым для американской администрации. Бывший директор ЦРУ Ричард Хелмс сказал, что нет ничего необычного во взаимном шпионаже дружественных государств: «Все делают, что могут. Но вот попасться — это грех».

И пока Поллардов засунули в тюрьму по обвинению в шпионаже — Моссад рассматривает людей ЛАКАМ, как «зелёных» любителей в шпионском ремесле — Джордж Шульц заявил репортёрам: «Извинения и объяснения Израиля нас полностью удовлетворили». После краткого всплеска негативных для Израиля общественных настроений всё снова успокоилось.

Конечно, недоверие относительно настоящего статуса Полларда осталось, но, похоже, даже ЦРУ поверило в то, что кроме нескольких редких, непонятных историй, сам Моссад, за исключением офицеров связи в посольстве, не занимается разведывательной деятельностью в США.

В этом они сильно заблуждались.

Поллард не был агентом Моссад, но многие другие, активно вербующие, шпионящие, создающие агентурные сети и проводящие тайные операции, прежде всего в Нью-Йорке и в Вашингтоне, которые они называют «лужайкой для игры», входят в особое, суперсекретное подразделение Моссад. Это подразделение называется «Аль», что на иврите означает примерно «наверху».

Это подразделение настолько секретно, настолько отделено от всей прочей организации, что большинство сотрудников Моссад ничего не знают о том, чем оно занимается, и не имеют доступа к его компьютерной базе данных.

Но оно существует, и в нём работают от 24 до 27 опытных сотрудников, из них три активных «катса». Большая часть их операций, если не все, проходят на территории США. Их самая «аристократическая» задача — сбор информации об арабском мире и об ООП, а не сведений об американских действиях.

Но, как мы вскоре увидим, граница между этими двумя частями работы настолько размыта, что в сомнительном случае «Аль» никогда не останется перед её нарушением.

Например, в сенатском комитете по закупкам вооружений есть сенатор, который интересуется Моссад. «Аль» редко использует своих «сайаним», но бумаги этого сенатора, ежедневные процессы в его офисе могут быть важными сведениями, и тогда секретарь сенатора сможет стать объектом вербовки.

Если этот секретарь еврей, тогда из него попытаются сделать «сайана». Если нет, его постараются завербовать, как агента, или просто заполучить как друга, с которым встречаешься и слушаешь, что он рассказывает.

Вашингтонские вечеринки с коктейлями для этого очень важны. Некоторые посольские атташе всегда на них присутствуют. И нет никаких препят-

ствий, чтобы под приемлемым предлогом ввести в этот круг новое лицо.

Предположим, американский авиаконцерн «Макдоннел-Дуглас» хочет продать американские самолёты Саудовской Аравии. Это чисто американский вопрос или он касается Израиля? Ну, в Институте считают, что это израильский вопрос. Когда сталкиваешься с такими вещами прямо у себя под носом, трудно за них не ухватиться. И они так и поступают.

Одна из знаменитейших операций «Аль» касалась кражи результатов исследований крупного американского производителя самолётов. Этим Израиль хотел улучшить свои шансы на получение в 1986 году доплаты к пятилетнему контракту на сумму свыше 25,8 миллионов долларов.

По этому контракту американским ВМС (для кораблей) и Корпусу морской пехоты Израиль должен был продать 21 беспилотный летательный аппарат типа «Мазлат-Пайонир-1» со всеми устройствами наземного управления, стартовыми установками и ремонтно-эвакуационным оснащением.

Беспилотные самолёты длиной 5 м оснащались снизу телемонитором и могли использоваться для тактической воздушной разведки. «Мазлат», дочерняя фирма государственной «Израильской авиастроительной компании ИАИ» и «Гадиран» «выиграли» контракт 1985 года, победив американские фирмы.

В реальности «Аль» выкрал результаты исследований. Хотя Израиль действительно уже работал над беспилотным самолётом, но эти работы ещё не достигли уровня, необходимого для участия в конкурсе. Но если не нужно вкладывать деньги в проведение научно-исследовательских и конструкторских работ, то это означает весьма большую разницу в цене.

Выиграв подряд, «Мазлат» начал сотрудничать с фирмой *AAI Corporation* из Балтимора, чтобы его выполнить.

«Аль» схож с «Цомет», но не подчиняется шефу «Цомет». В большей степени, отдел подотчётен напрямую самому директору Моссад. Он, в отличие от сотрудников других отделов, не оперирует из резидентуры при израильском посольстве. У него есть свои «нелегальные» резидентуры в США, базирующиеся на конспиративных квартирах.

Три команды «Аль» составляют подразделение или резидентуру. Предположим, что по какой-либо причине внезапно с завтрашнего дня сильно обострятся отношения между Израилем и Великобританией. И Моссад придётся «свернуть удочки» в Соединённом Королевстве.

Тогда в Лондон пошлют команду «Аль» и через сутки в Англии будет работать полноценная разведывательная организация. «Катса» отдела «Аль» считаются во всём Институте самыми опытными.

Соединённые Штаты Америки это такая страна, где ошибочные шаги могут привести к весьма серьёзным последствиям. Но если работаешь не под «крышей» посольства, то постоянно испытываешь трудности, особенно со связью.

И если люди «Аль» будут арестованы в США,

то их, как шпионов, посадят в тюрьму. У них нет дипломатической неприкосновенности. Самое худшее, что может произойти с «катса» — высылка из страны. А официально у Моссад есть в США только группа офицеров связи и ничего больше.

Другой причиной, затрудняющей проведение операций из израильского посольства в Вашингтоне, является его местоположение. Посольство находится за торговым центром на половине высоты холма по Интернейшнл-Драйв. Немного выше расположено иорданское посольство, из которого израильское видно, как на ладони. Не самое лучшее место для исходного пункта секретных операций.

Несмотря на противоположные слухи, у Моссад нет резидентуры в Советском Союзе. Почти все сведения, которые Моссад собирает о странах Восточного блока, получаются в результате «позитивных допросов», т.е. опрашивания еврейских эмигрантов из Восточной Европы или из СССР, чьи сведения анализируются и перерабатываются.

Так можно получить достаточно точную картину процессов в СССР и выдать их за результаты работы другой разведки, активно собирающей информацию в этой стране. Но работать там слишком опасно. Единственно возможная там деятельность состоит в помощи людям, желающим выехать отсюда. Это организация путей для бегства и т.п.

Такая работа входит в компетенцию совершенно особой организации под общим патронажем Моссад. Она называется «Натив», что на иврите означает «тропа» или «переход».

Информация из Восточного блока имеет огромную ценность. Если соединить её со сведениями, собранными другими странами — например, теми, которые датчане получают с помощью своих локаторов, достигается вполне хороший уровень знаний.

Американцы даже не догадываются, сколько информации мы получаем из НАТО. Информацию, которой можно так манипулировать, что получится очень живая картина.

До Горбачёва информационная ценность официальных советских средств массовой информации была не очень большой, но данные и факты всегда можно было дополнить слухами и устными сообщениями, даже о передвижениях войск.

Вот, к примеру, кто-то жалуется, что его двоюродного брата куда-то перевели, и он уже давно ничего о нём не слышал. Даже если бы каждый день в Израиль приезжали всего по десять человек из стран Советского блока, то и из них можно было бы вытащить значительный объём информации.

Резидентуры «Аль», хотя и находятся за пределами посольства, работают во многих аспектах схоже с теми отделами, которые принадлежат к посольской резидентуре. У них есть прямой доступ к штаб-квартире в Тель-Авиве через телефон, телекс или компьютерный модем.

Они не пользуются системами «Вспышка» («burst», ускоренная передача данных в виде очень коротких импульсных радиосигналов), потому что американцы, даже если им не удастся расшифровать сообщения, всё-таки узнают, что поблизости проводится какая-то разведывательная деятельность. А

этого Моссад хочет избегать. И расстояние тоже играет роль.

«Катса» отдела «Аль» единственные люди во всей организации, использующие американские паспорта. Этим они нарушают два фундаментальных правила: они работают в стране-цели с паспортами этой же страны.

Правило гласит, что никогда нельзя выдавать себя за англичанина в Англии, за француза во Франции. Ведь это очень облегчит местным властям проверку документов. Если предъявить французскому полицейскому французские права, он сможет мгновенно проверить, настоящие они или нет.

Люди «Аль» могут себе это позволить, потому что у них первоклассные документы. Во враждебной стране попадаться нельзя, потому что тебя могут расстрелять. В Соединённых Штатах, стране самого большого друга, попадаться тоже нельзя, потому что «расстрелять» могут всю твою страну. ФБР, конечно, время от времени что-то подозревает, но точных доказательств у них нет.

* * *

Следующую историю мне рассказал Ури Динур, во время моей учёбы инструктор по НАКА, а во времена, о которых идёт речь, — ответственный за резидентуру «Аль» в Нью-Йорке.

Динур принимал активное участие в операции, касавшейся внешней политики США, ставшей важной внутривластной проблемой президента Джимми Картера и вызвавшей грязный расовый конфликт между американскими евреями и вождями негритянской общины США.

Если бы американцы знали, в каких масштабах был в это дело замешан Моссад, это сильно повредило бы традиционно хорошим отношениям между нашими странами, возможно, даже разрушило бы их.

Сначала вернёмся в 1979 год. Самым выдающимся событием этого года было окончательное подписание договорённого в сентябре 1978 года Кэмп-дэвидского соглашения о «Рамочных условиях мирного урегулирования» египетским президентом Анваром Садатом, израильским премьер-министром Менахемом Бегинном и президентом США Джимми Картером.

Большая часть арабского мира была шокирована политикой Садата и отреагировала на неё яростными нападениями. А Бегин начал раскаиваться в том, что пошёл на переговоры, почти сразу же после того, как покинул Кэмп-Дэвид.

Государственный секретарь (министр иностранных дел) США Сайрус Вэнс в 1978 году в последнюю минуту своей спешной дипломатией попытался найти решение до установленного окончательного срока подписания соглашения (17 декабря 1978 г.).

Подписать договор к этому сроку не удалось из-за отказа Бегина вести серьёзные переговоры, что привело к глубокому недоверию между Вашингтоном и Иерусалимом.

В начале 1979 года Бегин отправил своего министра иностранных дел Моше Даяна в Брюссель, где он должен был встретиться с Вэнсом и

премьер-министром Египта Мустафой Калилем, чтобы найти возможность продолжения замороженных переговоров.

Но Бегин грубо заявил, что Даян может говорить лишь о том «как, когда и где» будут продолжены переговоры, но не о содержании Кэмп-Дэвидского соглашения.

В конце декабря 1978 года обычно расколотый Кнессет огромным большинством голосов — 66 против 6 — проголосовал за жёсткую позицию Бегина по отношению к Каиру и Вашингтону.

Для подкрепления своей позиции, Израиль остановил вывод своей военной техники, что должно было после подписания мирного соглашения ускорить вывод израильских войск с Синайского полуострова.

Израиль усилил свои атаки на палестинские лагеря в Ливане, на что сенатор от Демократической партии от штата Флорида Ричард Стоун, председатель сенатской комиссии по вопросам Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии, заметил, что израильтяне, похоже, «отступили на свои баррикады».

После голосования в Кнессете Бегин позвонил руководителям еврейских общин США и настаивал на том, что произраильские группы в Америке должны начать массированную кампанию отправки в Белый дом и Конгресс писем и телеграмм в поддержку его жёсткой позиции.

Группа из 33 еврейских интеллектуалов, включая известных писателей Сола Беллоу и Ирвинга Хоуи, которые раньше критиковали несговорчивость Бегина, послали Картеру письмо, в котором назвали американскую поддержку Каира «неприемлемой».

В феврале 1979 года США хотели ускорить мирный процесс и потребовали и от Израиля и от Египта встретиться с Сайрусом Вэнсом в Кэмп-Дэвиде. С этим согласились обе стороны, хотя Израиль был очень возмущён докладом о нарушении прав человека, который был передан Конгрессу министром Вэнса, — в нём говорилось о «систематических» издевательствах над арабами на оккупированных территориях и в Секторе Газа.

За две недели до публикации этого доклада газетой «Вашингтон Пост» израильские танки вечером ворвались в деревни на Западном берегу реки Иордан и разрушили четыре арабских дома. Кроме того, правительство основало новый опорный пункт у Нуеймы, к северу от Иерихона — в качестве предшественника нового поселения. С появлением нового поселения, их общее количество возросло до 51, в которых жили 5000 евреев среди 692 000 палестинцев.

В этой напряжённой и запутанной ситуации Картер в марте начал свою личную шестидневную миссию в Каир и Иерусалим. Несмотря на неблагоприятные предпосылки, ему удалось убедить обе стороны принять сформулированный американцами компромисс, что могло привести враждующие стороны настолько близко к миру, как это не удавалось за все предшествующие тридцать лет.

Цена, которую пришлось за это заплатить Картеру, составила 5 миллиардов долларов допол-

нительной помощи Египту и Израилю в последующие три года. Большие проблемы возникли из-за нежелания Израиля вернуть Египту нефтяные месторождения на Синае, и, естественно, из-за нерешённого вопроса о палестинской автономии на оккупированных территориях.

В мае Картер назначил 60-летнего техасца Роберта С. Страуса, тогдашнего председателя Национального конвента Демократической партии «специальным послом» для второго этапа мирных переговоров. В то время, как Израиль формально согласился с содержанием переговоров, он продолжил свои атаки на палестинские лагеря в Ливане.

Кабинет Бегина проголосовал восемью головами против пяти за создание нового еврейского поселения в Элон-Морех на Западном берегу Иордана. В результате этого 59 видных американских евреев написали Бегину открытое письмо с жёсткой критикой израильской политики создания поселений.

Положение ещё более осложнилось после лёгкого сердечного приступа Бегина. Моше Даян узнал, что у него рак. Инфляция в Израиле достигла 100%. Дефицит торгового баланса приближался к отметке в 4 миллиарда долларов.

Общий внешний долг Израиля за последние пять лет удвоился и достиг 13 миллиардов долларов, что вызвало тяжёлый внутривнутриполитический кризис. И когда Картер ещё сравнил ситуацию с палестинцами с положением чернокожих в США в период движения за гражданские права, то вопль возмущения пронёсся по Израилю.

И Садат, и Картер стали оказывать давление на Израиль, чтобы он согласился с планом палестинской автономии. Арабские страны покровительствовали идее создания независимого суверенного государства на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа, как новой родине уже проживавших там палестинцев и миллионов палестинцев диаспоры.

Но израильтяне решительно выступали против создания враждебного государства — прежде всего, как государства, которым управлял бы руководитель ООП Ясир Арафат, непосредственно у их границы.

Израиль подозревал, что американская зависимость от арабской нефти изменяет политические приоритеты США в направлении поддержки арабских интересов.

Пока Бегин лечился после сердечного приступа, правительством управлял Моше Даян. В августе он предостерег Соединённые Штаты от дипломатического признания ООП или от поддержки усилий по созданию независимого палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в Секторе Газа.

В конце бурного пятичасового обсуждения в правительстве кабинет проголосовал за то, чтобы потребовать от Соединённых Штатов придерживаться их прежних обязательств, в особенности, обещания накладывать вето на любую просьбу арабских государств об изменении резолюции ООН № 242 1967 года, которая признавала право Израиля на существование.

Израиль угрожал совсем отказаться от продолжения застопорившихся переговоров об «автономии» палестинцев, если американцы будут упорно настаивать на установлении отношений с ООП.

Особенно возмущала израильтян хорошо скоординированная инициатива в начале лета 1979 года, с помощью которой Саудовская Аравия, Кувейт и ООП попытались изменить ход событий в свою пользу.

Началось с того, что саудовцы с июля на протяжении квартала увеличили добычу нефти на 1 миллион баррелей в день, чтобы справиться с дефицитом нефти на американском рынке. Кроме того, ООП заняла более миролюбивую позицию, по меньшей мере, публично, в надежде улучшить свой достаточно негативный образ на Западе.

А дипломаты Кувейта предложили в ООН проект резолюции, которая увязывала право Израиля на существование (Резолюция № 242) с международным признанием права палестинцев на самоопределение.

Этот план был разработан на встрече в июне, когда наследный принц Саудовской Аравии Фахд пригласил Арафата в Эр-Рияд и убедил его хотя бы на время улучшить отношения ООП и США, для чего ООП следовало снизить свою террористическую активность.

Кувейт подключили к этой инициативе, потому что его посол Абдалла Яккуб Бишара, который в то время входил в Совет Безопасности ООН, пользовался всеобщим уважением.

Чтобы успокоить израильтян, американцы чётко отказывались поддержать какую-либо резолюцию о создании независимого палестинского государства. Но более мягко сформулированную резолюцию они не исключали; в ней должны были признаваться законные политические права палестинцев и, таким образом, Резолюция № 242 приводилась в соответствие с Кэмп-дэвидским соглашением.

Когда египетский премьер-министр Мустафа Калиль во время переговоров об автономии, которые проходили в отеле «Маунт-Кармель» на горе над гаванью Хайфы, заявил, что его страна поддержит резолюцию ООН с требованием предоставления прав палестинцам, израильский министр юстиции Шмуель Тамир обвинил Египет в том, что он «подвергает опасности весь продвигающийся мирный процесс».

Само собой разумеется, что Моссад тоже волновался из-за происходящих процессов, но особенно из-за возрастающего влияния на внутреннюю политику министра обороны Израиля Эзера Вейцмана. Моссад не доверял Вейцману, бывшему лётчику и заместителю главнокомандующего в Шестидневной войне 1967 года.

Вейцман был мужественный командир и «отец» израильских ВВС. Но в нём видели друга арабов и даже определяли, как предателя. Враждебность Моссад к нему была жалкой и мелочной. Хотя он был министром обороны, Вейцман не получал от Моссад доступа к сверхсекретным сведениям.

Вейцман был свободомыслящим и независимым человеком, который в одном вопросе согла-

шался с тобой, но в другом придерживался совсем иного мнения. Он никогда не придерживался партийной линии. Он делал то, что считал правильным. Такие люди, как он, опасны, потому что непредсказуемы.

Но Вейцман выдержал испытание с честью. В стране, где почти каждый служит в армии, военная служба очень важна. Так что, в результате получается правительство, в котором сидит очень много генералов. Люди часто не понимают, что в этом может быть плохого. А дело именно в людях, ноздри которых дрожат, учуяв запах пороха.

Но и между Бегинем и Даяном были большие разногласия. Даян, вначале член Партии труда, вышел из неё и присоединился к харизматическому правому политику Бегину. Но их оценки палестинцев были совершенно противоположны. Даян, как и большинство членов Партии труда, видели в палестинцах пусть противников, но людей.

Бегин и его партия не видели людей, а видели проблему. Даян мог бы сказать: «Я лучше бы жил в мире с этими людьми, и я помню время, когда это было так». Бегин сказал бы: «Я хотел бы, чтобы их вообще здесь не было, но, к сожалению, ничего не могу в этом изменить».

В это время Моссад установил свой первый контакт с владельцами плантаций опиумного мака в Таиланде. Американцы попытались было принудить крестьян отказаться от посевов опия, и вместо этого убеждали их начать выращивать кофе.

Целью Моссад было устроиться и там, поддерживать их в выращивании кофе, но одновременно помогать экспортировать опиум, зарабатывая на этом деньги для операций Моссад.

Одной из таких операций были настойчивые попытки со стороны «Аль» в Нью-Йорке и Вашингтоне сорвать арабские усилия, направленные на достижение с помощью США более высокого статуса ООП и вообще палестинцев в ООН.

Израильтяне, как можно догадаться, этому не особо радовались. Атаки на израильские деревни не прекратились. Израиль по-прежнему чувствовал себя в состоянии постоянной угрозы. Даже если обстрел на какое-то время прекратился, это не означало спокойствия. Перед входом в кинотеатры и универмаги проверялись сумки.

Если кто-то замечал в автобусе сумку, очевидно не принадлежавшую кому-то из пассажиров, об этом срочно сообщали водителю. Он останавливался, и все выходили из автобуса. Если кто-то случайно забывал свой «дипломат», он мог быть уверен, что его найдут, конфискуют и взорвут.

Существовало множество палестинцев, которые ежедневно приезжали в Израиль на работу с Западного берега Иордана. Многие израильтяне во время службы в армии патрулировали Западный берег и знали, как палестинцы их ненавидят. Даже если ты занимал левые позиции и считал, что у них есть право кого-то ненавидеть, тебе всё равно не хотелось бы, чтобы тебя зарезали.

Было нормально, что люди правых взглядов открыто выражали своё принципиальное недоверие к палестинцам. Они считали, что если им что-то обещаешь, то попадёшь в заколдованный круг. Из-

раильский левый сказал бы: «Дай им право выбирать». А правый возражал: «Забудь. Они проголодают за того, с кем ты не захочешь говорить».

Левый в ответ: «Но они же объявили о перемирии». Правый отвечал: «Что за перемирие? Мы не можем признать палестинцев, как группу, которая может объявить перемирие». На следующий день кого-то убивает бомба, и правый говорит: «Ну, видишь? Я же тебе говорил. Они не будут соблюдать перемирие».

* * *

«Аль» в Нью-Йорке примерно с 1978 года старались получить прямой доступ к сведениям об усилиях арабских стран в связи с мирными переговорами, которые спешно пытались сдвинуть с мёртвой точки президент Картер.

В сентябре 1975 года тогдашний государственный секретарь д-р Генри Киссинджер официально выступил за то, чтобы США не признавали ООП и не вели с ней переговоров, пока палестинцы не признают права Израиля на существование. После этого президент Форд, а за ним президент Картер неоднократно заявляли, что будут придерживаться этого требования. Но израильцы в это уже не особо верили.

В ноябре 1978 года, после переговоров в Кэмп-Дэвиде, Пол Файндли, конгрессмен-республиканец от штата Иллинойс и член комитета Конгресса по внешней политике, передал Арафату в связи со встречей в Дамаске послание Картера.

Во время этой беседы Арафат заявил, что ООП откажется от насилия, если на территориях Западного берега реки Иордан и Сектора Газа, соединённых коридором, будет создано независимое палестинское государство.

Картер уже в начале 1977 года потребовал предоставить палестинцам «родину», весной 1979 года Милтон Вулф, американский посол в Австрии и видный еврейский руководитель встречался с Иссамом Сартави, представителем ООП в Австрии, сначала на приёме в австрийском правительстве, а потом на «коктейль-партти» в посольстве одной арабской страны.

Вулф получил из Вашингтона инструкции встретиться с Сартави, но не дискутировать с ним о фундаментальных вещах. В середине июля, когда Арафат приехал в Вену, чтобы встретиться с Федеральным канцлером Австрии Бруно Крайски и немецким политиком Вилли Брандтом, Вулф и Сартави на очередной встрече уже серьёзно говорили о переговорах.

Когда сведения об этом стали известны общественности, Государственный департамент США заявил, что он официально «напомнил» Вулфу об официальной американской линии, в соответствии с которой переговоры с ООП вести нельзя. Но Моссад знал, что Вулф вёл свои переговоры по прямым указаниям из Вашингтона.

В Соединённых Штатах укреплялось стремление достичь определённого мирного компромисса. Да и сами арабы постепенно увидели преимущества такого урегулирования. Моссад через свою сеть прослушивания частных квартир и офисов различных арабских послов и политиков в Вашингтоне

и Нью-Йорке узнал, что ООП склоняется к соглашению с позицией Киссинджера и признанию права Израиля на существование.

В то время представителем США в ООН был Эндрю Янг, чернокожий либеральный политик с юга США, близкий друг Картера и один из первых сторонников президента. Все рассматривали его, как важное связующее звено между Белым Домом и чернокожей общиной Америки.

Янг, очень открытый и часто вызывающий споры посол, был представителем движения за гражданские права в США и очень сочувствовал социально слабым слоям населения.

В Израиле эту его приверженность рассматривали не как про-палестинскую, а как анти-израильскую. Янг считал, что Картер стремится к такому решению, которое не только вызовет палестинцев из той плохой ситуации, в которой они находились, но и приведёт к миру в регионе.

Янг был противником новых поселений на Западном берегу, но он хотел отсрочить запланированное предложение арабов о резолюции ООН о признании ООП. Янг возразил арабам, что у них нет шансов «пробить» свою резолюцию. Потому было бы лучше сформулировать более мягкое предложение, которое, в конечном счёте, привело бы к той же цели, но имело бы большие шансы на осуществление.

Бишара, посол Кувейта в ООН, был движущей силой арабской резолюции и постоянно поддерживал связь с Зехди Лабибом Терзи, неофициальным представителем ООП при ООН. Так как «Аль» снимал квартиры повсюду в Вашингтоне и в Нью-Йорке и установил подслушивающие устройства, израильцы подслушали 15 июня разговор Янга и Бишары.

В ходе этого диалога Бишара объяснил, что арабы не могут больше отодвигать дебаты Совета Безопасности по резолюции, но могут предложить, чтобы Янг заранее обсудил этот вопрос с представителем ООП.

Янг пояснил Бишаре, что он не «может встречаться ни с одним представителем ООП», но добавил: «Но я могу не отклонить приглашение одного из членов Совета Безопасности и прийти к нему домой, чтобы поговорить о каких-то делах». Как всем было известно, именно Бишара сидел в Совете Безопасности, и Янг добавил, что он не только не отклонит такое приглашение, но и «не сможет предписывать хозяину, кто ещё может находиться в его доме».

25 июля 1979 года в штабе Моссад в Тель-Авиве получили телеграмму из Нью-Йорка, в которой было сказано: «Посол США при ООН встречается с представителем ООП при ООН». Телеграмма была кодирована так: «Срочно. Тигру. Чёрная». Это означало, что она предназначается только премьер-министру и ещё нескольким наивысшим чиновникам — всего не более пяти лицам.

В зашифрованном виде её передали шефу Моссад Ицхаку Хофи. Хофи лично передал Бегину её расшифровку. Израильцы были обескуражены решением Янга встретиться с Терзи. Источник информации находился в здании ООН.

Это были записи перехваченных телефонных переговоров, которые вёл Бишара по своей личной линии в своём офисе в ООН. Из протоколов перехвата также следовало, что Янга пригласили к Бишаре домой, и что он принял приглашение.

Началось обсуждение вопроса, нужно ли помещать встиче или дать ей состояться. Было решено дать ей пройти, потому что так были бы подтверждены опасения Израиля, что позиция США по отношению к Израилю значительно изменилась.

Это предоставило бы друзьям Израиля в США доказательства, что нынешняя американская администрация проводит опасную политику. И, в свою очередь, это могло бы позволить этим друзьям Израиля сменить сегодняшнюю политику на более благоприятную для Израиля.

Кроме того, таким образом можно было бы избавиться от Янга, которого, из-за его открытости по отношению к ООП, стали рассматривать, как серьёзную угрозу. Он просто не соответствовал потребностям Израиля.

26 июля Янг со своим шестилетним сыном Эндрю посетил дом Бишары на Бикмен-Плейс. Янга встретили Бишара и посол Сирии. Микрофоны «Аль» записывали каждое слово. Через пять минут вошёл Терзи, и пока сын Янга четверть часа играл в одиночестве, три дипломата обсуждали перенос заседания Совета Безопасности с 27 июля на 23 августа (этот перенос потом действительно состоялся.)

Вскоре после этого Эндрю с сыном покинули дом. В течение часа «катса» «Аль» Ури Динур подготовил полный отчёт о встрече и вылетел самолётом «Эль-Аль» из Нью-Йорка в Тель-Авив. В аэропорту его встретил Ицхак Хофи, который уже до этого получил телеграмму: «Паук проглотил муху». Оба мужчины пошли с отчётом к Бегину, Хофи прочел его по дороге.

Динур оставался только шесть часов в Израиле, пока он с копией своего отчёта не вернулся в Нью-Йорк. Эту копию он передал послу Израиля в ООН Йегуде Блуму.

Хофи не хотел, чтобы информация о встрече просочилась в газеты. Прежде всего, он не хотел, чтобы тайная деятельность Моссад в Нью-Йорке вышла наружу. Он считал, что Бегин достигнет большего, если пойдёт на прямой контакт с Белым Домом и поговорит с людьми.

Таким же образом поступил Израиль после встречи Милтона Вулфа с представителями ООП в Вене. Хофи сказал, что было бы неумно нанести удар по Янгу, который очень популярен среди негров в Америке. В любом случае, если действовать за кулисами, можно получить от американцев большие уступки.

Но Бегин не интересовался дипломатией. Он хотел увидеть, как течёт кровь. Он сказал: «Я хочу сообщить это обществу». Все согласились, что нельзя давать газетам полную информацию, потому что это может разоблачить источник.

Так журнал «Ньюсуик» был проинформирован только о самом факте встречи Янга с Терзи. Это, конечно, привело к запросу в Государственный департамент, и от Янга потребовали объяснений. Его первая версия звучала так, что он пошёл прогу-

ляться с сыном и без предупреждения просто нанёс визит Бишаре. При этом он неожиданно встретил Терзи. Он говорил, что оба «15 или 20 минут обменялись любезностями», не более того.

Сайрусу Вэнсу, возвращавшемуся в этот момент из Эквадора, объяснение Янга телеграфировали прямо в самолёт. Успокоившись, что это была лишь случайная встреча, Вэнс дал поручение представителю Госдепартамента Джеймсу Рестону 13 августа сообщить публике версию Янга в качестве официальной версии внешнеполитического ведомства.

Когда дело дошло до этого, Моссад целенаправленно начал распространять слухи, которые должны были дойти и до самого Янга, чтобы он не думал, будто Израиль удовлетворится его объяснением.

Забеспокоившийся Янг попросил о встрече Йегуду Блума. Она состоялась и продлилась два часа. Янг не знал, что Блум прочёл копию отчёта о его встрече с Бишарой и Терзи. Таким образом, Блуму удалось узнать от Янга гораздо больше, чем сказал американский МИД.

Блум недолюбливал Янга. В большинстве его отчетов он характеризовал Янга не особо положительно. Но Блум был опытным дипломатом, и так как он знал, что произошло на самом деле, он смог вытащить из него всю историю. Теперь израильтяне вдруг смогли бы представить самого Янга «источником», и не должны были сознаваться, что узнали о разговоре задолго до того и совсем другим путём.

Янг, всё ещё считая, что главная цель Израиля всё-таки состоит в том, чтобы продолжить переговоры, не знал, что ему поставили ловушку. После встречи с Блумом и признания Янга, американского посла в Израиле вызвали к Бегину, где ему вручили формальную ноту протеста. О ноте тут же сообщили средствам массовой информации, чтобы её не упустили в последовавшей свистопляске.

14 августа в семь часов утра на стол Сайруса Вэнса легла телеграмма американского посла в Тель-Авиве, которая в общих чертах описывала, что, по израильской интерпретации, Янг рассказал Блуму. Рассказанное вопиюще противоречило тому, что сам Янг сообщил Госдепартаменту и официальному объяснению американского внешнеполитического ведомства, сообщённому прессе. Вэнс поехал в Белый Дом и заявил Картеру, что Янг должен уйти в отставку. Картер погодя согласился, но сказал, что он сперва должен это хорошо обдумать.

15 августа 1979 года в 10 часов утра Янг прибыл в квартиру Картера в Белом Доме, имея при себе прошение об отставке. После полтора часовой беседы он вышел из помещения, но через некоторое время снова вернулся к Картеру. Вместе они пошли в бюро Гамильтона Джордана, где собрались высокопоставленные чиновники Белого Дома.

Янг, которому Картер положил руку на плечо, рассказал своим друзьям о своей отставке. Через два часа пресс-секретарь Джоди Пауэлл, не скрывая своего волнения, сообщил журналистам о том, что, к сожалению, Янг уходит в отставку.

Американский посредник на мирных переговорах Страусс, который в этот момент летел на

Ближний Восток, сказал: «Афёра Янга подкрепляет... необоснованное подозрение, что Соединённые Штаты втайне ведут переговоры с ООП».

Янг позднее попытался оправдать свои действия и заявил: «Я не лгал, я только не сказал всей правды. Моим объяснениям (министру иностранных дел) я предпослал пояснение: «Я скажу вам официальную версию». Именно официальную версию я и сообщил, и она вовсе не была ложью».

Но ущерб был нанесён, Янг был вынужден уйти, и прошло немало времени, прежде чем американцы снова попробовали установить какой-либо контакт с ООП. Таким образом, «Аль» через свою широкую сеть шпионажа удалось сломать карьеру одного из самых близких друзей Картера — в котором, однако, Израиль не видел своего друга.

* * *

Через несколько дней эта история заполонила первые полосы газет. Ури Динур сообщил Моссад, что у него постепенно начинает гореть земля под ногами, и он хочет, чтобы его перевели в другое место.

Все конспиративные квартиры Моссад были закрыты, и весь нью-йоркский штаб переехал в новые апартаменты. Моссад был уверен, что его разоблачат, но этого не случилось. Это было, как свист падающей бомбы. Ждешь, когда она ударит о землю и взорвется, но ничего не происходит.

Но эта афёра имела такие политические последствия, которые привели к одной из самых гнусных глав в истории взаимоотношений евреев и негров в Соединённых Штатах.

Чернокожие вожди Америки пришли в ужас от отставки Янга. Мэр города Гэри, штат Индиана, Ричард Хэтчер заявил журналу «Тайм», что это была «вынужденная отставка» и «оскорбление чернокожих».

Бенджамин Хукс, директор Национального Объединения Поддержки Представителей Цветных Народов (НААСР) сказал, что Янг был «жертвой обстоятельств, которые находились вне его контроля». Он добавил, что Янг «заслужил орден от президента за свой блистательный дипломатический ход», но вместо этого вынужден был покинуть свой пост.

Джесси Джексон, будущий кандидат в президенты, сказал: «Во всей стране в воздухе ощущается огромное напряжение из-за этой вынужденной отставки». Он охарактеризовал отношения между чернокожими американцами и евреями, как «самые напряжённые за последние 25 лет».

Сам Янг сказал, что до конфронтации между еврейскими и негритянскими лидерами дело не дойдёт, но предсказывал, что могут возникнуть «своего рода разногласия между друзьями».

Он сказал также, что возрастающее понимание чернокожих в США положения на Ближнем Востоке, «ни в коем случае не может рассматриваться, как анти-израильское. Его можно охарактеризовать, как про-палестинское в том смысле, как этого не было раньше. В этой ситуации еврейская община должна постараться найти пути справиться с этим, не став при этом “анти-чёрной”».

Другие чернокожие лидеры хотели знать, почему Янга выгнали за его встречу с ООП, в то время, как американский посол Вулф, видный еврейский лидер, не был уволен за несколько его встреч с представителями палестинцев. Главное различие было, конечно, в том, что Вулфа не поймали на лжи.

На самом деле победителем в этой игре интриг оказалась ООП, а не Израиль. Потому что всё больше негритянских организаций поддерживали Янга, и позиция ООП, которую ранее совсем игнорировала пресса, вдруг получила такое позитивное внимание к себе.

В конце августа препоподобный Джозеф Лауери, президент религиозной организации *Southern Christian Leadership Conference*, во главе делегации посетил в Нью-Йорке Терзи и выразил ему безоговорочную поддержку «прав человека всех палестинцев, включая право на самоопределение на своей родине».

Когда та же делегация на следующий день посетила израильского посла в ООН Блума, ему было заявлено, что мы не будем «приносить извинений за поддержку гражданских прав палестинцев, точно так же, как мы не просили прощения у ООП за нашу поддержку Государства Израиль».

В прессе цитировались слова Блума: «Смешно сравнивать нас с ООП. Это всё равно, как сравнивать преступника и полицейского».

Через неделю 200 негритянских лидеров встретились в штаб-квартире НААСР в Нью-Йорке и заявили: «Некоторые еврейские организации и интеллектуалы, которые раньше выражали симпатии желаниям чернокожих американцев... стали сторонниками расистского “статус-кво”... Евреи должны проявить большую чувствительность и готовность к диалогу, чтобы не перейти на такие позиции, которые будут противоречить интересам негритянской общины».

Группа из одиннадцати еврейских интеллектуалов ответила на это, что она следит «за этими заявлениями с озабоченностью и гневом. Мы не можем сотрудничать с теми, кто опирается на полуправду, ложь, слепое рвение в каком-либо облачении или по какой бы то ни было причине... Мы не можем сотрудничать с теми, кто стал жертвой арабского шантажа».

Журнал «Тайм» опубликовал 8 октября фотографию, на которой Джесси Джексон обнимал Ясира Арафата, с которым встретился во время своей самостоятельной миссии на Ближнем Востоке. Это произошло после того, как Бегин отказался встречаться с Джексоном из-за симпатий последнего к ООП.

Джексон назвал отказ Бегина «отвержением чёрной Америки, отклонением её поддержки и её денег». Во время той же поездки пастор Джозеф Лауери, сопровождавший Джесси Джексона, пел вместе с Арафатом песню «*We shall overcome*» («Мы победим»).

Позднее в тот же месяц Вернон Э. Джордан мл., председатель National Urban League, попытался сгладить волны, сказав: «Отношения между чернокожими и евреями не должны страдать из-за недуманного флирта с террористическими группами,

ставящими своей целью уничтожение Израиля. Движение чернокожих за гражданские права не имеет ничего общего с группировками, чьё требование на признание компрометируется хладнокровными убийствами невинных граждан и школьников».

Джексон, который называет ООП «правительством в изгнании», встретился с Джорданом в Чикаго. После этой встречи Джордан заявил: «Мы согласились в том, что у нас есть разногласия, но мы не спорили».

То, что происходило, не совпадало с убеждениями Даяна. В октябре 1979 года Даян ушёл в отставку из-за несогласия с жёсткой политической линией Бегина по отношению к палестинцам. После этого Бегин взял на себя и руководство министерством иностранных дел.

В своём интервью после отставки, которое Даян дал Дину Фишеру, шефу корпункта «Тайм» в Иерусалиме, и корреспонденту Дэвиду Халеви, Даян сказал: «Палестинцы хотят мира, и они готовы к любой форме урегулирования. Я убеждён, что это достижимо».

Возможно. Но до этого события он так и не дожил.

* * *

Это операция послужила началом целой серии подобных и иных акций, в ходе которых собирались сведения от конгрессменов и сенаторов. Порой казалось, что деятельность «Аль» получила одобрение.

Американцы, несомненно, что-то знали о вмешательстве Моссад, но ничего не происходило. Никто ничего не говорил. В игре разведок случается так: если кто-то замечает, как ты занимаешься шпионажем, но отводит глаза в сторону, тебя это ещё более подзадоривает, пока тебя не схватят за руку, или за голову — смотря по обстоятельствам.

«Аль» по прежнему подслушивает различные частные дома, собирает информацию в Конгрессе и в Сенате, устанавливает контакты, внедряется, вербует, добывает копии документов, вскрывает дипломатическую почту — в общем, делает то же, что и любая резидентура.

«Катса» посещают приёмы в Вашингтоне и в Нью-Йорке. И у всех в Америке есть свои личные дела. Один основал бюро телохранителей, которое и сейчас существует.

Но Моссад всё ещё не признаёт существования «Аль». В Институте говорят, что Моссад не шпионит в Америке. Но большинство сотрудников знает, что «Аль» существует, даже если они не знают, что именно он делает.

Самый большой юмор в том, что когда ЛАКАМ провалилось в деле Полларда, сотрудники Моссад всё время говорили: «В одном мы уверены — Моссад не работает в Соединённых Штатах».

Что лишь доказывает, что шпиону не во всём можно верить на слово.

Глава 14. Операция «Моисей»

Тут были все: иностранные дипломаты, спа-

сающиеся от зноя Хартума, туристы со всей Европы, которые обязательно хотели пройти курс ныряльщика в Красном море или насладиться будущими экскурсиями в Нубийскую пустыню, были высокопоставленные суданские чиновники.

Все наслаждались отдыхом в новейшем туристическом центре, только что построенном менее чем в сотне километров к северу от Порт-Судана, который лежит точно напротив Мекки по другую сторону Красного моря.

Откуда им было знать, что за фасадом прекрасного здания скрывался Моссад? Даже тем утром в начале января 1985 года, когда около 50 гостей проснулись и заметили, что все служащие исчезли — кроме пары аборигенов, которые подавали им завтрак, они всё ещё не знали, что произошло. И даже сейчас об этом знает лишь пара человек.

Туристов в расставленных палатках проинформировали, что европейский владелец туристического центра обанкротился, посетителям пообещали возместить все их расходы (так позднее и было сделано).

Служащие, либо люди Моссад, либо израильские моряки, в полной тишине исчезли в ночи, некоторые на корабле, другие на самолёте. Они оставили достаточно припасов продуктов, и ещё на парковке стояли четыре грузовика, которые вернули туристов в Порт-Судан.

Что происходило на самом деле в этом большом туристическом комплексе, было организацией большого массового побега, ход которого миру известен только частично под названием «Операция “Моисей”»: спасение и вывоз тысяч чернокожих эфиопских евреев, фалашей, из страдающей от ужасной засухи и разорванной войной Эфиопии в Израиль.

Во многих статьях, даже книгах описано это смелое предприятие: секретный вылет фалашей на самолётах из лагерей беженцев в Судане и Эфиопии. Чартерный самолёт «Боинг-707» авиакомпании *Trans European Airways* был использован для воздушного моста между Хартумом и Аддис-Абебой через Афины, Брюссель, Рим или Базель в Тель-Авив.

В этих историях — запущенных на публику специалистами по дезинформации Моссад — утверждалось, что 12 000 чёрных эфиопских евреев были спасены в ходе короткой блистательной операции. На самом деле вывезены были 18 000 человек, из них лишь 5000 по показанному всему миру воздушному мосту. Но большая их часть попала в Израиль через «туристический центр» на Красном море.

* * *

К началу XX века в Эфиопии проживало несколько сот тысяч фалашей, но к 1980 году число их уменьшилось до 30 тысяч. Проживали они рассеянно в отдалённой северо-западной провинции Гондар (Гойям). Два века мечтали они о земле обетованной, но лишь в 1972 году их предания и традиции были признаны, как иудейские сефардским Верховным раввином.

Верховный раввин Овадия Йосеф постановил,

что фалаши «несомненно» происходят от колена Данова», что означает жителей библейского Хавилеха, нынешней южной части Аравийского полуострова. Фалаши верят в «Тору», основную священную книгу иудеев, они подвергают себя обрезанию, чтят субботу и следуют еврейским заповедям гигиены и кошерной пищи.

На основе этого решения Верховного раввина правительственный комитет постановил, что эти эфиопы подпадают под израильский закон о репатриации, который автоматически предоставляет израильское гражданство любому еврею, приезжающему в Израиль на постоянное жительство.

В 1977 году, когда Менахем Бегин стал премьер-министром, он пообещал помочь фалашам вернуться в землю обетованную. Эфиопский руководитель Менгисту Хайле Мириам, который с 1970 года вёл ожесточенную гражданскую войну, угрожал суровыми карами каждому эфиопу, кто попытался бы покинуть страну.

Потому Бегин поручил подготовить план, предусматривающий тайные поставки эфиопам оружия в обмен на разрешение проводить тайные спасательные акции по вывозу фалашей из Эфиопии и Судана.

Но стоило первым 122 чернокожим евреям прибыть из Аддис-Абебы в Израиль, как израильский министр иностранных дел Моше Даян в интервью радиорепортеру в Цюрихе проболтался о продаже Израилем оружия Эфиопии. Менгисту, требовавший строжайшего молчания о сделке, рассердился и остановил все дальнейшие полёты.

В 1979 году, когда Бегин и Садат подписали Кэмп-дэвидское соглашение, Бегин уговорил Садата поговорить с президентом Судана Джафаром аль-Нимейри и получить от него разрешение на переброску фалашей из суданских лагерей беженцев в Израиль.

За следующие годы постепенно 4000 фалашей добрались до Израиля. Но этой акции вскоре пришёл конец, когда в 1981 году был убит Садат, а Нимейри объявил себя исламским фундаменталистом.

В 1984 году ситуация резко обострилась. Фалаши, как и бесчисленные другие эфиопы, страдали от ужасного голода и засухи. В поисках пропитания они толпами пытались перейти через границу в Судан.

В сентябре 1984 года, когда заместитель премьер-министра Израиля Ицхак Шамир встречался в Вашингтоне с государственным секретарём Джорджем Шульцем, он попросил Шульца воспользоваться американскими связями в Египте и Саудовской Аравии.

Египтяне и саудовцы должны были убедить Нимейри разрешить израильтянам провести спасательную операцию под видом оказания продовольственной помощи. Судан, который не мог справиться со своими проблемами с засухой и гражданской войной на юге страны, был бы рад избавиться от нескольких тысяч голодных ртов. Но суданские, как и эфиопские власти потребовали строжайшей секретности.

Между ноябрем 1984 и январем 1985 года операция действительно проходила тайно. В первую

неделю января 1985 года тогдашний вице-президент США Джордж Буш после получения согласия от Нимейри послал в Хартум американский военно-транспортный самолёт «Геркулес», который принял там на борт 500 фалашей и полетел прямо в Израиль.

Вот об этой части операции и писали позднее в журналах и книгах. Об этом были проинформированы многие люди: американцы, англичане, суданцы, египтяне, сами эфиопы и служащие многих европейских авиакомпаний.

Но все хранили молчание, пока Йегуда Доминиц, высокопоставленный сотрудник Объединённого еврейского агентства не рассказал репортеру «Некуда» («Точка»), маленькой газеты еврейских поселенцев на Западном берегу Иордана об этой спасательной операции.

Это означало не только конец операции, о которой он только что собрался рассказать, но и всех других тайных действий, которые организовал Моссад на берегу Красного моря.

Как обычно в таких случаях, израильские журналисты всё время знали об операции — или, по крайней мере, знали то, что им следовало знать, по мнению Моссад и бюро премьер-министра. Они заявляли, что будут хранить молчание, пока не получат официального разрешения на публикацию.

Существует комитет издателей всех больших израильских газет, который называется «Ваадат Орхим» и регулярно проводит встречи с представителями правительства, для получения закулисной информации об актуальных основных событиях.

Израильское телевидение и радиовещание — до самой маленькой радиостанции — подлежат строгому государственному контролю, так что с созданием барьера для информации не возникает никаких проблем.

Журналистов подкармливают этими официальными правительственными сообщениями, и они сами ощущают себя частью правительства.

Иногда их даже берут на секретные миссии, но всегда при условии, что они лишь тогда получают необходимые данные, если публикация истории будет в интересах Израиля. Многие люди полагают, что это лучше цензуры (хотя и она в Израиле тоже есть).

Стоило известию о секретной операции стать достоянием гласности, как арабы тут же отреагировали — жёстко и предсказуемо. Ливия потребовала чрезвычайного заседания Лиги арабских государств. Газеты многих арабских стран осудили Судан за сотрудничество с Израилем.

Суданское правительство в свою очередь глаго, отвергая всякую свою причастность к воздушному мосту. Хашем Осман, министр иностранных дел Судана, пригласил к себе арабских, африканских и азиатских дипломатов, чтобы осудить Эфиопию за то, что она «закрывает глаза» на исход фалашей в обмен на оружие и деньги из Израиля.

Эфиопский министр иностранных дел возразил, что Судан, мол, «подкупил большую часть эфиопских евреев, чтобы они сбежали из Эфиопии». Кувейтская газета «Аль Раи аль Аам» в очень жёсткой передовице написала: «Контрабанда эфиопских

евреев из Судана не может рассматриваться только, как преходящее событие, а как новое унижение арабской нации».

Можно представить себе их возмущение, если бы они узнали всю правду.

* * *

Пока операция продолжалась, премьер-министр Шимон Перес официально заявил: «Мы не успокоимся, пока все наши братья и сёстры из Эфиопии не будут в безопасности дома». Весной 1984 года, когда положение голодающих фалашей ухудшилось, Перес перешёл к исполнению обещания.

Переговоры с другими правительствами по воздушному мосту продолжались, но Перес вызвал к себе Нахума Адмони, тогдашнего шефа Моссад (с псевдонимом «Ром»), чтобы найти с ним путь спасения ещё большего числа фалашей.

Адмони, сразу поняв всю серьёзность ситуации, получил от Переса разрешение использовать, в случае необходимости, даже средства и пути за пределами Моссад, как военные, так и гражданские.

После этой встречи Адмони вызвал Давида Арбеля, тогдашнего шефа «Цаффририм», отдела, единственным заданием которого является спасение евреев по всему миру, где им угрожает опасность. Арбель, как уже говорилось, «прославился» после фиаско в Лиллехаммере.

Отдел Арбеля оказался ответственным за создание групп еврейской самообороны («Мисгерот») во всём мире, даже в некоторых районах США, где антисемитизм рассматривался, как угроза. Часто люди с особой квалификацией, например, врачи, заявляли о своей готовности на небольшое время быть «призванными» в такие группы, чтобы им помочь.

Обычно руководителями таких сетей безопасности в разных странах становятся вышедшие на пенсию сотрудники Моссад. Такая работа считается почётной, своего рода поощрением, «чупар», за верную службу. У этих людей столько опыта, почему бы им не воспользоваться?

Главное их задание — помощь лидерам еврейских общин в обеспечении их собственной безопасности. Частично эту задачу берёт на себя израильская военизированная молодежная организация «Хетс ва-кешет» («Стрела и лук»).

Вся еврейская молодёжь, и девочки и мальчики, являются членами «Эдудай ноар иври» («Батальон еврейской молодёжи»). Но и еврейские подростки из других стран часто приезжают в Израиль для летнего отдыха, во время которого они получают основные знания о мероприятиях по обеспечению безопасности.

Курсы включают спортивные соревнования, вроде бега с препятствиями, обучение ставить патлатку, уроки снайперской стрельбы и обращения с пистолет-пулемётами «Узи». Других уже в таком возрасте учат шпионской технике, например, искусству создания тайников для оружия и документов, приёмам ухода от наружного наблюдения и проверки безопасности, а также основам сбора секретных материалов и проведения анализа.

Каждое использование этих еврейских «фрам

безопасности» («Мишгарот») кроме как для чистой самообороны никогда официально не одобрялось никаким правительством, хотя все сотрудники Моссад знают примеры такого «использования».

Вследствие этого Ицхак Шамир знал об этом, но Перес, который никогда не имел отношения к Моссад, не знал, хотя и был премьер-министром. Израиль не продавал этой «гражданской самообороне» оружие напрямую, но делал это обходными путями — через доверенных торговцев оружием.

Моссад не рассматривает эти «сети безопасности», как средство добычи информации, хотя их руководители знают из опыта, что похвалу быстрее всего получить именно за добычу важных сведений. Многие из этих молодых людей, обучившись в летних лагерях в Израиле, позднее станут «сайанами».

Они, несомненно, представляют собой большую группу добровольных и убеждённых помощников, хорошо тренированных и знакомых с профессиональным жаргоном, к тому же, доказавших, что они умеют воспользоваться возможностями.

Но для этой особенной операции Моссад нужно было заполучить особых помощников. После встречи с Адмони, Арбель пригласил всех своих руководящих работников в отдел «Цаффририм».

— Я тоже хочу получить своё Энтеббе, — сказал он. Я хочу, чтобы и моё имя вошло в историю.

Арбель сказал, что он хочет вытащить как можно больше фалашей из Судана: «Собственно, всех». Затем он потребовал от своих сотрудников подумать над этим.

Отдел Арбеля работал обычно с очень скромным бюджетом, но в этом случае было ясно, что в этом случае они должны получить, всё, что требуется. Хайем Элиазе, шеф подотдела, занимающегося тайными операциями по спасению евреев с вражеской территории, получил прямое поручение провести операцию под кодовым названием «Моисей» и как можно быстрее подготовить план операции.

Через три дня Элиазе собрал свою команду для продолжительного «мозгового штурма» в своём бюро за стенами штаб-квартиры Моссад, на улице Ибн-Гевириоль-Авеню, этажом выше южноафриканского посольства в Тель-Авиве.

С подробными рельефными картами на стене и всеми собранными сведениями о Судане на столе каждый предлагал свою личную оценку ситуации и возможное решение. Фалаша размещались в основном в лагерях в провинциях Кассала и Алатарх восточнее Хартума по направлению к эфиопской границе. На поддержку суданских повстанцев, многие годы борющихся против центрального правительства, в этом случае никак нельзя было рассчитывать.

На заседании один из присутствующих заметил при изучении карты, что ему вспомнился случай у Магны, на северо-западе Красного моря. Тогда у израильского ракетного катера возникли проблемы с радаром при возвращении через Суэцкий канал. Гирокомпас барахлил, и корабль случайно пошёл неверным курсом. Среди ночи он вылетел на саудовский берег, что едва не привело к междуна-

родному скандалу.

Ракетный катер, несмотря на скорость свыше 30 узлов, каким-то чудесным образом нашел проход среди рифов, перед тем как оказаться на грунте в бухте. Через несколько часов для его поддержки на месте оказались вызванные по радио подразделения морских «коммандос».

Все документы были извлечены, команда катера перешла на другой корабль, а «коммандос» создали плацдарм на случай нападения. С рассветом солнца открылась впечатляющая картина — израильский ракетный катер, завязший в саудовском песке, под охраной морской пехоты.

Так как обе страны не поддерживают совсем никаких отношений, израильское правительство попросило американцев сказать саудовцам, что это не вторжение, а ошибка. Одновременно израильтяне заявили, что каждый, кто приблизится к катеру, будет убит.

Обычно в этих пустынных местах на сотни километров не встретишь ни одной живой души, но по воле случая совсем близко одно из бедуинских племён отмечало свой праздник. К счастью, арабы не стали приближаться к катеру. Саудовцы послали нескольких наблюдателей и в результате пришли к решению, что следует позволить израильтянам отбуксировать свой корабль на воду, как только «коммандос» покинут пляж.

Сначала израильтяне подумывали о том, чтобы взорвать катер, но этому воспротивился флот (несколько таких ракетных катеров были затем проданы ЮАР, где они служат и по сей день). Вместо этого подлетевший вертолёт залил весь катер слоем стиропорной пены, затем через нос протащил трос к двум другим кораблям, которые вытащили катер с пляжа и отбуксировали в Эйлат.

Как часто бывает в ходе «мозгового штурма» рассказ подобных историй помогает участникам придумать новые идеи. В середине рассказа кто-то воскликнул: «Погодите, погодите. Судходный маршрут проходит очень близко вдоль суданского берега. А наши ракетные катера могут подходить очень близко к берегу. Почему бы нам не вывозить фалашей морем?»

Участники совещания некоторое время раздумывали над этим предложением, но отвергли его по целому ряду причин. Слишком много времени понадобилось бы, чтобы забрать людей на корабль. Это невозможно сделать, не привлекая к себе внимание.

— Но мы смогли бы, по меньшей мере, организовать там нечто вроде резидентуры, — сказал он.

— Что же ты хочешь сделать? Поставить табличку: «Внимание! Оперативный центр «Моссад». Посторонним вход воспрещён!» Или как? — спросил другой.

— Нет, — ответил тот. — Но мы могли бы основать там клуб ныряльщиков. Красное море идеально подходит для «дайвинга».

Сначала и эту идею отвергли, но в ходе обсуждения, когда проверялись и отклонялись другие предложения, мысль о курсах ныряльщиков и туристическом клубе прочно укоренилась в головах. У

них уже был контакт с одним человеком, который жил на этом побережье и владел таким клубом.

Хотя он больше времени проводил за нырянием и прогулками по пляжу, чем за обучением «дайвингу» и сдачей в аренду снаряжения для ныряльщиков, у него, тем не менее, было вполне законно зарегистрированное и действующее предприятие.

При правильном планировании и получении разрешения из Хартума этот маленький клуб вполне смог бы превратиться в настоящий туристический комплекс.

Знающий арабский язык Йегуда Гил, один из самых опытных «катса», отправился в Хартум под «легендой» представителя одного бельгийского туристического бюро, которое хотело включить в свою программу курсы ныряльщиков на Красном море и экскурсии в пустыню.

Обычно «катса» не посылают в арабские страны, потому что они знают слишком много, и, если их схватят, под пыткой могут выдать многие серьёзные секреты. Но из-за срочности ситуации было решено в этот раз рискнуть.

Задача Гила состояла в получении необходимых лицензий и разрешений. Для этого ему пришлось давать взятки разным чиновникам и расписывать яркими красками планы «его» турбюро. Он снял дом в престижном районе Хартума и приступил к работе.

В это же время другой человек «Цаффририм» прилетел в Хартум, затем в Порт-Судан, а оттуда поехал вдоль берега, чтобы встретиться с человеком, владевшим маленьким клубом ныряльщиков. К счастью этот человек и сам уже собирался «сматывать удочки» с этого места.

После небольшого разговора он решил продать клуб, а сам уехал в Панаму (где он до сих пор ведёт жизнь пляжного бездельника). Его клуб перешёл прямо в руки нового владельца.

* * *

Моссад видел в этой операции новое «издание» старой операции «Ковер-самолёт» (в ходе её в начале 50-х годов самолётами «Геркулес» в Израиль вывозились йеменские евреи). Уже было решено использовать мощные «Геркулесы» и для вывоза фалашей. Чтобы достаточно хорошо замаскировать операцию, туристический лагерь нужно было значительно увеличить.

За это время Йегуда Гил уже получил лицензию на новое предприятие и в небольших масштабах организовывал туры из Европы. Затем было найдено затонувшее судно в 100 метрах от берега и на глубине 20 метров — идеально для ныряния на небольшие глубины и превосходная приманка для туристов.

Начался наем местных рабочих. Параллельно сотрудники «Цаффририм» нанимали в Тель-Авиве поваров, инструкторов по «дайвингу» и прочий нужный для туристического центра персонал. Подбирали людей, хорошо знавших французский или английский языки.

Если кто знал арабский язык, это был дополнительный «плюс», потому что с его помощью можно было следить за разговорами арабских чи-

новников и дипломатов, которые, возможно, будут проводить тут отпуск.

Среди рекрутов было немало людей, которые уже раньше участвовали в операциях «Цаффририм», а ныряльщики, которых собирались использовать в роли инструкторов по «дайвингу», обучались на курсах военно-морской разведки.

Наконец собралась команда из 35 израильтян, которая должна была полностью «отполировать» туристический центр. У всех были необходимые для работы документы. Так как времени не хватало, секретную работу распределили по мелким группам.

Местных строителей разделили на четыре бригады, работавших по четыре дня по очереди. Ночью подключалась израильская бригада для ускорения строительства. Из-за постоянно менявшихся дневных смен никто не удивлялся, что при начале работы каждый день строительство делало значительный шаг вперёд.

Израильские рабочие тоже постоянно менялись. Но чтобы всё время не доставать для них новые документы, был создан один набор паспортов, который уезжавшая смена просто передавала следующей.

Официально были допущены на стройку только три машины — «Ленд-Ровер» и два грузовика. Но в реальности использовалось девять машин. Изготавливались дубликаты номерных знаков, а «неофициальные» машины прятались.

Вся операция едва не провалилась из-за одной глупейшей ошибки. Кому-то в голову взбрела идея доставить целый груз дёрна с травой на десантном катере за одну ночь. Когда на следующее утро бригада местных рабочих вышла на смену, она увидела огромную зеленую лужайку на том месте, где веками был лишь песок.

Как могла трава прорасти за одну ночь? Когда им объяснили, что это дёрн, те спросили, откуда он взялся в Судане. Но к счастью, после нескольких недоверчивых взглядов, аборигены снова принялись за работу.

В Хартуме Гил начал выпускать проспекты о новой туристической базе. Началась работа и с несколькими турагентствами в Европе: им предлагались индивидуальные путешествия по выгодным ценам. Центр не должен был привлекать группы туристов, по той простой причине, что люди в группах часто хорошо знают друг друга и потому более любопытны к тому, что происходит вокруг них.

Лагерь для туристов был готов в течение месяца. Кроме основных зданий для туристов, кухни, комнат и т.д., было ещё несколько сараев для хранения оборудования, для передачи разведанных и для оружия (Моссад никогда не отправляется безоружным в такие места.)

На территорию ввезли всё, что может понадобиться для вспомогательных взлётно-посадочных полос в пустыне: световые маяки, осветительные прожекторы, контрольные огни, измерители силы ветра и лазерные дальномёры.

Продукты и другие нужные грузы завозились израильскими ракетными катерами, которые при-

ставали к берегу на расстоянии всего полкилометра от лагеря. Так как полдюжины местных рабочих всегда были на стройке, постоянно нужно было сперва удостовериться, есть ли они на месте в момент прибытия груза или нет. Они не должны были стать свидетелями разгрузки израильского корабля.

Параллельно с этими действиями началась вторая операция с бельгийским чартерным самолётом. Для её осуществления понадобилось подкупить суданских чиновников огромными суммами.

Один из них, генерал Омар Мохаммед аль-Таеб, бывший вице-президент, ставший при президенте Нимейри руководителем секретной службы, был в апреле 1986 года по обвинению в предоставлении помощи в вывозе фалашей осужден на два пожизненных заключения и штраф в 24 миллиона суданских фунтов.

В ходе подготовки в штаб-квартиру Моссад пришло донесение, что один из высокопоставленных суданских чиновников хочет получить велосипед с десятью передачами, чтобы перевозить для фалашей документы о переселении. Так как в шпионском ремесле многие вещи представляются не так, какими они есть на самом деле, сотрудники Моссад ума не могли приложить, что делать с этой странной просьбой.

Они послали сообщение своему контактному лицу и попросили объяснений. Им снова пришло сообщение, что чиновник хочет велосипед с десятью передачами. Моссад старался догадаться, что бы это могло означать. Может быть, велосипед из золота? А может это код, который они не поняли? Достаточно сбитые с толку, они снова попросили о более точной информации, но опять получили тот же ответ.

Наконец, им стало понятно, что суданец действительно хочет велосипед. Так что они послали ему один экземпляр «*Raleigh*» — самое меньшее, что они могли.

На турбазе израильтяне тщательно анализировали разведывательный материал о суданской системе радиолокационного наблюдения. Наконец, они нашли «дыру», которую не перекрывали радары Саудовской Аравии и Египта; она находилась в провинции Рас-аль-Хадариба, гористой местности близ египетско-суданской границы. Низколетящий самолёт мог прилететь туда незаметно.

Так что, было решено, что «Геркулес», взлетев с военно-воздушной базы Увда в Эйлате, перелетит залив Акаба и Красное море в южном направлении к этой «дыре», обойдя зону действия вражеских радаров, и направится к посадочным полосам, построенным в пустыне.

Чтобы подыскать подходящие посадочные площадки, лётчиков привозили на турбазу, и они работали там в качестве экскурсоводов в пустыне. Так, не вызывая подозрений, они могли ездить по пустыне и отмечать на картах посадочные площадки.

Потом они объясняли другим израильтянам в лагере, как нужно строить взлётно-посадочные полосы, какой они должны быть длины, как должны функционировать их освещение и коммуникации.

Даже у разведчиков время от времени прояв-

ляется чувство юмора. Однажды один сотрудник «Цаффририм» взял с собой в Хартум одного израильского лётчика, чтобы решить там какие-то дела. Наконец они остановились на вилле одного местного коммерсанта.

«Катса» Йегуда Гил тоже был тут, и если Гил и человек из «Цаффририм» знали о занятиях друг друга, то лётчик был уверен, что Гил действительно обычный бизнесмен. Когда хозяин виллы вышел на несколько минут, сотрудник «Цаффририм» спросил Гила, как продвигается его бизнес. Гил ответил: «А что вы, собственно, делаете?»

— О, я израильский шпион, — последовал ответ.

Лётчик побелел как мел, но два других мужчины только посмеялись. Лётчик ничего не сказал о произошедшем, пока они не отправились обратно. Отъехав на несколько километров от Хартума, лётчик внезапно прорычал: «Ты сошёл с ума. Никогда не говори ничего такого. Даже в шутку!» Сотруднику «Цаффририм» понадобилось 15 минут, чтобы успокоить пилота и всё ему объяснить.

Другой проблемой было вытащить фалашей из лагерей беженцев. В то время сотни тысяч чёрных эфиопов сбежали от голода и войны в своей стране и нашли убежище в суданских лагерях. Так что, сложность состояла и в том, чтобы отобрать из этих беженцев евреев.

Эту задачу взяли на себя несколько мужественных фалашей, которые уже были эвакуированы ранее и находились в безопасности в Израиле. Но чтобы помочь своим землякам, они были готовы пойти на смертельный риск и вернуться в эфиопские или суданские лагеря и собрать там своих людей в группы.

Эта новость со скоростью ветра пронеслась среди фалашей, но все они смогли сохранить тайну. Так что и эта часть операции прошла быстро и успешно.

Примерно в марте 1984 года на турбазу приехали первые европейские туристы, а в дипломатических и правительственных кругах Судана говорили о том, что на побережье появился новый прекрасный туристический комплекс.

С момента его открытия до того дня, когда весь «персонал» внезапно исчез, центр всегда был полон туристов — превосходный финансовый успех. Однажды возникла даже идея: не предложить ли руководству ООП провести там свою конференцию?

ООП могло чувствовать себя там в полной безопасности — в Судане, на расстоянии лишь около 600 км по прямой от Мекки. Планировалось затем послать туда ночью «коммандос», захватить всё руководство ООП, затащить их на ракетные катера и как пленных привезти в Израиль. Возможно, что это даже сработало бы.

* * *

Теперь всё было готово к последней фазе операции. Была построена временная взлётно-посадочная полоса, и назначено место встречи в пустыне, где беженцы садились бы на грузовики и за шесть часов на огромной скорости доезжали бы к

«Геркулесу».

За каждый раз планировалось вывезти около 100 человек, но часто под тенты грузовиков набивалось более чем вдвое больше слабых и измождённых тел. Сотни фалашей умирали от голода и упадка сил во время этих трудных путешествий, и ещё сотни — в безумно переполненных «Геркулесах» за время полёта в Израиль.

Но так как они были евреями, то даже мёртвых, если это было возможно, привозили в Израиль, чтобы там подобающим образом их похоронить.

Перед каждым полётом израильские разведывательные самолёты с очень большой высоты засекли суданские дорожные посты и сообщали об этом в коммуникационный центр на турбазе с использованием метода ускоренной передачи сверхкоротких сигналов «Вспышка» («Burst»).

В первую ночь всё, казалось, прошло без сложностей. Все встретились на правильном месте в пустыне. Проехав объездными дорогами, грузовики избежали дорожных постов. И беженцев привезли к взлётной полосе ещё до того, как приземлился «Геркулес», для ориентации которого на песке пустыни были установлены две светящиеся полосы.

Когда «Геркулес» появился из темноты, фалаша, никогда не видевшие ничего подобного, уставились на него с ужасом, наблюдая, как гигантская машина приземлялась против ветра, разворачивалась, и, подымая своими гремящими двигателями тучу песка и камней, надвигалась на них.

Охваченные паникой, 200 фалашей разбежались по пустыне и укрылись в ночной тьме, чтобы спастись от этого монстра. Израильтянам удалось быстро найти лишь около 20 человек. После дальнейших поисков было решено взлетать. Остаток группы нужно было забрать на следующий день.

До утра нашли всех, кроме одной старой женщины, которая, однако, чудом выжила. Она три дня пешком шла до своего лагеря и потом все-таки попала в Израиль с одной из последующих групп.

После этого первого опыта израильтяне решили держать фалашей в грузовиках, пока самолёт не приземлится. Потом их на грузовиках подвозили прямо к самолёту, чтобы беженцы смогли сразу попасть вовнутрь.

Пока сведения об этой другой операции «Моисей» не просочились наружу, этот тайный воздушный мост в пустыне функционировал безупречно. Полёты были почти каждую ночь. Иногда одновременно в воздухе находились 2 или 3 машины, чтобы как можно быстрее вывезти максимальное количество евреев.

Затем, как обычно, произошёл новый инцидент. Однажды пустой маленький грузовичок, возвращаясь на турбазу, попал на дорожный контрольный пост. Так как ни у водителя, ни у его пассажира не было настоящих документов, суданские солдаты арестовали их, надели наручники и притащили в палатку.

Эти дорожные патрули служили в основном для наблюдения и контроля за действиями южносуданских повстанцев. Патруль всегда состоял из двух солдат, у которых, правда, не было рации. Они всегда оставались на одном месте на несколько дней.

Когда оба мужчины не вернулись в туристический лагерь, оттуда послали людей на их поиски. Когда был найден автомобиль, началась срочная подготовка к их освобождению. На большой скорости грузовик подъехал к дорожному ограждению, а водитель закричал пленным в палатке, чтобы они запрыгивали в кузов.

Суданские солдаты приблизились к грузовику, как вдруг открылся его задний борт, и солдат смело пулемётным огнём. Израильцы стащили палатку, положили камень на педаль газа другого грузовика и запустили его в пустыню — чтобы всё выглядело, как результат налёта партизан. Этот инцидент, в любом случае, не произвёл никакого опасного шума.

Единственной израильской жертвой этой операции был пассажир, ехавший в развозном грузовичке в Хартум. Грузовичок тоже наткнулся на дорожное ограждение, а так как машина не остановилась, солдаты открыли по ней огонь и убили этого человека. Но водитель продолжал движение. Обоим суданским солдатам, не имевшим радиосвязи, не оставалось ничего, как стрелять грузовичку вслед.

Но потом, однажды ночью в январе 1985 года, из Израиля пришёл приказ срочно «паковать». В Хартуме Йегуда Гил, прихватив несколько личных вещей, сел на первый самолёт в Европу, а оттуда вылетел в Израиль.

Пока туристы на Красном море спокойно спали в своих постелях, израильцы погрузили своё оборудование на корабли, загнали «Ленд-Ровер» и два грузовика в «Геркулес» и тихо и незаметно покинули страну. Хайем Элиазе, «руководивший» туристическим комплексом, ещё умудрился упасть с грузовика, когда тот грузился в самолёт, и сломал ногу.

Но через два с половиной часа Элиазе уже был дома в Израиле и принимал похвалы своих коллег. Он жаловался лишь на то, что операция, которая могла войти в историю, как самая успешная тайная спасательная акция, была так внезапно прервана из-за болтливости чиновника и газетного репортёра.

К несчастью, несколько тысяч фалашей так и остались в Эфиопии и Судане. Представитель фалашей Барух Танга горько сказал: «Все эти годы было так трудно вырваться оттуда. Теперь, когда половина наших семей всё ещё остаётся там, они всё опубликовали. Как же могли они это сделать?»

Так думал не только он один.

Глава 15. Портовое страхование

Летом 1985 года лидер ливийской революции Муамар аль-Каддафи представлялся в глазах большей части западного мира чуть ли не воплощением зла. Правда, лишь Рональд Рейган отдал своей авиации приказ атаковать Ливию. Но и израильцы постоянно обвиняли Каддафи в том, что он снабжает оружием большую часть палестинцев и прочих врагов Израиля в арабских странах.

Завербовать ливийца для Моссад очень тяжело. Их нигде особо не любят, что уже само по себе проблема. Ливийцев нужно вербовать в Европе, но

они редко и неохотно выезжают из страны.

У Ливии есть два больших порта: Триполи, столица страны, и Бенгази на северо-западе залива Сидра. Израильские военно-морские силы в ходе постоянных патрулирований вдоль всего побережья Средиземного моря ведут тщательное наблюдение за ливийскими действиями.

Коридор от своих берегов до Гибралтара Израиль рассматривает, как свою «дыхательную трубку». Он жизненно важен, как путь, соединяющий Израиль с Америкой и большей частью Европы, через который осуществляется почти весь поток израильского импорта и экспорта.

В 1985 году Израиль поддерживал достаточно хорошие отношения с другими странами на южном побережье Средиземного моря — с Египтом, Марокко, Тунисом Алжиром, но только не с Ливией.

У Ливии достаточно большой военный флот, но есть большие проблемы с его содержанием и комплектованием экипажами. Корабли находятся в ужасном состоянии. Ливия, к примеру, купила у русских подводные лодки, но ливийцы либо не знали, как на них погружаться, либо боялись этого делать.

Как минимум, два раза израильские морские патрули сталкивались с ливийскими подлодками. Обычно в таком случае подлодка погружается. Но ливийцы на всех парах убегали от израильцев в свои гавани.

У израильцев уже была станция подслушивания подводных лодок на Сицилии, которой они пользовались с разрешения итальянцев. Но этого было недостаточно для контроля, поскольку Ливия своей поддержкой ООП и других подпольных групп непосредственно угрожала израильскому побережью.

А своё побережье Израиль рассматривает, как «мягкое подбрюшье» — самое уязвимое место, где размещена большая часть его промышленности и живёт преобладающее большинство населения.

Значительную часть оружия и боеприпасов ООП получала кораблями из Ливии, кроме того, многое проходит через Кипр, который лежит вроде как «по пути».

Этот путь так и называют «тротильным маршрутом» — TNT — от Триполи в Ливии до Триполи в Ливане. Одно время израильцы получали много сведений о ливийской активности от Центральноафриканской Республики, а также из Чада, чьи войска постоянно находились в остром пограничном конфликте с ливийцами.

Моссад также уже завербовал через свои европейские резидентуры нескольких «наблюдателей за судами», обычно гражданских лиц, которые просто фотографировали суда, входившие в порты. Это было достаточно безопасно и, тем не менее, приносило много информации о том, что происходило в портах.

Но даже если они время от времени (в основном, благодаря счастливым случайностям) узнавали что-то о грузах оружия на судах, всё равно помимо этого нужно было обязательно получить доступ к информации о судоходстве в и из Триполи и Бенгази.

На встрече, в которой принимали участие сотрудники исследовательского подотдела по ООП и шеф подотдела «Цомет» по Франции, Бельгии и Великобритании, было решено попытаться завербовать какого-то контролирующего служащего или ещё кого-либо в бюро начальника порта в Триполи и через него узнавать названия и порты приписки заходивших в гавань судов.

Хотя Моссад и знал названия кораблей ООП, он не всегда знал, где они в данный момент находятся.

Если хочешь их перехватить или потопить, нужно знать, где они. Это трудно, если не знать маршрута судна или точного времени его выхода из порта. Многие из них следуют очень близко от берега, не выходя в открытое море, чтобы не быть обнаруженными радарам.

Кроме того, засечь корабли, идущие возле гористого берега вообще очень тяжело, потому что отражение гор на радаре мешает обнаружению корабля, и потому что корабль всегда может спрятаться в одной из многочисленных бухт за береговой линией.

А когда он снова появляется, то его, по меньшей мере в начале, трудно опознать. В Средиземном море очень интенсивное судоходство. Там действуют американский 6-й флот, русский флот, торговые суда со всего мира. У Моссад нет там полной свободы действий. Все прибрежные страны имеют свои радарные установки, и это нужно учитывать при планировании операций.

Получать точные сведения непосредственно из Ливии? Это легче сказать, чем сделать. Посылать туда кого-то для вербовки слишком опасно. У сотрудников Моссад уже пар шёл из головы.

Но тут один разведчик, который какое-то время работал под прикрытием репортёра французского журнала «Африк-Ази» (см. главу 3 «Новички»), подал идею просто позвонить в триполийский порт и выяснить, кто может располагать такими знаниями. Таким образом, можно будет хотя бы очертить круг интересующих лиц.

Когда люди постоянно имеют дело с запутанными интригами и сложнейшими оперативными деталями, они часто не замечают простейших идей.

Так была установлена телефонная связь, которой можно было пользоваться из Тель-Авива, но проходила она через офис или квартиру в Париже на тот случай, если кому-то захотелось бы проследить, откуда был звонок. Помещение располагалось в здании одной французской страховой компании, принадлежавшей французскому «сайану».

Перед тем, как позвонить, «катса» создал для себя полную «легенду» страховщика. У него был свой офис с секретаршей. Такую женщину называют «Бат левейха», что означает примерно «сопровождение» (отнюдь не в сексуальном смысле).

Этим понятием обозначается просто женщина из окружения, не обязательно еврейка, завербованная в качестве помощницы агента и делающая работу, которую обычно исполняют женщины. В соответствующем посольстве ей объясняют, что она работает на израильскую разведку.

Операция проходила согласно концепции

«Микрим ве Тгувот», т.е. «действие и реакция». Ты знаешь, что будешь делать, но реакцию другого нужно предопределить заранее.

Для каждой мыслимой реакции нужно спланировать новое действие. Это похоже на огромные шахматы, но наперёд планируется не больше двух ходов, иначе всё станет слишком сложным. Но в любом случае, это составная часть обычного оперативного планирования и применяется при каждом следующем ходе.

В помещении помимо «катса» сидели ещё Менахем Дорф, шеф подотдела Моссад по ООП, и Гидеон Нафтали, главный психиатр Моссад, оба в наушниках. Нафтали должен был сразу сделать психологический портрет человека на том конце провода.

Первый человек, поднявший трубку, не знал французского языка, потому подозвал к аппарату кого-то другого. Тот подошёл, кратко представился и сказал, что вернётся через полчаса. Потом он положил трубку.

Когда «катса» перезвонил, то сразу попросил к телефону начальника порта, назвав его по имени. Начальнику порта он представился, как страховой детектив одной французской фирмы.

Первый ход должен быть точным. Достоверной должна быть не только история. Нужно, чтобы поверили и человеку, который её рассказывает. Теперь «катса» объяснял, чем он занимается, что его фирме нужны определённые сведения об определённых судах, заходящих в определённые порты, и что ей нужно знать, кто отвечает за эти суда.

— Я отвечаю за них, — сказал мужчина. — Чем я могу вам помочь?

— Мы знаем, что время от времени в порты заходят суда, владельцы которых утверждают, что они потеряны или повреждены. Ну, мы, хотя и страховщики, всё же не можем контролировать прямо на местах, насколько справедливы требования владельцев о получении страховки, потому нам нужны более точные сведения.

— Что же вам нужно знать?

— Ну, например, нам хотелось бы знать, ремонтировались ли суда, загружались ли они или разгружались. У нас нет представителя на месте. Но мы охотно заполучили бы кого-то, кто представлял бы наши интересы. Если бы вы нам кого-то порекомендовали, то мы готовы ему хорошо платить.

— Я думаю, что я смогу вам помочь, — сказал человек. — У меня есть сведения, которые вам нужны и для меня не представляет трудностей передать их, если речь идёт, конечно, о мирных судах, а не о военных кораблях.

— Нас не интересует ваш военный флот, — ответил «катса». — Мы же его не страхуем.

Беседа длилась 10 или 15 минут, и в ходе её «катса» спросил о пяти или шести судах. Только одно из них, корабль ООП, сейчас было на ремонте. Он спросил адрес, куда он может послать гонорар, назвал начальнику порта свой собственный адрес и номер телефона и сказал ему, что он всегда может звонить, если у него есть информация, которую он считает важной.

Всё прошло настолько гладко, а сам начальник порта вызывал такое доверие, что «катса» рискнул спросить его, разрешено ли ему помимо основной работы в порту, подрабатывать ещё и страховым агентом.

— Я, возможно, смог бы кое-что делать, но только в виде подработки. Как минимум, пока я увижу, насколько хорошо всё пойдёт.

— Прекрасно. Я пошлю вам основные инструкции и пару визитных карточек. Когда вы всё изучите, мы сможем снова переговорить.

Беседа окончилась. Отныне у Моссад был платный агент в порту Триполи, не знавший, что он завербован.

Теперь «коммерческий отдел» «Метсада» получил задание написать такие инструкции для страхового агента, чтобы они звучали разумно и могли стать средством для получения желаемой информации от ливийца. Через некоторое время «учебник» отправили в Триполи.

Нужно учесть, что если кому-то в ходе вербовки сообщается адрес и телефон, то они должны оставаться действующими, как минимум, три года, даже если работа не выйдет за пределы первой стадии вербовки. Это правило верно для всех случаев, кроме тех, когда возникает конфликт, в ходе которого «катса» может угрожать опасности; тогда все адреса и телефоны «ликвидируются».

За следующие пару месяцев новый агент регулярно поставлял донесения, но во время одного телефонного звонка он сказал, что внимательно прочёл инструкции, но так и не совсем понял, в чём собственно состоит его деятельность как страхового агента.

— Я понимаю, — сказал «катса». — Я хорошо помню, что когда я начинал, чувствовал то же самое, прочтя «учебник». Скажите, а когда у вас отпуск?

— Через три недели.

— Великолепно. Вместо всех этих объяснений по телефону, лучше приезжайте сюда — к нам во Францию. Мы за всё заплатим. Я пошлю вам билет. Вы уже так хорошо себя показали, что мы вполне сможем отдохнуть пару дней в Южной Франции и соединить приятное с полезным. И, честно говоря, из соображений экономии на налогах, нам выгоднее, чтобы вы сами приехали сюда.

Агент был в восторге. Моссад платил ему в месяц только около 1000 долларов, но за последнее время он не менее трёх раз ездил во Францию. Он был полезен, хотя кроме своих знаний о движении судов в порту, не располагал никакими другими важными связями.

Но никто не хотел подвергать риску его деятельность. После личной встречи во Франции, самым разумным казалось использовать его только, как информатора о происходившем в порту и не пытаться применять его для других дел.

В начале его спрашивали только об отдельных кораблях, швартующихся в Триполи. О них ему говорили, что они застрахованы данной компанией. Потом они добились, чтобы начальник порта сообщил им список вообще всех заходящих в Триполи судов. Они пообещали соответственно за это запла-

тить.

Когда они получают полный список, говорили ему, они смогут передавать сведения другим страховым компаниям. Они настолько будут рады этому, что хорошо заплатят. Часть полученных таким образом доходов достанется ему.

Ливиец довольный вернулся в Триполи и стал поставлять информацию о всех судах в порту. Однажды корабль, принадлежавший Абу Нидалю, был загружен в гавани Триполи оружием и военным снаряжением — включая переносные зенитные ракеты. Израильцы не хотели, чтобы это оружие попало в руки палестинских бойцов, действовавших у их границ.

Они узнали о корабле Абу Нидаля ещё раньше — путем прослушивания линий связи ООП — в одном из разговоров такой обычно скрытней Абу Нидаля проговорился. Теперь Моссад должен был спросить «своего» начальника порта, где точно находится корабль, и как долго он будет там стоять. Он сообщил им о стоянке корабля рядом с другим, тоже загруженным таким же грузом, но направлявшимся на Кипр.

Тёплой летней ночью 1985 года два израильских ракетных катера вышли на, казалось бы, обычное морское патрулирование. Но в этот раз они прервали свой поход и высадили шесть боевых пловцов в маленькой мини-подлодке с электродвигателем.

На подлодке был длинный «колпак» вместо рубки, а сама она походила на винтовой истребитель времён Второй мировой войны, только без крыльев или на длинную торпеду с винтом в хвосте. Такую подводную машину называют «подлодкой мокрого типа», потому что боевые пловцы сидят в ней в гидрокостюмах и масках и дышат с помощью аквалангов.

Как только подлодку и боевых пловцов спустили с катеров в воду, она быстро подплыла к одному из судов, закрепилась под ним с помощью магнитов и на нём проникла в гавань. Колпак подлодки давал «коммандос» жизненно необходимую защиту.

Из разговоров с начальником порта Моссад знал, что ливийцы каждые пять часов патрулируют гавань и сбрасывают в воду ручные гранаты, взрывы которых были достаточно сильны, чтобы уничтожить всех боевых пловцов в гавани.

Они были готовы к этим «мерам безопасности», потому что однажды «катса» во время разговора с начальником порта услышал в телефоне какой-то грохот и спросил, что это за шум. Это обычная мера предосторожности в портах стран, находящихся в состоянии вооруженного конфликта. То же самое делают и в Сирии, и в Израиле.

Боевые пловцы подождали, пока патрулирование закончится, и затем поплыли к цели со своими магнитными минами. Закрепив мины на корпусах обоих уже загруженных кораблей ООП, они вернулись к своей подлодке. Вся операция продлилась около двух с половиной часов.

Зная от своего информатора, какие суда ночью должны покинуть порт, они приблизились к танкеру, стоявшему перед выходом из гавани. Но цепляться к нему «коммандос» не стали, подумав,

что им будет тяжело и небезопасно оторвать свою крохотную подлодку от огромного танкера, когда тот наберёт полную скорость.

К сожалению, кислород в аквалангах уже подходил к концу, к тому же и аккумуляторы подлодки испустили дух. В таком состоянии выходить в открытое море было нельзя, потому они спрятались в одной небольшой бухте, откуда их позднее вытащили.

Они связались между собой канатом и сформировали так называемый «подсолнух»: воздух подается прямо в гидрокостюм, отчего он надувается, и пловец может находиться на поверхности воды без всяких усилий. Люди могли даже спать по очереди, пока один из них нёс вахту.

Через пару часов появился израильский катер, который нашел их благодаря передаваемому пловцами сигналу, который принимался пеленгатором катера, и подобрал их на борт.

В шесть часов утра на следующий день в гавани раздались четыре мощных взрыва, и оба судна утонули за пару минут, вместе со всем оружием и снаряжением стоимостью в несколько миллионов долларов.

«Катса» предполагал, что теперь его начальнику порта придёт конец. Этот случай, несомненно, должен был вызвать к нему подозрения. Но произошло как раз обратное. Когда агент позвонил в этот день, он был в прекрасном настроении.

— Представляете, что случилось! — сказал он. — Они взорвали два корабля прямо в гавани!

— Кто?

— Израильцы, конечно, — сказал он. — Я не знаю, как они нашли корабли, но это были именно они. К счастью, это не те, которые мы застраховали. Так что, не волнуйтесь.

Начальник порта проработал на Моссад после этого случая ещё полтора года. Он заработал на этом кругленькую сумму, пока однажды не исчез. После него остался только след из потопленных палестинских судов.

Глава 16. Бейрут

События эти не вошли в число счастливых в истории Израиля. В середине сентября 1982 года кадры резни попали на первые страницы газет и журналов всего мира, во все выпуски теленовостей. Повсюду трупы. Мужчины, женщины, дети. Даже лошади.

Одним жертвам стреляли в голову в упор, другим перерезали горло, третьих кастрировали. Молодых парней сгоняли в группы по 10-20 человек и без разбора косили из автоматов. Почти все из более 800 палестинцев, погибших в лагерях беженцев Сабра и Шатила под Бейрутом были безоружны. Невинные гражданские лица, павшие жертвой жестокой мести христианской ливанской милиции.

Израильские оккупационные войска в Ливане не просто терпимо отнеслись к этому ужасному преступлению — они сами способствовали ему. Президент США Рональд Рейган, самый важный союзник Израиля в тогдашней ситуации, заявил позднее, что в глазах мировой общественности Из-

раиль из Давида превратился в Голиафа Ближнего Востока.

Через два дня Рейган послал в Ливан своих морских пехотинцев как часть американо-французско-итальянских миротворческих сил.

Реакция на действия Израиля была единодушной. В Италии портовые рабочие отказывались грузить израильские суда. Великобритания официально осудила Израиль, а Египет отозвал из Израиля своего посла. Массовые протесты прошли и в самом Израиле.

* * *

Со времён основания Государства Израиль многие израильтяне мечтали жить в мире с арабскими странами и стать частью мира, в котором нет границ для людей, и в котором тебя повсюду приветствуют, как друга. Идея открытой границы, вроде знаменитой американо-канадской, для израильтян всё ещё непредставима.

В конце семидесятых годов Адмони, тогдашний шеф отдела связей Моссад, установил через ЦРУ и свои контакты в Европе прочные отношения с Баширом Жмайелем, вождём христианских фалангистов в Ливане, человеком одновременно беспощадным и властным.

Адмони доложил руководству Моссад, что Ливану нужна его помощь. Моссад, в свою очередь, убедил израильское правительство в том, что Жмайель — близкий друг террориста Саламеха, «Красного принца», — действительно всерьёз готов сотрудничать с Израилем. Такой была картина, которую Моссад годами представлял правительству страны благодаря своей искусно отфильтрованной информации.

Жмайель в то время работал для ЦРУ, но в Моссад идея заполучить «друга» в арабской стране — всё равно, каким бы двуличным он не был, — вызвала восторг. Кроме того, Израиль никогда не опасался Ливана. Об этом даже ходила шутка: если между двумя странами дойдёт до войны, то Израиль пошлёт свой военный оркестр, чтобы победить ливанцев.

В любом случае, ливанцы в то время были настолько заняты своей гражданской войной, что не могли думать о ком-нибудь ещё. Разнообразные мусульманские и христианские вооружённые группировки воевали между собой, как и сейчас.

Жмайель, чьи войска были в тот момент окружены, решил попросить помощи у Израиля. Как позитивный результат возможного вмешательства, Моссад рассматривал возможность уничтожения врага Израиля номер один — ООП.

Ещё долгое время после того, как действия Израиля уже нанесли ущерб собственной стране, ливанский контакт оставался для Моссад чрезвычайно важным, потому что именно Адмони, шеф Моссад, был тем человеком, который всё это начал и видел в этом венец своей деятельности.

Во многих аспектах сегодняшней Ливан напоминает Чикаго или Нью-Йорк 20-х и 30-х годов, с борьбой различных мафиозных групп и банд за власть. Насилие и чванство определяют ежедневную жизнь, а правительственные власти не в силах

или не хотят этому противостоять.

В Ливане тоже есть свои «семьи», у каждой — своя армия или милиция, преданная «крёстному отцу». Но религиозные и семейные связи стоят на втором месте. Борьба, прежде всего, идет за деньги и власть, произрастающие из торговли наркотиками и других мафиозных занятий, которые поддерживаются ливанской коррупцией и царствующей там анархией.

В Бейруте люди могут жить очень хорошо, но никто не знает, как долго. Ни одна столица мира не находится под угрозой такого окончательного краха, как Бейрут. Этим объясняется и то, что правящие группы — «семьи», боевики или разбойники наслаждаются жизнью в полном объёме, пока это возможно.

Их всех набирается не более 200 000 человек, в то время, как миллион ливанцев в Бейруте и в его окрестностях с трудом пытаются выжить в ужасных условиях национальной катастрофы и при этом ещё прокормить свои семьи

В 1978 году Башир Жмайель по прозвищу «Бэбифэйс» через свои каналы в Моссад попросил у Израиля оружие для продолжения своей борьбы с другим влиятельным христианским кланом Франжье (Тони Франжье, убитый Жмайелем в июне 1978 года вместе с женой и дочерью, не был в хороших отношениях с Моссад).

Моссад продал ему оружие, полученное «деловым партнёром» таким путём, как это никогда ещё не делал даже Моссад.

В 1980 году группа фалангистов прошла обучение на военной базе в Хайфе, где, в частности, училась использовать маленькие патрульные катера типа «Дабур». Их производит в Израиле фабрика, которая находится не где-нибудь на побережье, а в городе Беэр-Шева в самом центре пустыни на половине пути между Средиземным и Красным морями.

Когда обучение завершилось, в Хайфу на корабле прибыл главнокомандующий христианским флотом Ливана в своём обычном блестящем шёлковом костюме. Его сопровождали три телохранителя и три сотрудника Моссад с несколькими чемоданами в руках.

Военные Жмайеля купили пять катеров, каждый по 6 миллионов долларов, и заплатили за всё наличными долларами. Деньги они привезли в чемоданах. На купленных катерах они сразу же отравились в Джунию, порт к северу от Бейрута.

Когда чемоданы были открыты, главнокомандующий ливанского флота спросил высокопоставленного сотрудника Моссад, хочет ли он пересчитать деньги.

— Нет, мы верим вам, сказал тот. — Но если что-то не так, то вы мертвец. Они посчитали позже, и всё было правильно.

Большую часть времени фалангисты использовали свой флот для патрулирования на малом ходу вдоль побережья Западного Бейрута, стреляя из пулемётов по мусульманам. Эти «учения» стоили жизни сотням невинных людей, но, по сути, не принесли никакой военной пользы.

Благодаря своим связям через Моссад, Израиль получил от Жмайеля в 1979 году разрешение на

строительство в Джунии радиолокационной станции ВМС, на которой работали 30 израильских военных моряков. Это была первая база Израиля в Ливане.

Существование этой базы, естественно, значительно усилило позиции фалангистов, потому что мусульмане — и сирийцы — побаивались вступать в конфликт с израильтянами. Многие переговоры между Моссад и Жмайелем по поводу радарной установки проходили в поместье его семьи севернее Бейрута. В качестве «возмещения затрат», Моссад ежемесячно платил Жмайелю от 20 до 30 тысяч долларов.

Одновременно у Израиля были другой друг в Южном Ливане — христианский майор Хаддад, командовавший милицией, состоявшей в основном из суннитов. Хаддад испытывал не меньшее желание, чем сами израильтяне, избавиться от войск ООП Ясира Арафата на юге Ливана. Он тоже был готов, если наступит время, выступить против Арафата.

Резидентура Моссад в Бейруте, прозванная «подлодкой», находится в подвале бывшего правительственного здания близ границы между управляемым христианами Восточным Бейрутом и управляемым мусульманами Западным Бейрутом.

Там постоянно работали около десяти человек, среди них 7-8 «катса», из которых один или двое были из Подразделения 504 израильской военной разведки, официально делившей с Моссад помещение резидентуры.

В начале 1980 года Моссад поддерживал отношения с другими борющимися между собой христианскими кланами. Он платил за информацию, которую затем передавал различным группировкам. Он так же платил бандам и некоторым палестинцам в лагерях беженцев за добычу сведений и прочие услуги. Кроме Жмайеля, в «платёжных ведомостях» Моссад значились ещё семь Жумблат и Берри.

Израильтяне оценивали ситуацию арабским словом «халемх» — «шумная неразбериха». И неразбериха возросла ещё больше, когда начались захваты в заложники граждан западных стран. В июне 1982 года, например, ректор Американского университета в Бейруте Дэвид С. Додж, возвращаясь домой, был схвачен четырьмя вооружёнными людьми.

Широко распространённый метод перевозки заложников называется «транспорт мумии». Заложника с головы до ног обматывают коричневой клейкой лентой, оставляя только маленькое отверстие для дыхания, затем этот «пакет» кладут в багажник или под сидение автомобиля.

Некоторым жертвам приходилось просто лежать и умирать, особенно если похитители наскочили на дорожный контрольный пост враждебной милиции.

Пока Моссад работал над своими разнообразными связями в Ливане, а министр обороны Ариэль Шарон, которого американцы называли «ястребом из ястребов», настаивал на войне, давление на Бегина постепенно возрастало. Считалось, что пришло время искоренить ООП на юге Ливана, откуда палестинцы из миномётов обстреливали через границу

израильские поселения в приграничной полосе.

После Войны Судного дня 1973 года Шарона в Израиле все называли не иначе, как «Арик, Арик, царь Израильский». Шарон при росте всего 1,65 м весил 100 кг. Из-за своей фигуры и политического стиля его часто называли ещё «бульдозером».

Когда ему было всего 25 лет, он командовал операцией «коммандос», жертвами которой стали бесчисленные невинные иорданцы, что вынудило тогдашнего премьер-министра Давида Бен-Гуриона принести свои официальные извинения.

Позднее Моше Даян едва не осудил Шарона судом военного трибунала за невыполнение приказа во время Синайской войны 1956 года, когда манёвр Шарона привёл к многочисленным потерям среди парашютистов, которыми он командовал.

ООП боялась вторжения Израиля в Ливан ещё за много месяцев до его начала, потому Арафат приказал прекратить обстрелы израильских поселений. Тем не менее, весной 1982 года Израиль четыре раза стягивал войска к своей северной границе, но в последний момент отводил их, в основном, под американским давлением.

Бегин обещал американцам, что Израиль, если и нападёт, то только до реки Эль-Литани в 30 км севернее границы, чтобы исключить дальнейшие обстрелы израильских посёлков палестинцами. Он не сдержал своего обещания, и, если учесть темп наступления израильской армии на Бейрут, то он даже не собирался это делать.

25 апреля 1982 года Израиль вернул Египту последнюю треть Синайского полуострова, занятого им в Шестидневной войне 1967 года. Так были выполнены Кэмп-дэвидские соглашения 1979 года.

Но, как только израильские бульдозеры снесли последние остатки израильских поселений на Синае, одновременно Израиль нарушил перемирие 1981 года на границе с Ливаном протяженностью 120 км. Ещё в 1978 году Израиль с десятью тысячами солдат и двумя сотнями танков вторгся в Ливан, но ему не удалось изгнать оттуда ООП.

6 июня 1982 года, солнечным воскресным утром кабинет Бегина дал Шарону зелёный свет на вторжение в Ливан. В тот же день ирландский генерал-лейтенант Уильям Каллаган, главнокомандующий войсками ООН в Ливане (UNIFIL), прибыл в передовой штаб северного командования израильских войск в Зефате, чтобы обсудить резолюцию Совета Безопасности ООН с требованием о взаимном прекращении заградительного огня, как Израилем, так и ООП.

Вместо ожидаемого обсуждения он получил от начальника штаба израильской армии генерал-лейтенанта Рафаэля Эйтана информацию о том, что через 28 минут Израиль начнёт наступление на Ливан.

Через короткое время 60 тысяч человек с более чем пятьюстами танками перешли ливанскую границу, начав позорный поход, который, хотя и изгнал из Ливана 11 тысяч солдат ООП, но принёс огромный ущерб международному престижу Израиля, и стоил жизни 462 израильским солдатам, и ещё 2218 были ранены.

За первые 48 часов основные силы ООП по-

терпели поражение, но в Тире, Сидоне и Эд-Дамуре ООП оказала упорное сопротивление. На два срочных послания Рейгана с требованием не нападать на Ливан Бегин ответил, что Израиль хочет лишь прогнать ООП от своих границ. Бегин писал: «Кровожадный агрессор стоит у наших ворот. Разве у нас нет само собой разумеющегося права на самозащиту?»

Пока израильские войска напали на ООП на юге Ливана, их войска одновременно соединились с христианскими фалангистами Жмайеля в пригородах Бейрута. Когда они вошли в Бейрут, христианское население сперва радостно осыпало их рисом, конфетами и цветами. Это продлилось недолго, и вскоре войска окружили несколько тысяч бойцов ООП и 500 тысяч мирных жителей в Западном Бейруте.

Смертоносные бомбардировки продолжались. В августе Бегин в ответ на критику из-за рубежа, упрекавшую израильтян в том, что жертвами их действий в основном становятся мирные жители, заявил: «Мы делаем то, что должны делать. Западный Бейрут это не город, а военный объект, окружённый гражданскими людьми».

Наконец, после десятидневной осады, пушки замолчали, и войска ООП вышли из города. После этого премьер-министр Ливана Хафик аль-Ваззан с облегчением сказал: «Мы достигли окончания наших страданий». Но радовался он преждевременно.

В конце августа в Бейрут вступили немногочисленные миротворческие силы, состоявшие из итальянцев, американцев и французов, а израильтяне только усилили своё давление на окружённый город.

14 сентября 1982 года в 16.08 дистанционно управляемая стокилограммовая мина на третьем этаже штаб-квартиры христианской фаланги в Восточном Бейруте взорвала только что избранного президента Башира Жмайеля и ещё 25 его сторонников, когда он и около 100 его однопартийцев проводили там собрание. Башира сменил его сорокалетний брат Амин.

Террорист был схвачен. Им оказался Хабиб Хартуни, 25 лет. Он, очевидно, получил взрывчатку и инструкции от просирийской ливанской партии, противника фалангистов. Операцией руководила сирийская разведка в Ливане под руководством подполковника Мохаммеда Ганена.

Так как ЦРУ покровительствовало контактам между Жмайелем и Моссад, Соединённые Штаты заключили с Институтом соглашение о взаимной передаче разведывательных материалов (что, прежде всего, было полезно Моссад, поскольку он сам никогда не передаёт по настоящему ценную информацию другим организациям).

Но так как Моссад видит в ЦРУ «игрока, не умеющего играть», то нет сомнения в том, что Моссад прекрасно знал о роли сирийцев в убийстве Жмайеля.

Через два дня после покушения к израильскому генерал-майору Амиру Дрори, командующему северной группировкой, и другим высшим офицерам его штаба в порту Бейрута прибыли гости: Фади Фрем, командир христианской милиции и её

знаменитый начальник разведки Элиас Хобейка, блестящая и зловещая фигура, никогда не расстававшийся с пистолетом, ножом и ручной гранатой, самый опасный фалангист в Ливане.

Хобейка был близким союзником христианского генерала Самира Зазы. Позже они постоянно сменяли друг друга в верховном командовании христианской армии. Для Моссад Хобейка был важным контактным лицом. Он закончил в Израиле командно-штабной колледж. Именно он командовал войсками, которые вторглись в лагеря беженцев и зверски убили мирных людей.

Хобейка ненавидел Амина Жмайеля и претендовал на верховную власть. Он впутался в ожесточённую внутреннюю борьбу, потому что некоторые люди обвинили его в том, что Башира Жмайеля недостаточно хорошо охраняли.

16 сентября примерно в пять часов вечера Хобейка собрал свои войска в международном аэропорту Бейрута и двинулся в направлении лагеря Шатила, поддерживаемый осветительными снарядами и трассирующими пулями, а позднее танковыми и артиллерийским огнём Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ).

Несколько позднее представитель израильского правительства заверял прессу, что ЦАХАЛ «заняла в Западном Бейруте позиции, чтобы предотвратить угрозу насилия, кровопролития и анархии».

На следующий день Хобейка получил разрешение от израильтян ввести в лагерь ещё два батальона. Израиль знал, что там происходит резня. Израильские войска даже устроили на крышах домов на перекрестке, где находится посольство Кувейта, свои наблюдательные пункты: оттуда открывался прекрасный вид на место бойни.

Возмущение этой жестокой резнёй привело к новому обострению отношений между Бегинем и Рейганом. В конце октября Рейган вернул в Бейрут 1200 американских морских пехотинцев, которых лишь 19 дней назад вывели оттуда. Они усилили 1560 французских парашютистов и 1200 итальянцев во второй миротворческой группировке.

* * *

Всё это время резидентура Моссад работала на максимальных оборотах. Одним из ее информаторов был «штинкер», т.е. «вонючка», как на идиш называют стукача или провокатора. У «вонючки» был доступ к одной бейрутской автомастерской, которая специализировалась на переделке машин для их использования контрабандистами.

Многие израильские военнослужащие, например, перевозили контрабандой беспошлинные видеоманитофоны и сигареты из Ливана в Израиль и зарабатывали огромную прибыль, потому что в Израиле на такой товар установлена пошлина в 100 или даже 200 процентов. Моссад, в свою очередь, давал израильской военной полиции полезные «наводки», так что у многих военных такая коммерция лопнула.

Летом 1983 года этот информатор сообщил Моссад о большом грузовике «Мерседес», который шииты оборудовали большими пустыми контейнерами, в которых можно перевозить бомбы. Он ска-

зал, что эти ящики даже больше, чем те, что обычно применяются для таких целей.

Это могло означать только одно — планируется взрыв большого объекта. Моссад знал, что для такого теракта в Бейруте есть совсем немного подобных больших целей. Одной из них была штаб-квартира американской морской пехоты. Теперь оставался вопрос — следует ли предупредить американцев об автомобиле определённой конструкции или нет.

Ответ на него был слишком важен, чтобы это решение принимала бейрутская резидентура. Потому запрос переслали в штаб в Тель-Авиве, где тогдашний шеф Моссад Нахум Адмони решил, что американцам нужно дать только нормальное общее предупреждение, расплывчатый намёк на то, что против них, возможно, планируется какая-то операция.

Но такое предупреждение звучало слишком общо и неконкретно, как прогноз погоды. Было вероятно, что такой сигнал вызовет особую тревогу или существенное усиление мер безопасности.

Например, за полгода после такого предупреждения произошло более ста терактов с заминированными автомобилями. Таким образом, подобное размытое предупреждение никак не повысило американскую готовность к отражению возможной угрозы.

Адмони объяснил свой отказ сообщить американцам точные сведения такими словами: «Мы здесь не для того, чтобы защищать американцев. Они большая страна. Пошлите им просто обычную информацию».

Но одновременно с этим все израильские войска и власти в Бейруте получили точное описание грузовика «Мерседес» вместе с соответствующим предупреждением.

23 октября 1983 года ранним утром в 6.15 большой грузовик «Мерседес» приблизился к бейрутскому аэропорту, проехал в зоне видимости израильских постов на близлежащей базе, прошёл через КПП ливанской армии и повернул налево на стоянку.

Часовой морской пехоты ещё закричал, что грузовик дал газ, но, несмотря на стрельбу нескольких часовых, грузовик уже промчался к входу четырёхэтажного железобетонного регистрационного зала аэропорта, в котором теперь разместился штаб 8-го батальона морской пехоты.

Он пробил кованые железные ворота, переехал часового за мешками с песком, пробил ещё один шлагбаум и сквозь стенку, усиленную мешками с песком, проломился в зал. Там он взорвался со страшной силой и превратил всё здание в гору пепла и обломков.

Через несколько минут другой грузовик въехал в штаб французских парашютистов в Бир-Хасон, здание, что находится на берегу моря в центре жилого квартала, всего в трёх километрах от американской базы. Сила взрыва была такова, что всё здание разлетелось на 10 метров в сторону. Погибли 58 солдат.

Смерть 241 морского пехотинца США, большинство из которых во время взрыва ещё спали,

была для американцев самой большой потерей в течение одного дня, после 246 погибших за один день во время наступления «Тет» (вьетнамский новый год) 13 января 1968 года во Вьетнаме.

Через несколько дней Моссад передал ЦРУ список из 13 фамилий людей, которые, по мнению Моссад, были замешаны в оба теракта. В списке были сирийские разведчики, иранцы, проживавшие в Дамаске и вождь шиитов Фадлалла.

По штабу Моссад пронёсся вздох облегчения, когда стало известно, что целями атаки были не израильтяне. В Моссад эти теракты рассматривались, как мелкие инциденты, как то, на что случайно натолкнёшься, но никому об этом не станешь рассказывать.

Проблема для Моссад ведь была в другом. Если бы американцам предоставили более полную информацию, и за этим последовали бы действия, то информатор Моссад был бы мёртв. Если бы произошло так, то мы не смогли бы получать от него информацию в будущем, в том числе и о том, не будет ли целью следующего теракта израильский объект.

Общее отношение к американцам было тогда таково: «Ну, что ж, они ведь обязательно хотели сунуть свой нос в Ливан. Так что теперь им пришлось за это заплатить».

Из-за этой катастрофы я получил свой первый большой нагоняй в Моссад от офицера отдела связи Ами Йаара, моего тогдашнего шефа. Я высказал как-то мнение, что американские солдаты, погибшие в Бейруте, дольше будут отягощать нашу совесть, чем даже наши собственные павшие, потому что они пришли в Ливан с намерением вытащить нас из дерьма, в которое мы сами влезли.

Йаар ответил: «Заткнись. Ты болтаешь то же, что и твои товарищи. Мы даём американцам куда больше, чем получаем от них».

Они всегда так говорили, но это неправда. Стоит лишь вспомнить о том, что большую часть нашего вооружения и военного оснащения мы получаем из США. И Моссад тоже мог бы за многое быть благодарен американцам.

За весь описываемый здесь период в Ливане было захвачено немало граждан западных стран, и, благодаря акциям разных фракций, число заложников всё время увеличивалось.

В конце марта 1984 года шеф резидентуры ЦРУ Уильям Бакли, официально работавший политическим офицером в американском посольстве, однажды вышел из своей квартиры в Западном Бейруте и был похищен тремя вооружёнными шиитами. Он 18 месяцев был в заточении, его страшно пытали и, наконец, жестоко убили. Его можно было бы спасти.

Благодаря своей широкой сети информаторов, Моссад достаточно хорошо знал, какие группы и где удерживают большинство заложников. Даже не зная точного местонахождения, важно знать, какая группировка за этим стоит, иначе можно вести переговоры с людьми, у которых вовсе нет никаких заложников.

Людям ранга Бакли террористические группировки придают особое значение, потому что они

располагают очень большими знаниями. Если из них выжмут информацию, это будет означать смертный приговор многим оперативным разведчикам во всём мире.

Группа, которая называет себя «Исламский Джихад» взяла на себя ответственность за похищение Бакли. Билл Кейси, шеф ЦРУ так настаивал на спасении Бакли, что специальная группа экспертов ФБР, специализирующаяся на поиске похищенных людей, вылетела в Бейрут.

Но через месяц и эти специалисты не продвинулись в своих поисках. Официальная политика США того времени отвергала переговоры с террористами в Ливане, но Кейси выделил большие суммы для оплаты услуг информаторов и для выкупа Бакли, если до этого дойдёт.

Вскоре ЦРУ уже попросило помощи у Моссад. Офицер связи ЦРУ в Моссад просил предоставить как можно больше информации о Бакли и о других заложниках.

Однажды днём, примерно в половине двенадцатого по громкоговорителям в штаб-квартире объявили, что никто из персонала не должен появляться на первом этаже или пользоваться лифтом, потому что в доме гости. Два сотрудника ЦРУ в полной изоляции прошли по зданию в бюро Адмони на девятом этаже.

Шеф Моссад сказал, что им дадут всё, что есть, но если они хотят получить что-то определённое, им следует обратиться к премьер-министру, «потому что он наш босс». На самом деле Адмони хотел лишь получить формальную просьбу, чтобы Моссад, в случае чего, всегда мог потребовать ответной любезности.

На всякий случай посол США в Израиле подал формальную просьбу премьер-министру Шимону Пересу. Перес дал Адмони указание оказать ЦРУ любую мыслимую помощь в поиске и освобождении заложников.

Обычно подобные указания включают определённые ограничения, например: «Мы дадим вам все имеющиеся сведения, если они не угрожают жизни наших людей». Но в этом случае даже таких ограничений не было — чёткое доказательство того, насколько проблема заложников была важна как для Соединённых Штатов, так и для Шимона Переса.

С политической точки зрения такие события могут быть очень опасны. Администрация Рейгана хорошо помнила, какое унижение пришлось испытать президенту Джимми Картеру, когда после свержения шаха многочисленные американцы вдруг оказались заложниками в Иране.

Адмони заверил Переса, что он сделает все, что в его силах, чтобы помочь американцам. — У меня есть хорошее предчувствие, — сказал он. — У нас, возможно, есть кое-что, что могло бы вам помочь. Но на самом деле у него не было ни малейшего намерения им помогать.

Двух сотрудников ЦРУ привели на встречу с подотделом «Сайфаним» («Золотая рыбка»), который занимается ООП. Встреча прошла в Академии.

Так как Израиль видит в ООП своего главного противника, то Моссад часто действует из принци-

па: если сможешь в чём-то ещё обвинить ООП, тем лучше. Потому они поставили себе целью обвинить в похищении заложников ООП, хотя прекрасно знали, что большинство заложников, в том числе Бакли, не имели с ООП никаких контактов.

Чтобы сделать вид перед американцами, что Моссад готов к полному сотрудничеству, люди «Сайфаним» обвешали все стены в конференц-зале картами и предложили американцам бесчисленные детали для определения приблизительного местонахождения заложников.

Хотя заложников постоянно перевозили с места на место, Моссад в общих чертах хорошо знал, где они находятся. Моссад не называл многие детали, которые он узнал от своих источников, но сообщил американцам, что они, исходя из своего общего впечатления, должны решить, нужно ли обсуждать дальнейшие детали.

Это, конечно, было частью невысказанной, но очень эффективной системы оплаты долгов и набирания очков для будущих взаимных услуг.

В конце встречи Адмони получил детальный отчёт. Американцы со своей стороны обсудили дело со своим шефом. Через два дня они вернулись и захотели получить более точные сведения к тому ответу, который им дали на первой встрече.

ЦРУ считало, что это может оказаться горячим следом, но хотели проверить детали. Они попросили о встрече с источником, который передал информацию.

— Это невозможно, — сказал человек Моссад. — Никто не может разговаривать с источниками.

— О'кей, — сказал американец. — С этим мы можем согласиться. Но можем мы поговорить с его оперативником?

Моссад очень строго охраняет своих «катса». Там просто не пойдут на такой риск, чтобы дать их кому-нибудь увидеть. Кто сможет гарантировать, что в результате такой беседы «катса» когда-либо не разоблачат? «Катса», который сегодня работает в Бейруте, может завтра действовать совсем в другом месте, встретится там с этим самым американцем, и вся операция провалится.

Конечно, опросить «катса» можно разными методами, можно и без личной встречи. Можно говорить через ширму, не видя друг друга, можно изменить голос, надеть капюшон и т.д. Этого вполне хватило бы в данном случае.

Но у Моссад не было намерения действительно помогать. Несмотря на прямой приказ их «босса» Переса, сотрудники «Сайфаним» сказали, что для этого им сначала нужно поговорить с шефом Моссад.

В штаб-квартире поговаривали, что у Адмони выдался плохой день. У его любовницы, дочери шефа «Цомет», тоже был плохой день. Может быть, у неё были месячные — так часто шутили в бюро. На обеде в столовой все говорили о деле заложников.

Пока история достигла столовой, её, возможно, несколько преувеличили, но якобы Адмони сказал: «Эти проклятые американцы. Может, мы должны будем ещё вытаскивать их заложников? Они,

наверное, совсем спятили?»

Во всяком случае, ответ был — нет. ЦРУ не может видеть «катса» и говорить с ним. Помимо всего прочего, американцам рассказали, что информация, вызвавшая их запрос, за это время уже устарела и связана была с совсем другим случаем, не с Бакли.

Это было неверно, но ещё более наглым было требование к американцам, чтобы они совсем забыли эту информацию, потому что она якобы может поставить под угрозу жизнь других заложников. Они даже пообещали американцам в обмен на это удвоить свои усилия.

Многие люди в бюро говорили, что Моссад однажды пожалеет о таком своём поведении. Но большинство было согласно с поступком Адмони. Их общим мнением было: «Вот, как мы им показали. Американцам нас не надуть. Мы Моссад. Мы самые лучшие».

* * *

Волнение из-за Бакли и других заложников заставило шефа ЦРУ Кейси обойти требуемое американской конституцией разрешение конгресса и согласиться с планом поставки оружия в Иран в обход эмбарго, чтобы в обмен на оружие освободить заложников.

С этого началась афёра «Иран-контрас». Если бы Моссад после первых похищений заложников сразу пошёл бы на честное сотрудничество, не только могли бы быть спасены Бакли и другие, но и не было бы скандала, потрясшего весь политический ландшафт США.

Перес ясно дал понять, что сотрудничество в этом вопросе полностью отвечает интересам Израиля, но у Моссад — прежде всего, у самого Адмони — были совсем другие интересы, и именно их они так жестоко и бессовестно преследовали.

Окончательная трагедия в подстроенном Моссад вмешательстве Израиля в ливанские дела произошла, когда резидентура в Бейруте, «подлодка», была закрыта, многие агенты остались, а сеть развалилась. Много агентов было убито. Других смогли успешно эвакуировать.

Израиль не начал эту войну, и он её не закончил. Это как с «блэк-джек» в казино — ты не начал игру, и ты её не закончил. Израиль просто не выиграл «джек-пот».

В это время у Переса был «советник по вопросам терроризма» по имени Амирам Нир, и когда Перес заподозрил, что Моссад не так уж торопился помочь американцам, как этого желал премьер-министр, он решил сделать Нира своим личным связником между обоими государствами.

Это решение привело Нира к контакту с подполковником американской армии Оливером Норттом, центральной фигурой в скандале «Иран — контрас». Нир взял с собой знаменитую Библию с автографом Рейгана, в то время, как Норт и бывший советник президента по национальной безопасности Роберт Макфарлейн тайно путешествовали в Иран с фальшивыми ирландскими паспортами, чтобы продавать оружие.

Деньги за эти продажи использовались, в

свою очередь, для закупок оружия поддерживаемым США никарагуанским «контрас».

Нир был человеком с множеством контактов и обширным знанием «внутренней кухни». В 1985 году он сыграл большую роль в аресте террористов, захвативших итальянский пассажирский корабль «Акилле Лауро», и он отчитывался перед вице-президентом США Джорджем Бушем (который сам раньше был директором ЦРУ) о переговорах по поставкам оружия Ирану.

Нир предъявил доказательства того, что он и Норт в 1985 и 1986 годах контролировали многие антитеррористические операции, благословлённые секретным соглашением между Израилем и США. В ноябре 1985 года Нир — по показаниям Норта — выдвинул идею использовать полученные от продажи оружия Ирану деньги для финансирования и других тайных операций.

Роль Нира в этой связи стала ещё сомнительней из-за его связи с иранским бизнесменом Манухером Горбанифаром, весьма тёмной личностью. Шеф ЦРУ Билл Кейси неоднократно предупреждал Норта, что Горбанифар, скорее всего, агент израильской разведки.

В любом случае, Горбанифар и Нир летом 1986 года посредством поддержки Ирана добились освобождения преподобного Лоуренса Дженко, одного из американских заложников, удерживаемых ливанскими экстремистами. Через несколько дней после освобождения Дженко Нир заявил Джорджу Бушу, что в качестве ответного шага нужно отправить оружие в Иран.

Горбанифар был с 1974 года «источником» ЦРУ, и именно он в 1981 году распространил слух, что Ливия направила в США команду киллеров, чтобы убить Рейгана. Через два года, когда стало точно известно, что этот слух был сфальсифицирован специально, ЦРУ прервало всякие контакты с ним и в 1984 году издало «*Burn notice*» (срочный меморандум) с предупреждением, что Горбанифар «талантливый изобретатель слухов».

С другой стороны, тот же Горбанифар получил у саудовского миллиардера Аднана Кашогги пятимиллионный краткосрочный кредит для преодоления проступающего недоверия между Ираном и Израилем в оружейных сделках.

Кашогги сам за несколько лет до этого был завербован Моссад в качестве агента. Даже его знаменитый личный самолёт, о котором так много писали, был оборудован в Израиле. Кашогги не получал как другие агенты месячную зарплату от Моссад, он просто для многих своих предприятий использовал деньги Моссад.

Он получал кредиты каждый раз, когда ему были нужны деньги для промежуточного финансирования, и Моссад сконцентрировал большие суммы в предприятиях Кашогги. Немало денег поступало от Овадии Гаона, французского мультимиллионера, по происхождению — еврея из Марокко, к которому Моссад часто обращался, когда ему требовались срочно большие суммы денег.

Как бы то ни было, в тогдашней ситуации Иран не хотел платить, пока не получит оружие, а Израиль не хотел отправлять ему обещанные 508

противотанковых ракет «Тоу», не получив за них денег. Потому краткосрочный кредит Кашогги при проведении этой тайной акции играл очень важную роль.

Вскоре после этой сделки был освобождён ещё один американский заложник, преподобный Бенджамин Уэйр. Это снова убедило американцев, что Горбанифар, несмотря на свои таланты лжеца, действительно может выкупать заложников через свои контакты в Иране.

Одновременно Израиль продал по тайным каналам аятолле Хомейни оружие на сумму 500 миллионов долларов. Так что у них не было сомнений в том, что Горбанифар и его сообщник Нир используют эти средства для освобождения американских заложников.

29 июля 1986 года Нир встретился с Джорджем Бушем в отеле «Царь Давид» в Иерусалиме. Детали этой встречи были зафиксированы в совершенно секретном трёхстраничном меморандуме, составленном Крэйгом Фуллером, начальником штаба Буша.

Там цитировались следующие слова Нира, когда он рассказывал Бушу о вовлечённости Израйля в дело освобождения заложников: «Мы ведём переговоры с самыми радикальными элементами (в Иране, потому что), мы поняли, что они нам могут что-то дать, а умеренные — нет».

А Рейган постоянно утверждал, что при трансферте оружия в Иран он ведёт переговоры с «умеренными». Нир сказал Бушу, что Израиль «активировал эти линии. Мы создали для операции фасад и организацию, поставили физическую базу, подготовили самолёты».

На процессе против Оливера Норта из-за скандала «Иран-контрас» в 1989 году Нира предлагалось вызвать в качестве одного из основных свидетелей. В том числе и потому, что он утверждал, что антитеррористические действия, которые контролировали он и Норт в 1985 и 1986 годах, прикрывались неким секретным американо-израильским соглашением.

Его показания могли бы оказаться весьма неудобными для некоторых людей, не только в администрации Рейгана, но и для израильтян, осветив ту важную роль, которую они сыграли во всей афере.

Но 30 ноября 1988 года, когда Нир на своей «Сессне Т-210» пролетал над некоей фермой в 180 км от города Мехико, самолёт его упал. Нир с пилотом погибли. Среди трёх других пассажиров, отделавшихся лёгкими ранениями, была 25-летняя канатка Адриана Стэнтон из Торонто.

Она утверждала, что с Ниром её не связывали никакие отношения. Но мексиканцы описывали её, как его «секретаршу» и «гида», и она работала в фирме, поддерживающей тесные связи с Ниром. Она отказалась давать какие-либо дальнейшие показания.

Нир находился в Мексике, чтобы изучить перспективы продаж авокадо. 29 ноября он посетил в мексиканском городе Мичоакан фабрику по упаковке авокадо, в которой владел большим пакетом акций. Под псевдонимом Пэт Уэбер он заказал на следующий день для полёта в Мехико-Сити не-

большой самолёт и, если верить опубликованным данным, погиб в авиакатастрофе.

Но его «труп» был опознан неким таинственным аргентинцем по имени Педро Кручет, работавшим на Нира и нелегально пребывавшим в Мексике. Он рассказал полицейским, что потерял свой паспорт во время корриды, но добился того, что ему передали личные вещи Нира.

Кроме того, оригиналы отчётов из Генеральной прокуратуры доказывали, что и Нир, и Стэнтон путешествовали под фальшивыми именами, хотя они якобы были во вполне легальной обычной командировке. Этот факт затем отрицал один из инспекторов аэропорта, откуда они вылетели, и это противоречие так до сих пор и не было объяснено.

На похороны Нира в Израиле пришло более тысячи человек. Во время церемонии министр обороны Ицхак Рабин говорил о «его миссии по выполнению секретных заданий, которые пока не могут быть раскрыты, и для решения тайных дел, которые он навсегда сохранил спрятанными в своём сердце».

После авиакатастрофы газета «Торонто Стар» процитировала одного не названного по имени разведчика, который выразил сомнения в смерти Нира. Скорее всего, сказал он, что Ниру сделали в Женеве пластическую операцию, там, «где клиники очень хорошие, очень частные и очень хорошо умеют хранить тайны».

Что бы ни произошло с Ниром, мы можем только предполагать, какой ущерб могли бы нанести его показания администрации Рейгана и израильскому правительству во время слушаний по делу «Иран-контрас».

Но в июле 1987 года во время слушаний сенатского комитета выплыл меморандум, составленный Нортон 15 сентября 1986 года для бывшего советника президента по национальной безопасности вице-адмирала Джона Пойндекстера — который по соображениям безопасности подвергся цензуре — в котором Норт предложил, чтобы Пойндекстер сначала обсудил оружейную сделку с Кейси, а затем доложил Рейгану.

Из всех семи обвиняемых только Пойндекстер был признан виновным и посажен в тюрьму. 11 июня 1990 года его присудили к 6 месяцам тюрьмы. Окружной судья Харольд Грин в приговоре подчеркнул, что Пойндекстер заслужил наказание, как «принимающая решение голова в операции «Иран-контрас».

3 марта 1989 года Роберт Макфарлейн был приговорён к штрафу в 20 000 долларов и 2 годам условно из-за сокрытия информации от Конгресса в

четырёх случаях.

6 июля 1989 года Оливер Норт после сенсационного процесса в Вашингтоне был приговорён к 150 000 долларам штрафа и 1200 часам социальных работ. Жюри признало его виновным по трём из двенадцати пунктов обвинения. Кроме того, его приговорили к трём годам тюрьмы — с отсрочкой исполнения приговора, и к двум годам условно.

Роль Нира в этом скандале меморандум Норта для Пойндекстера описывает в следующем абзаце: «Амирам Нир, специальный советник премьер-министра (Шимона) Переса по вопросам борьбы с терроризмом намекнул, что Перес в 15-минутном личном разговоре с президентом затронет многие щекотливые темы».

К этому времени в связи с оружейными сделками уже были освобождены трое американских заложников: Дженко, Уэйр и Дэвид Джейкобсен.

Под заголовком «Заложники» в меморандуме написано: «Несколько недель назад Перес выразил свою озабоченность тем, что Соединённые Штаты рассматривают возможность прекращения нынешних усилий в Иране. Израильтяне видят в проблеме заложников препятствие на пути к расширению стратегических контактов с иранским правительством».

Возможно, что Перес хотел бы получить заверения, что Соединённые Штаты продолжат нынешние «объединённые усилия», при которых без израильской помощи не оказались бы на свободе ни Дженко, ни Уэйр... возможно, пользу принесло бы, если бы президент просто поблагодарил бы Переса за тайную помощь».

Это Рейган очевидно и сделал. И более чем вероятно, что Перес, по меньшей мере, частично, ответил на благодарность, устроив своевременную «смерть» Нира, чтобы тот не смог дать публичные показания.

Очень тяжело здесь сказать что-то с уверенностью, но, исходя из странных обстоятельств авиакатастрофы, как и из того факта, что в то время израильские продавцы оружия через страны Карибского бассейна поставляли вооружение и помогали в обучении «личных армий» колумбийским наркобаронам, маловероятно, что Нир действительно мёртв.

Вероятно, мы никогда не узнаем полной правды об этом. Но мы знаем, что вся афера «Иран-контрас», возможно, никогда бы и не произошла, если бы Моссад своевременно поделился своими знаниями об американских и других западных заложниках.

Эпилог

8 декабря 1987 года израильский военный грузовик столкнулся с несколькими развозными грузовичками в Секторе Газа. Четыре араба погибли, ещё 17 были ранены.

Инцидент вызвал на следующий день большую волну протестов, особенно после того, как распространился слух, что автокатастрофа была не несчастным случаем, а сознательной мстью за

убийство израильского политика 6 декабря.

На следующий день демонстранты блокировали дороги в Секторе Газа горящими покрышками. Они бросали камни, бутылки с «коктейлем Молотова» и железные палки в израильских солдат. 10 декабря беспорядки перекинулись в лагерь беженцев Балата возле города Наблус на Западном берегу реки Иордан.

16 декабря специальные подразделения израильской полиции впервые применили против демонстрантов водомёты. В Сектор Газа были направлены дополнительные воинские контингенты, чтобы подавить разрастающиеся беспорядки.

Через два дня молодые палестинцы, возвращаясь из мечетей после пятничной молитвы, вступили в уличные потасовки с израильскими солдатами. Трое арабов были застрелены. Затем израильские солдаты захватили больницу Шифа в Секторе Газа и избili врачей и медсестёр, пытавшихся защитить своих пациентов.

Так началась Интифада.

16 мая 1990 года 1000-страничный доклад, изданный шведским отделением фонда «Спасите детей» (*Save the Children Fund*) и профинансированный фондом Форда, обвинил Израиль в применении «серьёзного, неразборчивого и неоднократного насилия» против палестинских детей.

По оценкам этого доклада, от 50 000 до 63 000 детей проходили лечение после побоев и ранений, среди них 6300 — после пулевых ранений. В докладе также отмечалось, что большинство детей не были замешаны в бросании камнями, когда в них стреляли, а в пятой части рассмотренных случаев жертвы вообще были застрелены в доме или не более, чем в десяти метрах от дома.

И сегодня, в июне 1990 года конца Интифады не видно. До июня 1990 года, по оценкам «Ассошиэтед Пресс», израильянами уже были убиты 722 палестинца, ещё 230 погибли от рук палестинских радикалов, лишились жизни не менее 45 израильян.

В 1989 году Израиль направил в Сектор Газа и на Западный берег до 10 тысяч солдат для наведения порядка. В апреле 1990 года их было только пять тысяч.

13 февраля 1990 года газета «Уолл-Стрит Джорнэл» сообщила, что по оценкам израильских банков первые два года Интифады нанесли Израилю ущерб в 1 миллиард долларов только в результате упадка производства. Кроме того, стране пришлось выделить 600 миллионов долларов на оружие и военное оснащение для подавления восстания.

На 380 квадратных километрах Сектора Газа в тесноте проживает более 600 тысяч палестинцев. Около 60 тысяч из них ежедневно едут на работу в Израиль, вкалывая в низкооплачиваемых отраслях сферы услуг, и возвращаются по вечерам домой, потому что им запрещено оставаться на ночь в Израиле.

16 марта 1990 года Кнессет Израиля 60 головами против 55 принял вотум недоверия правительству премьер-министра Ицхака Шамира — в первый раз в истории Израиля. Важной причиной вотума было нежелание Шамира согласиться с американским планом, инициирующим начало израильско-палестинских мирных переговоров.

7 июня Шамир и его правая партия Ликуд образовали коалицию с несколькими мелкими партиями, с помощью которой они получили большинство в 2 голоса в Кнессете. Многие наблюдатели рассматривают эту коалицию, как самое экстремистское правое правительство в истории Израиля.

С такой коалицией Шамир смог продолжить свою политику строительства поселений на спорных территориях и уклоняться от переговоров с палестинцами.

15 ноября 1988 года Палестинский Национальный совет, который рассматривается ООП, как палестинский парламент в изгнании, в ходе своего четырёхдневного заседания в Алжире принял декларацию о создании независимого палестинского государства и впервые согласился с важными резолюциями ООН, предусматривающими признание права Израиля на существование.

* * *

В этот всё ещё продолжающийся период беспорядков образ Израиля за границей сильно пострадал. Несмотря на все усилия с официальной стороны, не допустить разглашения правды о восстании в Секторе Газа и на Западном берегу, кадры с израильскими солдатами, избивавшими и стрелявшими в безоружных палестинских подростков, возмутили даже самых стойких союзников Израиля.

Через три дня после подтверждения вотума недоверия правительству Шамира, бывший президент США Джимми Картер во время своей поездки по региону заявил, что бунт «частично оправдан самым жестоким обращением с палестинцами», которому подвергают их израильские солдаты, включая убийства, разрушения домов и аресты без законной причины.

— Нет ни одной семьи, живущей на Западном берегу, в которой хотя бы один мужчина не попадал в карцер по воле военных властей, — заявил Картер.

Статистика израильской армии свидетельствует, что от 15 до 20 тысяч палестинцев были ранены и до 50 тысяч арестованы. Из них 13 тысяч всё ещё находятся в тюрьмах.

Очевидно, хорошо спланированной была попытка провокации против христианской общины, когда 12 апреля 1990 года в первую пасхальную неделю группа фанатичных еврейских националистов захватила пустующее здание с 72 комнатами, известное, как Хоспис Святого Иоанна, находящийся в самом центре христианского квартала Иерусалима. Поблизости его стоит Церковь у Святой могилы, которую христиане почитают, как традиционное место захоронения Иисуса Христа.

Десять дней подряд израильское правительство лгало, отрицая свою причастность к инциденту. Наконец, оно признало, что тайно выделило этой группе фанатиков 1,8 миллионов долларов, 40% арендной платы за комплекс.

Американский сенатор Роберт Доул подчеркнул в своём интервью во время поездки по Израилю, что Соединённым Штатам следовало бы сократить свою помощь Израилю, чтобы сэкономить средства для поддержки новых демократий в Восточной Европе и в Латинской Америке.

1 марта 1990 года государственный секретарь США Джеймс Бейкер сказал, что администрация Буша рассматривает вопрос о сокращении помощи Израилю и другим зарубежным государствам для усиления помощи новым демократиям.

Бейкер вызвал у Шамира приступ ярости, когда тот поставил условием предоставления по израильской просьбе кредита в 400 миллионов долларов прекращение строительства еврейских поселений на оккупированных территориях.

Лучшим примером преобладающей позиции правых в Израиле стал известный случай раввина Моше Левингера, вождя правозащитного движения еврейских поселенцев. В 1990 году его осудили на шесть месяцев тюрьмы за «неосторожность». Он застрелил насмерть одного араба.

Левингер 7 октября 1988 года ехал на своей машине по Хеброну, когда в его машину кто-то бросил камень. Он выпрыгнул из машины, открыл огонь и убил араба, стоявшего в своей парикмахерской.

Представ перед судом, Левингер подбежал к судьям, поднял винтовку над головой и закричал, что у него, мол, была «привилегия» убить этого араба. После оглашения приговора в тюрьму его понесла на руках восторженная толпа.

Раввин Моше Цви Нериах, вождь знаменитой религиозной школы «Бнай Акива Яшеева» заявил по поводу Левингера: «Сейчас не время думать, а время стрелять направо и налево».

Хайм Кохен, вышедший на пенсию судья Верховного суда Израиля сказал: «Когда я смотрю на нынешнюю ситуацию, у меня не хватает смелости сказать, к чему мы придём. Я ещё никогда не слышал, чтобы кого-то осудили за неосторожность после того, как он хладнокровно застрелил человека. Я, видимо, слишком стар».

* * *

Интифада и вследствие неё крушение морали и человечности стали прямым результатом той же мании величия, которая характеризует и операции Моссад. Так всё и начинается — с чувства, что ты можешь делать всё, что ты хочешь, с кем хочешь и так долго, как хочешь, потому что обладаешь силой и властью.

Над Израилем нависла большая угроза. Процесс не поддаётся контролю. В Израиле, как и прежде, издеваются над палестинцами, а Шамир говорит: «Они сами заставляют нас быть жестокими. Они принуждают нас бить детей. Разве они не ужасны?»

То же самое происходит после бесконечных лет секретности, после «у нас есть право, потому мы правы, как бы это ни выглядело», после осознанной дезинформации политиков, оправдания насилия и бесчеловечности ложью или, согласно лозунгу Моссад «путями обмана».

Это болезнь, начавшаяся с Моссад, проникающая в правительство и затем глубоко укоренившаяся в израильском обществе. В Израиле многие люди протестуют против этой кривой дорожки лжи, но к их голосам никто не прислушивается.

И с каждым шагом в сторону становится легче повторить все сначала, и всё тяжелее — остановиться.

Самое страшное проклятие, которое один «катса» Моссад может обрушить на голову другого — это простое пожелание: «Надеюсь, я как-то про-

читаю о тебе в газете».

Возможно, это единственный путь, чтобы добиться перемен.

Охота на книгу. Послесловие к американскому изданию в мягкой обложке 1991 года

То, что произошло, не было для меня совершенной неожиданностью. 5 сентября, примерно в 21.45, я как раз был на кухне и готовил кофе, когда они постучали в дверь. Белла открыла.

Это были Орен Рифф, бывший куратор моего курса в Академии и Аралех Шерф, шеф Академии, два высокопоставленных офицера Моссад. Рифф, стоявший справа, был в чёрной кожаной куртке, в белой рубашке и с кожаной сумкой через плечо. Шерф был в коричневом шерстяном блейзере, коричневых брюках, рубашке и галстук.

— Мы хотим поговорить с тобой, — выпалил Шерф на иврите.

— Мне нечего вам сказать, — ответил я, подняв трубку и набирая 911.

— Только одну минуту, — сказал Шерф.

Я положил трубку. Через несколько секунд мне позвонили из полиции канадского городка Непина, где я жил, и спросили, не набирал ли я номер 911. Я сказал, что да, но в настоящий момент всё в порядке.

Я подошёл к двери. Они хотели войти, но я сказал нет. Где-то в этот миг наша дочка Леора, услышав, как разговаривают на иврите, решила, что к нам приехали гости из Израиля, спустилась на пару ступенек вниз по лестнице, но быстро убежала назад, услышав мой гневный тон.

Белла ещё больше разволновалась, особенно из-за Шерфа, который отказывался разговаривать со мной и просто стоял перед моей дверью.

— Я никогда не подумал бы, что ты сделаешь это, — сказал Рифф. — Давай будем разумными, — продолжил он и попытался войти и сесть.

— Забудь это. Нет ничего такого, о чём нам следовало бы поговорить.

— Мы знаем о книге, — сказал Шерф, как будто я не знал, ради чего они пришли. — Мы хотим знать, на какой она стадии. Ты же знаешь, что мы сейчас ведём войну.

— Насколько мне известно, её ведут американцы и канадцы, а не вы.

— Помогите нам остановить книгу, — сказал он. — Ну, сколько экземпляров могут выйти только в Канаде? Послушай, чего бы это ни стоило тебе и твоим людям, которые занимались этим делом, мы сможем заплатить. И мы заплатим любую сумму, которую ты собирался на книге заработать.

— Ты должен это предотвратить, — встрял Рифф.

— Ты знаешь, что деньги не играют никакой роли, — продолжал Шерф. — Ты должен подумать о твоей семье и детях. Ты же знаешь ООП и другие группы. Они будут охотиться за тобой.

— Что я сделал ООП, чтобы они охотились за

мной?

— Они подумают, что ты знаешь ещё больше, и станут тебя преследовать.

Я понимал, что два высокопоставленных офицера Моссад никогда бы не пришли ко мне без предварительных мероприятий по контролю и наблюдению. Потому они знали, что в доме не было никого, кто мог бы им помешать, и что окрестности дома тоже «чистые».

Для похищения это была бы наилучшая возможность. Я был тогда неизвестным человеком, книга моя тоже ещё не вышла. Так что, мне нужно было их сдержать, потянуть время.

— Это не зависит от меня одного. Мне нужно кое с кем поговорить. Я сам выйду на вас. Как мне вас найти?

Шерф дал мне номер телефона в Израиле. Я сказал ему, чтобы он не смешил меня и дал мне местный телефон. Он попросил меня позвонить в консульство в Торонто.

— Почему не в посольство? — спросила Белла.

— Нет, нет, в консульство, — сказали Рифф, Шерф и я одновременно.

К этому моменту посольство ничего не должно было узнать об операции. С политической точки зрения это слишком щекотливое дело — работать в дружеской стране через посольство, потому они решили провести всё через Шабак, т.е. службу внутренней безопасности в консульстве.

Для ответного звонка они назначили мне время до 20.00 следующего дня. Около десяти минут они просидели в арендованном красном «Мерседесе» среднего класса с номерами из Квебека. Потом они уехали. Я знал, что и мне пришло время исчезнуть.

Прежде всего, я не хотел, чтобы меня схватили в присутствии семьи, потому что не хотел подвергать своих близких опасности, но, во-вторых, я вообще не хотел, чтобы меня схватили. На этой неделе Клэр Хой и я встречались в Торонто с руководством издательства *Stoddart Publishing Company* и двумя менеджерами издательства *St. Martin's Press* из Нью-Йорка.

Так как американцы только в августе узнали о книге, мы решили отложить публикацию в Канаде на месяц, с 4 сентября на 4 октября, чтобы дать *St. Martin's Press* возможность издать книгу одновременно в Америке. По иронии судьбы, без этого переноса книга могла бы уже в августе быть на рынке, когда Моссад нанёс мне визит. Теперь, как казалось, все соглашения утратили силу.

Я подождал около часа, упаковал «дипломат», сел в машину и проехал немного по окрестностям, чтобы проверить, нет ли за мной «хвоста». «Хвост» был — мужчины в маленьком сером автомобиле и другие в темном развозном грузовичке-пикапе. Я оторвался от них и поехал прямо в аэропорт Оттавы.

Но так как до следующего утра там не было рейсов в Торонто, я пошёл в бюро безопасности Королевской Канадской Конной Полиции (RCMP) в аэропорту и показал им экземпляр обложки книги,

(как мне казалось, у Моссад, кроме этого, ничего в этот момент не было).

Я рассказал им о визите из Моссад и объяснил, что мне придётся провести ночь в аэропорту. Они пообещали регулярно присматривать за мной. Около часа ночи я позвонил издателю Джеку Стодарту и Клэру Хою и объяснил им ситуацию.

Придя на следующий день к Стодарту, я узнал, что они только что получили письмо от адвоката Джоэля Голдберга, выступавшего от имени Государства Израиль, в котором он заявлял, что подаст в суд Онтарио иск о временном решении против публикации книги.

Хорошая новость состояла в том, что, вопреки обычной политике Моссад, письмо Голдберга публично подтверждало, что я действительно работал в Моссад и получил там сведения, которые, в случае их публикации, могут оказаться опасными для многих людей и стран.

Это лишало основания наши опасения, что Израиль просто будет всё отрицать, утверждая, что там меня никто не знает и вся информация в книге вымышлена.

А плохой новостью было, что на следующий день судья Роберт Монтгомери удовлетворил иск Израиля и объявил временное решение против публикации книги сроком на десять дней. Это было в первый раз в Канаде, когда иностранное правительство добилось запрета на публикацию.

После импровизированной пресс-конференции во второй половине дня меня больше всего волновала моя собственная безопасность. Я учитывал, что Моссад вполне может намереваться похитить меня и вывезти в Израиль.

Нельсон Дусе, руководящий служащий у Стодарта, привел меня к Томасу Миклавичу, офицеру полицейской разведслужбы в Торонто. Тот позвонил в службу безопасности RCMP, и они решили отвезти меня домой, где я, по их мнению, был бы лучше защищён от возможных попыток похищения.

Как только Клэр Хой появился с моим чемоданом в гостинице «Принс-Отель», офицер Конной полиции пояснил ему, что они уже отвезли меня назад в Оттаву. Хой тогда поехал дальше в Брэнтфорд, среднего размера город в часе езды к западу от Торонто, чтобы провести выходные в доме своих родителей.

Полиция Брэнтфорда, предупреждённая RCMP, вполне серьёзно восприняла угрозу и поручила детективу Дэну Камиллери из криминального отдела своей разведслужбы встретиться с Хоем, в течение выходных пару раз пройти мимо его дома, и перебросить в этот район дополнительный полицейский патруль.

В это время моей жене Белле неоднократно звонили наши друзья из Израиля и сообщили ей, что они целой группой собираются ехать в Канаду с целью отговорить меня от публикации книги. Белла сказала, что им не стоит беспокоиться, но они ответили, что готовы и только ждут своих билетов.

В тот же день Белле пару раз звонил Орен Рифф и просил найти меня, чтобы он смог со мной побеседовать. Когда Белла сказала ему, что он дол-

жен сказать нашим израильским друзьям, чтобы они не ехали, Рифф заметил: «Я не знаю, о чём ты говоришь».

Белла ответила: «Если ты хочешь, чтобы я передала сообщение Викки, тогда расскажи об этом своим людям, они знают, в чём дело». Он так и сделал, и путешествие наших друзей не состоялось.

В Израиле у прессы был великий день. Газеты печатали истории, в которых меня называли лжецом, пьяницей, осуждённым вором и ещё много кем другим. Была даже статья о том, что в моей квартире в Тель-Авиве нашли коробку с досье Моссад. В первой версии речь шла о коробке, найденной в переезде.

Но потом они поняли, что коробка с документами не могла стоять на улице четыре года, и место происшествия перенесли в мою квартиру. Но у меня вообще нет квартиры в Тель-Авиве. Вспомнив старую историю, как я помог полиции поймать пару мошенников, подделывавших кредитные карточки, в газеты запустили историю, утверждавшую, что я не помог полиции, а сам был жуликом.

Потом появилась история, что я не прошёл проверку безопасности. Если вспомнить, что Моссад всё же принял меня к себе, то это жалкое и смешное обвинение организации, хвастающейся, что она самая лучшая секретная служба мира. Кроме того, в статьях годы моей службы в Моссад были так сокращены, что Клэр Хой шутил: «Что они ещё придумают — что ты провел в Академии один уик-энд?»

Меня не удивляло, что Моссад попытается подкупить меня, хотя и ожидал более тонкого подхода. Меня разочаровало, что нам заткнули рот решением суда, в то время, как Моссад и газеты могли писать всё, что хотели.

В гостинице в центре Оттавы сидел израильский журналист и читал своим радиослушателям отрывки из книги, но нам — авторам и издателям — было запрещено даже обсуждать публично ее содержание.

В четыре утра я в машине RCMP вернулся из Торонто. В отличие от Конной полиции, я не считал сейчас свой дом лучшим местом пребывания для меня. Позднее тем же утром Белла отвезла меня на вокзал, где я запрыгнул в поезд до Торонто ровно за три минуты до его отхода. Если бы за мной кто-то последовал, я заметил бы его; но я был последним, кто сел в поезд.

9 сентября около семи часов вечера Билл Ханна, вице-президент Стоддарта по правам на издание книг за рубежом, зарегистрировался в отеле «Шератон-Сентр» в Торонто под своим именем (чтобы моё имя не появлялось в списке), принёс в комнату мои сумки и встретился со мной возле телефона-автомата сбоку в фойе. Я знал, что Моссад будет следить за большими отелями.

Им легко было бы собрать для этого 20-30 человек из отделов безопасности посольства, консульства или различных нью-йоркских оперативных баз. Эти люди не были хорошими специалистами по «наружке». Таких мы называли «стрелками» или «указателями». Их задача — найти тебя, потом сообщить об этом кому-нибудь другому, а самим ис-

чезнуть.

Пока Билл и я беседовали по двум соседним телефонам, я заметил человека в тёмно-синем блейзере. У него были тёмные, коротко стриженные, вьющиеся волосы. Он смотрел на меня. В зеркале я мог видеть, что он, слегка повернув тело, дал другому знак.

Тогда я посмотрел в этом направлении и увидел еще одного человека. Он был в джинсах, свитере и туфлях «Палладиум» — коричневых льняных туфлях, вроде баскетбольных, которые в израильской армии используют при тренировках «коммандос».

Я сказал Биллу, что снова спущусь в торговый пассаж, чтобы он смог пронаблюдать, когда они займут определённые позиции. Через две минуты спустился Билл и сказал, что они сделали именно то, что я и предполагал. Тогда я попросил Билла покинуть здание и ровно через час вернуться к боковому входу.

Я вернулся в фойе и посмотрел парню в джинсах прямо в глаза. Он беспомощно озирался и спрятался за колонной. Я подошел к другой стороне колонны, и он прошёл чуть дальше. Мы пару раз зигзагом прошли друг за другом, пока он не ушёл вперёд, а я на лифте поднялся в свой номер. Там я принял душ и сбрил усы.

Я вошёл в номер в джинсах. А спустился я вниз уже в тёмном костюме. Парень в джинсах устоял прямо на лифт, когда я выходил. Я завязал разговор с двумя мужчинами из провинции Альберта. Мы побеседовали о хранении говядины, а парень, наблюдавший за лифтом, меня так и не заметил.

Я пошел прямо к выходу, когда там остановился автомобиль Билла. Я запрыгнул в него, и мы поехали. Последующие дни я провел в разных отелях и у разных служащих издательства Стоддарта.

Заместитель министра юстиции Канады (*Solicitor General*) Пьер Кадью, отвечавший за канадские секретные службы, 11 сентября был вынужден ответить на вопросы журналистов, интересовавшихся, почему офицерам Моссад позволено преследовать в Канаде канадского гражданина.

Кадью ответил, что ни одна дружественная разведка не может оперировать в Канаде без его разрешения. «Мне неизвестно, что когда-либо было высказано такое пожелание... и, насколько мне известно, ни одна подобная операция в Канаде не проводится».

Если Кадью действительно верит, что Моссад в дружественных странах действует только с официального разрешения их правительств, то ему ещё многому предстоит научиться.

Возможно, он об этом не знал, но в Израиле один источник Моссад уже признался одному журналисту, что Моссад действительно послал в Канаду двух человек, чтобы убедить меня не издавать книгу, и что был разработан план моего похищения, но от него отказались, когда я скрылся.

По данным газеты «Бостон Глоуб» этот факт подтвердил также Йосси Мельман, соавтор другого бестселлера об израильской разведке «Каждый шпион князь» (*«Every Spy a Prince»*). Со ссылкой на

Мельмана сообщалось, что «из надёжного источника» он узнал, что Моссад действительно хотел меня похитить и вывезти в Израиль.

На самом деле Моссад действительно похищал в прошлом людей, для их осуждения и наказания в Израиле. Большинству людей, например, известна история Мордехая Вануну, которого красивая женщина-агент по имени Синди заманила на яхту недалеко от Рима.

Израильская газета «Маарив» опубликовала в своём номере от 19 сентября маленькое вручную напечатанное объявление, которое, очевидно, должно было привлечь моё внимание. Оно звучало так: «Виктору Островскому. Я желаю тебе счастливого Нового года (где бы ты ни был). Я скоро приеду к тебе в гости. Синди».

За границей уже начали обращать внимание на книгу, но она взорвалась, как бомба на международной сцене, после того как 11 сентября группа из 10 адвокатов вломилась в квартиру Майкла Донтина, судьи Верховного суда штата Нью-Йорк, на Пятой авеню.

В тот же день Израиль поручил известному адвокатскому бюро «Скадден, Арпс, Слейт, Мигер и Флом» подать иск о новом временном решении с целью прекратить публикацию.

Адвокаты Израйля попросили о срочном заседании примерно в 11.30, и Донтин согласился. Скадден послал группу адвокатов во главе с ведущими партнёрами на процессе Джонатаном Лернером и Барри Гарфинкелем в квартиру Донтина.

Американское издательство *St. Martin's Press* было представлено своим юрисконсультутом и одним из совладельцев, а также известными адвокатами Джоном Ланкенау и Робертом Бейлином из адвокатской конторы «Ланкенау и Бикфорд».

Ещё удивительнее, чем ночное заседание в доме у судьи, было его решение. Не прочитав книгу, Донтин согласился с требованиями истца и принял краткосрочное решение о запрете публикации.

Таким образом, и в Америке в первый раз в истории американский суд вынес решение против издания по требованию иностранного правительства — по причинам национальной безопасности. Израиль заявил, что публикация может угрожать человеческим жизням, но не привёл ни одного доказательства этого утверждения.

Решение Донтина отозвалась в американской прессе и среди всех юристов, как бомба. За статьёй на первой странице «Нью-Йорк Таймс» последовали специальные репортажи в вечерних теле-новостях всех государственных и кабельных каналов.

Судам не понадобилось много времени, чтобы решить, что у Израйля нет ни одного аргумента в пользу запрета. Донтин вызвал обе стороны на заседание 14 сентября перед полным составом суда, но адвокаты *St. Martin's Press* сразу же подали жалобу против его решения.

Потому уже 12 сентября кассационный судья Эрнст Розенбергер сообщил сторонам, что кассационный суд должен рассмотреть иск издательства *St. Martin's Press* об отмене решения судьи Донтина. На следующее утро адвокаты сторон снова привели

свои аргументы.

В 16.00 суд принял решение, что Израиль не предоставил никаких доказательств его требования, и что запрет книги, основывающийся на аргументе об опасности для жизни людей, в любом случае уже не может быть принят во внимание, потому что бесчисленные книжные магазины и оптовики, равно, как и критики в крупных средствах массовой информации ещё до решения Донтина получили экземпляры книги.

Через два дня после решения суда я решил, в связи с огромным резонансом в прессе, снова выйти из тени и вернуться домой. Мне казалось, что там я буду в относительной безопасности, по крайней мере, пока средства массовой информации не потеряют ко мне интереса, а люди меня не забудут.

Я знаю, что Моссад ничего не забывает, но это я знал ещё при планировании проекта. Когда я уехал из Торонто, то сказал Джеку Стоддарту и Нельсону Дусе, что уверен в том, что мои бывшие коллеги всё ещё в городе.

В понедельник 17 сентября Израиль, получив отпор в суде Нью-Йорка и от реакции общественности, решил не продолжать никаких действий по запрету книги в Канаде. В предыдущий уик-энд кто-то проник в офис Стоддарта. Полиция не знала, кто осуществил взлом, но считала, что это были профессионалы.

Ничего не украли, но ящики письменного стола были оставлены наполовину открытыми, а сверху лежали ключи — как будто они хотели сказать: «Мы были здесь и мы вернёмся, когда захотим».

Судебный спор привёл к естественному результату: книга «Путём обмана» стала самой быстро продаваемой в истории издательства *St. Martin's Press*. За несколько дней число заказов взлетело с запланированных вначале 42 тысяч до свыше 300 тысяч. Книгу перевели на 32 языка, а Клэр Хой и я даже создали аудиовариант книги на магнитофонной кассете.

Существование книги, её успех и глупые попытки Моссад предотвратить её издание не остались без последствий и в Израиле. Кнессет потребовал от Моссад (редчайший шаг!) оценить ущерб, нанесённый отношениям между Израилем и США в результате разоблачений в книге и предпринятых против её публикации мер.

Политики, даже однопартийцы Шамира по Ликуд, критиковали непродуманные и неумелые попытки правительства предотвратить выход книги. За это время стало ясно, что единственный эффект, которого достигли эти попытки, состоял в том, что книга за неделю поднялась на первую строчку в списках бестселлеров в Канаде и США, что выставило Израиль одновременно в жестоком и жалком виде.

Успех книги вызвал бурю критики, касавшейся, в первую очередь, моей достоверности и моих целей.

Первоначальное обвинение меня в том, что книга может угрожать жизни разведчиков и агентов Моссад во всём мире, как-то тихо было забыто.

Мой американский издатель подробно рас-

спрашивал меня об этой возможности, ещё до того, когда он вообще согласился напечатать книгу. Я убедил его в том, что все лица, которым действительно что-то может угрожать, скрыты в книге под псевдонимами или вообще не упомянуты.

Обычно в обвинениях в мой адрес концы с концами не сходились. Премьер-министр Израиля Шамир в интервью газете «Джерусалем Пост» заявил, что вся книга написана со зловредными намерениями. «Я думаю, всё тут основывается на злобе и лжи, и написано с целью опорочить Израиль».

Но само обвинение книги во «лживости» находится в вопиющем противоречии с предъявленными Израилем канадскому суду документами, не только подтверждавшими мою службу в Моссад, но и включавшими множество документов, таблиц, схем и подобных сведений, которые мы — противоправно — использовали в книге в качестве аутентичного материала Моссад.

В Израиле «дело Островского» долго занимало первые страницы газет. «Маарив» в номере от 14 сентября оно стало титульной историей, украшенной фотоколлажем, изображавшим меня в виде зеркального отражения Саддама Хуссейна.

Радиорепортёр, бравший у меня интервью для израильского радио, заклеил меня, как «предателя», а один журналист «Йедиот Ахронот» писал: «Моим первым желанием было, чтобы кто-нибудь выпустил Островскому пулю в голову».

Бывшие директора Моссад Меир Амит и Исер Харель провели целые серии радиодиспутов, пытаясь в них меня дискредитировать.

Тема атак против меня регулярно состояла в том, что книга выдала государственные тайны наивысшей важности — и — в то же время, что всё в ней — враньё.

Несмотря на регулярно повторявшиеся обобщённые обвинения в неправдоподобности, представители Моссад не процитировали ни одного неверного факта или цитаты, представлявших хоть какое-то значение. Кроме того, книга подверглась серьёзным проверкам на международном уровне.

Правительство Шри-Ланки так было обеспокоено разоблачениями, что назначило специальную комиссию, и её представитель прилетел в Канаду, чтобы получить от меня показания под присягой. В Дании использование датских секретных служб Моссад стало темой политического обсуждения, когда стало известно, что бывшие датские офицеры публично подтвердили нашу историю.

Сообщения об израильском контроле над прослушиванием телефонных переговоров палестинцев в Дании стали частью суда над террористической группой, много лет действовавшей в Копенгагене. Израиль якобы сообщил датчанам, что упомянутые нами в книге документы с израильской характеристикой датских секретных служб — фальшивки.

Но они были вместе с другими документами включены в списки, предъявленные Израилем канадскому суду в качестве аутентичного материала Моссад. Так что, Моссад либо врал канадскому суду, либо датским властям.

Оценка событий в американских СМИ была

подробной и, в большинстве случаев, честной. Никто не попытался опровергать основные моменты нашей интерпретации деятельности Моссад в Северной Америке.

Более всего дискутировалась информация о том, что Моссад преднамеренно не сообщил американцам всё, что знал о бомбе, установленной в грузовике «Мерседес», которая взорвала штаб-квартиру американских морских пехотинцев в Бейруте.

Теперь Моссад утверждает, что передал американцам подробное предупреждение. Но если он сделал это, то должен был остаться письменный документ, а его так и не предъявили. Значит, он этого не делал.

Кроме того, если Моссад так же, как американцы, был ошеломлён этим терактом, то, как он тогда успел так быстро передать им список из тринадцати виновных, связанных с покушением?

Хотя большинство критиков раскусило израильскую тактику «напускания тумана», постоянно возникал вопрос, как я смог так много узнать о Моссад на моей столь низкой должности? Этот вопрос оправдан, а в первом издании мы его, похоже, не достаточно хорошо осветили.

Ещё будучи стажером-«катса», я уже имел доступ к центральному компьютеру Моссад. Как и все другие курсанты, у меня был доступ к документам, досье и устным докладам об отдельных операциях, включая плёнки и распечатки перехваченных переговоров, как и описано в книге.

Не у всех работающих в штаб-квартире Моссад есть свободный доступ к большей части такой информации, но для «катса» он почти неограничен. Нельзя забывать, что Моссад сравнительно маленькая организация, в которой все сотрудники не только знакомы друг с другом, но и доверяют друг другу благодаря совместной работе.

Согласимся, что информация для разных пользователей компьютера приходит разная, но если кто-то захочет о чём-то узнать, он просто подойдёт в другой зал к своему коллеге и спросит его. Это решается в рабочем порядке. Кроме того, никого у нас не удивляет, что мы обсуждаем рабочие вопросы и вне стен бюро, и даже в семьях — вполне открыто.

Что касается допуска к жизненно важной информации, то тут Моссад многое перенял от израильской армии. В отличие от многих других армий, где задача и ход операции известны только генералам и нескольким старшим офицерам, в Израиле о ней сообщают многим людям — от вершины до самого низа, так что, если один офицер погибнет, его функцию вполне сможет взять на себя его подчинённый, зная цель манёвра. Если же погибнет и он, то следующий по субординации за ним продолжит выполнение задачи. У «катса» та же философия.

Реакция еврейских общин Канады и США на меня и на книгу была очень неоднозначной. В Оттаве центр Еврейской общины исключил меня из своих списков, а один видный раввин рассказывал группе людей, что собирается осуществить публичное сожжение книги.

Но за месяцы, прошедшие после публикации,

я узнал от многих евреев, которые уже прочли книгу, что они видят в ней нападение не на Израиль, а на организацию, вышедшую из-под контроля, политика и методы которой приносят Израилю больше вреда, чем пользы.

Я израильтянин, и у меня есть чувство долга делать всё возможное для существования и блага нашего еврейского государства. И я знаю, что Израилю необходим Моссад — но лучший, чем тот, что есть сейчас.

Я написал «Путём обмана» не из-за денег. Если бы это было так, то я еще в Оттаве принял бы финансовое предложение Моссад. Я написал её, потому что с чувством страха и ярости убедился в том, как страдает Израиль, как от Моссад, так и определённой политики израильского правительства.

Когда я понял это, то понял, что мой долг — рассказать об этом так громко, как смогу. Мне было понятно, что тот, кто «поёт», обычно страдает. Не скажу, что мне было легко на это решиться — я чувствовал боль. Но я уверен, что это стоило того.

Особенно, если моя книга вызовет в Израиле самопроверку, после которой он, в конечном счёте, предстанет перед миром, как более сильная и здоровая нация, которой все смогут гордиться.

Приложение. Отчёты Моссад о структуре секретных служб Дании

Страна 4647 1985

Репринт

Копия для страны

Регулярно — 1536

13 июня 1985

Для: Машове

От: страна

СЕКРЕТНО — 4647

Пурпурные-А — Датская гражданская служба безопасности (DCSS)

1. Датская гражданская служба безопасности является составной частью полиции. Она подчинена министерству юстиции.

2. Полиция обеспечивает службу безопасности кадрами и материальной поддержкой; действия ее контролируются министерством юстиции. Этот контроль включает выдачу разрешений на операции, при проверке каждой оперативной цели.

3. Руководителю службы безопасности и его заместителю подчинены 3 юридических советника, которые являются связующими звеньями между штабом службы и агентами на местах. Каждый из трех работает с несколькими подразделениями.

4. Главными целями службы являются контрразведка и борьба с терроризмом. Служба отвечает также за безопасность датских учреждений и иностранных посольств. Ее обязательства перед Израилем включают постоянное наблюдение за палестинской общиной в Дании, насчитывающей около 500 человек.

5. За операциями DCSS следят с ревностью и враждебностью. Это ограничивает ее возможности. Секретную службу так же подозрительно контроли-

руют всевозможные юридические инстанции, что еще больше урезает ее активность. Служба обязана объяснять любое действие, которое она собирается предпринять, анализировать и оправдывать его, особенно если речь идет об индивидуальных свободах.

Так как секретной службой управляют юристы, она практически парализована.

6. Встречи с «Пурпурными» происходят часто. Если нам нужно получить справку о субъектах операции, мы можем организовать встречу в течение нескольких часов.

Каждые три года проходит семинар ПАХА. Последний был месяц назад.

7. С «Пурпурными-А» у нас тесное сотрудничество. Отношения добрые и доверительные. Один из наших сотрудников службы прослушивания («маратс») находится в отделе прослушивания «Пурпурных» и служит там советником по ПАХА.

«Пурпурные» постоянно консультируют нас по целям операций и по «Майанот» (кодовое название постов прослушивания, дословно переводится как «источник»).

Апогеем сотрудничества является операция «Дружба» (допрос палестинского летчика в датской больнице, проведенный сотрудником штаба из Тель-Авива. Кодовое имя штаб-квартиры в Тель-Авиве звучит как «Ха-й-халь», т.е. «дворец»). При операции по вербовке одного иракского летчика «Пурпурные» очень рисковали, при этом данная операция проводилась исключительно в наших интересах.

В прошлом мы намеревались провести в Дании операции с «Шонсанимо» и «Абу эль Фида». На основе оперативного решения с нашей стороны операция не была проведена.

8. Информация, которую мы получаем через «Майанот», дает нам полную и ясную картину жизни и деятельности палестинской общины в Дании и некоторый материал о деятельности ООП.

9. Обмен по вышеназванным пунктам функционирует очень хорошо.

10. Что касается темы «Махоль» (дословно — «танец»), речь идет о взаимных вербовочных операциях, здесь у нас полное взаимопонимание, когда бы мы ни хотели.

11. Важные фигуры:

А. Хеннинг Фоде — руководитель службы безопасности. Назначен в ноябре 1984 года.

В. Михаэль Люнго — заместитель с августа 1983 года. Не имеет опыта разведывательной работы, тем не менее, отвечает за контрразведку.

С. Пауль Моза Хансон — юридический советник. Наше контактное лицо у «Пурпурных». Его основная деятельность состоит в борьбе с терроризмом. Вскоре он уйдет в отставку. Хансон принимал участие в последнем семинаре по ПАХА в Израиле.

Д. Хальбурт Винтер Хинагай — руководитель отдела по борьбе с терроризмом и подрывной деятельностью. Принимал участие в последнем семинаре по ПАХА.

Страна 4648

Репринт

Копия для страны

Регулярно — 1024

14 июня 1985

Для: Машове регулярно

От: страна

СЕКРЕТНО — 4648

Пурпурные-Б — Датский «Моссад» (Датская служба военной контрразведки (DDIS))

1. Общие сведения

Датский «Моссад» является разведывательной службой датских военных. Он подчинен командующему армией и министру обороны. Шеф DDIS — высокопоставленный военный.

2. Структура «Моссад»

DDIS делится на четыре подразделения

A. Административное

B. Служба радиоперехвата (8200)

C. Анализ (исследовательский отдел)

D. Сбор информации.

3. Сферы ответственности DDIS

A. Для НАТО:

(1) Наблюдение за Польшей и ГДР

(2) Слежение за передвижениями кораблей Восточного блока на Балтийском море; для этого используются очень современные и мощные электронные приборы.

B. Внутри страны:

(1) Политический и военный анализ (исследовательская работа).

(2) Позитивный сбор материала внутри Дании.

(3) Связь с иностранными разведслужбами.

(4) Предоставление правительству национальных оценок ситуации в мире. (В основном, главной интересующей темой является Восточный блок.)

C. Готовится создание нового сектора, занимающегося Ближним Востоком. В начале его деятельности этим будет заниматься один человек один день в неделю. Цель — установление контактов на Ближнем Востоке с помощью датских торговцев и коммерсантов, и сбор там информации, как мы им посоветовали на конференции ПАХА.

4. Материал, получаемый нами от DDIS, включает в основном данные по Восточному блоку, т. е. сведения о советских действиях на земле, на море и в воздухе. Служба специализируется на фотографировании советских самолетов. Особое внимание уделяется установке на самолетах новых антенн.

5. Со времени визита начальника их исследовательского отдела по изучению авиации и исследовательского отдела по изучению ВМС в Хайфу, отношениям с DDIS уделяется теперь большее внимание.

В августе в Израиле пройдет совместная встреча военных.

6. Важные фигуры:

A. Могенс Теллинг. Шеф службы с 1976 года.

В 1980 году посещал Израиль.

B. Иб Бангсборе, шеф агентурной разведки с 1982 года. Уйдет в отставку в 1986 году.

Вопросник военной разведки Израиля АМАН о сирийских вооружённых силах (1984 год)

Нижеследующий документ — перевод вопроса переданного высокопоставленному сирийскому агенту перед его возвращением из Европы в страну-цель.

Инструкция построена по принципу важности. Вы можете по собственной инициативе пропускать пункты, на которые, по вашему мнению, источник не может дать ответ.

Состояние боеготовности и признаки её повышения

1. Как называется каждая степень боеготовности в сирийских сухопутных войсках и как она определяется по следующим пунктам?

a) Наличие солдат в опорных пунктах

b) Плановые маневры

c) Оперативное состояние вооружения

d) Количество оружия и боеприпасов

2. Как характеризуется нынешняя боеготовность сирийской армии по следующим критериям

a) Личный состав подразделений

b) Готовность вооружения

c) Наличие запасов, боеприпасов, прочего оснащения (квартирмейстер)

d) Состояние обучения разных подразделений

e) Состояние стратегических запасов Сирии — продукты питания, горючее

3. Из скольких батальонов состоят следующие бригады?

a) 60-я танковая бригада

b) 67-я танковая бригада

c) 87-я моторизованная бригада 11-й танковой дивизии

d) 14-я дивизия специального назначения

Учебная программа на 1985 год

4. Каковы цели запланированных на 1985 год маневров?

5. Какие части и соединения на уровне бригады и дивизии будут проводить учения в своей полной кадровой численности?

6. Какие учения ожидаются от верховного командования армейских корпусов и дивизий, их график

7. Какие выводы сделал сирийская армия из учений 1984 года?

8. Какие подразделения и части особо отличились в 1984 году, какие цели были ими достигнуты?

Вопросы, требующие особой проверки

9. Какая тактика проверялась в ходе маневров?

10. Сколько времени предусматривается на

подготовку и проведение боя на разных стадиях обучения?

11. Какая часть учения проводилась ночью?

12. Какие маневры проводились 11-й танковой дивизией и ее отдельными подразделениями?

13. Были ли учения, в которых использовались ракеты класса «поверхность — поверхность»?

14. Какие подразделения «коммандос» участвовали в маневрах и на каком уровне?

15. Какие выводы были сделаны сирийцами из мирной инициативы по Голанским высотам по следующим пунктам:

а) танковые части

б) части коммандос

в) части и подразделения артиллерии и ПВО

г) командование и контроль

д) Насколько далеко продвинулись сирийцы в решении различных вопросов в этой связи?

Теории ведения войны

16. Что представляет собой сирийская стратегия, рассматривающая вопросы прорыва укрепленной местности, на примере Голанских высот?

а) Как оценивают сирийцы израильские укрепления, и в какой форме, по их мнению, эти укрепления были сооружены?

б) Какими средствами располагают сирийцы для их прорыва?

в) Есть ли у сирийцев макеты израильских укреплений?

г) Как рассматривает израильская стратегия прорыв израильских УР?

д) Какие части предусмотрены для осуществления прорыва? Какие средства предусмотрены для этой специфической задачи на случай войны, и какими средствами они располагают сегодня?

е) Насколько хорошо обучены эти части выполнению этих задач?

Сирийские «коммандос»

17. Как сирийские войска спецназначения (14-я дивизия) будут действовать в качестве воздушно-десантной дивизии, если сирийцы, как утверждает источник, располагают ограниченными возможностями ее переброски транспортными вертолетами?

18. Оснащены ли «коммандос» бронетранспортерами или будут оснащены ими в будущем. Если да, то с какой целью?

19. Должны ли быть созданы новые дивизии спецназначения. Если да, то за какое время?

20. а) Планируют ли сирийцы использование «коммандос» в боях на передней укрепленной линии обороны противника?

б) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в Тель-Абу-Нида?

в) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в Тель-эль-Хашир?

г) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в Тиель-Парс?

д) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в долине Буката?

е) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в местах разрыва между укреплениями?

г) Планируют ли сирийцы десант «коммандос» в местах расположения командных пунктов с целью их захват?

21. Как точно выглядит тактика, используемая сирийскими «коммандос» при десанте?

Основные вопросы

22. Какими силами, по их мнению, должны располагать сирийцы, чтобы достичь военного паритета с Израилем?

а) Сколько дивизий и корпусов нужно сирийцам для достижения этой цели?

б) Сколько танков, БТР и артиллерии нужно сирийцам для достижения этой цели?

в) Сколько спецтехники (см. список) нужно сирийцам для достижения этой цели?

Штурмовые мосты, мостоукладчики, танкитральщики

Ракеты «поверхность — поверхность»

Оснащение для ведения химической войны

д) Сколько транспортных вертолетов стремится иметь сирийская армия?

е) Сколько противотанковых вертолетов должна иметь сирийская армия в этих условиях?

23. Что самое важное в содержании многолетнего плана развития сирийской армии?

а) Был ли этот план выполнен в 1984 году. Если да, то

Каковы были первоначальные цели?

Какие из них были достигнуты?

Считаете ли вы, что цели были достигнуты, и если да, то в какой степени?

б) Каковы цели нынешнего плана?

1) Количество подразделений и полков, которые следует создать заново или реорганизовать?

2) Какое количество танков, БТР, артиллерии, зенитной артиллерии и инженерных подразделений предусмотрено планом?

3) Какие процессы в армии предусмотрены планом?

4) Как выглядит график выполнения каждой фазы этого плана? Когда должен завершиться процесс?

24. Структура «роты обороны» сегодня?

а) Какие подразделения объединены в «роту обороны»?

б) Как выглядит субординация в «роте самообороны»?

в) Какие подразделения из «роты самообороны» передислоцированы в Сирокко?

д) Были ли признаки беспорядков и недовольства солдат в связи с их переводом из «роты обороны» в другие подразделения?

е) Как выглядят сегодняшние оперативные цели «роты обороны»?

25. Подразделения специального назначения 14-й дивизии.

а) Какие подразделения входят сейчас в эту

дивизию?

b) Может ли командование дивизии самостоятельно решать вопросы увеличения подразделений и тылового обеспечения?

26. «Республиканская гвардия»

a) Какие подразделения входят сейчас в «Республиканскую гвардию», каково их вооружение?

b) Есть ли планы расширения этого подразделения?

27. Резервные части сирийской армии

a) Есть ли такие резервные подразделения (кроме резервистов, направляемых для пополнения обычных линейных частей)?

b) Что это за подразделения, их дислокация?

c) Какое обучение они получают, какова их степень боеготовности?

11-я танковая дивизия

28. Другие подробности о подразделениях в составе дивизии (батальоны бригад, артдивизионы и батальоны, непосредственно подчиненные командованию дивизии), вооружение и тыловое обеспечение различных подразделений, состояние обучения и боеготовности дивизии.

29. Задачи и цели дивизии. Предусматривается ли использование дивизии в качестве общего резерва командования для дислокации за линией фронта, или она станет частью армейского корпуса?

30. Какие танки есть в 11-й танковой дивизии? Как много танков в бригаде до ноября 1984 года?

31. 87-я и 60-я бригады. Их штатный состав, количество личного состава, вооружения и оснащения, их дислокация, уровень обучения и боеготовности.

120-я горная бригада

32. a) Кому подчинена сегодня бригада?

b) Ее нынешняя дислокация?

c) Ее постоянная база?

33. Ее штатный состав, количество личного состава, вооружения и оснащения, их дислокация, уровень обучения и боеготовности.

34. Задачи и цели бригады. Ее дислокация в момент начала возможной войны, кому она будет подчинена в случае войны?

Территориальные командования сирийской армии

35. Список различных территориальных командований, оперативные подразделения под управлением этих командований.

36. Личный состав различных командований.

37. Задачи различных командований в военное и в мирное время.

38. Военные лагеря и сооружения в различных командованиях.

Армейские корпуса в сирийской армии

39. Есть ли планы создания новых корпусов в сирийской армии. Если да, перечислите и назовите график создания.

40. Если такие корпуса будут созданы, сохра-

нятся ли общие резервы командования?

Верховное командование сухопутных войск

41. Насколько продвинулось создание верховного командования?

42. Какие части будут ему подчинены?

43. Личный состав?

44. Дислокация подразделений и командных постов — обычное и на случай войны?

45. Цели этой армейской группировки?

Генеральный штаб противотанковой обороны

Список подразделений генерального штаба противотанковой обороны, их количество и офицерский штат.

Нынешняя дислокация

48. Стандартное вооружение подразделений

Планы закупок оружия

50. Список договоров с Советским Союзом по закупке вооружений, после визита президента Асада в Москву в ноябре 1984 года, особенно по высокотехнологичному оружию (тип, кол-во, время поступления, вид оплаты).

51. Какие подразделения в первую очередь получают современные системы оружия (модернизированные танки Т-72, боевые машины пехоты БМП-1, противотанковые ракеты, самоходную и полевую артиллерию), поставляемые в этом году?

52. Контакты и договора с западноевропейскими странами за прошлый год и в ближайшем будущем, особенно по закупке высокотехнологичного оружия (танки, БТР, самоходная артиллерия, средства поддержки).

Складирование

Список складских сооружений для нового и старого оружия в сирийской армии. Их размеры, цели, подчиненность.

Спецификация состава складов

Оборудование ночного видения

55. Есть ли у сирийской армии интерес к приобретению подобного оборудования и с какой целью? Где будет закупаться оборудование? Странно, что «источник» ничего не знает о применении приборов ночного видения в сирийской армии.

Противотанковая оборона

56. Почему, по мнению «источника» противотанковые «фодж» не преобразуются в противотанковые бригады? [«Фодж» — подразделение, меньшее, чем бригада, важное в арабских войсках (прим. пер. — видимо, соответствует нашему полку)]

57. В чем разница между противотанковым «фодж» и бригадой?

Войска специального назначения

58. Почему источник уверен, что «фодж» «коммандос» не будет преобразован в батальон?

59. В чем разница между «фодж» и батальо-

ном «коммандос»?

Офицеры и солдаты

60. Список новых назначений и увольнений в соответствии с ожидаемыми в январе 1985 года сообщениями.

61. Изменения в верховном командовании после возвращения Рифата Асада и после предстоящего конгресса партии БААС.

62. Почему Хальмат Шаби не присутствовал на военных церемониях, на которых его присутствие как начальника Генштаба было обязательным? Нужно ли ожидать изменений в его роли начальника Генштаба?

63. Соответствует ли действительности слухи, что Эбрам Цафи будет переведен с должности командира 1-й дивизии на должность заместителя начальника Генштаба, после того как Али Ацлан сменил на должности начальника Генштаба Хальмата Шаби?

64. Следует ли ожидать изменений в положении Али Дубы и его заместителя Магида Саида? Если да, то куда их переведут, и кто придет на их место?

65. Следует ли ожидать изменений в сфере ответственности и в целях войск, которыми командует Рифат Асад. По сообщениям «источника» Рифат Асад должен сменить Ахамеда Диаба на посту начальника управления национальной безопасности.

66. Новые назначения в 569-й дивизии.

67. Структура сирийского министерства обороны.

68. Уточните учебную программу курсантов военной Академии в Хомсе.

69. Сколько курсантов учатся на новом курсе, которые должны обучаться в Военной академии в Тимзе.

70. По какой системе проводится распределение курсантов в Хомсе? Объясните подробнее.

71. Численность личного состава в сирийской армии в сравнении со штатной, особенно в дивизиях.

72. Списки офицеров как можно большего числа подразделений.

73. Коды резервистов по их специальностям или в соответствии с их подразделениями.

74. Где они хранятся (73 x 73).

75. Как часто меняются коды?

76. Уточните количество призывников, призыв которых ожидается в 1984-1985 годах, исходя из их обучения.

Словарь основных терминов

Агент. Это слово часто используется неверно. Агент — завербованный иностранец, «источник», работающий на Моссад, но ни в коем случае не штатный сотрудник самой разведки. Во всём мире у Моссад насчитывается около 35 тысяч агентов, из них 20 тысяч оперативных и 15 тысяч — «спящих», т.е. законсервированных. Агенты бывают «белые»

— не арабы, и «чёрные» — арабы. Предупреждающие агенты следят за подготовкой к войне. Таким агентом может быть врач в сирийской больнице, заметивший, например, что в больницу привезли большое количество лекарств и медицинского оборудования, или работник порта, который засёк увеличенную активность военных кораблей.

Академия (Midrasha, Мидраша). Официально именуется летней резиденцией премьер-министра. Учебное заведение (разведшкола) Моссад, находится на северной окраине Тель-Авива.

«Аль» (Al). Сверхсекретное подразделение опытных «катса», которые, с самыми лучшими «легендами», работают в США.

АМАН (AMAN). Военная разведка Израиля.

Баблат (Bablat). «Смешивание шариков», или «Бильбул Байтсин», «говорить чепуху».

Бальдар (Balдар). Курьер.

Бат Левейха (Bath Leveyha). Женщина из окружения агента (не в сексуальном смысле), обычно «аборигенка», не обязательно еврейка, помогающая агенту.

Бенилюкс (Benelux). Подотдел Моссад, занимающийся Бельгией, Нидерландами и Люксембургом.

Бодель (во множественном числе Бодлим, Bodel, Bodlim) или Лехавдиль (Lehavdil). Соединяющее звено, курьер между конспиративными квартирами и посольствами или между несколькими конспиративными квартирами.

Бриллиант (Яхаломим, Yahalomim). Подразделение Моссад, занимающееся установлением и поддержанием связи с агентами в странах-целях.

Гадна (Gadna). Молодёжные военизированные бригады в Израиле

Дардасим (Смерфс, Dardasim, Smerfs). Департамент отдела «Кайсарут», занимающийся Китаем, Африкой и Дальним Востоком, где пытается завязать связи.

«Джамбо» (Jumbo). Личная информация, которую офицеры связи Моссад получают от дружественных разведок, например ЦРУ, в основном, благодаря личным дружеским связям. Сам Моссад такую информацию дружественным разведкам практически никогда не передаёт.

«Дневной свет». Наивысший уровень готовности в резидентуре Моссад

Дувшаним (Duvshanim, «медовые пироги»). Люди из миротворческих войск ООН, которые за плату перевозят послания и пакеты через израильско-арабские границы.

Институт. Формальное название Моссад. На иврите оно звучит так: Ха Моссад, ле Модиин ве ле Тафкидим Майюхадим («Ha Mossad, le Modiyn ve le Tafkidim Mayuhadim») т.е. Институт разведки и специальных операций. В обиходе называется «бюро».

Исследование (Research). Отдел документации и архивов. Там обрабатываются запросы других отделов, и анализируется собранная информация.

Йарид (Yarid)ю Отдел, отвечающий за безопасность проведения разведопераций в Европе.

Кайсарут (ранее Тевель, Kaisarut, Tevel). От-

дел связи (Liaison) Моссад. Офицеры этого отдела, работая при посольствах Израиля в разных странах, официально известны властям этих стран в качестве сотрудников израильской разведки.

Катса (Katsa). Оперативный офицер, «групповод», руководитель агентурной сети. В Моссад всего около 35 активных оперативных офицеров, вербующих агентов по всему миру и руководящих ими, — в отличие от ЦРУ или КГБ, где таких офицеров насчитываются тысячи.

Кешет (позднее Невиот, Keshet, Neviot). («Лук»). Сбор информации с «неживых» объектов путём взлома и проникновения в помещения, установки подслушивающих устройств и т.д.

Кидон (Kidon, «Штык») Оперативный подотдел «Метсада», занимающийся покушениями и убийствами за границей.

Комемиуте (Komemiute) — см. «Метсада».

Конспиративная квартира, «безопасный дом», «Safe House». В Моссад их называют «оперативными апартаментами». Квартиры или дома, принадлежащие Моссад или арендованные им, используемые как места секретных встреч или оперативные базы.

«Конь» («Зус» на иврите). Высокопоставленное лицо, протезирующее чьей-то карьере.

Кшарим (Ksharim, «Узлы») Компьютерные данные о встречах какого-либо лица — «кто и с кем».

ЛАКАМ (Лишка ле Кишрей Мада, LAKAM, Lishka le Kishrei Mada). Бюро связей израильского премьер-министра по вопросам научно-технического сотрудничества.

ЛАП (Лохамах Психлогит, LAP, Lohamah Pscichlogit). Психологическая война.

Мабуах (Mabuah). Человек, добывающий информацию не самостоятельно, а из какого-то другого источника.

Малат (Malat). Подотдел по связям с Латинской Америкой.

Маратс (Marats, «Слушач»). Человек, осуществляющий прослушивание.

Маслут (Maslut, «Маршрут»). Проверочное мероприятие — специально продуманный маршрут для проверки, нет ли за тобой слежки.

Маультер (Maulter, на иврите — «не запланировано»). Так называется не запланированный заранее или импровизированный проверочный маршрут.

Мелуха (Melucha, «Королевство», ранее назывался «Цомет»). Отдел вербовки и агентурной работы, заботится и о будущих «катса».

Метсада (Metsada, ранее «Комемиуте»). Сверхсекретное подразделение Моссад. Использует собственных шпионов. (Под шпионами, в отличие от «агентов», нужно понимать израильтян, работающих под «легендой» в зарубежных странах.). Отдел «нелегальной разведки».

Мишгарот (Mishgarot, «Рамки безопасности»). Организации еврейской самообороны во всём мире, получающие поддержку и обучение из Израиля.

Мишлашим (Mishlashim). Тайники, «мёртвые почтовые ящики».

«Молих» (Molich, «Бегун»). Человек, которого вербуют не ради него самого, а чтобы через него выйти на кого-то другого.

НАКА (NAKA). «Единая система составления письменной документации», используемая для делопроизводства и составления донесений, отчётов и т.п. в Моссад.

Натив (Nativ, «Тропа», «переход»). Отдел, занимающийся сбором информации из бывшего Советского Союза. Он также подготавливает пути для вывоза евреев из стран бывшего Восточного блока.

Невиот (Neviot) — см. Кешет.

Оператор. Оперативный офицер, «групповод», руководитель агентурной сети. В Моссад этому понятию соответствует термин «катса». Операторами в Моссад являются сотрудники «Метсада», занимающиеся шпионами.

Отер (Oter). Араб, которому платят за установление контактов с другими арабами, часто за помощь при их вербовке. Его гонорар в месяц составляет от 3 до 5 тысяч долларов, плюс возмещение затрат.

ПАХА (РАНА, Paylut hablanit oynet, Пайлут хабланит ойенет). Вражеские, т.е. ООП, диверсии и саботаж.

Подразделение 504. «Мини-Моссад». Подразделение военной разведки по добыванию информации за рубежом.

Подразделение 8200. Подразделение военной разведки, занимающееся радиоперехватом и радиоэлектронной разведкой в интересах всех израильских секретных служб.

Подразделение 8513. Подразделение военной разведки, занимающееся получением, изготовлением фотографий и т.п. — фоторазведкой.

«Проявление». Условное наименование подразделения, присоединённого к Подразделению 8200. Занимается изготовлением специальных замков, чемоданов с двойным дном и прочего шпионского оборудования.

«Прыгуны». «Катса», постоянно находящиеся в Израиле и выезжающие («прыгающие») в короткие командировки в зарубежные страны — в отличие от «катса», постоянно работающих и находящихся за рубежом.

Прямое получение сведений. Наблюдение за реальными движениями или действиями, например, за перемещением войск или оружия или за военными приготовлениями в больницах или портах.

Сайан (во множественном числе — «сайаним», sayan, sayanim). Добровольный еврейский помощник за пределами Израиля.

Сайфаним (Saifanim, «Золотая рыбка»). Отдел в Моссад, занимающийся ООП.

«Семь звезд» («Seven Stars»). Маленький ежедневник в кожаном переплете, в который «катса» записывает зашифрованные номера телефонов и контакты.

Слик (Slick). Тайник для документов, оружия и т.д.

Страна-база. Западная Европа, США, Канада — страны, где у Моссад есть резидентуры.

Страна-цель. Враждебные, обычно арабские, государства, против которых направлена разведывательная деятельность Моссад.

Телинт (Telint, Telemetry Intelligence). Разведка телеметрическими методами.

Теуд. Так Моссад называет фальшивые документы.

Феллахи. Арабские крестьяне в Ливане, часто вербуемые израильскими военными в качестве агентов низшего уровня.

«Хетс ва-кешет» (Hets va-keshet, «Стрела и лук»). Эмблема Гадна. Так же называются летние учебные лагеря Гадна.

Хьюмант (Humant). Получение информации от человеческих источников, т.е. агентурная разведка.

Цафририм (Tsafririm, «Утренний бриз»). Отдел, организующий и активно поддерживающий еврейские общины по всему миру.

«Циах». Совместный протокол ежегодного совещания представителей секретных служб Израи-

ля, в котором указаны основные направления разведывательной деятельности и цели секретных служб на следующий год.

Цомет (Tsomet) — см. «Мелуха».

Шабак (Shaback). Израильская служба внутренней безопасности и контрразведки, соответствует американскому ФБР.

Шиклут (Shicklut). Отдел Моссад, занимающийся прослушиванием, состоит из сотрудников, называемых «маратс».

Шин Бет (Shin Bet). Старое название Шабак.

Шпионы. Израильцы, направляемые под «легендой» в иностранные государства для тайной разведывательной деятельности, разведчики-«нелегалы».

«Эксперт с ручкой». Так называется специалист в какой-либо отрасли за пределами шпионажа, которого берут на операции в качестве эксперта, чтобы идентифицировать нужные предметы или документы. Под «ручкой» подразумевается, что эксперта, как чемодан или пакет, команда Моссад таскает с собой.

*Островский Виктор, Хой Клэр
Ostrovsky Victor, Hoy Claire*

*Первое издание: Victor Ostrovsky, Claire Hoy, «By Way of Deception»,
Stoddart Publishing Co. Limited, Toronto, Canada, 1990.*

http://militera.lib.ru/memo/other/ostrovsky_v1/index.html

«[Советник](#)» — путеводитель по хорошим книгам.